

Из архивов М. А. Дэвлет

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.105-122>

Е. А. Миклашевич

Институт археологии РАН, Москва, Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия

КОММЕНТАРИИ К ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСИ М. А. ДЭВЛЕТ О ПАМЯТНИКАХ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЕНИСЕЯ

Марианна Арташировна Дэвлет защитила докторскую диссертацию «Петроглифы Енисея» 25 февраля 1983 г.; текст диссертации, альбом иллюстраций и автореферат были окончательно подготовлены в 1982 г., таким образом, эта работа фактически отразила состояние исследований в области наскального искусства двух обширных ареалов Южной Сибири – Минусинской котловины и Тувы (Среднего и Верхнего Енисея) на начало 80-х годов XX в.

Рукопись состоит из четырех глав: в первой рассматривается длительная и насыщенная история изучения петроглифов Енисея; вторая глава – «Памятники» – содержит перечень местонахождений (73 позиции) с краткими описаниями и подробными библиографическими данными; третья глава посвящена вопросам периодизации и хронологии; четвертая – вопросам семантики и этнографической традиции.

Диссертация не была издана автором отдельной книгой, скорее всего потому, что в ней было обобщено многое из уже опубликованного к тому времени (к 1982 г. Марианна Арташировна была автором 80 публикаций, из которых добрая половина – исследования по наскальному искусству Енисея, в том числе четыре монографии), а в последующие годы в своем научном творчестве продолжала расширять и углублять многие темы, сюжеты и идеи, обозначенные в диссертации. Так или иначе, содержание глав 1, 3 и 4 хорошо нам всем знакомо по опубликованным статьям и книгам М. А. Дэвлет. Иначе обстоит дело со второй главой. Перечень местонахождений наскального искусства Енисея с обширными библиографи-

ческими справками для каждого из них в таком целостном виде никогда ею не публиковался, хотя представлял собою результат большого труда, связанного с поиском и изучением огромного количества архивных и литературных источников, в том числе дореволюционных, малоизвестных и впервые выявленных ею. Список этот, конечно, несколько потерял свою актуальность с выходом в 1986 г. книги Э. Б. Вадецкой «Археологические памятники в степях Среднего Енисея», VIII глава которой называлась «Писаницы» [с. 157–166] и содержала перечень из 107 объектов, распределенных по минусинским котловинам (Назаровской, Чулымо-Енисейской, Сыда-Ербинской, Минусинской), сопровождающихся краткими сведениями о местоположении памятника, примерном количестве, содержании и датировке изображений, а также ссылками на архивные и литературные источники сведений о каждом. Этот обширный чрезвычайно информативный список был составлен на основе картотеки Н. В. Леонтьева (в Минусинском музее) и собственных архивных и литературных изысканий Эльги Борисовны. В нем есть такие памятники, которые не упомянуты в списке М. А. Дэвлет, при этом некоторые комплексные памятники, идущие как одна позиция в списке М. А. Дэвлет, распределены на несколько местонахождений. Территориальный охват в том и другом списках различается: Э. Б. Вадецкая не брала совсем памятники Верхнего Енисея, а М. А. Дэвлет намеренно не включила многие минусинские памятники, которые сочла не относящимися к бассейну Енисея. Различие также заключается в том, что Э. Б. Вадецкая приводит только самые ос-

новые источники по каждому объекту, а М. А. Дэвлет старалась собрать абсолютно все упоминания, что, на наш взгляд, до сих пор представляет научную ценность и будет полезно современным исследователям.

При наших встречах с Марианной Арташировной неоднократно обсуждалась тема необходимости составления как можно более полного списка памятников наскального искусства как всей нашей страны, так и отдельных регионов, в первую очередь, конечно, регионов Южной Сибири. Причем важной частью этих списков представлялось составление максимально полной библиографии для каждого объекта, для чего были необходимы дальнейшие архивные и литературные изыскания.

Разумеется, и после составления списка продолжали происходить открытия новых и полевые исследования известных памятников и на Верхнем, и на Среднем Енисее. Исследовательница была в курсе всего, благодаря постоянному мониторингу литературы и личным контактам с новым поколением исследователей, и понимала, что ее список нуждается в уточнении и пополнении новыми данными. Однажды она вручила мне ксерокопию второй главы своей диссертации и выразила надежду, что я сделаю необходимые дополнения и опубликую этот список. Эту работу я тогда начала, но продолжаю до сих пор, так как количество новых данных постоянно растет. Полагаю, что сейчас список М. А. Дэвлет имеет смысл опубликовать именно в том виде, в каком он был создан. Этот документ с течением времени уже приобрел архивную, историографическую ценность. Но и свое научное значение не утратил, в первую очередь это касается подборки библиографических данных по памятникам.

Публикуем здесь полностью 2-ю главу из докторской диссертации М. А. Дэвлет «Петроглифы Енисея», перепечатанную по копии рукописи. В текст внесены небольшие правки, связанные с ошибками (кроме фактических и смысловых) и опечатками; библиографические же описания отредактированы более существенно, так как в оригинале они были приведены в укороченной форме, в некоторых были пропущены или указаны с ошибками год издания, номера выпусков, страниц и т. п. Сохранена хронологическая (не алфавитная) последовательность источников. Ознакомиться с оригиналом рукописи можно в библиотеке Института археологии РАН.

В Саянском каньоне Енисея. Тува. Из архива М. А. Дэвлет.

М. А. Дэвлет

ПАМЯТНИКИ ЕНИСЕЯ. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Глава II. ПАМЯТНИКИ. С. 109–141

Начиная с XIX в. исследователи приводили в своих работах списки известных им местонахождений петроглифов.

В 1926 г. В. А. Городцов опубликовал «Список известных местностей со скальными рисунками», в котором он учел 26 пунктов петроглифов на Енисее*.

Г. П. Сосновский собрал «Картотеку археологических памятников и находок. Минусинский уезд». В его архиве имеется список местонахож-

* Городцов В. А. Скальные рисунки Тургайской области // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 1, разряд археологический. М., 1926. С. 68, 69.

дений петроглифов Енисея, в котором учтено 38 пунктов*. Составленная им картотека сопровождается библиографическими ссылками, хотя и не столь полными, как в картотеке А. В. Адрианова, хранящейся в его фонде Архива Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

Последняя сводка памятников приводится в работе Я. А. Шера. Если для Средней Азии он пишет о наличии 250–260 комплексов петроглифов, то для бассейна Среднего Енисея он общую цифру не приводит, отмечая, что придется ограничиться общим обзором местонахождений, в том числе тех, которые известны по литературе**. В результате Я. А. Шер учел для Минусинской котловины всего 17 местонахождений петроглифов. Этот список далеко не полон. Его необходимо существенно расширить.

В настоящей главе приводится перечень местонахождений петроглифов Енисея с кратким описанием и библиографическими данными, составляющих источниковедческую базу работы***. В приводимом ниже списке памятников учтено 73 местонахождения петроглифов, из них 16 находятся в Тувинской АССР, остальные 57 – в пределах Красноярского края.

Малый Баянкол (Эрбекские скалы, Булук)

Местонахождение петроглифов на правом берегу Енисея, вдоль берега высыхающей протоки, на окраине Кызыла, в районе современного дачного поселка. Рисунки выбиты на отвесном склоне горы, обращенном к реке, на скальных выходах. Значительная часть петроглифов погибла при добыче в этой местности камня для строительных работ.

Об этом местонахождении см.:

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Имп. Русского географического общества // Записки Имп. Русского гео-

* Сосновский Г. П. Картотека археологических памятников и находок. Минусинский уезд / Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 42. Д. № 140. Л. 467.

** Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С. 139.

*** Мною не учитывались немногочисленные неопубликованные архивные данные за последние два десятилетия, касающиеся памятников, которые в дальнейшем могут быть опубликованы их исследователями.

графического общества по общей географии. Т. II. СПб., 1888, с. 404, 405, табл. 2, рис. 17–22.

Атлас древностей Монголии. Издан по поручению Императорской Академии наук В. В. Радловым. Вып. 3. СПб., 1896, табл. 96.

Granö J. G. Archaologische. Beobachtungen von en Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 24. Helsinki, 1909, Abb. 23.

Землеведение. Периодическое издание географического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 4. М., 1913, с. 146, 147.

Мицлов С. П. Памятники древности в Урянхайском крае // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 23. Вып. 3–4. Петроград, 1916, с. 291–312.

Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 8. Helsinki, 1933, p. 187, fig. 16.

Богатырев Н. М. О тувинских памятниках древности // Под знаменем Ленина – Сталина. Кызыл, 1942, № 2, с. 104.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949, вып. 26, с. 126.

Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 17. М.; Л., 1957, с. 402.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 10.

Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюоти М. Н. Работы по обследованию наскальных рисунков Тувы // Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 202.

Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюоти М. Н. Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема // Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 206.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 4, 40, 98, 113.

Сыын-Чюрек

Гора пирамидальной формы в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР у пос. Арыг-Узю, к юго-западу от Шагонара. В переводе Сыын-Чюрек означает Маралье сердце. Петроглифы выбиты на южных и юго-восточных склонах горы.

Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые Записки Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958, с. 226, 233, 234.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 46–53.

Вайништейн С. И. Новые материалы по этнографии и археологии Тувы // Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М., 1975, с. 197, 200–205.

Вайништейн С. И., Денисова Н. П. Историко-этнографические исследования в Туве в 1975 г. // Полевые исследования Института этнографии 1975 г. М., 1976, с. 46.

Вайништейн С. И. Картинная галерея Сыын-Чюрека // Природа. 1975. № 5, с. 8–14.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 129.

Алды-Бель II

На правом берегу Енисея в местности Алды-Бель II, выше правого притока Енисея р. Куйлуг-Хем. Петроглифы резные и выбитые.

Гроч А. Д. Вопросы изучения петроглифов Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980, с. 122.

Куйлуг-Хем

На правом берегу Енисея, на левом берегу р. Куйлуг-Хема, притока Енисея. Скальный массив между двумя горными грядами, в конце небольшого распадка, на второй трети пути от устья р. Куйлуг-Хем в ущелье того же названия. Рисунки выбиты в точечной технике и вырезаны.

Дэвлет М. А. Наскальные изображения Куйлуг-Хема // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969, с. 131, 132.

Гроч А. Д. Исследования в Туве // Археологические открытия 1968 года. М., 1969, с. 187.

Дэвлет М. А., Теробенин В. С. О связях в искусстве древних тюрков Центральной Азии // Краткие сообщения Института археологии. 1973, вып. 136, с. 30–32.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 3, 33–35, 99, 114–119.

Дэвлет М. А. К вопросу о культурных связях древнего населения Центральной Азии и Дальнего Востока // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978, с. 29, 30.

Шевелиг

В Саянском каньоне Енисея на правом берегу выше Мозола-Хомужалыг, на скальных выходах вдоль берега. Петроглифы выбиты.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 96, 97.

Мозола-Хомужалыг

В Саянском каньоне Енисея на высоком правом берегу выше Чингинской воронки, ниже местности Шевелиг, на прибрежных скалах. Петроглифы выбиты.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 97.

Чинге

В Саянском каньоне Енисея на его правом берегу два местонахождения петроглифов на правом и левом берегу притока Енисея р. Чинге. Еще одно скопление петроглифов имеется на правом берегу р. Чинге при выходе из ущелья на склоне горы и у ее подножья. Изображения выбиты, реже резные.

Вайништейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 15.

Дэвлет М. А. Древние антропоморфные изображения Саянского каньона Енисея // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, с. 238–241.

Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюоти М. Н. Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема // Археологические открытия 1974 года. М., 1975, с. 205, 206.

Рыбаков Б. А. Новейшие археологические открытия // Вестник Академии наук. 1976. № 2, с. 170.

Дэвлет М. А. Пляшущие человечки // Природа. 1976. № 9, с. 117–119.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 6, 77–91, 109–112.

Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979, с. 159, рис. 65.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 129.

Дэвлет М. А. Наскальные изображения Саянского каньона // Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 205, 206.

Бижиктиг-Хая

В Саянском каньоне Енисея на правом его берегу, выше впадения р. Хемчик, на скальных грядах. Изображения выбиты.

Савинов Д. Г. Раскопки могильника Урбюн // Археологические открытия 1965 года. М., 1966, с. 28.

Формозов А. А. Наскальные изображения в Центральной Туве // Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 134.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 92–95.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980, с. 8.

Мугур-Саргол

На левом берегу Енисея в Саянском каньоне, в урочище верхний Мугур-Саргол (Улуг-Саргол). Изображения выбиты на скальных выходах и отдельно лежащих камнях, часть изображений – резные.

Формозов А. А. Наскальные изображения в Центральной Туве // Археологические открытия 1966 года. М., 1967, с. 133, 134.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 104–107.

Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // Краткие сообщения Института археологии. 1969, вып. 118, с. 55.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 15–17.

Дэвлет М. А., Попова И. Ф., Титова Н. И. Работы в Саянском каньоне // Археологические открытия 1975 года. М., 1976, с. 239, 240.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 6–13, 44–76, 100–108.

Дэвлет М. А. Мугур-Саргол – древнее святилище на Енисее // У истоков творчества. Новосибирск, 1978, с. 164–172.

Дэвлет М. А. Личины – маски и проблема древних культурных связей // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 133–157.

Дэвлет М. А. О головных уборах антропоморфных изображений эпохи бронзы на верхнем Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 53.

Дэвлет М. А. Рисунки на скалах (XVIII – начало XX вв.) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980, с. 127–129.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980, с. 1–271.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 132.

«Дорога Чингисхана»

В Саянском каньоне Енисея по левому берегу между ущельем Мугур-Саргол (нижним) и районом Чингинской воронки, на скальных кручах и в местности Терезенник-Буюк на отдельно лежащих камнях и скальных выходах. Петроглифы выбиты и вырезаны.

Дэвлет М. А., Студзицкая С. В., Зенков В. К., Шульгин В. Л. Петроглифы Саянского каньона Енисея // Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 201, 202.

Дэвлет М. А. Вдоль дороги «Чингисхана» // Природа. 1977. № 12, с. 86–88.

Дэвлет М. А. Новые «оленные» писаницы // Природа. 1977. № 5, с. 141, 142.

Дэвлет М. А., Башилов В. А., Даркевич В. П., Кабо В. Р., Студзицкая С. В. Наскальные рисунки Енисея // Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 228, 229.

Дэвлет М. А. Рисунки на скалах (XVIII – начало XX вв.) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980, с. 130.

Ортаа-Саргол

На левом берегу Енисея, в долине Ортаа-Саргол, у Второго зимника, главным образом на скалах, амфитеатром спускающихся к зимнику.

Дэвлет М. А. Вдоль дороги «Чингисхана» // Природа. 1977. № 12, с. 88, 89.

Дэвлет М. А. Новые «оленные» писаницы // Природа. 1977. № 5, с. 141, 142.

Дэвлет М. А. Рисунки на скалах (XVIII – начало XX вв.) // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980, с. 127–129.

Бижиктиг-Хая или Бичикту-Хая

В долине р. Хемчик, в 4 км от пос. Кызыл-Мажалык на левом берегу р. Коп-Кежак. Горная гряда возвышается в болотистой местности в степи. Изображения выбиты на скальных выходах.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. II. СПб., 1888, с. 403, табл. 2, рис. 15.

Ошурков В. А. Отчет о поездке, совершенной летом 1902 г. в Западные Саяны // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. I. Вып. 1. СПб., 1906, с. 121.

Мицлов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. 23. Вып. 3–4. Петроград, 1916, с. 302.

Богатырев Н. М. О тувинских памятниках древности // Под знаменем Ленина – Сталина. Кызыл, 1942, № 2, с. 102, 103.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949, вып. 26, с. 124, 125.

Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 17. М.; Л., 1957, с. 400, 401, табл. XXVIII–XXXII.

Членова Н. Л. Несколько писаниц Юго-Западной Тувы // Советская этнография. 1956. № 4, с. 46–53, 62.

Кызласов Л. Р. Письмо в редакцию // Советская этнография. 1958. № 1, с. 203.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 78.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980, с. 228.

Хая-Бажи

На правом берегу р. Хемчик, близ впадения в него р. Иш-Хем, над водой.

Боголюбовский И. С. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1882 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 14. № 3. Иркутск, 1883, с. 14.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества // Записки Императорского гео-

графического общества по общей географии. Т. II. СПб., 1888, с. 403, 404, табл. 2, рис. 16.

Ядринцев Н. Древние памятники и письма в Сибири // Литературный сборник, издание редакции «Восточного обозрения». Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885, с. 456, 457.

Aspelin J. R. Die Steppengräber im Kreise Minussinsk am Jenissei // Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. 12. Heft 1–2. Helsingfors, 1912.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889 (Hrsg. von Appelgren-Kivalo). Helsingfors, 1931, Abb. 324, 325.

Греч А. Д. Петроглифы Тувы. I // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 17. М.; Л., 1957, с. 402.

Теве-Хая

В переводе «Верблюжья скала», в 20 км от Кызыл-Мажалыка у дороги в сторону Бйгалак. Группа из двух скал, соединяющихся между собой седловиной. Изображения выбиты, основной сюжет – верблюды.

Греч А. Д. Петроглифы Тувы. I // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 17. М.; Л., 1957, с. 398–400.

Тээли. Чангыс-Тей

В 8 км к юго-востоку от пос. Тээли, в урочище Чангыс-Терек, у основания пирамидообразной скалы Чангыс-Тей. Наскальные росписи тувинцев, выполненные охрой.

Богатырев Н. М. О тувинских памятниках древности // Под знаменем Ленина – Сталина. Кызыл, 1942, № 2, с. 102.

Членова Н. Л. Несколько писаниц Юго-Западной Тувы // Советская этнография. 1956. № 4, с. 60, 61.

Кызласов Л. Р. Письмо в редакцию // Советская этнография. 1958. № 1, с. 202–204.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 163, 164.

Вайнштейн С. И., Денисова Н. П. Историко-этнографические исследования в Туве в 1975 г. // Полевые исследования Института этнографии 1975 г. М., 1976, с. 46.

Кызыл-Туруг

В горах Кызыл-Туруг, в 1,5 км к югу от пос. Шуй в окрестностях пос. Тээли. Изображения выбиты в точечной технике.

Вайнштейн С. И., Денисова Н. П. Историко-этнографические исследования в Туве в 1975 г. // Полевые исследования Института этнографии 1975 г. М., 1976, с. 45, 46.

Кантегир

В Саянском каньоне на левом берегу Енисея, в двух пунктах, выше Сосновки Джойской. Изображения выполнены охрой.

Адрианов А. В. Письмо в Археологическую комиссию / Архив ЛОИА АН СССР. Оп. I, 1902, д. № 33, л. 4.

Липский А. Н. Енисейские изваяния. Абакан, 1970, с. 3.

Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 163, 164.

Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога // Известия СО АН СССР, серия общественных наук. 1976, вып. 3, № 11, с. 134.

Сосновка Джойская

Устье р. Сосновки Джойской в Саянском каньоне Енисея. Изображения выполнены охрой.

Адрианов А. В. Письмо в Археологическую комиссию / Архив ЛОИА АН СССР. Оп. I, 1902, д. № 33, л. 4.

Булгаков А. И. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах // Известия Императорского географического общества. Т. 44. Вып. 6. 1908, с. 392.

Липский А. Н. Наскальные писаницы (охрой) в Саянах на Енисее / Архив ИА АН СССР. Р-1, д. № 2553, л. 1–21.

Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 164, 165.

Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 13.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 132, 133.

Джойский порог

На левом берегу Енисея, близ впадения р. Джой. Охрой выполнены изображения личин.

Булгаков А. И. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах // Известия Императорского географического общества. Т. 44, вып. 6. СПб., 1908, с. 392.

Липский А. Н. Наскальные писаницы (охрой) в Саянах на Енисее / Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. № 2553, л. 1–21.

Липский А. Н. К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 164.

Леонтьев Н. В. Писаницы правобережья р. Абакана // Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 212.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 133–135.

Уртенъ-Джебаш

В верховьях реки в 75 км от Арбатов. А. В. Адрианов со слов местных жителей. Об этой писанице казаки сообщили А. В. Адрианову в 1883 г. *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Имп. Русского географического общества и его Зап.-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым // Записки Западно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Кн. VIII. Вып. II. Омск, 1888, с. 142.

Джебаш

На правом берегу р. Джебаш. Изображения выполнены охрой. Датировка – этнографическая современность.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Имп. Русского географического общества и его Зап.-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым // Записки Западно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Кн. VIII. Вып. II. Омск, 1888, с. 142. *Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 88.

Малые Арбаты

На правом берегу р. Малые Арбаты, правого притока р. Абакан. Выше дер. Малые Арбаты, в 7 км. Изображения выполнены охрой. Датировка – окуневская культура и этнографическая современность.

Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 3. М., 1854, с. 635.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Имп. Русского географического общества // Записки Имп. Русского географического общества по общей географии. Т. II. СПб., 1888, с. 407.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Имп. Русского географического общества и его Зап.-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым // Записки Западно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Кн. VIII. Вып. II. Омск, 1888, с. 142. *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея, Томск, 1886, с. 38, 39.

Леонтьев Н. В. Писаницы правобережья р. Абакана // Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 212, 213.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 18–20, 84–87.

Папальчиха

Близ дер. Большой Монок. Писаница нанесена красной краской.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 87, 88.

Гора Тунчух

В 4 км к юго-западу от села Аскиз, на скальных выходах несколько групп петроглифов. Изображения тянутся узкой полосой шириной от 0,3 до 0,5 м и длиной 7–8 м, нанесены контурной выбивкой, имеются изображения повозок, людей, животных – оленей, козлов, тамг.

Севастьянова Э. А. Работы у станции Аскиз // Археологические открытия 1976 года. М., 1977, с. 242.

Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тунчух // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 103–107.

Гора Кокая

На левом берегу р. Есь. А. В. Адрианов получил сведения об этой писанице опросным путем. Изображения на протяжении «нескольких саженей», в нескольких местах.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 7. СПб., 1908, с. 40, 41.

Бельтыры. «Пьяный камень»

На восточном конце скального обнажения близ железнодорожного разъезда Бельтыры. На отрогах гор также имеются выбитые изображения. *Липский А. Н.* К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 165, 166, 173.

Леонтьев Н. В. Изображения животных и птиц на плитах могильника Черно-вая VIII // Сибирь и ее соседи в древности (Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 3). Новосибирск, 1970, с. 267.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 15.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980, с. 229.

Кундусук

В верховьях р. Амыл, на правом берегу, в 1,5 км ниже устья р. Кундусук. Изображения располагаются тремя группами. Личины окуневского типа выполнены красноватой охрой.

Леонтьев Н. В. Кундусукские росписи // Советская археология. 1969, № 4.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 135.

Каменка (Лугавская)

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее.

Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 135–138.

Aspelin J. R. M. A. Castrens Aufzeichnungen über die Altertümer im Kreise Minusinsk. Helsingi, 1901, Abb. 15.

Гора Седловина

Близ дер. Быстрая, за горой Шишка.

Дэвлет М. А., Бадер Н. О., Даркевич В. П., Леонтьев Н. В. Петроглифы Енисея // Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 224.

Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тунчух // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 104, 105.

Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 78, 79.

Гора Шишка

Близ дер. Быстрая. Смыкается с горой Седловина.

Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 80.

Коровий Лог

На правом берегу Енисея, в 3 км ниже дер. Быстрой, в 1-ом Коровьем логу обследована Н. В. Леонтьевым в 1974 г., вторая писаница – в устье 2-го Коровьего лога, на «потолке» карниза.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 19.

Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1976, № 11, вып. 3, с. 128–136.

Майдашинская

Правый берег Енисея. На берегу протоки Енисея, в 8 км от Минусинска. В 1885 г. писаницу копировал И. Т. Савенков. Большая и наиболее ценная, по свидетельству И. Т. Савенкова, часть изображений уничтожена каменоломней в 1907–1908 гг. [Савенков И. Т. О древних памятниках..., с. 99]. Ныне писаница уничтожена полностью [Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога, с. 131]. Копии были сняты в 1850 г. Л. Ф. Титовым, изданы Г. И. Спасским.

Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 3. М., 1854, с. 632–634.

Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей

и сходстве некоторых из них с Великорусскими // Записки Императорского Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857, с. 146, табл. IV.

Попов Н. И. О писаницах Минусинского края // Известия Сибирского Отдела Императорского Географического Общества. Т. III. № 5. Иркутск, 1873. С. 280, 281.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV Археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1884, с. 228.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 37, 38.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Вып. 4. СПб., 1904, с. 27.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 8–19.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 98, 99, 165–173 и табл.

Киселев С. В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. V. М., 1930, с. 98, 99.

Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // Советская этнография. 1952, № 2, с. 47.

Леонтьев Н. В. Наскальные рисунки Коровьего лога // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1976, № 11, вып. 3, с. 131.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 139, 140.

Комаркова

На правом берегу Енисея, напротив г. Абакана, на скальных обнажениях. Выполнены красной охрой. Датировка – этнографическая современность.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 88–91.

Суханиха

Правый берег Енисея, выше впадения в него р. Тубы.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Вос-

точной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. СПб., 1904, с. 28.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 27–41.

Дэвлет М. А., Бадер Н. О., Даркевич В. П., Леонтьев Н. В. Археологические открытия 1978 года. М., 1979, с. 223, 224.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 141, 142.

Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 76, 77.

Кунинская писаница

Расположена на горе Куня, на левом берегу Енисея, северным склоном г. Куня спускается к берегу р. Биджи, притока Енисея. Открыта А. В. Адриановым. Писаница находится в самом большом логу, выходящем на Енисей, длиной около 1 км, на левой его стороне. По описанию А. В. Адрианова, «писаница как бы спрятана, разбросана по выступам, карнизам и гладким краям утесов, выступающих несколькими ярусами по крутому скату лога» [Адрианов, 1908, с. 40]. А. В. Адрианов насчитал до 323 фигур.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 7. СПб., 1908, с. 39, 40.

Вяткина К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 20. М.; Л., 1961, с. 187–237.

Дэвлет М. А. Из истории освоения металлургии железа на среднем Енисее // Советская археология. № 1. 1968, рис. 6.

Дэвлет М. А. Древние антропоморфные изображения из Саянского каньона Енисея // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975, рис. 6, 7.

Пяткин Б. Н. К семантике некоторых композиций Кунинской писаницы // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1980, № 1, вып. 1, с. 112–116.

Потрошиловская (или Петрошиловская по Г. И. Спасскому)

Левый берег Тубы, в 4 км от дер. Потрошиловой, гора Мосеева. Копии, снятые в 1850 г. Л. Ф. Титовым, изданы Г. И. Спасским.

Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей

и сходстве некоторых из них с Великорусскими // Записки Имп. Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857, с. 151, 152, табл. IV.

Попов Н. И. О писаницах Минусинского края // Известия Сибирского отделения Имп. Русского географического общества. 3 (№ 4–5). 1873, с. 278, 279.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV Археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1884, с. 228.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 61, 62.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. СПб., 1904, с. 27.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 20–24.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. I. М., 1910, с. 100, 178–181, 226, 227.

Кызласов Л. П. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // Советская этнография. 1956, № 2, с. 47.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 145, 146.

Льнищенская

Левый берег Тубы, выше Потрошиловской писаницы.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 60, 61.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. СПб., 1904, с. 27.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 25, 26.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 146.

Георгиевская гора

В 2 км от дер. Тесь, на левом берегу р. Тубы. А. В. Адрианов сообщает об этой писанице со слов Н. М. Мартыанова.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по пору-

чению Имп. Русского географического общества // Записки Имп. Русского географического общества по общей географии. Т. II. СПб., 1888, с. 407.

Шалаболинская (Тесинская) писаница

На правом берегу р. Тубы, в 1,5 км выше дер. Ильинка, на противоположном берегу от дер. Тесь. Петроглифы находятся на береговых утесах на протяжении 5 км, высота прибрежных скал до 200 м. Рисунки выполнены в различной технике, в том числе имеются накрашенные.

Скороговоров И. Описание Енисейской губернии (Из дорожных заметок о Восточной Сибири) // Записки Сибирского отделения Имп. Русского географического общества. Кн. 8. Иркутск, 1865, с. 6.

Попов Н. И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края // Известия Сибирского Отдела Имп. Русского географического общества. Т. VI. № 5–6. Иркутск, 1875, с. 205.

Риттер К. Землеведение Азии. Т. 4. Дополнение к Т. 3. составл. П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным. СПб., 1887, с. 613.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 42, 45, 50–57.

Savenkov J. T. Sur les restes de l'époque néolithique, trouvés dans le Gouv. d'Eniseisk (Sibérie Orientale), sur la rive de l'Enissei, pres des embouchures de la Bazaiקה et du Tehadobets // Congress International d'archeologie et d'antropologie prehistoriques. 2-eme session a Moscou, 1892. Т. 2. Moscou, 1893, p. 328.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея Томск, 1886, с. 38.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 7. СПб., 1908, с. 42.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910, с. 47–49.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 99, 100, 194–202, 225.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889 (Hrsg. von Appelgren-Kivalo). Helsingfors, 1931, Abb. 293.

Киселев С. В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. V. М., 1930, с. 96, 97.

Вяткина К. В. Шалаболинские (Тесинские) наскальные изображения // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 12. М.; Л., 1947, с. 417–482.

Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне среднего Енисея // Палеолит и неолит СССР. (Материалы и исследования по археологии. № 39). М.; Л., 1953, с. 280, 281.

Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири. М., 1960, рис. 3.

Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // Советская этнография. 1969, № 4, с. 70, 71, рис. 2.

Левашиова В. П. Искусство племен Хакасско-Минусинской котловины // История искусства народов СССР. Т. 1. М., 1971, с. 282.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР (Материалы и исследования по археологии. № 165). М., 1969, с. 97.

Пяткин Б. Н., Капелько В. Ф. Шалаболинские писаницы // Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 275, 276.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 154.

Кавказская или Строгановско-Кавказская

В 17 км от устья Тубы, по утесам вдоль р. Инзы на протяжении около 6 км с большими перерывами. Накрашена красной краской, плохой сохранности. Я. А. Шер писаницу не нашел и высказал предположение, что она была разрушена при строительстве дороги от паромной переправы через р. Тубу.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 45.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 7. СПб., 1908, с. 41, 42.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 153.

Усть-Туба

Под этим названием Я. А. Шер имеет в виду южный склон г. Тепсей и

прибрежного кряжа, тянувшегося от г. Тепсей вдоль правого берега Тубы до дер. Листвягово.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. СПб., 1904, с. 28.

Шер Я. А. Памятники древнего искусства на Енисее // Археологические открытия 1969 года. М., 1970, с. 178, 179.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 148–153.

Тепсей (Тепсинская по Г. И. Спасскому)

Правый берег Тубы, выше впадения в Енисей, в разных пунктах. На крутом склоне г. Тепсей приблизительно на 0,5 км ниже устья р. Тубы почти под вершиной горы в пещере имеется надпись и несколько фигур животных. Пещера открыта А. В. Адриановым в 1907 г., раскопки в ней были произведены в 1908 г. его сыном А. А. Адриановым. Копии были сняты в 1850 г. Л. Ф. Титовым.

Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с Великорусскими // Записки Имп. Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857, с. 147–149, табл. IV.

Попов Н. И. О писаницах Минусинского края // Известия Сибирского отделения Русского географического общества. 3 (№ 4–5). 1873.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV Археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1884, с. 228.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. СПб., 1904, с. 28

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 41–61.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 7. СПб., 1908, с. 43, 44.

Адрианов А. А. Отчет о раскопках пещеры в горе Тепсей летом 1908 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910, с. 36, 38.

Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // Советская этнография. 1952, № 2, с. 46, 47.

Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки у горы Тепсей на Енисее // Археологические открытия 1968 г. М., 1969, с. 176.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 146–148.

Оглахты (Аглагтинские начертания по Г. И. Спасскому; Аглахтынский петроглиф по И. Т. Савенкову)

На левом берегу Енисея, ниже устья р. Тубы, горный массив, включающий многочисленные местонахождения, часть которых в настоящее время затоплена водами Красноярского моря. На отвесно спускающихся в реку утесах на протяжении более 500 м на разной высоте. Некоторые петроглифы были доступны при низком уровне воды с лодки, другие – на значительной высоте, более 12 м, труднодоступны. Шифр А. В. Адрианова – ХLI. Другое местонахождение, открытое А. В. Адриановым на южном склоне г. Оглахты, протянувшегося перпендикулярно течению Енисея. В верхней части горы, на утесистом гребне, на протяжении более 2 км изображения находятся в одиночку и группами. Шифр А. В. Адрианова – ХL. Копии были сняты в 1850 г. Л. Ф. Титовым, изданы Г. И. Спасским.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Кн. 1. СПб., 1788, с. 557.

Спасский Г. И. О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с Великорусскими // Записки Имп. Русского географического общества. Кн. 12. СПб., 1857, с. 149–151, табл. IV.

Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860, с. 396.

Aspelin J. R. Sur l'âge du bronze Altaico-Ouralien // Études archéologiques sur le nord finno-ougrien. Trois memoires lues au Congress International d'antropologie et d'archéologie prehistoriques à Stockholm 1874. Stockholm, 1874, fig. 9.

Щукин Н. С. Объяснение изображений на береговых утесах реки Енисея и на могильных камнях в Минусинском округе // Известия Имп. Русского географического общества. Т. 18. Вып. 4. СПб., 1882, с. 244, рис. 14.

Костров Н. А. Очерки быта минусинских татар // Труды IV Археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1884, с. 228.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 62–66.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 7. СПб., 1908, с. 38–40, 46.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 102, 103, 119–131 и табл.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889 (Hrsg. von Appelgren-Kivalo). Helsingfors, 1931, Abb. 132–140.

Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 8. Helsinki, 1933, p. 178, 179, fig. 2–7, 50.

Кызласов Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве // Советская этнография. № 2. 1952, с. 46.

Вяткина К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 20. М.; Л., 1961, с. 193.

Дэвлет М. А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасско-Минусинской котловины // Краткие сообщения Института археологии. 1966, вып. 107, с. 73, рис. 24.

Леонтьев Н. В. Работы Минусинского музея // Археологические открытия 1972 года. М., 1973, с. 225.

Леонтьев Н. В. Хакасские народные рисунки на плитах горы Оглахты // Вопросы истории Хакасии (Ученые Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 21. Серия историческая. № 6). Абакан, 1977, с. 124–135.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 154–158.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 91–102.

Джарымтаг-кая

На левом берегу Енисея ниже Оглахтов, между устьем р. Коксы и Пановским логом, находящимся в 3 км выше дер. Абакано-Перевоз. Береговые скалы спускаются в воду. А. В. Адрианов в 1904 г. обследовал эту писаницу: «Осмотр убедил меня в том, что здесь была большая, хорошо сохранившаяся и интересная фигурная писаница, но теперь она почти вся уничтожена крестьянами дер. Перевозной, которые ломают здесь камень и вывозят его в с. Абаканское для постройки фундаментов. Нельзя сомневаться и в том, что в течение небольшого срока будут уничтожены и последние остатки этой писаницы и от нее не останется и следов...»

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 79, 80.

Боярские писаницы (Большая и Малая)

На правом берегу р. Тесь Сухая, левого притока Енисея, на отрогах хребта Бояры.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 4. СПб., 1904, с. 30.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, д. № 55, л. 84–87.

Адрианов А. В. Писаница Боярская // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 6. СПб., 1906, с. 55, 56.

Грязнов М. П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. № 1, 2. Л., 1933. С. 41–45.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 191, 252, 254.

Дэвлет М. А. О скотоводстве на Среднем Енисее в древности // Ученые Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 12. Абакан, 1965, с. 167–173.

Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница // Советская археология. 1965, № 3, с. 124–142.

Гозак А. Енисейская галерея // Знание – сила. 1966, № 12, с. 38–41.

Левашова В. П. Искусство племен Хакасско-Минусинской котловины // История искусства народов СССР. Т. 1. М., 1971, с. 282, 283, рис. 408.

Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М., 1976.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979, с. 94, рис. 22.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 164, 165.

Абаканская (дер. Абакано-Перевоз)

Левый берег Енисея у дер. Абакано-Перевозной. Изображения имеются рядом с надписью на скале (Адрианов), на отдельных курганных камнях (Савенков). Надпись неоднократно привлекала внимание исследователей.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Кн. 1. СПб., 1788, с. 567.

Скороговорков И. Описание Енисейской губернии (Из дорожных заметок о Восточной Сибири) // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. 8. Иркутск, 1865, с. 7.

Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // *Магазин земледения и путешествий*. Т. 6. Ч. 2. М., 1860, с. 396.
Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири // *Магазин земледения и путешествий*. Т. 3. М., 1854, с. 632.

Щукин Н. С. Объяснение изображений на береговых утесах реки Енисея и на могильных камнях в Минусинском округе // *Известия Императорского Русского географического общества*. Т. 18. Вып. 4. СПб., 1882, с. 237, 244, рис. 9–13.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1883, с. 565.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 69.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. Вып. 4. СПб., 1904, с. 31.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / *Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета*, д. № 55, л. 69–79.

Адрианов А. В. Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. Вып. 7. СПб., 1908, с. 41.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // *Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г.* Т. 1. М., 1910, с. 110–119 и табл.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 159, 160.

Туранская

Правый берег Енисея, в 6 км ниже дер. Бузуновой.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. Вып. 4. СПб., 1904, с. 30.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / *Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета*, д. № 55, л. 61–68.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 158, 159.

Сыдинская (Бычихинская)

На правом берегу Сыды, в 2 км от дер. Средняя Сыда.

Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. Вып. 4. СПб., 1904, с. 29.

Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии / *Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета*, д. № 55, л. 81–84.

Киселев С. В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // *Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук*. Т. V. М., 1930, с. 96, 97, табл. VII–6.

Черёмушный Лог (по Я. А. Шеру). Возможно, это **Копёнская писаница** (по А. В. Адрианову)

На правом берегу Енисея, в 4 км выше д. Байкалово. Ныне затоплена.
Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 160, 163.

Копёнская

Копёнская нижняя находится на правом берегу Енисея, напротив дер. Копёны. Новая Копёнская (Копёнская верхняя) состоит из трех групп. Копёнская нижняя находится выше Второго лога, на утесах правого берега Енисея. Верхняя открыта в 1908 г. А. В. Адриановым. Нижняя была известна ранее. У Н. С. Щукина названа «Между Усть-Сыдой и Байкалово».

Щукин Н. С. Объяснение изображений на береговых утесах реки Енисея и на могильных камнях в Минусинском округе // *Известия Императорского Русского географического общества*. Т. 18. Вып. 4. СПб., 1882, с. 244, рис. 15.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // *Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 72–74.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // *Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. Вып. 10. СПб., 1910, с. 49–51.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // *Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г.* Т. 1. М., 1910, с. 138–160 и табл.

Каменка

На правом берегу Енисея, напротив дер. Копены.
Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 163, 164.

Кулак близ Щель Тесь

Местное произношение Кулак или Кулах (по И. Т. Савенкову), Усть-Кулог (по Я. А. Шеру), Кулах (по Л. Р. Кызласову и Н. В. Леонтьеву), Тесинская (по Д. А. Клеменцу). На утесе правого берега Енисея, в 1,5 км ниже дер. Тесь. Изображения выбиты, накрашены. И. Т. Савенков отметил не точности, имеющиеся на рисунке, изданном Э. Реклю.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 79, 80.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея, Томск, 1886, с. 38.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1883, с. 566.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 101, 160, 161, 227.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 165, 167.

Анаши

А. В. Адрианов сообщает, что по сведениям, полученным от «инородцев», на правом берегу Енисея, ниже дер. Анаши на скале имеются рисунки.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. по поручению Имп. Русского географического общества и его Зап.-Сибирского отдела членом-сотрудником А. Адриановым // Записки Западно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Кн. VIII. Вып. II. Омск, 1888, с. 142.

Улазы

На правом берегу Енисея.

Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860, с. 396.

Аёшка

А. В. Адрианов сообщает: «Верст 12 вверх по Енисею от дер. Аёшки (на прямой дороге из Минусинска в Мариинск, в 148 верстах от первого), на правом берегу, на скале, вплоть подходящей к воде, находится много изображений людей и животных; старик, у которого я останавливался в Аёшках, говорил, что рисунки занимают площадь скалы около двух сажен, сильно попорчены временем и современными художниками; содер-

жания картины старик не мог передать, частично потому, что не понимал его, а частично потому, что слишком давно видел и теперь позабыл. К этой скале подобраться можно или зимой, по льду Енисея, или летом, на лодке, так как дороги по берегу нет».

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Имп. Русского географического общества // Записки Имп. Русского географического общества по общей географии. Т. II. СПб., 1888, с. 406, 407.

Новосёлово или **Городовая стена**

На правом берегу Енисея выше дер. Новосёловой на противоположном берегу. В картотеке А. В. Адрианова имеется сообщение Б. Н. Турова о том, что «левая сторона камня обвалилась. Камень, на котором находится эта писаница, выдается немного от стены утеса вперед и лицевой стороной обращен на юго-запад» [Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Архив А. В. Адрианова, папка № 75.]

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Bd. 1. Berlin, 1962, S. 181, 326, Abb. 8.

Скороговоров И. Описание Енисейской губернии (Из дорожных заметок о Восточной Сибири) // Записки Сибирского отделения Имп. Русского географического общества. Кн. 8. Иркутск, 1865, с. 8.

Попов Н. И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края // Известия Сибирского Отдела Имп. Русского географического общества. Т. VI. № 5–6. Иркутск, 1875, с. 205.

Мартыанов Н. М. Путевые заметки из поездки в северо-восточную часть Минусинского округа // Известия Восточно-Сибирского отделения Имп. Русского географического общества. Т. 14. № 3. Иркутск, 1883, с. 10.

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1883, с. 565.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 80.

Мессершмидт Д. Г. Извлечение из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта // Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1 (Материалы по археологии России, № 3). СПб., 1888. Приложения, с. 15, 17.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 30, 69.

Трифоновская

На левом берегу Енисея в 5 км от с. Новосёловского по направлению к дер. Трифоновой. Изображения выбиты, вырезаны, покрашены
Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 81.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея, Томск, 1886, с. 38, 39.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 101, 203, 204, 227.

Караульная

На левом берегу Енисея, напротив Сисимской писаницы, у дер. Караульная. Изображения выбитые и резные.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 87, 99.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 101, 164, 165.

Писемский утес у устья р. Сисим (по И. Т. Савенкову)

Недалеко от с. Сисимского, у устья р. Сисим на правом берегу Енисея. Изображения покрашены.

Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледелия и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860, с. 396.
Попов Н. И. Общий взгляд на писаницы Минусинского края // Известия Сибирского Отдела Императорского Русского географического общества. Т. VI. № 5–6. Иркутск, 1875, с. 205.

Риттер К. Землеведение Азии. Т. 4. Алтайско-Саянская система в пределах Российской империи. СПб., 1877, с. 623 (со ссылкой на рукопись И. А. Лопатина «Поездка к месту обретения Палласова железа в 1873 г.»).

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1883, с. 565.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 87–92, 99.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее.

Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 102, 193, 194.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 158.

Бирюсинская

На отвесном утесе с небольшой площадкой около воды.

Скороговоров И. Описание Енисейской губернии (Из дорожных заметок о Восточной Сибири) // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. 8. Иркутск, 1865, с. 8.

Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледелия и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860, с. 396.
Риттер К. Землеведение Азии. Т. 4. Алтайско-Саянская система в пределах Российской империи. СПб., 1877, с. 628

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. Т. 6. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1883, с. 565.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 94, 95, 99.

Мессершмидт Д. Г. Извлечение из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта // Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1 (Материалы по археологии России, № 3). СПб., 1888. Приложения, с. 15, 18.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 98, 135.

Еленев А. Сообщение о Бирюсинских пещерах // Известия Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Т. 25, № 2–3, 1894, с. 31.

Миллер Г. Ф. О сибирских надписях. Ч. 1. О сибирских писаных камнях // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937, с. 533, 534.

Верхне-Колбинская

На правом берегу р. Маны в 1,5 км выше ее левого притока р. Колбы. Накрашена ярко-красной краской.

Адрианов А. В. Писаницы по реке Мане // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. IX. СПб., 1913, с. 7, 8.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 158.

Нижне-Колбинская

На левом берегу р. Колбы, левого притока р. Маны, в 3 км от устья. Выполнена кровяно-красной краской.

Адрианов А. В. Писаницы по реке Мане // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. Т. IX. СПб., 1913, с. 8, 9.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 163, 164.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 158.

Манские

Унгутская пещера, Пещерский плес (писаница № 1); писаница № 4 в 3 км ниже устья р. Колбы, 1 км выше устья р. Лейбы; Писанская (Писемская), писаница № 5; «Под порогом», писаница № 6; Биджайская (писаница № 7); Тихий плес (писаница № 8).

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 92, 99.

Адрианов А. В. Письмо в Археологическую комиссию от 7 октября 1902 г. / Архив ЛОИА АН СССР. Оп. I, 1903, д. № 33, л. 19–60.

Адрианов А. В. Писаницы по реке Мане // Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества. Т. IX. СПб., 1913, с. 3–7, 9–34.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 96–98, 134, 135, 173–178, 202–205, 227.

Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 8. Helsinki, 1933, fig. 16.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 158.

Атамановская

На левом берегу Енисея, ниже Красноярска, изображения выбиты.

Савенков И. Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. XVII. № 3–4. Иркутск, 1886, с. 99.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 131.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 158.

Уйбатская, Кызыл-Кая или Кизиль-кайя (по И. Т. Савенкову)

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 205, 206.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931, Abb. 296–300.

Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 8. Helsinki, 1933, fig. 8.

Левашиова В. П. Искусство племен Хакасско-Минусинской котловины // История искусства народов СССР. Т. 1. М., 1971, с. 283.

Аспат

Выполнена красной краской

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Вып. 10. СПб., 1910, с. 45.

Аргинский, Кара-Июс

Рисунок, публикуемый Савенковым, перепечатан из работы Аспелина. *Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 207.

Сулекская, Печищенская, Пичикты-таг

Сулекские скалы на левом берегу р. Печище, напротив горы Тюря в нескольких пунктах. Основная масса петроглифов сосредоточена на скальном поясе, охватывающем вершину Писаной горы, рядом Соляная и Озерная горы (по Аппельгрелю-Кивало).

Кастрен А. М. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 6. Ч. 2. М., 1860, с. 396.

Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин земледения и путешествий. Т. 3. М., 1854, с. 632, 633.

Aspelin J. R. Inscriptions de l'Jenissei. Helsingfors, 1889, p. 1, Fig. 11.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Вып. 10. СПб., 1910, с. 41, 42.

Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. 1. М., 1910, с. 181, 182.

Грязнов М. П., Шнейдер Е. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. 1929, с. 81, рис. 9.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931, Abb. 65–93.

Tallgren A. M. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Vol. 8. Helsinki, 1933, p. 182–184, fig. 11, 12, 32, 37, 44, 45.

Левашиова В. П. Из прошлого Хакасии. Абакан, 1945, с. 11.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 86–91, 105–107.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 629, 630.

Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954, с. 211, 219–221.

Леонтьев Н. В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978, с. 114, 115.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980, с. 135, 136, 145, 147.

Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980, с. 55, 144, рис. 127.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 104, 105.

Подкаменский улус (по Апфельгрёну-Кивало), **Ошкольская писаница** (по Адрианову)

В 7 км от Подкаменского улуса по дороге в Чебаки на правой стороне Черного Июса в логу, ведущем на Черное озеро, в устье большого и малого логов. Состоит из двух групп. Изображены кони, охотники с луками, предметы в «форме сапога». В книге Х. Апфельгрёна-Кивало опубликованы курганные плиты из улуса Подкамень с антропоморфными изображениями в «форме сапога», а также охотничьих сцен (Abb. 96–102).

Aspelin J. R. Inscriptions de l'Jenissei. Helsingfors, 1889, p. 1, Fig. 12, 13.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910, с. 43, 44.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931, Abb. 302–308.

Севастьянова Э. А. Петроглифы горы Тунчух // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980, с. 104, 105.

Кизех-тах, она же **Орак** или **Ураки**

Гора Кизех-тах расположена между Кедровым озером и Оракской котловиной. На обнажениях песчаника в 35 м выше подножья горы, на берегу оз. Ураки (Орак). Писаница расположена вдоль верхнего края горы двумя группами, разделенными логом, на выходах красного песчаника.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910, с. 41.

Сосновский Г. П. Писаница на горе Кизех-тах // Краткие сообщения Института материальной культуры. 1940, вып. 6, с. 54–58.

Дэвлет М. А. О культурных связях тагарских племен // Новое в советской археологии. М., 1965, с. 241.

Техтерек

На левом берегу р. Белый Июс в 1,5 км ниже впадения р. Техтерек писаница, сделанная красной краской, из 8 фигур, расположенных двумя группами.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910, с. 45.

Ключик

На утесе близ улуса Ключик. Выбивка точечная. Всего 10–12 фигур животных.

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Вып. 10. СПб., 1910, с. 46, 47.

Озеро Тус

В 1968 г. обследовал и скопировал Н. В. Нащекин. На этой писанице резными линиями изображены воины, звери и котлы.

Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 13. Л., 1971, с. 106.

В приведенном списке учтены петроглифы бассейна Верхнего и Среднего Енисея. То обстоятельство, что на Нижнем Енисее петроглифы не обнаружены, может быть объяснено, с одной стороны, ограниченным количеством в зоне тайги и тундры открытых скальных плоскостей, пригодных для создания петроглифов, относительно слабой заселенностью этой территории в древности, с другой стороны, все еще недостаточной археологической изученностью этого региона.

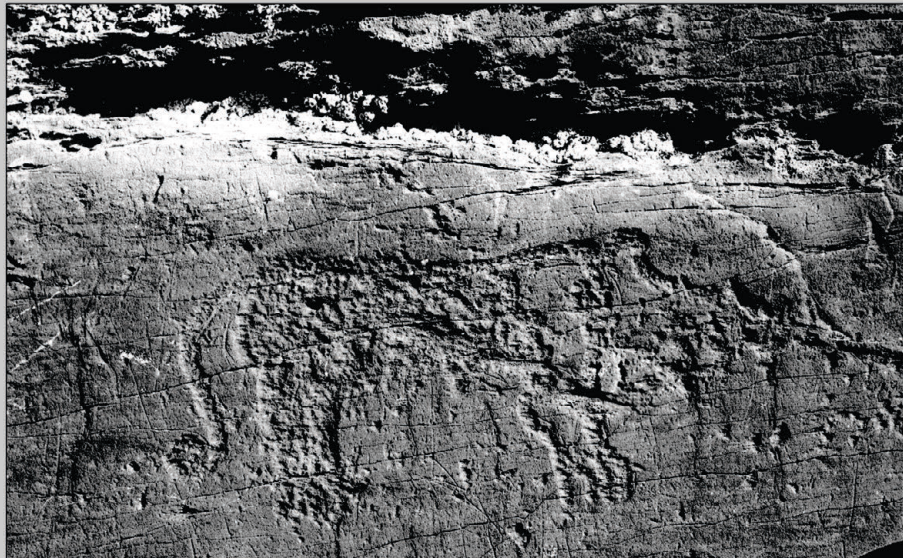
Петроглифы, известные в Южной Туве, находятся за пределами бассейна Енисея и в настоящий список не включены.

Количество местонахождений петроглифов в общем списке можно было бы значительно увеличить, если принять более дробную систему учета памятников. К примеру, такое местонахождение как Манские петроглифы, включает по подсчетам А. В. Адрианова восемь отдельных писаниц. Некоторые из учтенных местонахождений представляют собою огромные по протяженности массивы, где петроглифы разбросаны в разных пунктах, далеко отстоящих друг от друга (Оглахты, Шалаболино и др.) или же где наскальные изображения находятся на горах не входящих в единую горную систему (Сулек и Печище).

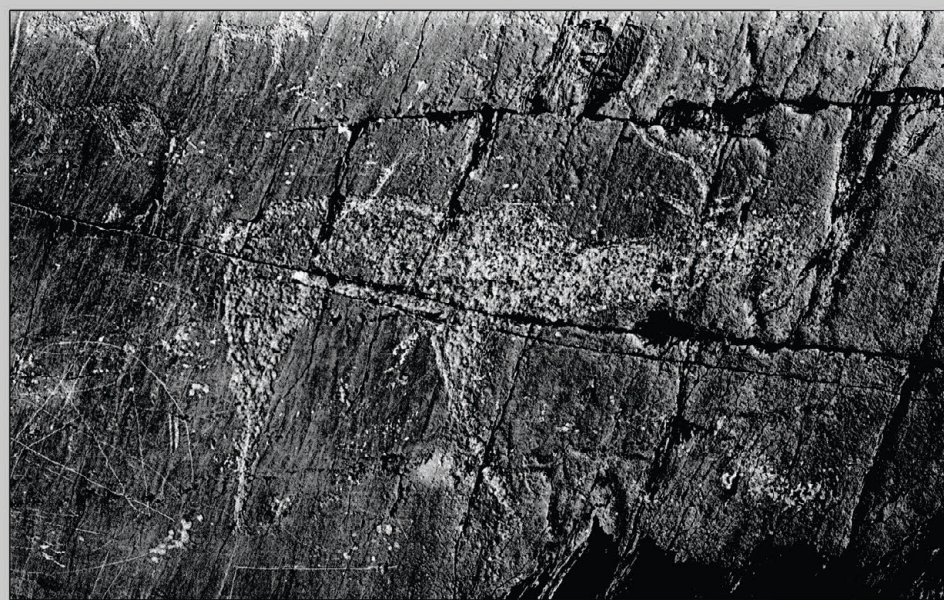
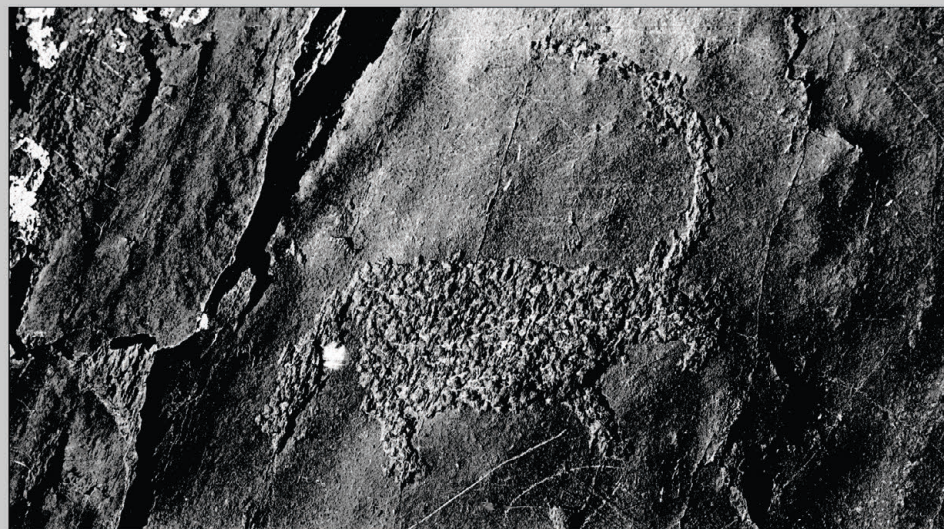
Не поддаются учету многочисленные рисунки и знаки, выбитые на плитах курганных оград на среднем Енисее. Отдельные рисунки и композиции на курганных плитах представляют собою не менее ценный исторический источник, чем изображения на скалах.

«Дорога Чингисхана». Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Куйлуг-Хем. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Мугур-Саргол. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

А. С. Вдовин, Н. П. Макаров

Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.126-136>

А. В. АДРИАНОВ И КРАСНОЯРСКИЙ ПОДОТДЕЛ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья отражает многогранную деятельность А. В. Адрианова в красноярский период его жизни с 1901 по 1905 г. Рассматривается вклад исследователя в деятельность Красноярского подотдела Русского географического общества. Впервые публикуются ранее неизвестные архивные материалы, раскрывающие энциклопедический характер интересов А. В. Адрианова в области археологии, этнографии, фольклора, палеонтологии.

Ключевые слова: *А. В. Адрианов, Красноярск, городской музей, Русское географическое общество, Енисейская Сибирь*

В научном наследии М. А. Дэвлет труды по археологии Енисейской Сибири занимают основную часть. Поэтому, когда авторы этой статьи делали свои первые шаги в науке, обращение к трудам мэтров сибирской археологии означало и необходимость обращения к работам Марианны Арташировны. Прежде всего это касалось вопросов становления и развития собственно красноярской археологии. Личное знакомство на одной из конференций положило начало многолетнему сотрудничеству, обмену источниками и информацией по истории енисейской археологии. Так, статьи к 100-летию Минусинского музея и его археологических коллекций [Дэвлет, 1963, 1977] стали отправной точкой подготовки аналогичной публикации к 100-летию Красноярского музея [Макаров, 1989]. При этом Марианна Арташировна не только благословила на эту работу, но и передала в Красноярский музей текст воспоминаний Н. М. Мартыановой о Минусинском музее и о И. Т. Савенкове. По персоналиям А. В. Адрианова и И. Т. Савенкова мы и М. А. Дэвлет работали параллельно в течение

многих лет. К капитальным статьям и монографиям М. А. Дэвлет на эту тему [Дэвлет, 1996, 2004] можно добавить и публикации авторов [Макаров, 1989, 2003; Макаров, Безызвестных, 1989; Вдовин, Макаров, 1997, 2014, 2019]. Поскольку многолетним исследованиям многогранной личности И. Т. Савенкова авторами уже подведен предварительный итог электронным изданием монографии [Вдовин и др., 2022], цель настоящей статьи – дать обзор красноярского периода жизни и деятельности А. В. Адрианова.

Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) хорошо известен как активный деятель движения сибирских областников, а также как автор многих выдающихся открытий в организованных им по Сибири научных экспедициях. Ко времени приезда в Красноярск он уже был известным общественным деятелем и опытным удачливым археологом. Исследователя характеризует не только целеустремленность, но и тщательность проводимых им работ. Он оставил подробные отчеты о раскопках и разведках, а также большое собрание эстампажей с древних писаниц и изваяний. А. В. Адрианов одним из первых российских археологов начал фотографировать древние изображения и делать планы могильников. Описание погребений почти всегда сопровождалось детальными планами с подробным обзором найденных предметов.

Красноярский период жизни А. В. Адрианова пришелся на 1901–1905 гг. Именно в эти годы проходит организация и становление Красноярского подотдела Русского географического общества (далее – РГО). Следует отметить, что А. В. Адрианов был одним из активнейших членов Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (далее – ВСОРГО), проживавших и работавших на территории Енисей-

ской губернии. Не случайно он оказался среди инициативной группы членов-учредителей, подписавших первоначальное ходатайство об открытии в Красноярске Енисейского отдела Русского географического общества [Протокол..., 1901, с. 8]. В итоге, ровно через 50 лет после открытия Сибирского отдела РГО, с 28 января (10 февраля) 1901 г. Красноярский подотдел ВСОРГО начинает свою деятельность. Избранный его председателем В. Ю. Григорьев отмечал в торжественной речи: «*И. Т. Савенков и А. В. Адрианов весьма небесполезно работали над естественно-историческим изучением края и в области его археологии*» [Протокол..., 1901, с. 20].

Спустя два года после открытия Красноярского подотдела в его ведение передается городской музей. Оценивая это событие, газета «Енисей»* писала: «*Открывшийся здесь подотдел географического общества не мог не заметить недостатков местного музея, а, по роду своей деятельности, подотдел не мог не чувствовать своей связи с ним, тем более, что в среде были более отзывчивые, более близкие к науке люди. По крайней мере, первые шаги деятельности подотдела показали нам, что в целях его лежат жизненные задачи, да и материальные средства его далеко солидные, чем городского музея...*» [«Енисей», 1902. № 153].

А. В. Адрианов становится активным членом Красноярского подотдела РГО и подчиненного ему музея. Интересы его разнообразны. Источники отмечают: «*Председатель физико-географической комиссии А. В. Адрианов, прочитал отчет о ее деятельности за 1902 г. след. содержания: "Деятельность физико-географической комиссии, образованной в 1902 г., за отчетный год была направлена к устройству водомерных станций, расширением сети метеорологических станций, и организация наблюдений за землетрясениями"*» [Известия..., 1904, с. 112]. Адрианов ведет обширную переписку по различным вопросам деятельности подотдела. Спisyвается с томским профессором А. М. Зайцевым о прочтении двух лекций по общей физической геологии, а также темам «Озеро Шира и его окрестности» и «Рудное золото в Ачинской и Минусинской тайге»

* Политически-общественная и литературная газета, выходившая в Красноярске 3 раза в неделю.

[Известия..., 1904, с. 109]. К заслугам А. В. Адрианова относятся организация переезда городского музея в новое помещение и поиски консерватора музея. В связи с отказом М. Е. Киборта исполнять обязанности хранителя Красноярского городского музея «*А. В. Адрианов во время своей поездки в Омск вошел в переговоры с окончившим Гёттингенский университет натуралистом Ин. Ин. Муромовым, который выражал согласие быть хранителем Музея Подотдела*» [Известия..., 1904, с. 127]. В поисках средств на типографские расходы именно А. В. Адрианов договаривается с красноярским купцом В. А. Даниловым о выделении 700 рублей на издание книги К. И. Горощенко по антропологии [ГАКК*. Ф. 217. Оп. 1. Д. 27. Л. 34, 35]. Наиболее солидной публикацией в этот период является издание русских сказок и песен в Сибири, вышедших под редакцией А. В. Адрианова [Записки..., 1902]. М. А. Дэвлет уточняет, что в сборах материалов по этой теме наряду с Александром Васильевичем принимали участие его дочери Нина и Мария, а также сестры Евгения и Антонина Васильевны. Общими усилиями собирателей были охвачены Красноярский, Минусинский, Барнаульский и другие уезды [Дэвлет, 2002, с. 33].

1902 г. был примечателен 25-летним юбилеем Минусинского музея, что подвигло А. В. Адрианова написать «Очерки Минусинского края», изданные в «Сибирском торгово-промышленном календаре» [Адрианов, 1904а].

А. В. Адрианов находил время и на проверку сообщений с мест находок костей ископаемых животных. О результатах проверок и своих исследованиях он регулярно докладывал на заседаниях подотдела. В Государственном архиве Красноярского края в фонде Красноярского отдела РГО хранится немало таких сообщений о разных исследователях и событиях. «*Председатель А. В. Адрианов во исполнение данного ему поручения в бытность свою в с. Сухобузимо навел справки об остатках мамонта, кость которого была доставлена В. Ю. Григорьевым, и доложил Распорядительному комитету о результатах наведения справок особой запиской. Постановлено: записку А. В. Адрианова напечатать в приложении*

* Здесь и далее: ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

к книжке “Известий”» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 17. Л. 8]. Действительно, вскоре такая заметка, информирующая красноярцев о сухобузимском мамонте, появляется в трудах общества [Адрианов, 1902б].

Работая ревизором акцизного управления и исполняя обязанности правителя дел подотдела, А. В. Адрианов использовал обе должности для составления археологической карты Енисейской губернии. Специально для этого им было написано руководство «Наставление к собиранию материала для археологической карты Енисейской губернии акцизным разъездным надсмотрщикам» [Адрианов, 1902а]. Чиновники должны были проводить опрос населения о древних памятниках, описывать их и наносить на карту. Каждому он вручал «Наставление» и вышедшую ранее «Курганографию» [Адрианов, 1884], а также записную книжку и карту уезда. Работа по составлению карты велась очень активно, однако материалы, видимо, остались необработанными. Во всяком случае, в архивах А. В. Адрианова карты не обнаружены, хотя имеется картотека памятников и отчеты отдельных чиновников [Вадецкая, 1973, с. 115].

Почти столетие спустя авторами данной работы в архиве Красноярского краевого музея была обнаружена «Карта Минусинского округа с указанием главнейших археологических памятников». Она вполне могла принадлежать А. В. Адрианову, и он мог составить ее в красноярский период своей жизни. В основу ее была положена известная к тому времени археологическая карта Д. А. Клеменца, но она значительно дополнена некоторыми материалами. В частности, при сравнении этих двух карт мы наблюдаем различные подходы к вопросу классификации археологических памятников. В условные обозначения вынесены: местонахождение ископаемых млекопитающих, местонахождение каменных орудий, местонахождение медных и бронзовых орудий, городище, писаницы, рунические камни, каменная баба, граница распространения курганов, курганы плоские с камнями, курганы плоские со сплошной каменной оградкой, курганы плоские с насыпью без камней, курганы плоские с насыпью с камнями, чаа-гас, каменный курган с маяком, каменный курган с несколькими маяками, круглая киргизская могила, пещеры со следами обитания, древний рудник, остатки плавильни или кузницы

[Вдовин, Макаров, 2022]. Из содержания карты видно, что автор подробно ознакомился с литературой и нанес места раскопок И. Г. Гмелина возле Ужура, В. В. Радлова у оз. Божье и Аскиза; Титова в верховьях р. Бирь и у д. Ушкуль, И. Р. Аспелина на р. Тесь, И. С. Боголюбского на р. Изынжуль, П. С. Палласа на р. Аскиз, М. А. Кастрена у с. Означенное, Н. И. Попова в верховьях р. Абакан. Нанесены также раскопки самого А. В. Адрианова, И. Т. Савенкова, Д. А. Клеменца, И. П. Кузнецова-Красноярского за период до 1886 г. Большое внимание составитель уделил писаницам, что косвенно подтверждает то, что карта составлена А. В. Адриановым.

В 1902 г. им были обследованы по р. Мана восемь писаниц, изображение которых он скопировал в натуральную величину, а некоторые сфотографировал [Адрианов, 1902в]. Об этих исследованиях начала красноярского периода сам А. В. Адрианов писал: «*Имея специальное поручение от Императорской Археологической Комиссии, я сделал этой осенью поездку на Ману. Но помимо исполнения прямого поручения – собирания о писаницах, я собрал и другой материал, которым мог бы поделиться с подотделом, а именно: я предлагаю дать свод собранных мною сведений о течении Маны от впадения в нее р. Нарвы до устья, т. е. на протяжении около 350 верст, с картою; данные о геологическом строении долины Маны, с определителем собранных мною пород проф[ессором] Томск[ого] университета А. М. Зайцевым и определителем Я. А. Макарова по дубликатам пород, пожертвованных мною Подотделу; данные о флоре долины р. Маны, насколько я успел ее захватить в период цветения, с научными определителями моего гербария приват-доцентом Томск[ого] университета П. Н. Крыловым; наконец 10–12 фотографий наиболее характерных для Маны, из числа сделанных мною около 80 шт.*» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 17. Л. 118].

О своих личных исследовательских планах в изучении красноярских курганов А. В. Адрианов сообщает в подотдел отдельным письмом: «*По поручению Археологической Комиссии я с нынешнего года начал производить раскопку курганов в Красноярском уезде. По всей вероятности, этого рода работы будут производиться мной ежегодно, пока я живу в Красноярске. Видное место между материалами раскопок занимают*

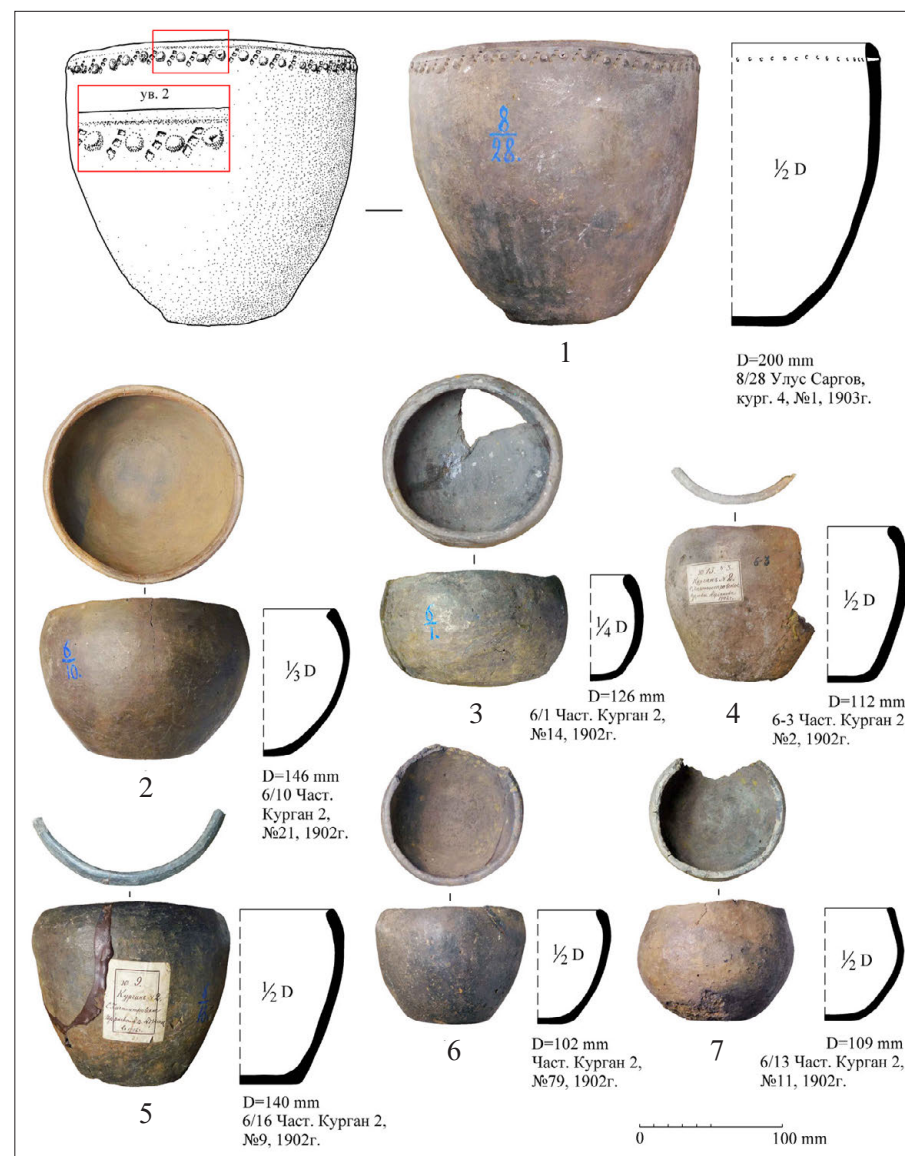
костики и глиняные сосуды, которые мне казалось бы полезным сосредоточить на месте, в музее подотдела. Если подотдел найдет это желательным и может дать мне обязательство бережного и целесообразного хранения (сбранного) мною материала, я войду ходатайством к Комиссии уступить этот материал подотделу и надеюсь, что Комиссия в этом не откажет. Покорнейше прошу по содержанию настоящего предложения сообщить мне в возможно непродолжительном времени свое заключение» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 17. Л. 45]. По результатам работ 1902 г. А. В. Адрианов передал в Красноярский музей 28 целых и склеенных сосудов из раскопанных им у с. Частоостровское двух курганов раннего железного века [Известия..., 1904, с. 141]. Сосуды плоскодонные, баночной формы, гладкостенные (рис. 1). По современной периодизации все они могут быть отнесены к концу лесостепной тагарской культуры.

Чрезвычайно насыщенной оказалась деятельность А. В. Адрианова в Красноярске в 1903 г. На общем годовом собрании подотдела 18 февраля 1903 г. он был избран Правителем дел, получив 19 голосов [Известия..., 1904, с. 118]. Вскоре пришло подтверждение: «Доложено отношение г. Иркутского Генерал-Губернатора в том, что ревизор Акцизного Управления А. В. Адрианов утверждён им в звании Правителя Дел» [Известия..., 1904, с. 128].

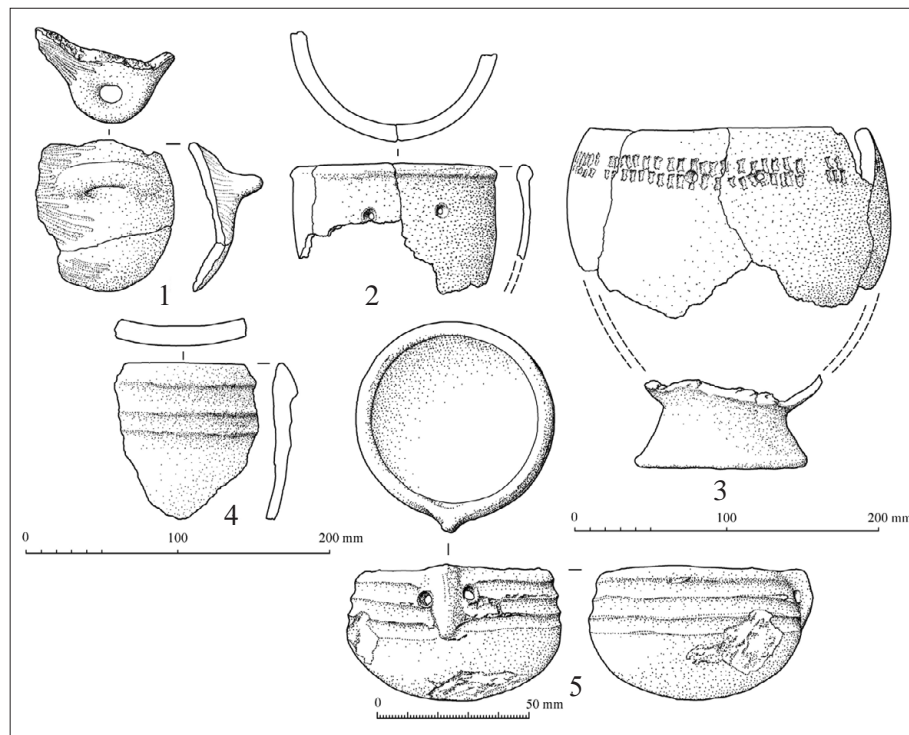
Особенно значимыми для науки были раскопки А. В. Адрианова, которые он провел в северной части Оглахтинского горного массива в 1903 г. В общей сложности было раскопано 22 кургана эпохи энеолита, железного века и средневековья. 8 сентября исследователь доложил подотделу предварительные результаты работ, а 31 октября сделал обстоятельный доклад об исследованиях могильника Оглахты [Известия..., 1904, с. 135]. Изумленным членам подотдела Адрианов представил хорошо сохранившуюся одежду из кожи и меха, бронзовые и железные изделия, деревян-

Рис. 1. Керамика раннего железного века из раскопок А. В. Адрианова (Красноярский краевой краеведческий музей, далее – КМ). 1 – Саргов улус, колл. № 8-28; 2–7 – курган 2 у с. Частоостровское, колл. № 6-1, 3, 10, 11, 13, 16.

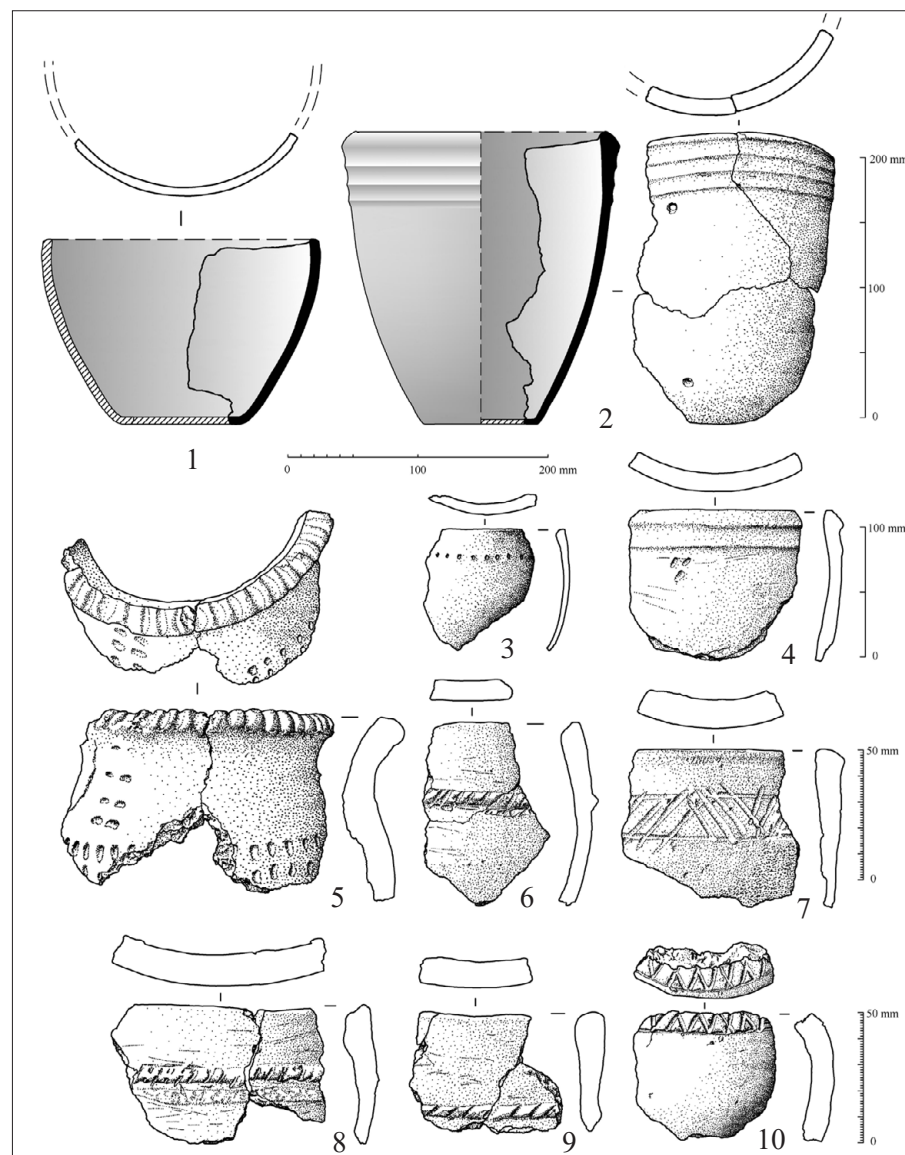
Рисунок: А. Рудаков.

Рис. 2. Керамика раннего железного века тагарской и таштыкской культур из раскопок А. В. Адрианова (КМ). Саргов улус (1, 2, 4, 5); Оглахты, могила 1 (3). 1 – колл. № 57-5; 2 – курган 2, колл. № 24-120; 3 – могила 1, колл. № 24-118; 4 – курган 5, колл. № 24-111; 5 – курган 4, колл. № 24-119. Рисунок: А. Рудаков.

Рис. 3. Керамика раннего железного века тагарской (1, 2, 4) и таштыкской (3, 5, 10) культур из раскопок А. В. Адрианова (КМ). 1 – без указания местонахождения (далее – б. м/н), колл. № 24-146; 2 – б. м/н, колл. № 24-148; 3 – Оглахты I, мог. 8, № 2, колл. № 24-116; 4 – Саргов улус, курган 3, № 1, колл. № 24-87; 5, 7 – Оглахты, мог. 8, колл. № 24-86; 6, 8-10 – Оглахты II, курган 4, колл. № 24-91. Рисунок: А. Рудаков.

ную посуду, а также зерна проса двухтысячелетней давности. Лица мумий древних людей и человекоподобных манекенов оказались закрытыми шелковыми тканями и погребальными лицевыми масками из гипса и глины. «Сообщение обильно демонстрировалось фотографическими снимками и массой предметов, найденных г. Адриановым на раскопках Оглахтинских могил. Доклад закончился при аплодисментах публики» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 27. Л. 45]. Для широкого круга читателей найденные материалы были опубликованы в иллюстрированном приложении газеты «Сибирская жизнь» от 16 и 23 ноября 1903 г. [Адрианов, 1903]. Наиболее ярким материалам погребений 1 и 2 могильника Оглахты с мумифицированными трупами сегодня посвящены отдельные публикации (см., например: [Pankova et al., 2021]). Из могилы 1 Оглахты реставрируется сосуд на поддоне. У края венчика нанесены два ряда оттисков прямоугольного штампа и пояс сквозных конических отверстий (рис. 2, 3). По современным представлениям, эти материалы относятся к таштыкской археологической культуре. К ней же следует отнести, сохраняя нумерацию А. В. Адрианова, материалы из Оглахты в могилах 3–5, 7, 8. На это указывают находки фрагментов погребальных гипсовых масок, кусочки кожи и бересты, шелковой ткани. Глиняная посуда представлена сосудами с различной орнаментацией. Прямые и профилированные наружу венчики украшены наклепными рассеченными валиками, вдавлениями отступающей лопаточки, прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 3, 3, 5–10). Фактически раскопками Оглахтинского могильника и предшествующими находками на оз. Тагарском А. В. Адрианов положил начало изучению самобытной таштыкской культуры Енисея.

Исследованные им также в системе гор Оглахты курганы у Саргова улуса датируются тагарской археологической культурой (по современным представлениям). На это указывает, прежде всего, многочисленная керамика. Тагарские сосуды – преимущественно простой баночной формы с залощенными гладкими стенками. У ряда сосудов, как, например, в кургане 3, венчики орнаментированы двумя или тремя параллельно-горизонтальными валиками. На отдельных сосудах по венчику, тулову и придонной части просверлены одиночные сквозные конические отвер-

стия (рис. 2, 2; 3, 2, 3). Из всей стандартизированной коллекции типичных тагарских сосудов выделяется небольшой круглодонный сосудик с налепной ручкой на тулове. По обеим сторонам рукоятки – сквозные конусовидные отверстия. По внешнему борту венчик орнаментирован тремя параллельно-горизонтальными желобками (рис. 2, 5). Еще одна налепная ручка имеется среди обломков плоскодонного сосуда баночной формы в музейной коллекции № 57-5 (рис. 2, 1). Керамику тагарских курганов дополняют отдельные находки бронзовых изделий: нож, зеркало, пластинка, полушарные бляшки. Несколько фрагментов (колл. № 24-15, 16) принадлежат небольшому остродонному сосудику закрытой формы с орнаментацией по венчику тремя прочерченными желобками и рядами оттисков шагающей гребенки. Вероятно, А. В. Адрианов затронул раскопками один из курганов афанасьевской археологической культуры.

После завершения инвентаризации коллекция А. В. Адрианова была помещена в действующую на тот период археологическую экспозицию Красноярского городского музея (рис. 4). У входа в музей для обозрения горожанам были выставлены привезенные исследователем древние каменные изваяния-божества в виде головы медведя и антропоморфного существа с высоким головным убором. Исследователь обнаружил их в с. Знаменка и его окрестностях и доставил в Красноярск. По современным представлениям они относятся к окуневской археологической культуре. В наши дни эти изваяния, вместе с доставленной также А. В. Адриановым тугутюпской плитой с руническими письменами [Кызласов, 1979], являются гордостью новой археологической экспозиции Красноярского краевого краеведческого музея.

Раскопанные А. В. Адриановым в 1902 и 1903 гг. курганы представлены в Красноярском музее коллекциями № 6, 8, 24 и 58, записанными в инвентарную книгу с промежутками в несколько лет. Эту ситуацию в какой-то мере проясняет письмо Адрианова от 9 сентября 1905 г., написанное им из Иркутска после вынужденного отъезда археолога из Красноярска. Приведем его полностью:

«В Красноярский Подотдел Вост[очно]-Сиб[ирского] Отд[еления] И[мператорского] Р[усского] Географич[еского] Общ[ества].

Рис. 4. Фрагмент археологической экспозиции Красноярского городского музея. Артефакты из могильника Оглахты, курганов близ улуса Саргов и у с. Часто-островское. Раскопки А. В. Адрианова 1902–1903 гг. Снимок фотографа Л. Ю. Вонаго, 1909 г.

На днях я получил от Консерватора Музея Подотдела г. Тугаринова письмо с рядом просьб ко мне, которые и исполняю.

1. Посылаю описание горных пород, собранных г. Хейном в Турухан [ском] крае, сделанное проф. А. М. Зайцевым. Г. Тугаринову она нужна для приведения в порядок в Музее коллекций г. Хейна, а мне – для включения его в работу, порученную Подотделом, и потому подлежит обратной высылке мне, хотя и не скоро. Кстати сообщу, что отчет о поездке г. Хейна подвигается, оч. медленно, вследствие недосуга и крайне тяжелой разборки рукописи по стершемуся карандашу, коим она вся написана.

2. Ящик с горшечными черепками, оставлены мною в Музее, содержит материал раскопок, произведенных мною в 1903 г. около Саргова улуса, на лев[ом] бер[егу] Енисея, в местности Оглахты. Материал этих раскопок мною еще не обработан и полный отчет о них не составлен; этому должно было предшествовать приведение в порядок коллекции (описание предметов) и в том числе склейка горшочных черепков. Часть этой работы была уже мной сделана, как это видно из коллекции горшков, находящихся в Краснояр[ском] Музее, которому они переданы, по моему ходатайству, Императорской Археологической Комиссией. Мои личные обстоятельства сложились так, что я вынужден был прервать эту работу и уехать из Красноярска, не знаю и сам, когда я буду в состоянии ее закончить. Тем не менее, я прошу Подотдел попытаться из горшочных черепков, путем подбора и склейки восстановить сосуды в целом или частях – в каждом свертке черепков имеется или на самой бумаге, на уголках, соответств[ующие] надписи или завернутый ярлык.

3. На склеенных горшках, поступивших от меня вышеуказанным способом в Музей (на боку, на дне или внутри горшка), и во всяком случае, все эти горшки из раскопок с одной местности – Оглахтов, в окрестностях Саргова улуса.

4. Точно также и черепа – все были снабжены надписями на них самих или наклеенными этикетками, части черепов и куски укладывались в бумагу и на ней (на уголках) снабжалась надписью и номером кургана, могилы и местом раскопки; эта коллекция также из той же местности раскопок. Не забыть части [нрзб.] черепов могут оказаться без этике-

ток или потому, что они высыпались из бумаги, в которую были завернуты, или потому, что для всего свертка частями [нрзб.] черепов имеется только одна запись – местонахождения, кургана и номер его. Я собирал и части черепов, имея в виду ценность и этого материала при антропологичес[кой] обработке курганного материала, если бы за него кто-либо пожелал взяться, напри[м]ер К. М. Горощенко, которому я прошу показать коллекцию при его приезде в Красноярск.

Не откажите сообщить мне имя и отчество г. Тугаринова, которые я, по своей беспамятности позабыл.

Для сведения Подотдела прилагаю копию с резолюцией, принятой Земской Комиссией Отдела Географическ[ого] Общ[ества] по вопросу об участии представителей Отдела в совещании графа Кутайсова о земской реформе в Сибири.

Действ[ительный] член Адрианов» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 34. Л. 34, 35].

Архивные документы и краткие публикации сообщают о многогранной деятельности А. В. Адрианова и в 1904 г. Огромный объем работ был проведен им по заданию руководимого В. В. Радловым Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях по обследованию и копированию наскальных изображений Тепсея, Суханихи, Куни, Боярской, Потрошиловской и других писаниц Минусинского уезда [Адрианов, 1904б], о чем подробно написала М. А. Дэвлет (см., например: [1996, 2004]). Полевой отчет исследователя вылился в объемный, но, к сожалению, неизданный труд «Писаницы Енисейской губернии» [Архив МАЭС ТГУ*. Д. 55]. Подотдел с признательностью принял подаренные А. В. Адриановым эстампажи рунических надписей, найденных в местности Уйбат, у д. Означенной, Тесь и на горе Туран [Известия..., 1906, с. 38].

Если исследования А. В. Адриановым петроглифов и курганов в той или иной мере отражены в археологической литературе, то изучение памятников каменного века менее известно. В самом Красноярске, как сле-

* Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.

дует из отчета подотдела за 1904 г., «А. В. Адрианов произвел 7 сентября раскопки у подножия Афонтовой горы, на месте случайной находки костей мамонта. При раскопках найдены кости мамонта, оленя и др. животных, каковые и сданы в музей подотдела» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 30. Л. 40]. На заседании Распорядительного комитета подотдела 15 ноября 1904 г. в протоколе записано: «А. В. Адрианов доложил следующее: 7 сентября он получил от Н. А. Шепетковского извещение, что близ места расположения запасного батальона в лагере, по словам командира этого батальона, найдены хорошо сохранившиеся кости мамонта и что место находки их охраняется солдатами; в виду того, что охрана будет снята на другой день, Н. А. выражал желание провести здесь раскопку и вообще воспользоваться этой находкой. Получив это письмо, я отправился к командиру батальона, а вместе с ним и к месту находки. За лагерь, расположенным у подошвы Афонтовой горы, возле того места, где находится склад Нобеля, на дне обширных выемок, откуда берут глину, солдатами были найдены случайно несколько костей, в виде обломков, крупных животных и между ними зуб мамонта, затылочная часть черепа и куски костей тоже этого животного. Залегание костей находилось на глубине не менее 4 арш. от поверхности склона по [положению] столбов земли нетронутых выемкой. Часть костей была вынута, часть других торчала из земли, оберегаемая солдатами. Желая убедиться в том, не находится ли здесь погребения более или менее полного костяка мамонта и не находится ли здесь остатков человека, я, испросив разрешение командира батальона, приступил немедленно к раскопкам. В работе приняло участие до десяти солдат. Вскрыта была площадь около 2–3 кв. саженой. Раскопкой добыто было много обломков костей мамонта, оленя, и др. животных, но все они лежали беспорядочно, разрозненные, смытые некогда водой. Никаких остатков человека, в виде золы, угля, пожарниц, порубок на костях предметов не найдено. Нисколько не сомневаясь в возможности найти здесь, при обширных раскопках, массу костей доисторических животных, я прекратил работу, вынув все, что в районе случайной находки костей находилось. Опрос некоторых рабочих, вывозивших сюда мусор, и живущих по соседству

показал, что при выемках вдоль Афонтовой горы находки костей допотопных животных не представляют чего-либо редкого. Вынутые при раскопке кости и находившиеся в квартире командира, любезно им уступлены мне, увезены мною и сданы в Музей. Небольшой расход по этой поездке и раскопкам, в сумме 3 р. 50 коп., я бы просил принять на счет Музея» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 30. Л. 169, 170].

В последний раз А. В. Адрианов присутствовал на общем собрании в должности правителя дел Подотдела 24 ноября 1904 г. На нем он выступил с сообщением «О некоторых бытовых особенностях качинцев» с демонстрацией коллекций, собранных для Этнографического отдела Русского музея [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 30. Л. 173]. По окончании прений по докладу председатель В. Ю. Григорьев в своем вступлении отметил вклад А. В. Адрианова в деятельность Подотдела: «Милостивые Г-ни и Г-ри, А. В. Адрианов вскоре покидает Красноярск и переезжает на постоянное жительство в Иркутск, перестанет быть правителем дел нашего Общества. Поэтому я считаю своим обязательным долгом напомнить Обществу Собранию хотя кратко о заслугах А. В. перед Подотделом. Свою деятельность в последнем А. В. начал в 1901 году и немедленно обнаружил самое активное участие в работе Общества. В следующем году А. В., за отсутствием из города сначала правителя дел, а потом председателя, исполнял лежащие на этих должностных лицах обязанности по Подотделу. 18 февраля 1903 года А. В. был избран правителем дел, каковым и состоит до настоящего времени. Обязанности правителя дел часто довольно сложны и требуют постоянной, систематической, а нередко и напряженной работы. Достаточно сказать, что на правителе дел лежит вся переписка, которую ведет Общество, правителю дел приходится готовить доклады для Комитета и Общего Собрания в исполнение; правитель дел составляет отчеты, под его редакцией выпускаются издания. Все это в течение 2-х лет неукоснительно исполнял А. В. Адрианов, причем за это время ему, так сказать, по преимуществу пришлось поработать как потому, что издательская деятельность Общества была слаба, так и потому, что в прошлом году в ведение Подотдела перешел городской музей, самый переход которого, а затем пос-

ледующее его устройство, потребовали от А. В. немало труда. Тем не менее полезность А. В. по отношению к Подотделу сказанным не ограничилась: он помещал в изданиях Подотдела свои заметки, передал ему уже изданный теперь ценный и довольно обширный материал по фольклору, жертвовал коллекции. Кроме того, здесь кстати заметить, что инициатива сбора капитала имени Н. И. Мартьянова исходила от А. В. и отчасти его энергия способствовала тому, что этот капитал был передан Минусинскому музею в сумме, превышающей 3000 рублей.

В силу сказанного, а также и потому, что благодаря связям А. В. с местными людьми, благодаря его знанию края, деятельность А. В. была особенно благотворна для Подотдела, нельзя не сожалеть об уходе А. В.

Я предложил бы Собранию выразить А. В. сожаление об его уходе, поблагодарить за труды Подотделу и высказать А. В. пожелание, чтобы он хотя временами посещал наш край и продолжал начатые в нем исследования.

Собрание приняло предложение председателя и дружными продолжительными аплодисментами поблагодарило А. В. Адрианова за его деятельность в Подотделе» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 30. Л. 173 об., 174].

Плодотворная и многогранная деятельность А. В. Адрианова в Красноярске заканчивается в 1905 г. В начале года его переводят по службе в г. Иркутск с характерной формулировкой для политически неблагонадежного человека: «за излишнюю ревность к науке» [Дэвлет, 2002, с. 33]. Но на этом сотрудничество Подотдела с А. В. Адриановым не прерывается. Отчеты сообщают, что у него куплен альбом орнаментов минусинских инородцев [Отчет..., 1908, с. 39]. Кроме того, с предисловием и под редакцией А. В. Адрианова публикуется дневник поисковой экспедиции И. А. Хейна, снаряженной Н. В. Асташевым в систему р. Нижняя Тунгуска в 1896 г. [Хейн, 1909]. В «Записках» подотдела начато печатание труда Ф. Я. Кона о русском населении Усинского округа, которому Адрианов содействовал организацией экспедиции еще в 1902 г. [Известия..., 1909].

Таким образом, без преувеличения можно сказать, что красноярский период жизни и деятельности А. В. Адрианова, хотя и был коротким,

стал чрезвычайно удачным по научно-исследовательским результатам и значительно обогатил археологические фонды нашего музея.

Библиография

- Адрианов А. В.* Курганография Сибири. Томск: Томская губ. тип., 1884. 6 с.
- Адрианов А. В.* Наставление к собиранию материала для археологической карты Енисейской губернии акцизным разъездным надсмотрщиком. Красноярск, 1902а. 10 с.
- Адрианов А. В.* Нахождение костей мамонта и других допотопных животных в окрестностях с. Сухобузимского // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Т. I. Вып. 4. Красноярск, 1902б. С. 33–36.
- Адрианов А.* Писаницы по реке Мане // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. IX. 1902в. С. 1–34.
- Адрианов А. В.* Оглахтинский могильник // Иллюстрированное приложение газеты «Сибирская жизнь». 1903. № 249 от 16 ноября. С. 2–4; № 254 от 23 ноября. С. 2.
- Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 г. Томск, 1904а. 61 с.
- Адрианов А. В.* Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. № 4. СПб., 1904б. С. 25–33.
- Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 6. Кемерово. 1973. С. 91–159.
- Вдовин А. С., Макаров Н. П.* Археологические карты И. Т. Савенкова // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1997. С. 34–36.
- Вдовин А. С., Макаров Н. П.* Афонтова гора. 1914 г. Отец и сын Савенковы // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: Памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 82–87.
- Вдовин А. С., Макаров Н. П.* Последняя экспедиция И. Т. Савенкова // Древности Приенисейской Сибири. Вып. X. Красноярск, 2019. С. 37–41.
- Вдовин А. С., Макаров Н. П.* К истории создания первых археологических карт Енисейской Сибири // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Межд. науч. конф., посв. 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2022. С. 22–25.
- Вдовин А. С., Макаров Н. П., Майзик Е. И.* Жизненные маршруты Ивана Тимофеевича Савенкова / Красноярский краевой краеведческий музей, Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, Красноярское краевое отделение Русского географического общества; Красноярск: Офсет, 2022. 248 с.: ил. [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibdh.ru/books/savenkov_2022.pdf
- Дэвлет М. А.* Очерк комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея // Очерки по истории музейного дела в СССР. Вып. V. М., 1963. С. 327–372.
- Дэвлет М. А.* К столетию Минусинского музея // Советская археология. 1977. № 1. С. 305–309.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII–начало XX в.). М.: Институт археологии РАН. 1996. 249 с.
- Дэвлет М. А.* А. В. Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы. Вып. 1. 2-е изд., М.: Восточная литература, 2002. С. 9–56.
- Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 68 с.
- «Енисей», газета. № 153. Красноярск, 1902.
- Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества по этнографии. Т. I. Вып. 1: Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы. Красноярск, 1902. 200 с.
- Известия Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. I. Вып. 6. Красноярск, 1904. 170 с.
- Известия Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. II. Вып. 2. Красноярск, 1906. 106 с.
- Известия Красноярского Подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества. Т. II. Вып. 5. Красноярск, 1909. 190 с.
- Кызласов И. Л.* Тугутопская стела с древнехакасской эпитафией // Советская тюркология. 1979. № 5. С. 90–96.
- Макаров Н. П.* К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 131–189.

Макаров Н. П. Всегда первый // 100 знаменитых красноярцев. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 2003. С. 58–62.

Макаров Н. П., Безызвестных Е. Ю. Неутомимый исследователь древностей // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 43–57.

Отчет Красноярского подотдела Имп. Русского географического общества за 1906 г. Красноярск, 1908. 49 с.

Протокол торжественного публичного заседания 28-го января 1901 года Красноярского подотдела Восточно-Сибирского Отдела Имп. Русского географического общества. Красноярск, 1901. 28 с.

Протокол распорядительного комитета Красноярского подотдела Восточно-Сибирского Отдела Имп. Русского географического общества от 28.09.1902 / Государственный архив Красноярского края. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 17. Л. 103.

Хейн И. А. Дневник поисковой экспедиции, снаряженной Н. В. Асташевым в систему р. Нижней Тунгуски в 1896 году. Красноярск: тип. М. И. Абалакова, 1909. 152 с.

Pankova S. V., Makarov N. P., Simpson St. J., Cartwright C. R. New radiocarbon dates and environmental analyses of finds from 1903 excavations in the eastern plot of the Tashtyk cemetery of Oglakhty // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 24–59.

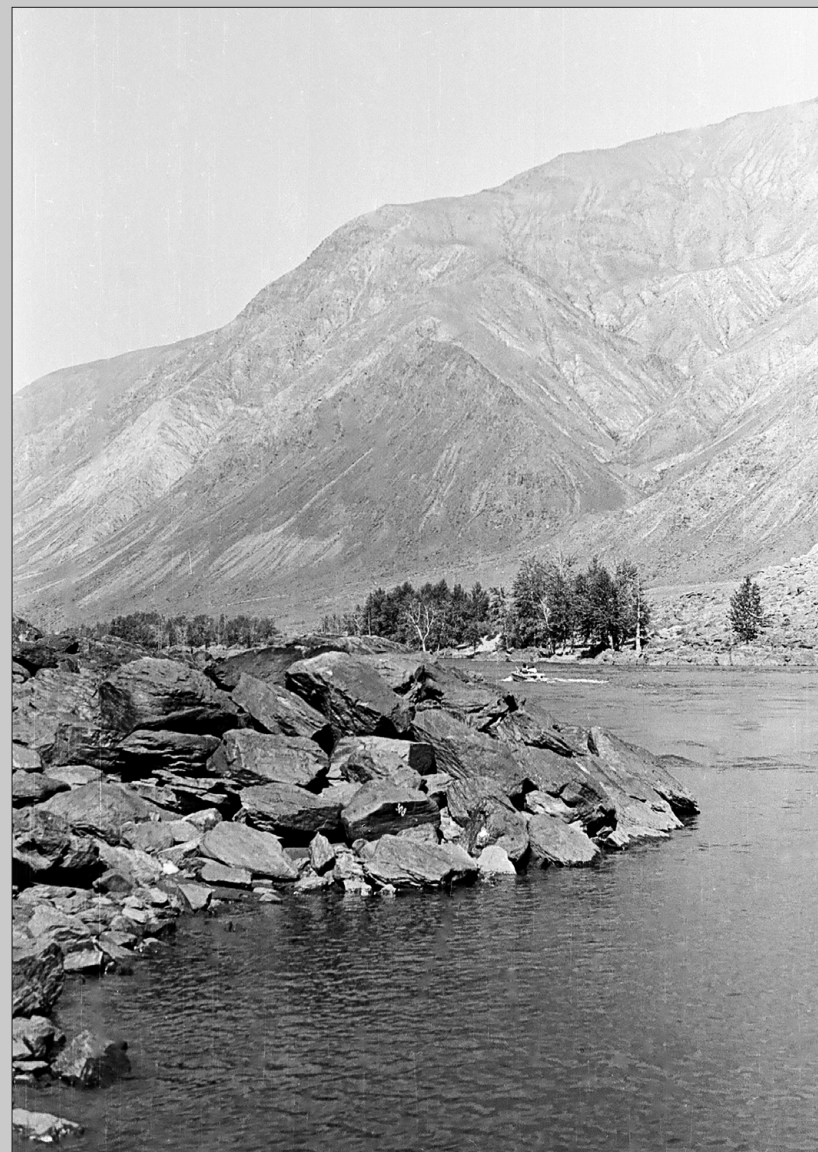
A. S. Vdovin, N. P. Makarov

Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Krasnoyarsk, Russia

A. V. ADRIANOV AND THE KRASNOYARSK SUBDIVISION OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

This paper reflects the diverse activities of A. V. Adrianov during the Krasnoyarsk period of his biography from 1901 to 1905. The researcher's contribution to the activities of the Krasnoyarsk subdivision of the Russian Geographical Society is considered. Previously unknown archival materials are published for the first time, revealing the encyclopaedic nature of A. V. Adrianov's interests in the field of archaeology, ethnography, folklore, and paleontology.

Keywords: *A. V. Adrianov, Krasnoyarsk, city museum, Russian Geographical Society, Yenisei Siberia*

Тува, Енисей. Экспедиция 1968 г. Фото: М. А. Дэвлет.

Л. В. Зоткина

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.137-143>

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

«МИНУСИНСКИЙ» СТИЛЬ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ИХ АТРИБУЦИИ

Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00070

Древнейший изобразительный пласт в наскальном искусстве Среднего Енисея и Сибири в целом крайне неоднороден. Формально-типологические характеристики не всегда достаточны для классификации групп изображений с высокой вариабельностью. В статье рассматриваются основные стилистически значимые характеристики «минусинского» стиля в наскальном искусстве Минусинской котловины, не только фиксируемые визуально, но и наблюдающиеся в способах передачи одних и тех же деталей изображений. Установлено шесть приемов, повторяющихся на изображениях минусинского стиля, которые одновременно описывают и изобразительную манеру, и особый технологический подход к исполнению изображений – стратегию воспроизведения зооморфных образов.

Ключевые слова: петроглифы, «минусинский» стиль, способы построения наскальных изображений, Минусинская котловина

Научные интересы Марианны Арташировой Дэвлет охватывали весьма обширный спектр тем и исследовательских задач, связанных с наскальным искусством, от документирования до интерпретации. Вопросы атрибуции сибирских петроглифов занимают особое место в ее работах [см., например: Дэвлет, 1976; 1980, с. 225–243; 1992; 2006]. Это направление исследований остается важным и сегодня.

Несмотря на то что «минусинский» стиль в наскальном искусстве Минусинской котловины, как и Южной Сибири в целом, считается древнейшим, на данный момент он остается, пожалуй, единственным не датированным и не атрибутированным. Это связано с отсутствием надежной «привязки» наскальных изображений к датированным археологическим

материалам. Древнейший пласт в наскальном искусстве рассматриваемой территории составляет обширная группа изображений, отличающихся большой степенью архаичности и натуралистичности (рис. 1, 1–30). При этом если изображения более поздних пластов (окуневский, карасукский, тагарский, тыштыкский, тюркский) четко выделяются на основании художественной специфики и не оставляют больших сомнений о границах стиля [Евтюхова, 1948; Киселев, 1949; Вадецкая и др., 1980; Кызласов, 1990, 1998; Пяткин и др., 1995; Леонтьев и др., 2006; Мухарева, 2007; Ковалева, 2011], то древнейший пласт рассматривается исследователями как явление крайне неоднородное. Права Е. А. Миклашевич, отметившая, что на уровне стилистических характеристик не выделяется «абсолютно повторяющегося набора признаков» [Миклашевич, 2020, с. 93], определяющего минусинский стиль в наскальном искусстве, так как степень вариабельности манеры исполнения крайне высока. Строго говоря, единый комплекс характеристик, определяющих художественную манеру минусинского стиля, на данный момент не выделен. Каждый исследователь, отмечая ряд общих особенностей «минусинской» изобразительной традиции, обращает внимание на разные характеристики, подчеркивая их как специфические черты, формирующие стиль [Подольский, 1973, с. 270; Шер, 1980, с. 190; Советова, Миклашевич, 1999, с. 53–55, табл. 1; Ковтун, 2001, с. 142–143, табл. 93–95].

Минусинская изобразительная традиция была выделена Н. Л. Подольским [1973, с. 270–271] и Я. А. Шером в ходе изучения наскальных рисунков местонахождений Черёмушный Лог, Оглахты и Тепсей в конце 60 –

начале 70-х годов XX в. [Шер, 1980, с. 190; 2013, с. 488]. В сюжетном плане эта традиция передает образы, предположительно, диких животных: лошади, марала, быка, медведя, кабана и др. [Шер, 1980, с. 190; Советова, Миклашевич, 1999, с. 53]. Н. Л. Подольский называл эту изобразительную традицию «статично-геометризованной... не лишенной элементов реализма» [Подольский, 1973, с. 270]. Исследователи сходятся в том, что этот стиль самый архаичный в наскальном искусстве Минусинской котловины. Разные специалисты описывают эту художественную манеру исполнения в следующих формулировках.

Н. Л. Подольский указывал на «статичность фигур, строго горизонтальное размещение, возможность и левого, и правого поворота, узкий, почти заостренный профиль головы, показ головы от носа до ушей прямой линией, рот не показан, линия спины – горизонтальная прямая, трактовка туловища правильным прямоугольником, короткие ноги (менее высоты туловища), ноги вертикальны или слегка расставлены, прямой, наклонно направленный хвост» [Подольский, 1973, с. 270].

Я. А. Шер отмечал сравнительно крупные размеры фигур животных и их «реалистическую трактовку», «подчеркнуто грузные очертания туловищ при сравнительно маленькой голове, что, собственно, тоже является признаком архаики»; «массивный корпус, слегка отвислый живот, короткая прямая шея, массивные ноги» [Шер, 1980, с. 190–192].

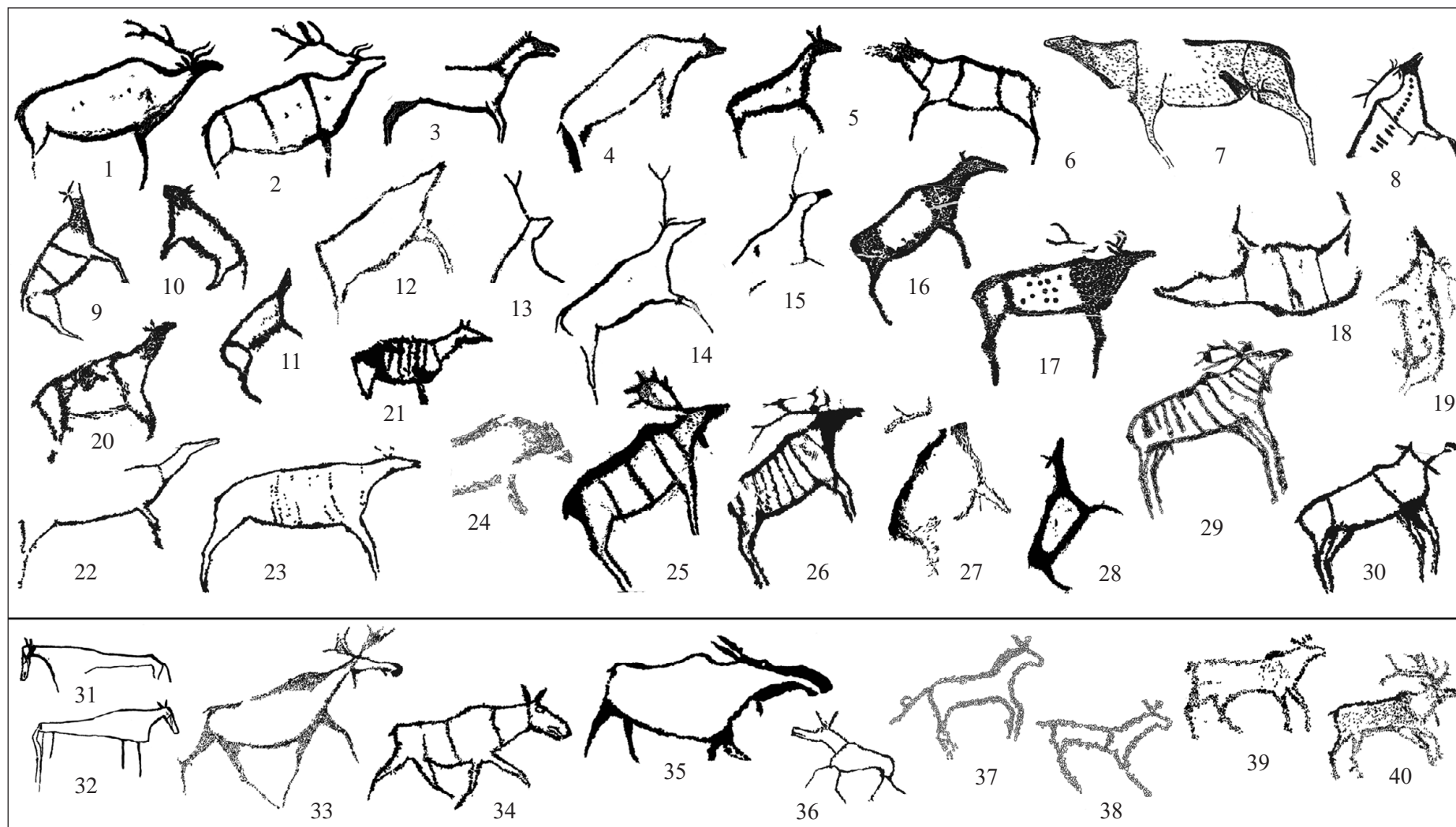
О. С. Советова и Е. А. Миклашевич писали, что «об архаичности этого пласта наскальных изображений свидетельствуют крупные размеры фигур; стилистические особенности (грузный корпус, маленькая голова с вытянутой вперед мордой, как бы “свисающие” ноги, некоторый схематизм в сочетании с реалистичностью и др.)...; первичность изображений (композиции свободно расположены на удобных плоскостях, эти рисунки никогда не наслаиваются на другие, тогда как сами бывают перекрыты поздними)» [Советова, Миклашевич, 1999, с. 53].

И. В. Ковтун дал детальную характеристику стилистических особенностей «минусинских» наскальных изображений: «Среднеенисейские петроглифы “минусинской” традиции отличает стремление к орнаментации корпуса животных поперечными полосами ..., зачастую подчеркиваю-

щими особенности анатомического строения»; «“минусинские” изображения хорошо проявляют свою иконографическую неоднородность, в диапазоне которой “сосуществуют” рисунки массивных оленей с миниатюрной головой “без шеи” и грациализованные образы копытных с гипертрофированно вытянутой шеей, рисунки животных, передние ноги которых переданы как бы “подкошенными”, и изображения с прямо поставленными конечностями, наконец, петроглифы, декорированные поперечными полосами или “анатомической” разметкой и лишённые какой-либо орнаментации вовсе. Встречаются изображения, свидетельствующие о знакомстве их создателей с принципами построения ортогональных конфигураций» [Ковтун, 2001, с. 142–143, табл. 93–95]. И. Д. Русакова соглашается с этой характеристикой минусинского стиля [Русакова, 2005, с. 214–216].

Е. А. Миклашевич в работах последних лет, посвященных проблемам изучения древнейшего пласта наскального искусства Южной Сибири и Центральной Азии [2015; 2020], отмечает, что выделение минусинского стиля не такая простая задача, как это представлялось ранее; в связи с существенным пополнением корпуса источников стала очевидной его неоднородность, вариабельность, сочетание во многих изображениях признаков и этого стиля, и «ангарского», и т. д., поэтому на данном этапе исследований имеет смысл анализировать разнородные стилистические группы изображений доокуневского времени в совокупности.

Вопрос о хронологической принадлежности этой группы изображений остается дискуссионным, поскольку до сих пор не обнаружено идентичных изобразительных элементов в археологическом контексте *in situ*. Однако на древний возраст этого стиля указывают и представленный набор образов (исключительно животные, при этом, скорее всего, дикие, не одомашненные), и архаичность манеры, и тот факт, что фиксируются палимпсесты, в которых петроглифы и рисунки этого стиля перекрыты более поздними, но обратные ситуации неизвестны. Тем не менее предположения разных исследователей о возможных хронологических рамках этого стиля довольно разнообразны: от неолита [Советова, Миклашевич, 1999, с. 53–55] до энеолита [Подольский, 1973, с. 271] и ранней бронзы

Рис. 1. Выборка наскальных изображений минусинского стиля (1–30) и петроглифов других стилей более поздних периодов (31–40) (по: Zotkina et al., 2023).

1–6 – Оглахты, 7–15 – Суханиха, 16–20 – Моисеиха, 22–30, 33–40 – Шалаболинская писаница, 31, 32 – Бояры I;

1–19 – прорисовки Е. А. Миклашевич; 20–23, 25–30, 33–40 – прорисовки С. В. Сутугина; 24 – прорисовка Л. В. Зоткиной; 31, 32 – по: Русакова, 2005.

[Ковтун, 2001, с. 144; Русакова, 2005, с. 214–216; Есин, 2010, с. 68–73]. Пока остается непровергнутым и высказанное в осторожной форме предположение о верхнепалеолитическом возрасте наскальных изображений минусинского стиля [Шер, 1980, с. 190].

Основой классификации и выделения наскальных изображений в особый стиль, как правило, выступает формально-типологический подход, который учитывает следующие параметры: содержание изображений, общие особенности формы, размеры, технику исполнения, характер расположения и контекст. Именно форма сопоставимых деталей изображений позволяет выделять специфические приемы передачи образов, фиксируемые визуально [López, González, 2001; Domingo Sanz, Fiore, 2014]. Этот подход оптимален для выделения групп наскальных изображений, в которых отмечается стандартизация манеры исполнения, позволяющая проследить уникальный стиль [Le Brun, 2012]. Если изображения рассматриваемой группы обнаруживают высокую степень варибельности, как в минусинской изобразительной традиции, необходимы иные критерии их классификации.

Визуальные характеристики довольно легко поддаются копированию. Технологические особенности, напротив, сложно воспроизвести без специальных навыков и знаний [Gosselain, 1992]. Это применимо не только к технологическим процессам, связанным с хозяйственно-бытовыми задачами, но и к наскальному искусству. Часто можно встретить визуально воспроизводящие определенный стиль петроглифы, выполненные как бы грубее, с деформированными пропорциями и т. д. Такие «несоответствующие» стандартам стиля изображения являются подражаниями, выполненными без необходимых знаний и навыков. Повторяющиеся комбинации определенных технологических приемов можно было бы считать стилистически значимыми. Однако в наскальном искусстве Минусинской котловины известен ограниченный набор технологических характеристик: чаще применяется каменное орудие, чем металлическое [Зоткина, Давыдов, 2022], способы выполнения пикетажа варьируются в основном между прямым и опосредованным [Зоткина и др., 2014].

Важный аспект в создании петроглифов – способы их построения: последовательность создания контуров, специфические приемы органи-

зации линий пикетажа относительно друг друга для формирования деталей изображений с конкретными визуальными характеристиками. Анализ способов построения позволяет выявить такие приемы, которые одновременно описывают и изобразительную манеру, и особый технологический подход к исполнению изображений – стратегию воспроизведения образа.

Применительно к петроглифам, которые все исследователи относят к минусинскому стилю, выявлено несколько повторяющихся приемов построения изображений. Сделана выборка, состоящая из 57 изображений с памятников Шалаболинская писаница, гора Георгиевская, Майдашинская писаница, Суханиха I, гора Моисеиха (Потрошиловская писаница), Оглахты IV и VI (по индексации Е. А. Миклашевич) [2015]. Из них была сформирована более узкая выборка изображений хорошей сохранности, составившая 30 экз. (рис. 1, 1–30). Анализ способов построения рассмотренных изображений дал следующие результаты.

Можно выделить шесть основных способов организации линий, наиболее часто повторяющихся в пределах изображений минусинского стиля. Первый из них – прием создания головы животного посредством двух простых прямых линий, практически параллельных или соединенных в треугольник (рис. 2, 1, 2). Иногда они могут быть слегка скруглены. Другие способы, например сплошной линией сложной траектории, не зафиксированы среди изображений минусинского стиля, хотя в других изобразительных традициях наблюдается и такой прием (рис. 1, 31, 32, 37, 38).

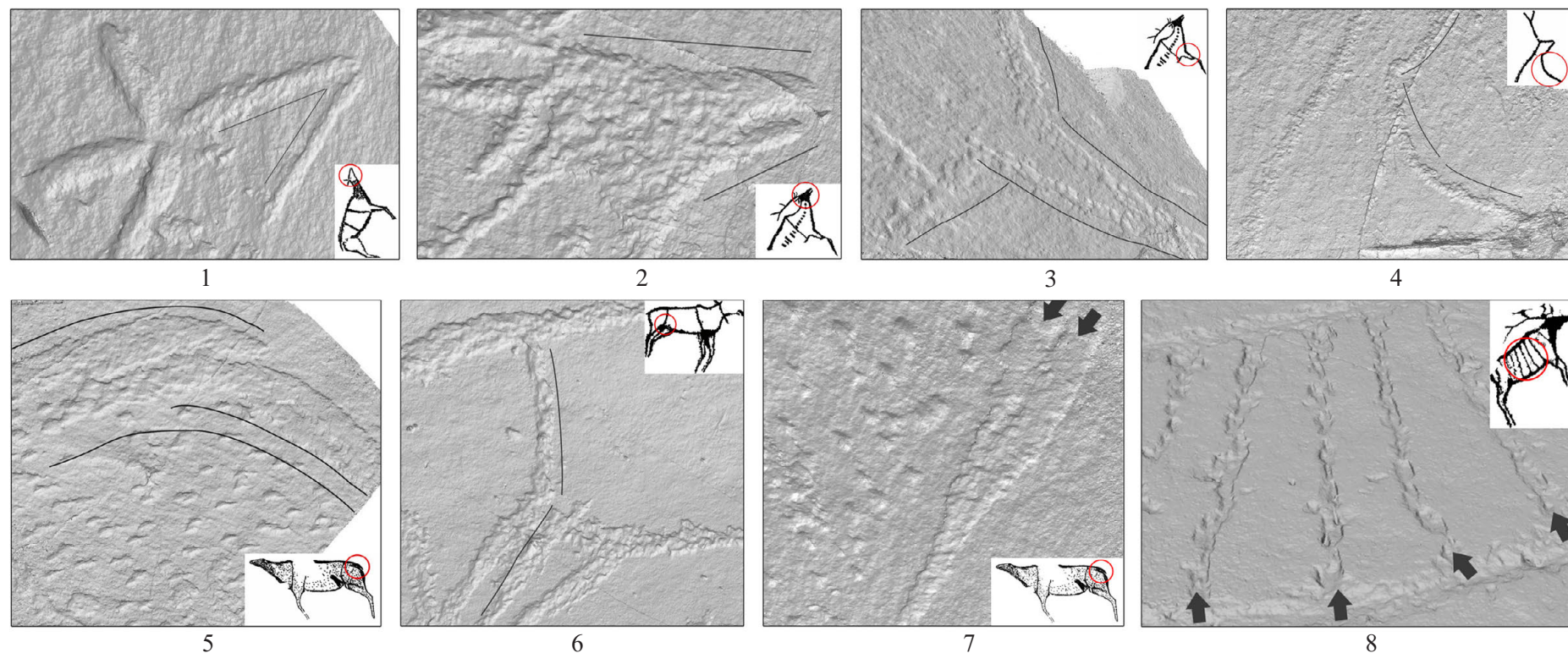
Линия шеи во всех случаях заканчивается там, где должна начаться передняя нога. Передняя нога часто продолжает линию шеи, либо может быть показана отдельной линией, при этом контур туловища не закрыт, а «подготавливает» пространство для выполнения передней ноги (рис. 2, 3, 4). В минусинском стиле ноги животного не прикрепляются к готовому контуру туловища как отдельные детали, что зачастую характерно, например, для окуневской манеры (рис. 1, 32, 34).

Внешний контур бедра заходит под окончание линии спины, за счет этого формируется хвост (рис. 2, 5). В минусинском стиле не отмечено исполнение хвоста отдельной линией, не зависящей от контуров спины и

бедра, что иногда характерно для других изобразительных пластов (рис. 1, 37, 38).

Линия бедра заходит за контур живота, часто это продолжение внутреннего контура задней ноги, иногда самостоятельная поперечная линия внутри туловища со сменой траектории по отношению к линии бедра (рис. 2, б). Задняя нога, как и передняя, зависит от линии живота и спины, а не «крепится» к готовому контуру туловища.

Для увеличения объема некоторых деталей на выступающих участках контуров используются двойные или тройные линии – плотно прилегающие параллельно друг к другу линии пикетажа (рис. 2, 7). Они часто фиксируются на шее, горбе или внешнем контуре бедра. Широкие линии пикетажа присутствуют вне зависимости от стиля (рис. 1, 33, 36), но в минусинском стиле широкими они становятся именно за счет добавления параллельных контуров.

Рис. 2. Способы построения деталей зооморфных изображений, характерные для минусинского стиля. 1, 2 – выполнение головы; 3, 4 – передача передней ноги; 5 – прием выполнения хвоста; 6 – прием оформления контуров бедра; 7 – двойные линии, формирующие дополнительный объем на выступающих участках контуров туловища животного; 8 – заполнение пространства внутри контуров линиями опосредованного пикетажа.

Заполнение контуров может быть различным: линии, точки, их сочетания, однако преобладает применение хорошо контролируемого опосредованного пикетажа, без лишних случайных движений (рис. 2, 8). Не отмечается нечетких линий или скоплений выбоин, кроме тех случаев, когда фиксируется эскиз.

Обобщение описанных приемов позволяет сделать следующие выводы. Для проанализированной группы изображений не характерно использование линий сложной траектории, преобладают слегка изогнутые или практически прямые линии с плавными переходами между ними. Значима последовательность линий и их взаимосвязь. Исполнение каждой детали (от головы к шее, от шеи к ноге и т. д.) зависит от подготовки пространства для нее. Увеличение объемов некоторых частей контуров за счет дополнительных линий пикетажа – также особый прием, характерный для минусинского стиля. Все эти характеристики вместе описывают своеобразную стратегию создания узнаваемых, своеобразных, натуралистичных наскальных изображений.

Предложенные критерии, описывающие особенности построения петроглифов минусинского стиля, вместе с формально-типологическими признаками позволят более точно провести границы этой группы в пределах крайне неоднородного древнейшего пласта и продвинуться в классификации наскальных изображений для уточнения их культурно-хронологической атрибуции.

Библиография

Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 147 с.
Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 20 с., XIX табл.
Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.
Дэвлет М. А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 29–43.

Дэвлет М. А. Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: Памяти В. Н. Чернецова. М.: Таус, 2006. С. 212–238.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Советская Хакасия, 1948. 109 с.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.

Зоткина Л. В., Тихтерев А. С., Харевич В. М., Плиссон Х. Экспериментальное изучение технологий в наскальном искусстве Минусинской котловины: виды пикетажа и инструментария // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 55–65.

Зоткина Л. В., Давыдов Р. В. Инструменты для нанесения тагарских петроглифов: результаты экспериментально-трассологического исследования // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. Вып. 3. С. 60–71.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; вып. 9).

Ковалева О. В. Наскальные рисунки поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. 160 с.

Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2001. 184 с.

Кызласов Л. Р. Историко-культурное значение образцов таштыкского искусства (на примерах графики) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Институт археологии АН СССР, 1990. С. 192–197.

Кызласов И. Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 39–53.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.

Миклашевич Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. №2. С. 66–76.

Миклашевич Е. А. О сходстве древнейших наскальных изображений Южной Сибири и Центральной Азии и проблеме их атрибуции // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 261. С. 82–98.

Мухарева А. Н. Раннесредневековая изобразительная традиция в петроглифах Саяно-Алтайского региона и сопредельных территорий // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Вып. 3. Археология и этнография. С. 189–198.

Подольский М. Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А. А. Формозова «Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР» // Советская археология. 1973. №3. С. 265–275.

Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии: Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 86–108.

Русакова И. Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 214–218.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999. С. 47–74.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Шер Я. А. Дискусии, дискуссии... // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 481–494.

Domingo Sanz I., Fiore D. Style: It's Role in the Archaeology of Art // Encyclopedia of Global Archaeology. New York: Springer, 2014. P. 7104–7111.

Gosselain O. P. Technology and style: potters and pottery among the Bafia of Cameroon // Man. 1992. Iss. 27. P. 559–586.

Le Brun E. La parenté entre Lascaux et les grottes du «Groupe de Pech-Merle» // Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées. 2012. LXVII. P. 49–60.

López S. R., González L. J. M. Chronostylistic elements for the dating of the open-air rock art assemblage of Domingo García (Segovia, Spain) // Les premiers hommes modernes de la Péninsule Ibérique et L'art rupestre paléolithique: Actes du Colloque de la Commission VIII de l'UISPP. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia, 2001. P. 183–203. (Trabalhos de Arqueologia; vol. 17).

Zotkina L. V., Kolobova K. A., Sutugin S. V., Olsen J. W. What defines the “Minusinsk Style” in the earliest rock art of the Minusinsk Basin, southern Siberia? // Journal of Archaeological Science: Reports. 2023. Vol. 49. 104009. DOI:10.1016/j.jasrep.2023.104009.

L. V. Zotkina

*Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS,
Novosibirsk, Russia*

"MINUSINSK" STYLE IN ROCK ART OF THE MINUSINSK BASIN: IMAGE CONSTRUCTION METHOD AND ATTRIBUTION

The earliest rock art of the Middle Yenisei and Siberia as a whole is extremely heterogeneous. Formal-typological characteristics are not always sufficient to classify groups of images with high variability. The article considers the main stylistically significant characteristics of the “Minusinsk” style in the rock art of the Minusinsk Basin, not only visually observed, but also manifested in image construction methods. Six methods, repeated in the Minusinsk style images, were revealed, which describe both the design and a special technological approach to the execution of petroglyphs, the strategy for reproduction zoomorphic images.

Keywords: petroglyphs, “Minusinsk” style, rock art image construction methods, Minusinsk Basin

М. Е. Килуновская

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.144-153>

РИТУАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТУВЕ

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания

«Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014)

В 2021 г. в долине р. Хондергей (Западная Тува, Дзун-Хемчикский р-н) обнаружена уникальная каменная выкладка, воспроизводящая фигуру копытного животного. По аналогиям с наскальными рисунками удалось установить, что здесь был изображен бык. Данный геоглиф не имеет аналогий, но в Туве, как и на Саяно-Алтае и в Казахстане, известны каменные геометрические конструкции. Часть из них приурочена к погребальным комплексам и имела поминальный характер, так как содержит следы жертвоприношений. Другие конструкции можно назвать геоглифами, так как это разные прямоугольные конструкции, линии, зигзаги, которые распространяются на большие расстояния, отчего в основном сложно понять их конструкцию и смысл. Самое близкое прочтение предложено Л. Н. Потаповым, как «дороги хозяина гор и лесов» (тув. орантагды ээзинин арыг оруу) [Потапов, 1969, с. 360]. Выкладки датируются эпохой бронзы, как по найденной в них керамике, так и по конструктивным особенностям. Именно в эту эпоху был широко распространен культ быка, который нашел отражение в наскальном искусстве, важным подтверждением чему служит хондергейский геоглиф.

Ключевые слова: Тува, эпоха бронзы, выкладки, геоглиф, петроглифы, бык

В настоящее время памятники, которые можно отнести к эпохе бронзы, в Туве единичны. Самые яркие материалы представлены на стоянке Тоора-Даш, исследованной Вл. А. Семеновым в Саянском каньоне Енисея [Семенов, 2018]. Здесь были выделены слои афанасьевской и тувинского варианта окуневской культур. Кроме того, каменный инвентарь и керамика эпохи бронзы известны на стоянках Азас в Тодже и Кара-Орга

в Пий-Хемском р-не. На этих стоянках найдены плиты с изображением личин. На стоянке Этекшил на левом берегу Бий-Хема кроме керамики окуневского облика найдены гравированные гальки. В самых разных местах Тувы находятся фрагменты керамики с трубчатым и накольчатый орнаментом, которые также можно отнести к эпохе бронзы. В основном это подъемный материал на выдувах, размытых берегах рек, в некоторых случаях под насыпями курганов (Аржан-2, Копто), а также на стоянках Хадынских и Этекшил [Семенов, 2018, с. 312]. Самый северный пункт, где собрана такая керамика, – могильник Мутная 1 в долине р. Ус [Митько, 2006, с. 288, рис. 1, 2]. В Туве есть два погребальных памятника, которые можно соотнести с афанасьевской культурой, – могильник Хайыракан на левом берегу Енисея и Ооруг-Аксы в Бай-Тайге [Вадецкая и др., 2014, с. 270–272]. Захоронений окуневской культуры здесь также немного – одно погребение около дороги Аржан-Хадын, раскопанное С. И. Вайнштейном, одно погребение на р. Талышкин в Эрзине, исследованное М. Х. Маннай-оолом, и могильник Аймырлыг XIII на берегу Саяно-Шушенского водохранилища, на котором было 10 могил [Стамбульник, Чугунов, 2006].

В разных районах Тувы зафиксированы геометрические выкладки из камней. Судя по немногочисленным артефактам и планиграфии, они связаны как с окуневской, так и с монгун-тайгинской культурами [Семенов, 2018, с. 313; Чугунов, 1994]. Впервые они исследованы С. А. Теплоуховым на левом берегу р. Туран и А. В. Адриановым на левом берегу

р. Уюк. В них обнаружены фрагменты орнаментированной керамики эпохи бронзы [Кызласов, 1979, с. 24, 25]. С. А. Теплоухов зафиксировал семь оград прямоугольной в плане формы, размещавшихся по линии СВ–ЮЗ на 300 м, из которых он раскопал четыре. Они были заложены плитами, под которыми находились угли и жженые кости животных. По периметру ограды были окружены вертикально поставленными плитами. Найденная А. В. Адриановым ограда имела большие размеры – 42 × 28,2 м. Внутри нее находилась прямоугольная в плане выкладка размерами 34 × 11,5 м. Через памятник была пробита траншея, в которой зафиксирован мощный слой с сожжением.

Пять аналогичных прямоугольных в плане выкладок раскопано в 2015 г. на могильнике Красная Горка 3 [Килуновская и др., 2017, с. 168, 169, рис. 27, 28]. Их размеры не такие большие – 7 × 3; 10,5 × 3,5; 1,5 × 1,5 м (объект 30). Они также были заполнены углями и сожженными костями животных [Семенов, Каспаров, 2020, с. 93–96]. От объектов 22 и 30 на восток и юго-восток были выложены длинные дорожки из вертикально поставленных камней: от первой на расстоянии 10, а от второй – на 80 м (всего 114 камней). Несмотря на отсутствие датирующих артефактов, их можно достоверно отнести к эпохе бронзы, так как они были перекрыты насыпями курганов монгун-тайгинской археологической культуры.

В непосредственной близости от них, на могильнике Красная Горка 15 И. П. Лазаретовым исследован ритуальный объект, имевший четкую структуру – прямоугольную в плане ограду, вымощенную плитами, разделенную перегородками на три части и имеющую вход (рис. 1, 1). Внутри прямоугольный в плане очаг с пережженными костями, «алтарь» из вертикально поставленных плит и галек. В нем найден целый орнаментированный гребенчатым штампом сосуд, который относится к тувинскому варианту окуневской археологической культуры. Авторы раскопок предполагают, что объект был создан для ритуала, который был проведен один раз. Он имеет аналогии в чемурчекской культуре Монголии и окуневских памятниках Хакасско-Минусинских котловин [Лазаретов, Поляков, 2018, с. 83–93]. Подобная керамика обнаружена в Малиновской ограде в Турано-Уюкской котловине, раскопанной А. М. Мандельштамом

в 1977 г. [Семенов, 2018, с. 312–316]. Это ограда прямоугольной в плане формы, размерами 17 × 13 м. С восточной стороны в нее вел коридор, в котором был положен скелет собаки, а внутри находились пережженные кости животных.

Все перечисленные памятники несли следы ритуальных действий, сопряженных с огнем и жертвоприношением животных, и были связаны с погребальными комплексами. Однако в разных районах Тувы зафиксированы конструкции, которые имели другую сакральную функцию. Многие из них своей планировкой повторяют в большой степени объект на Красной Горке 15. Они сделаны из небольших плит, вкопанных на ребро прямо на поверхности земли. В основном это подпрямоугольные ограды, по периметру выложенные двойной дорожкой плит, заполненной мелкими камнями, плитками, гальками, разделенные перегородками на три отсека-«нефа», имеющие прямоугольную выкладку в центре. К боковым дорожкам также пристроены дополнительные отсеки.

Подобный объект раскопан нами под горой Шолде-Тей, на которой имеются петроглифы эпохи бронзы [Килуновская, 2016, с. 39, 40] (рис. 1, 2). На одной из плоскостей Шолде-Тей представлена фигура, полностью повторяющая «храм» у подножия горы (рис. 2, 1). Это прямоугольная конструкция размерами 8 × 7 м, разделенная на отсеки, а с северо-востока от нее идут три дорожки, которые заканчиваются кругом диаметром 2,5 м. Среди камней обнаружены фрагменты орнаментированной керамики окуневского типа и кремневые отщепы.

У подножия хребта Аргалыкты такая выкладка заканчивается абсидой (могильник Аргалыкты II в Чаа-Хольском р-не) (рис. 1, 4). Она исследована Ю. И. Трифоновым [1965]: размеры 14 × 7 м, сложена из более крупных плит, чем шолде-тейская, вытянута в направлении З–В. Внутри выложено две дорожки, по бокам внутри пристроено четыре ящичка. Внутреннее пространство между дорожками по центру было выложено камнями, которые сохранились лишь частично.

Подобное сооружение обнаружено нами у подножия горы Аптара в Чаа-Хольском заливе (рис. 1, 3). Его размеры 10 × 5 м, ориентировано по линии ЮЗ–СВ. С северо-востока, по-видимому, была пристройка, но, к сожалению, она практически не сохранилась.

Несколько другие сооружения на поверхности земли зафиксированы в Монгун-Тайге на могильнике Терге-Кежи [Семенов, 1997, с. 29–32, рис. 48–50] (рис. 3). У них нет трехчленного деления. Внутри прямоугольника, построенного из одного ряда камней, находится ладьевидная фигура, слегка смещенная от центра. От этих конструкций отходят цепочки небольших камней. Их направление, по-

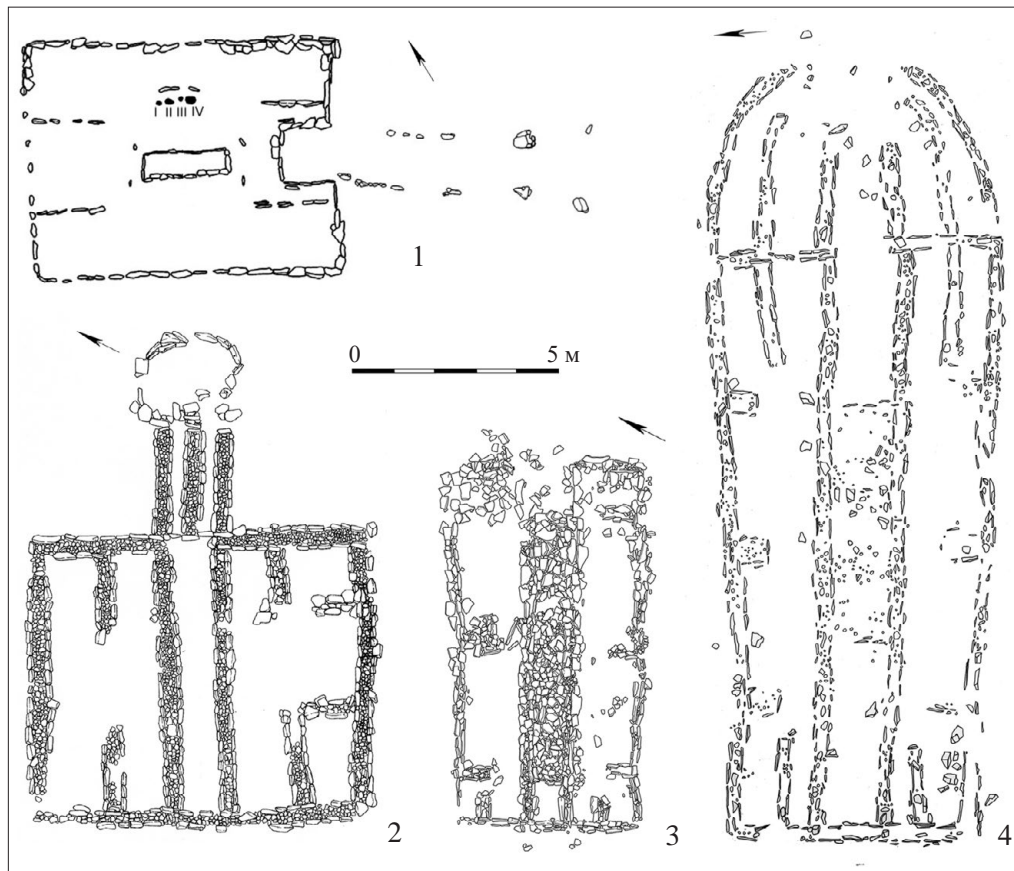

Рис. 1. Геометрические ритуальные выкладки. 1 – Красная Горка 15; 2 – Шолде-Тей; 3 – Аптара; 4 – Аргалыкты II.

Рис. 2. Изображения «жилищ» на скалах Тувы. 1 – Шолде-Тей; 2–5 – Мугур-Саргол; 6 – Кара-Туруг; 7 – Бага-Ойгур (Монгольский Алтай); 8 – Куу-Даг.

по-видимому, связано с горой Монгун-Тайга, покрытой вечным льдом. На высоком берегу в излучине р. Моген-Бурен представлен комплекс из шести примыкающих друг к другу оград, напоминающий сегмент радиальной конструкции типа Улуг-Хорума или Аржана (рис. 3, 1). В Монгольском Алтае на одной из плоскостей памятника наскального искусства Бага-Ойгур IV воспроизведена подобная конструкция [Кубарев и др., 2005, с. 86, 87, 408, рис. 100, 5, табл. 1092] (рис. 2, 7).

В Овьоре на могильнике Кара-Туруг 2 исследован комплекс каменных выкладок в виде геометрических фигур и линий, выложенных на уровне древнего горизонта из речного булыжника в один ряд (рис. 4). В западной части комплекса были выложены две прямоугольные оградки, от каждой из которых к востоку отходила линия, поворачивавшая затем на северо-восток. Эти линии пересекала третья, идущая в направлении С–Ю. Внутри линий были возведены четыре подквадратные в плане конструкции, внутри которых сложены круги, возможно, имитирующие очаг. На территории этого комплекса обнаружены отдельные фрагменты керамики и обработанные орудия и отщепы. На той же террасе исследован каменный ящик, который можно отнести к чемурчекской культуре (объект 5). В нем найдена половина большого сосуда, украшенного гребенчатым орнаментом. На краю террасы раскопан курган с захоронением мунххайбыраканской археологической культуры эпохи поздней бронзы (объект 3) [Килуновская, 2018, с. 35–53].

Геометрические фигуры, подобные описанным каменным выкладкам, известны на скалах как в Туве, так и на Монгольском Алтае (особенно на памятниках Цаган-Салаа и Бага-Ойгур). Наиболее представительная серия таких рисунков известна на памятнике Мугур-Саргол в Туве. М. А. Дэвлет подробно рассматривала эти фигуры и интерпретировала их как изображения жилищ [Дэвлет, 2006, с. 212–222] (рис. 2, 2–5). Интересно сравнение их с поселением эпохи поздней бронзы Торгажак в Хакасии, на котором хорошо изучены конструкции жилищ. Они также имели прямоугольную в плане форму и делились перегородками или рядами столбов на три части. Д. Г. Савинов подчеркивал, что эти жилища служили не только для бытовых целей, но имели также сакральную функцию [Савинов, 1996].

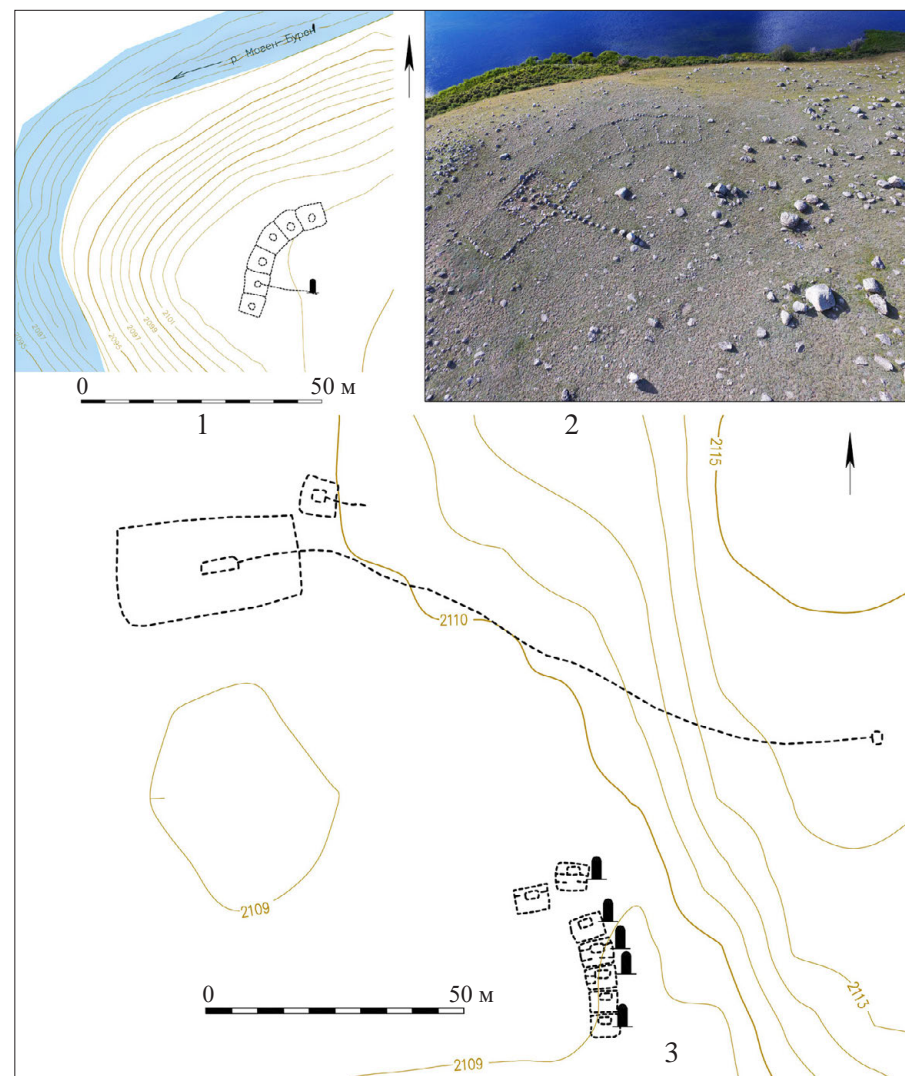

Рис. 3. Каменные выкладки в Монгун-Тайге. Могильник Терге-Кежи. Съемка 2020 г.

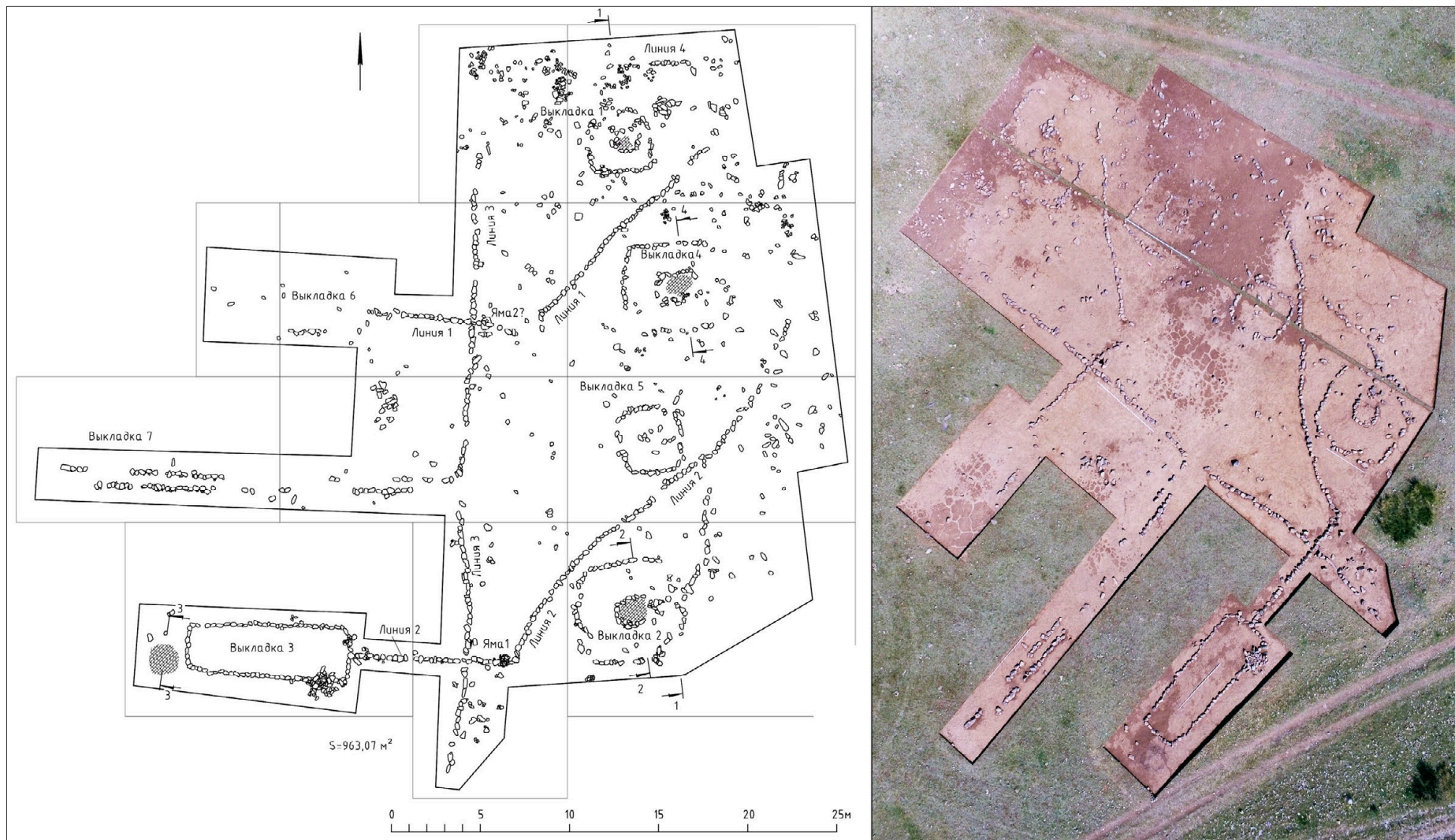

Рис. 4. Каменные выкладки на могильнике Кара-Туруг II (долина р. Торгалык, Овюр).

Нами обнаружены изображения «жилищ» в нескольких пунктах на горах Кара-Туруг и Куу-Даг (р. Южный Торгалык, около пос. Дус-Даг) [Килуновская и др., 2020]. Особенно интересны они на главной плоскости памятника Кара-Туруг 1, которая представляет собой фриз длиной 15 и высотой 2 м, где сосредоточено более 140 фигур. В начале выбиты две геометрические фигуры размерами 13 × 15 и 13 × 16 см, которые можно интерпретировать и как жилища, и как «дома мертвых» (рис. 2, б). В прямоугольной конструкции, разделенной на отсеки, находятся человеческие фигурки, которые выполнены вполне в реалистичной манере, когда можно отличить женские от мужских. К ним направляются еще один человек и козел. Остальные антропоморфные фигуры на памятнике показаны в основном схематично, участвующими в батальных и охотничьих сценах. Отдельная большая фалломорфная фигура с большой головой и раскинутыми в стороны руками с увеличенными ладонями находится в верхней части скалы вместе с колесницей. На плоскости есть и другие «жанровые сцены»: мужчина, женщина и ребенок в окружении животных («семья»?); сцены охоты; сцена поединка, когда два лучника стреляют друг в друга; быки и колесницы. Можно рассматривать их как взаимосвязанные сцены, которые могут сложиться в единый мифо-эпический сюжет [Килуновская, Семенов, 2018].

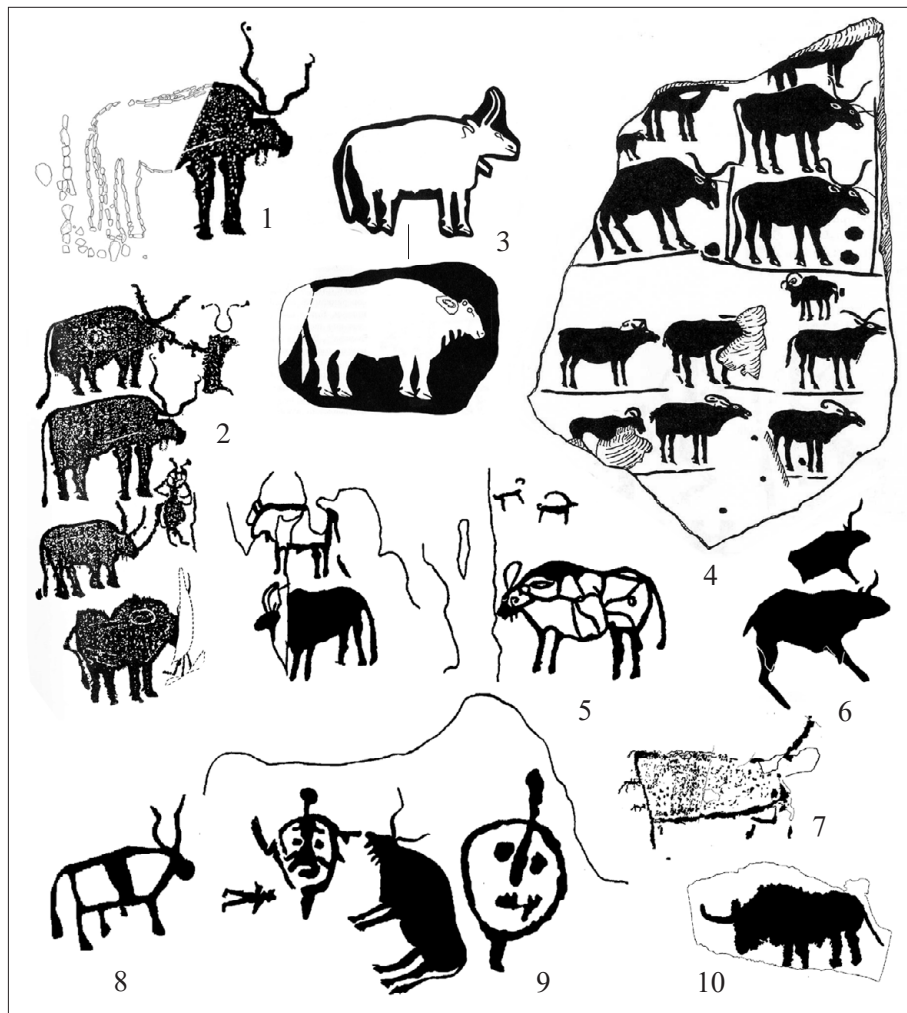
Рядом с Кара-Туругом протянулась горная гряда Куу-Даг, южные склоны которой покрыты наскальными рисунками, среди которых также имеются разные персонажи и сюжеты. На верхней плоскости на Куу-Даге 7 извилистой линией показана дорога, по которой идут два козла, преследуемые собаками и лучниками (рис. 2, 8). Над ними выбито два жилища: сплошной выбивкой показан дом с двускатной крышей, второе – контурная прямоугольная фигура, разделенная на три части, в трех отсеках в верхней части нанесено по два квадрата.

Все эти рисунки можно уверенно отнести к эпохе бронзы. Практически во всех сценах присутствуют изображения быка, который был главным персонажем этого времени. О культе быка М. А. Дэвлет писала во многих своих трудах (см. например: [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 203–212]). Она рассматривала его с точки зрения мифологии и этнографии. Этот

культ характерен для многих индоевропейских народов и зародился в эпоху энеолита-бронзы. В этот период формируются скотоводческие мифо-ритуальные представления, в которых самую главную роль играл образ быка – воплощение божества со множеством ипостасей и его атрибут. В этом образе предстает, с одной стороны, лунное божество, с другой – бог земли, который был покровителем дома и огня. В Ригведе понятие «бык» используется для обозначения мужской сексуальной потенции, выражения мужской производительной силы, поэтому для индоиранцев бык – воплощение плодородия.

Изображения быков известны на скалах всего Саяно-Алтая (Кара-Булун, Шолде-Тей, Догээ, Саамчыр и др.), они выполнены в разных стилистических традициях, которые можно связать с разными этапами эпохи бронзы [Килуновская, 1998]. Эти местонахождения находятся в особых местах, по которым проходят тропы через горные перевалы или речные долины. Самые ранние выполнены краской и представлены на скале Ямалыг (Эрзин, Тува) [Килуновская, 2011] (рис. 5, б). Для фигур быков характерны массивное туловище, заостренный выступ сзади, заостренные ноги, треугольные выступы на животе и на спине, маленькая морда с приоткрытым ртом, листовидное ухо и S-видный рог. Ближайшие аналогии этим фигурам известны в Монголии, Гобийском Алтае, а также в пещерах в окрестностях г. Алтай в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, которые также датируются неолитом или энеолитом. Эти памятники сближают также нарисованные охрой знаки в виде косых крестов. На хребте Саамчыр (Западная Тува) к раннему пласту рисунков относятся изображения быков больших размеров, сделанные контурной линией [Килуновская, 2008, с. 124–130] (рис. 5, 7, 8). Энеолитом датируется фигура быка, выбитая на плитке из афанасьевского погребения на могильнике Ооруг-Хову, исследованном Я. А. Шером (рис. 5, 10).

Быки изображаются отдельно (обычно парами) или в композициях с колесницами, сценах шествия животных. Интересна плита, найденная на горе Хайыракан в бассейне р. Улатай, на двух сторонах которой изображены в технике «утопленного» рельефа фигуры комолого и рогатого быков [Дэвлет, 1990] (рис. 5, 3). Такая же пара быков представлена на горе

Рис. 5. Изображения быков. 1 – геоглиф, Хондергей 22; 2 – Калбак-Таш; 3 – плита с горы Хайыракан (Овюр); 4 – Теньгинская плита (Озерное); 5 – Бижиктиг-Хая на Хемчике; 6 – Ямалыг (Эрзин); 7, 8 – Саамычыр; 9 – Мугур-Саргол; 10 – плита из Ооруг-Аксы (Барун-Хемчик). 1, 3, 5–10 – Тува; 2, 4 – Горный Алтай.

Бижиктиг-Хая на западе Тувы (**рис. 5, 5**). Здесь сочетаются изображения контурные и силуэтные, а также присутствуют фигуры, покрытые циркульным орнаментом – «пятнистые». Среди петроглифов Минусинских котловин, Алтая и Тувы часто быки выбиты в контурной манере. В этом случае их тело расчленено линиями на части или заполнено орнаментом в виде кругов и завитков. Их можно рассматривать как некое «вместилище» высшей силы. Подтверждением существования культа быка в эпоху бронзы могут быть ритуальные захоронения бычьих черепов в Синташте, в могильнике у г. Минусинск, в могильнике Итколь в Хакасии, на стоянке Тоора-Даш, а также в андроновских памятниках, в частности в Храпуновском могильнике, где были совмещены конские костяки и бычьи черепа. Эти данные свидетельствуют о значении быка как в мифологии, так и в ритуальной практике.

Важным открытием было исследование выкладки на могильнике Хондергей 22 (**рис. 6**). Здесь расчищен геоглиф, представляющий собой выкладку на земле, очертания которой повторяют фигуру быка. Выкладка сделана из вертикально вкопанных на ребро плиток и небольших валунов. Выложены часть спины, брюха, две задние ноги с копытами и длинный хвост животного. Спина показана двойной линией вкопанных камней, остальные части – одной линией. Передняя часть, к сожалению, не сохранилась. Размеры сохранившейся части изображения – 5 × 4 м. Среди камней выкладки обнаружено два небольших фрагмента керамики с трубчатым орнаментом, которая датируется эпохой ранней бронзы. Геоглиф в виде фигуры животного (быка в данном случае) уникален для археологии Тувы, да и в целом Южной Сибири и Центральной Азии. Изображение находит полные аналогии в наскальном искусстве эпохи бронзы III – начала II тыс. до н.э. Для реконструкции изображения мы взяли наскальное изображение быка памятника Калбак-Таш, так как оно по пропорциям наиболее подходит хондергейскому рисунку на земле (**рис. 5, 1, 2**). В этом же стиле выполнено изображение быка на Мугур-Сарголе, но он идет в другую сторону (**рис. 5, 9**). Ближайшие аналогии представлены и на Теньгинской плите, найденной у с. Озерное на Алтае (**рис. 5, 4**) [Молодин, Погожева, 1990]. Довольно похожие натуралистичные изоб-

Рис. 6. Геоглиф на могильнике Хондергей 22.

ражения быков находятся на изваяниях и плитах оград чемурчекской культуры, выделенной в Монголии и Северо-Западном Китае А. А. Ковалевым [2015, с. 160–164].

Находка выкладки в форме быка позволяет датировать значительный пласт наскальных рисунков. Это фигуры, сделанные довольно натуралистично: проработаны все детали – копыта, хвост, рога, уши, глаза, плавными линиями показано туловище. В этой же манере переданы фигуры

и других животных – козлов и лошадей. Такие рисунки фиксируются в большом количестве на скалах Тувы в разных районах. Петроглифы и представительная серия геометрических выкладок, имеющих как поминально-ритуальное, так и чисто ритуальное значение, свидетельствуют о существовании в этом регионе Центральной Азии в эпоху бронзы достаточно развитой культуры, погребальные и поселенческие памятники которой предстоит еще открыть.

Библиография

- Вадецкая Э. Б., Поляков А. В., Степанова Н. Ф.* Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетейа, 2005. 472 с.; 96 с. цв. вкл.
- Дэвлет М. А.* Новые материалы о древнем культе быка в Центральной Азии // Краткие сообщения Института археологии. 1990. Вып. 199. С. 55–60.
- Дэвлет М. А.* Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: Памяти В. Н. Чернецова. М.: Таус, 2006. С. 212–238.
- Килуновская М. Е.* Быки Кара-Булуна // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 159–163.
- Килуновская М. Е.* Быки Саамчыра // Тропюю тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 124–133. (Труды САИПИ; вып. IV).
- Килуновская М. Е.* Монохромные рисунки на скалах Центральной Азии // Природа заповедника «Убсунурская котловина». Вып. 2. Красноярск: Дарма-печать, 2011. С. 119–134.
- Килуновская М. Е.* Ритуальные выкладки эпохи бронзы – раннего железа Центральной Азии // Археология сакральных мест России. Сб. тез. докладов научной конф. Соловки, 2016. С. 38–42.
- Килуновская М. Е.* Археологические памятники на границе Тувы и Монголии (проблемы культурной принадлежности и хронологии) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 1 (21). С. 35–54.
- Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю.* Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булуна в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). № 6. СПб., 2017. С. 151–182.
- Килуновская М. Е., Семенов А. В.* Образы и композиции на скалах Овюра, Тува // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2018. С. 262–267.
- Килуновская М. Е., Семенов А. В., Чадамба Л. Д.* Памятник наскального искусства в долине реки Торгалыг – гора Кара-Туруг (Овюрский район Республики Тыва) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 21–44.

- Ковалев А. А.* Древние индоевропейцы в Сердце Азии. Чемурчечский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо: памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. 320 с.
- Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Московский гос. ун-т. 1979. 208 с.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Святилище раннего бронзового века в Туве // Археологические вести. Вып. 24. СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2018. С. 83–93.
- Митько О. А.* Памятники «окуневского круга» в долине р. Ус (Западный Саян) // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 283–291.
- Молодин В. И., Погожева А. П.* Плита из Озерного (Горный Алтай) // Советская археология. 1990. № 1. С. 167–177.
- Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 112 с.
- Семенов Вл. А.* Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб., 1997. 48 с.; 52 ил.
- Семенов Вл. А.* Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2018. 340 с.
- Семенов А. В., Каспаров А. А.* Основные итоги и перспективы исследования фаунистических останков из погребений 2–1-го тысячелетий до н. э. в Туве (по материалам исследований ТАЭ ИИМК РАН в 2010–2018 гг.) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 2. С. 89–121.
- Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 292–302.
- Трифонов Ю. И.* Отчет об археологических раскопках на могильнике Аргалыкты в 1965 г. / Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1965. № 25, 26.
- Чугунов К. В.* Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. Вып. 8. СПб., 1994. С. 43–53.

M. E. Kilunovskaya

Institute for the History of Material Culture, RAS, St. Petersburg, Russia

RITUAL SITES OF THE BRONZE AGE IN TUVA

In 2021 in the valley of the Hondergey river (Western Tuva, Dzun-Khemchik district) a unique stone-lined figure of a hoofed animal was discovered. We determined that it depicts a bull by analogies in the rock art imagery. This geoglyph has no analogies, but geometric stone-lined constructions are known in Tuva as well as in the Sayan-Altay and Kazakhstan. Some of them are related to burial sites and had ritual purposes since there are evidences of sacrifice. Other constructions can be defined as geoglyphs as they are represented by various rectangular constructions, lines, zigzags located on large distances and areas; in general their meaning and purpose can hardly be understood. The closest interpretation was proposed by L. N. Potapov as “the Paths of the Master of Mountains and Forests”. The geoglyphs are dated to the Bronze Age by the finds of ceramics in the sites and by the characteristics of their constructions. The cult of a bull is widely spread exactly in this period which is reflected in the rock art and is confirmed by the geoglyph of Hondergey.

Keywords: *Bronze Age, stone-lined figures, geoglyph, petroglyphs, bull*

Мугур-Саргол. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

А. А. Ковалев¹, Ч. Мунхбаяр²

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Ховдинский университет, Ховд, Монголия

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.154-170>

ВСЕМОГУЩЕСТВО ТОПОРА: ЧЕМУРЧЕКСКИЕ АНТРОПОМОРФЫ И КЕРНОСОВСКИЙ ИДОЛ

Статья посвящена рисункам топоров на антропоморфных изображениях чемурчекского культурного феномена Монгольского Алтая (III тыс. до н.э.) и их связи с изображениями предметов вооружения на Керносовской стеле из Среднего Поднепровья (энеолит–ранняя бронза). Особенности формы трапециевидных топоров, которыми «вооружены» чемурчекские параболические антропоморфы, изображенные на плите ХЧ 429/439/440 святилища Хар чулуут 1 и на петроглифах долины р. Их-Ойгор-Гол, позволяют предположить, что их прототипами были кельты сейминско-турбинских типов последней трети III тыс. до н.э. С фигурой параболического антропоморфа на плите, использованной в конструкции святилища Хар чулуут 1 (ХЧ 483), связаны изображения топоров трех других типов: проушной клиновидный топор, плоский каменный шлифованный топор и топор-молот. Такие предметы в Западной Сибири характерны для периода энеолита, что позволяет датировать изображение временем появления чемурчекского феномена в предгорьях Алтая – 27–26 вв. до н.э. На Керносовском «идоле» также представлены топоры трех разных типов: проушной топор типа Баньябик (Баньябюкк), плоский топор типа Винча (поздний вариант) и топор-молот вытянутых пропорций (ближайшая аналогия – топоры из новосвободненской гробницы Клады 31/5). Вместе с ними изображен нож или кинжал с горизонтальными плечиками и овальным окончанием, типа найденных в погребениях майкопско-новосвободненской общности. Этот круг аналогий позволяет датировать Керносовский идол в пределах 34–32 вв. до н.э. Наличие на Керносовской стеле и чемурчекском антропоморфе полного набора из трех типов боевых топоров подчеркивает смысловую связь этих памятников, несмотря на разрыв во времени и пространстве. Подмеченное сходство – еще одно свидетельство активного участия населения восточно-европейских степей в чемурчекской миграции начала III тыс. до н.э. из Франци на Монгольский Алтай.

Ключевые слова: чемурчекский культурный феномен, афанасьевская культура, большемысская культура, сейминско-турбинский феномен, усатовская культура, майкопско-новосвободненская культурная общность, энеолит, ранний бронзовый век, антропоморфные изображения, петроглифы, боевые топоры

Полевые исследования 2019 г. в высокогорье Монгольского Алтая (Уланхус сомон Баян-Ульги аймака) ознаменовались ярким открытием: археологам удалось впервые обнаружить изображения параболических антропоморфных фигур с оружием – боевыми топорами и кинжалом. Параболические и прямоугольные «безголовые» и «безрукие» антропоморфы с отходящими вверх антеннами различных типов – центральные персонажи композиций на плитах чемурчекских святилищ второй половины III тыс. до н.э. [Ковалев, Мунхбаяр, 2015, с. 159; 2022, с. 86; Ковалев, 2021]; чемурчекскую атрибуцию подтверждает выявление таких изображений как на чемурчекских статуях и плитах гробниц в Синьцзяне [Ковалев, 2021], так и среди наскальных изображений Горного и Монгольского Алтая [Кубарев и др., 2005, рис. 69]. Ранее уже фиксировались подобные изображения с отходящими вбок дополнительными линиями, однако распознать в этих «отростках» какие-либо реальные предметы не представлялось возможным. В июне 2019 г. среди петроглифов местонахождения Бага-Ойгор (правый берег) IV впервые был обнаружен параболический антропоморф с топором на длинном древке [Молодин и др., 2021]. Месяцем позже четыре подобных изображения найдены на плитах чемурчекского святилища Хар чулуут 1 [Ковалев,

2021, рис. 1, 4; Ковалев, Мунхбаяр, 2022, рис. 1, 5] (рис. 1). При исследовании этого ритуального сооружения собраны обломки плиты, изначально установленной в западной стенке ограды (ХЧ 429аб, ХЧ 439, ХЧ 440) (рис. 1; 2). На плите изображены три антропоморфа, «вооруженные» топорами. Атрибутом центральной фигуры является еще и кинжал, подобный роговому изделию, найденному в «малой» ритуальной ограде Хул уул [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 167, рис. 24, 28]. Еще один антропоморф с тремя топорами, отходящими вверх от центральной выемки, изображен на массивной плите (ХЧ 483), использованной при строительстве одной из каменных платформ, примыкавших к ограде изнутри (рис. 1; 3; 7, 1). Кроме этой фигуры на плоскости плиты прослеживаются изображения лошади, двух параболических антропоморфов с антеннами и еще одного параболического антропоморфа без антенн. Рисунки нанесены бессистемно, ориентированы в разных направлениях, что говорит о том, что они были предназначены для обзора сверху, как и другие рисунки на массивных обломках, зачищенных в центре ограды в ходе первого этапа раскопок в 2015 г. [Ковалев, Мунхбаяр, 2015, с. 165]. Глыба лежала изображениями вниз, и рисунки на ней, таким образом, могли быть нанесены либо до строительства святилища, либо в ранний период его функционирования, когда плита могла быть уложена в центре сооружения вместе с другими подобными «произведениями» (плиты ХЧ 112/117, ХЧ 115, ХЧ 136 [Ковалев, Мунхбаяр, 2015]) для обозрения их сверху.

В 2021 г. опубликованы пять интереснейших антропоморфов, обнаруженных в долине р. Их-Ойгор-Гол, южнее местонахождения Цагаан-Салаа/Бага-Ойгор [Дэлхийн өв, 2021, с. 49]. Это тщательно выполненные и, возможно, подновленные рисунки. Одна из фигур снабжена раздваивающимися на концах антеннами (как у окуневских личин). Три фигуры имеют заполнение в виде рядов треугольников вершинами вверх, одна – явное изображение женской груди (рис. 4). Ряды треугольников вершинами вверх – типичное заполнение поверхности сланцевых «идолов» Пиренейского полуострова (начало III тыс. до н.э.), ряды треугольников вершинами вверх и женские груди изображены на параболических антропоморфах неолитического святилища Бодман-Людвигсхафен в Герма-

нии (3857–3815 гг. до н.э.) [Ковалев, Мунхбаяр, 2015, с. 166, рис. 74; Ковалев, 2021, с. 124, 125]. В двух случаях от параболического контура отходят топоры с трапециевидной лопастью, причем один из персонажей имеет сразу два топора (рис. 4, 1).

В связи с этими недавними находками можно предполагать, что антропоморф с местонахождения Цагаан-Салаа IV [Кубарев и др., 2005, рис. 681] (рис. 5, 1) также изображен с топором или клевцом, однако идентифицировать предмет, отходящий от его контура, все же не представляется возможным.

Топоры антропоморфов с р. Их-Ойгор-Гол аналогичны оружию, изображенному на плите из ограды святилища Хар чулуут (ХЧ 429/439/440). Для всех них характерна не только трапециевидная форма, но и то, что их лопасть отклонена вверх, образуя с рукоятью тупой угол (100–112°) (рис. 5, 6–10). Втулка ни в одном случае не прослеживается, в том числе нельзя считать втулкой и подпрямоугольное расширение контура топора у центрального персонажа плиты из Хар чулуут – оно в четыре раза шире рукояти (рис. 5, 10). Проушные или втульчатые топоры с отклоненной вверх лопастью в близких хронологически и территориально памятниках не встречены, однако мы можем иметь дело с оружием, прикреплявшимся к рукояти иным образом. Гипертрофированная трапециевидность лопасти (вплоть до почти треугольного контура) может указывать на то, что в оригинале это были кельты сейминско-турбинского типа, закрепленные на рукояти с отходящим наискось выступом. В качестве примеров можно привести кельты из могильника Ростовка и из кургана 3 могильника Ак-Чий I в Восточном Казахстане (рис. 5, 18–22) [Матюшенко, Синицына, 1988, рис. 18, 32, 43, 52, 54; Алехин и др., 1992, с. 137]. В Восточном Казахстане, население которого, несомненно, находилось в контакте со строителями ритуальных оград Монгольского Алтая [см.: Ковалев и др., 2020, с. 87, 88], известны и случайные находки таких предметов [Черных, Кузьминых, 1989, с. 58, 59, 63; Мерц, 1999, с. 72]. Сейминско-турбинские аналогии позволяют предварительно датировать изображения топоров с отклоненной вверх лопастью последними веками III тыс. до н.э. [см.: Молодин и др., 2014, с. 152, 153].

Рис. 1. Западная часть ритуального сооружения Хар чулуут 1 после снятия каменной засыпки (раскопки 2019 г.). 1 – каменные платформы; 2 – место установки плиты ограды ХЧ 429/439/440; 3 – переиспользованная в конструкции платформы плита с изображениями ХЧ 483; 4 – яма с захоронением костей животных; 5 – место установки каменной стелы (?); 6 – участок стенки ограды, разобранный при раскопках 2015 г.; 7 – современная могила.

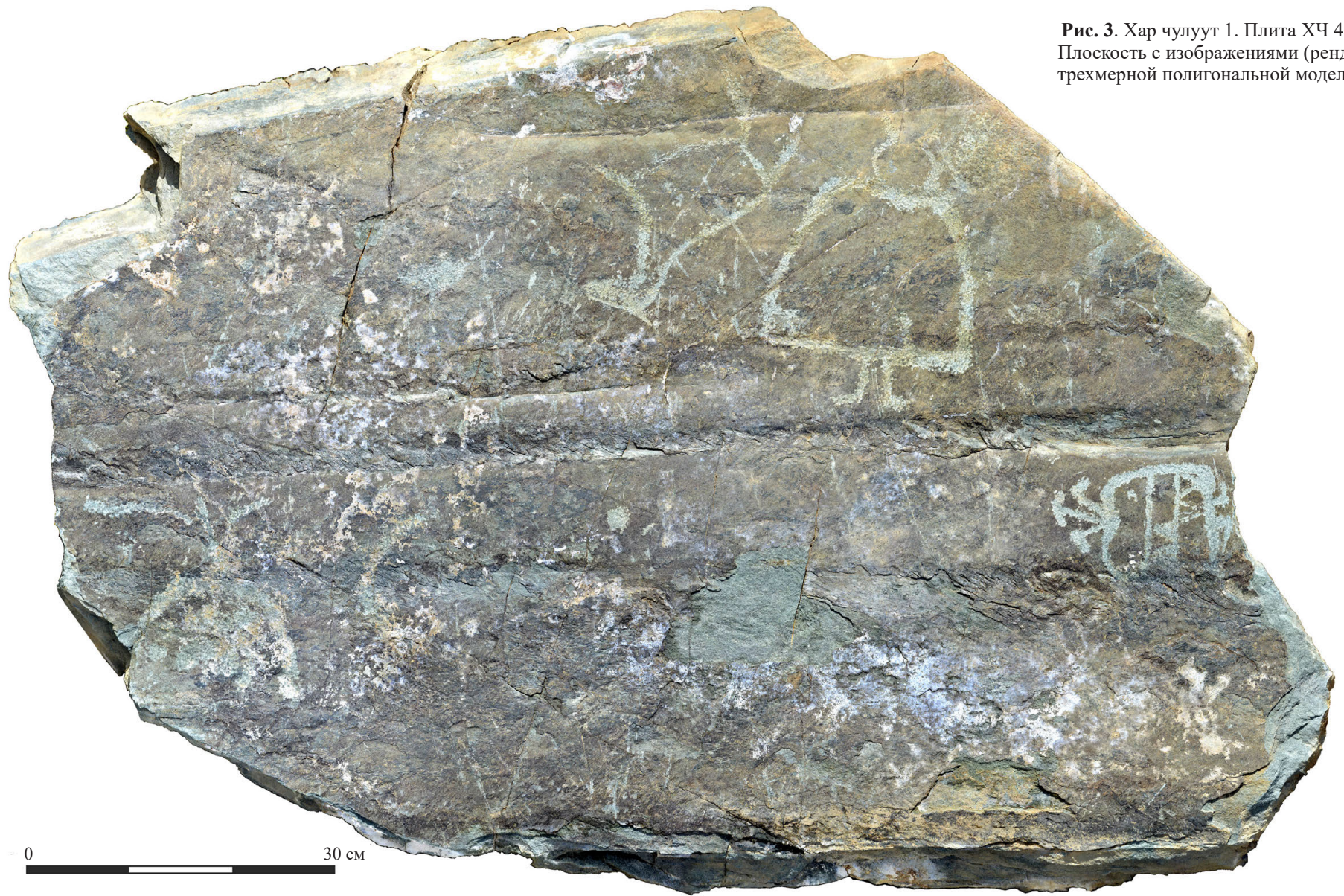

Рис. 2. Хар чулуут 1. Плита ограды ХЧ 429/439/440. Плоскость с изображениями (рендер трехмерной полигональной модели).

Топор, который «держит» антропоморф с местонахождения Бага-Ойгор IV, несмотря на трапециевидную форму лопасти, невозможно объединить в одну группу с перечисленными выше: у него показан выраженный обушок (рис. 5, 2). Самым похожим на него предметом в контексте раннего бронзового века можно считать бронзовый топорик из могилы 4 кургана Тас-Хазаа в Хакасии (рис. 5, 15) [Гришин, 1971, табл. 12, 1]. Если доверять автору раскопок А. Н. Липскому, то в комплекс этого коллективного погребения входил наряду с окуневским инвентарем еще и

афанасьевский сосуд [Липский, Вадецкая, 2006, с. 18–21]. Курган относится к раннему – уйбатскому – этапу окуневской культуры, что позволяет его датировать 26–23 вв. до н.э. [Поляков, 2022, с. 153, 188].

Теперь о трех топорах, «принадлежащих» антропоморфу с массивной плитой ХЧ 483. Во-первых, следует отклонить версию, что это не топоры, а антенны, наподобие зафиксированных у других аналогичных фигур [Молодин и др., 2022, с. 255, 256]. Ведь во всех остальных случаях антенны изображены в виде симметричных или одинаковых линий/фигур.

Рис. 3. Хар чулуут 1. Плита ХЧ 483.
Плоскость с изображениями (рендер
трехмерной полигональной модели).

Рис. 4. Район р. Их-Ойгор-Гол (Улаанхус сомон Баян-Ульги аймака Монголии). Параболические антропоморфы с топорами (по: [Дэлхийн өв, 2021]).

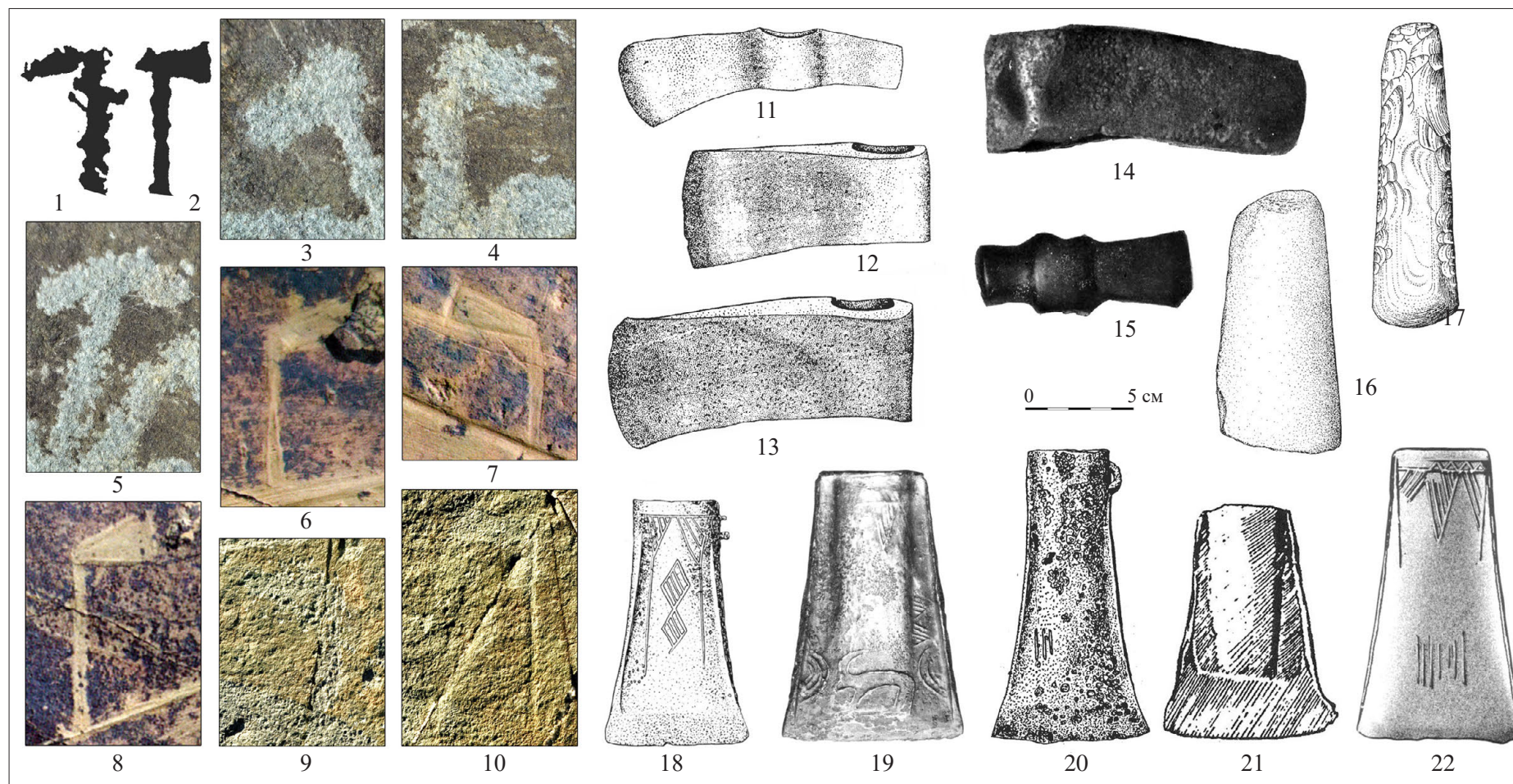
Во-вторых, нашему восприятию не должно мешать привычное желание обнаружить у антропоморфа хоть какую, но голову. То, что центр верхнего обреза отнюдь не предназначен для помещения головы, подчеркивается не только наличием в большинстве случаев здесь не выступа, а выемки, но и тем, что именно от этой выемки «отпочковываются» вниз фигуры с раскинутыми руками (Хулагаш – плита ХЛГ 53, Хар чулуут 1 – ХЧ 188/192) [Ковалев, Мунхбаяр, 2021]. Наконец, в пользу трактовки трех рассматриваемых фигур именно как набора топоров свидетельствует уникальная аналогия с атрибутами другого персонажа, запечатленного в камне. Речь идет о так называемом Керносовском идоле, обнаруженном в начале 1970-х годов на левобережье Днепра, в четырех тысячах километров от Монгольского Алтая [Крылова, 1976] (рис. 6, 1). Если принять фигуры с плиты ХЧ 483 за топоры разных типов (рис. 7, 1), можно заключить, что слева изображен проушной клиновидный топор с хорошо различимым массивным обухом (рис. 5, 3), в центре – характерно изогнутый топор-молот (рис. 5, 5), а справа – плоский топор, перпендикулярно всаженный в рукоять, или подпрямоугольный кельт (обух не показан) (рис. 5, 4). Точно такой же набор топоров – на Керносовской стеле (рис. 7, 2). Слева – топор-молот (рис. 8, 3), правее него – плоский подпрямоугольный топор (рис. 8, 1), справа – проушной топор с массивным обухом (рис. 8, 2).

Реалии, связанные с изображением на плите ХЧ 483, обнаруживаются в российской части Алтая. Прежде всего, это клад металлических изделий, найденный у с. Клепечиха Поспелихинского р-на Алтайского края (ранее относилось к Шипуновскому р-ну, поэтому клад обычно называют «Шипуновским»), в который входили два проушных клиновидных топора и один топор-молот, т. е. два из трех видов представленных на петроглифе изделий [Кирюшин, 2002, с. 24, рис. 47] (рис. 5, 11–13). Также в Алтайском крае, около с. Плотниково Каменского р-на, что в 150 км к северу от Клепечихи, найден еще один проушной металлический топор [Гришин, 1971, с. 48, табл. 12, 3]. Лопасть этого топора подпрямоугольная и заметно наклонена, образуя острый угол с рукоятью, что соответствует топору с чемурчекского рисунка (рис. 5, 14). Топоры Шипунов-

ского клада и топор из Плотниково по форме и технологии считают следствием влияния майкопско-новосвободненских или раннеямных традиций и связывают с афанасьевской или большемысской энеолитическими культурами [Кирюшин, 2002, с. 24, 25; Грушин и др., 2009, с. 15–17]. В погребениях волжско-уральского варианта ямной культуры, с которым связывают происхождение «афанасьевцев», обнаружены аналогичные изделия: клиновидные топоры «утевского» типа и «клевец», т. е. втульчатые топоры-молоты [Кузнецов, Кузьминых, 2006; Моргунова, 2014, с. 300, 301]. Что касается третьего топора на петроглифе, явно не относящегося к проушным изделиям, то на эту роль можно предложить и кельт с подпрямоугольными очертаниями, и плоский шлифованный топор типа найденных в погребении 2 могильника Большой Мыс, у с. Сычевка или на поселении Мереть (Алтайский край) (рис. 5, 16, 17) [Кирюшин, 2002, с. 19, 41]. Такие топоры характерны для неолитических памятников, но если период их бытования, как показывает находка в могильнике Большой Мыс, захватывает эпоху энеолита, это вполне соответствует датировке металлических изделий из Шипуновского клада. По этим аналогиям комплект топоров, которым снабжен антропоморф с чемурчекской плиты, можно датировать очень ранним временем (начиная с последней трети IV тыс. до н. э.), однако, учитывая проведенную нами работу по датировке чемурчекских памятников, афанасьевских памятников Синьцзяна и смешанных афанасьевско-чемурчекских комплексов [Ковалев, 2019], наиболее вероятна дата 27–26 вв. до н. э., время появления чемурчекского феномена в западных предгорьях Монгольского Алтая. Таким образом, изображения на плите ХЧ 483 оказываются древнее композиции антропоморфов с топорами, изображенной на плите ХЧ 429/439/440, что вполне согласуется с их положением в комплексе: плита ХЧ 483 после нанесения на нее рисунков была использована как строительный материал при устройстве платформы, а плита ХЧ 429/439/440 была частью внешней стенки ограды, и изображения на ней могли появиться гораздо позже. Наши выводы не противоречат и 14С датам, полученным по образцам из Хар чулуут 1 [Ковалев, Мунхбаяр, 2022, с. 85].

Как это ни удивительно, поискам реалий для изображений предметов на Керносовском идолу не уделялось должного внимания. Исследователи

Рис. 5. Изображения топоров и клевца (?) на чемурачских петроглифах (1–10) и их возможные прототипы (11–22).

1 – Цагаан-Салаа IV; 2 – Бага-Ойгор IV; 3–5 – Хар чулуут 1 (плита ХЧ 483); 6–8 – Их-Ойгор-Гол; 9, 10 – Хар чулуут 1 (плита ХЧ 429/439/440); 11–13 – с. Клепечиха («Шипуновский клад»); 14 – с. Плотниково; 15 – курган Тас-Хазаа, мог. 4; 16 – Большой Мыс, погр. 2; 17 – пос. Мереть; 18–20, 22 – могильник Ростовка; 21 – курган Ак-Чий I-3.

1 – по: [Кубарев и др., 2005]; 2 – по: [Молодин и др., 2021]; 6–8 – по: [Дэлхийн өв, 2021]; 11–13, 16, 17 – по: [Жирюшин, 2002]; 14, 15 – по: [Гришин, 1971]; 18, 20 – по: [Матющенко, Синицына, 1988]; 19, 22 – по: [Ковтун, 2013]; 21 – по: [Алехин и др., 1992]. 16, 17 – камень, остальные предметы – бронза (медь?).

Рис. 6. 1 – Керносовский идол, лицевая и тыльная стороны (по: [Dei di pietra, 1998]); 2–6 – изображения на плитах святилищ Харчулуут 1 (ХЧ) и Хулагаш (ХЛГ); 2 – ХЛГ 165; 3 – ХЧ 135; 4 – ХЧ 300; 5 – ХЧ 103; 6 – ХЧ 417.

ограничивались общими замечаниями о том, что на стеле изображены топор-молот и бронзовые топоры. Наиболее конкретное заключение сделал недавно С. Н. Кореневский, определив два топора как «майкопские группы 2» (по его классификации), а топор-молот сравнил с находкой из раннего комплекса новотиторовской культуры Лебеди I 3/10, однако и этот вывод не сопровождался развернутым анализом аналогий [Кореневский, 2017, с. 93]. Тем не менее детализация изображений предметов вооружения на Керносовском идоле вполне позволяет идентифицировать их прототипы и предложить довольно узкую датировку этой уникальной скульптуры. Контуры предметов, вырезанные в камне, очень четкие, поверхность снаружи фигур выбрана довольно широко, так что рисунок представляет собой скорее койлонаглиф наподобие египетских рельефов.

С. Н. Кореневский, назвав два из трех топоров «майкопскими», проигнорировал различия в их контурах: у одного показан массивный обух, а у другого прямая рукоятка без утолщения продолжается до верхнего среза. Имеющиеся на сегодняшний день материалы показывают, что эти различия отнюдь не случайны.

Правый (ближний к левому боку фигуры) топор (рис. 8, 2) действительно можно сравнить с майкопско-новосвободненскими проушными экземплярами. Однако если искать наибольшее подобие, то придется остановиться на топорах типа Баньябик (Баньябюкк), характерных для территории нынешней Румынии и Бессарабии (рис. 8, 5–8). Эпонимный клад, включавший не менее 43 однотипных топоров, был найден крестьянами в 1928 г. в трансильванском селении с венгерским названием Баньябюкк (Bányabükk), в румынской транскрипции Баньябик (Baniabic) (ныне селение Вылчеле, коммуна Феляку, жудец Клуж) [Roska, 1959]. Типологии и хронологии топоров этого типа посвящена обширная литература, на сегодняшний день принято синхронизировать время их бытования с периодом существования майкопской культуры [см.: Дергачев, 2018, 2019]*. Не углубляясь в детали типологических построений, заметим, что из всех видов проушных топоров эпохи энеолита–ранней бронзы именно топоры клада Баньябик имеют такой же массивный обухок, как

и «правый» топор Керносовского идола. В профиль обухок изображенного топора составляет около 1/6–1/7 от его общей длины. Обух баньябикских топоров в плане подтреугольный, уходящий назад от проуха гораздо дальше, чем у майкопско-новосвободненских топоров, округлый обухок которых, как правило, повторяет контур проуха. Длина обухка топора типа Баньябик составляет от 1/8 до 1/7 его общей длины, что гораздо ближе к топору Керносовского идола, чем к майкопским топорам. Второй особенностью керносовского топора является его прямой верхний обух с возможным расширением у лезвия. Майкопско-новосвободненские проушные топоры («асимметричные») в большинстве имеют скошенный верхний край, тем более без «оттянутого» верхнего кончика лезвия. Топоры клада Баньябик как раз соответствуют по этому признаку керносовскому орудью. В 1993 г. топор типа Баньябик был найден в элитном погребении (погр. 35) усатовской культуры, основном для огромного кургана у с. Александровка (Одесская обл.) (рис. 8, 9). Погребение сопровождалось богатым инвентарем, включавшим кроме топора разнообразную керамику, серебряные спиралевидные подвески и два асимметричных тесла майкопских типов, парадный роговой молот, каменный пест, два ножа-кинжала усатовского типа, бронзовый нож, долото и два шила [Manzura, 2020, fig. 5–6; 2022, p. 129–130, fig. 4; Дергачев, 2022,

* Признавая синхронизацию топоров типа Баньябик с «Майкопом», все же нельзя согласиться с В. А. Дергачевым, который объединяет западные и восточные «втульчатые» (т. е. проушные) топоры в один тип «Майкоп-Новосвободная-Баньябик», предлагая даже сократить его название до «типа Майкоп» [Дергачев, 2022, с. 223]. Предложенная им классификация основана на различиях способов заливки металла в форму, следующим уровнем выступает вид изделия в профиль (подпрямоугольный, трапецевидный, «асимметричный» (sic! – А. К.)) [Дергачев, 2022, с. 217–220]. При этом без объяснений остальные формальные признаки, кроме профиля, переводятся в подчиненное положение. Автор воспринимает свою «классификационную схему» как отображение развития реальной традиции изготовления топоров, которая тем самым на всех этапах оказывается зависящей от кавказского влияния. Такой подход не может быть принят, поскольку выдвигаемые автором на передний план технологические приемы могли быть восприняты в любом культурном контексте и не обязательно были связаны с формой топора, более того, с его видом именно в профиль. Выделение «веду-

с. 357]. В. А. Дергачев по указанным выше причинам называет топор «новосвободненским» и «майкопским», хотя тот имеет все признаки, характерные именно для баньябикских изделий [Дергачев, 2022, с. 261, 357]. Согласно признакам, выделенным В. А. Дергачевым, погр. 35 Александровского кургана по керамическому набору (особенно необходимо отметить наличие здесь чернолощеного сосуда с веревочной орнаментацией) можно отнести ко второму периоду развития усатовской культуры (Триполье С_γ-II.2 по Дергачеву – 34–32 вв. до н.э.) [Дергачев, 2022, с. 146–149].

У другого «керносовского» топора (**рис. 8, 1**) не показан обушок, поэтому он может быть, как уже говорилось выше, плоским лезвием, вставившимся в разрез рукояти. Края его лопасти скошены незначительно, а сама она довольно широкая. В Поднепровье и Левобережной Украине ближайшие по форме изделия – плоские топоры «позднего варианта типа Винча-Альтхайм» (точнее – типа Винча) (**рис. 8, 10–19**). Этот вариант выделен В. И. Клочко по признаку отливки в каменной литейной форме и по составу металла (мышьяковисто-оловянистая бронза) и связывается им с распространением памятников софиевского культурного типа [Клочко и др., 2020, с. 21–24], однако все такие находки на Украине сделаны грабителями археологических памятников, их контекст неизвестен. Уточнить датировку этих изделий можно на основании данных стратифицированной находки клада плоских топоров на поселении культуры воронковидных кубков Кетш (Kietrz) 25 в Верхней Силезии (Польша) (**рис. 8, 20**). Восемь топоров типа Винча, хранившихся в характерном неорнаментированном глиняном сосуде, обнаружены вместе с другими артефактами в подвале сгоревшей жилой постройки, которую ис-

щих» признаков, как в данном случае «симметричность» или «асимметричность» профиля изделия, выявление иерархии признаков должно быть строго обосновано культурным контекстом, что не было сделано автором классификационной схемы. Особенности форм топоров разных регионов и культур на протяжении веков могли влиять на изделия любой другой культурной группы любым образом. «Древовидная» схема развития, характерная для биологических объектов, не может быть принята для постоянно взаимодействующих социальных структур.

следователь датировал временем III фазы восточной группы культуры (TRB-MESIII) – 3500–3350 гг. до н.э. и синхронизировал с периодом Болераз на соседней территории Чехии [Łęczycki, 2004]. Эта датировка подтверждается данными радиоуглеродного (AMS) анализа: две полученные по углю даты укладываются в период от 36 до 32 в. до н.э. [Kowalski et al., 2024, p. 13–15]. При этом топоры типа Винча из клада в Кетш 25 представляют «классический», ранний вариант – они более массивны и изготовлены из мышьяковистой бронзы [Kowalski et al., 2024, p. 5]. Таким образом, плоские топоры «позднего варианта» использовались населением Поднепровья в последней трети III тыс. до н.э.

Топор-молот, аккуратно вырезанный на Керносовской стеле (**рис. 8, 3**), имеет удлиненные пропорции, что вводит его в круг ранних каменных северокавказских топоров, встреченных в памятниках новотиторовской и ямной культур [Гей, 2000, с. 154–157; Ковалев, 2016, с. 31]. Однако эти топоры имеют характерную «ладьевидную» форму, т. е. их лопасть значительно расширяется книзу, в связи с чем прямое сопоставление «керносовского» топора-молота со сверленным топором «изящных пропорций» из могильника Лебеди, как это делает С. Н. Корневский (см. выше), не представляется возможным. Форма лопасти неизвестна только для обломка топора из раннего новотиторовского комплекса Первомайский 2/2 (Краснодарский край), содержавшего также широкий нож с закругленным окончанием наподобие изображенного на Керносовской стеле (см. ниже), долото и шило, которые можно сравнивать с майкопско-новосвободненскими артефактами [см.: Корневский, 2011, с. 77, 78; Рысин, 2014, с. 186, рис. 3] (**рис. 8, 21**). Отсутствие «ладьевидности» фиксируется только на экземплярах из новосвободненского комплекса: бронзовый топор-молот удлиненных пропорций обнаружен в каменной гробнице Клады 31/5 вместе с несколько более массивным каменным изделием [Резепкин, 2012, с. 39] (**рис. 8, 22, 23**). Наиболее ранний топор-молот, который может рассматриваться как свидетельство формирования традиции, найден в погр. 1 у с. Фэлчу (жудец Васлуй, Румыния) третьего периода среднестоговской культуры (конец V тыс. до н.э.) [Ponişoi, 1989; Котова, 2006, с. 116, 117] (**рис. 8, 24**). В отличие от других энеолитичес-

ких топоров-молотов Юго-Восточной Европы это бронзовое орудие имеет округлое, а не подпрямоугольное сечение лопасти, как и рассматриваемые топоры Северного Кавказа.

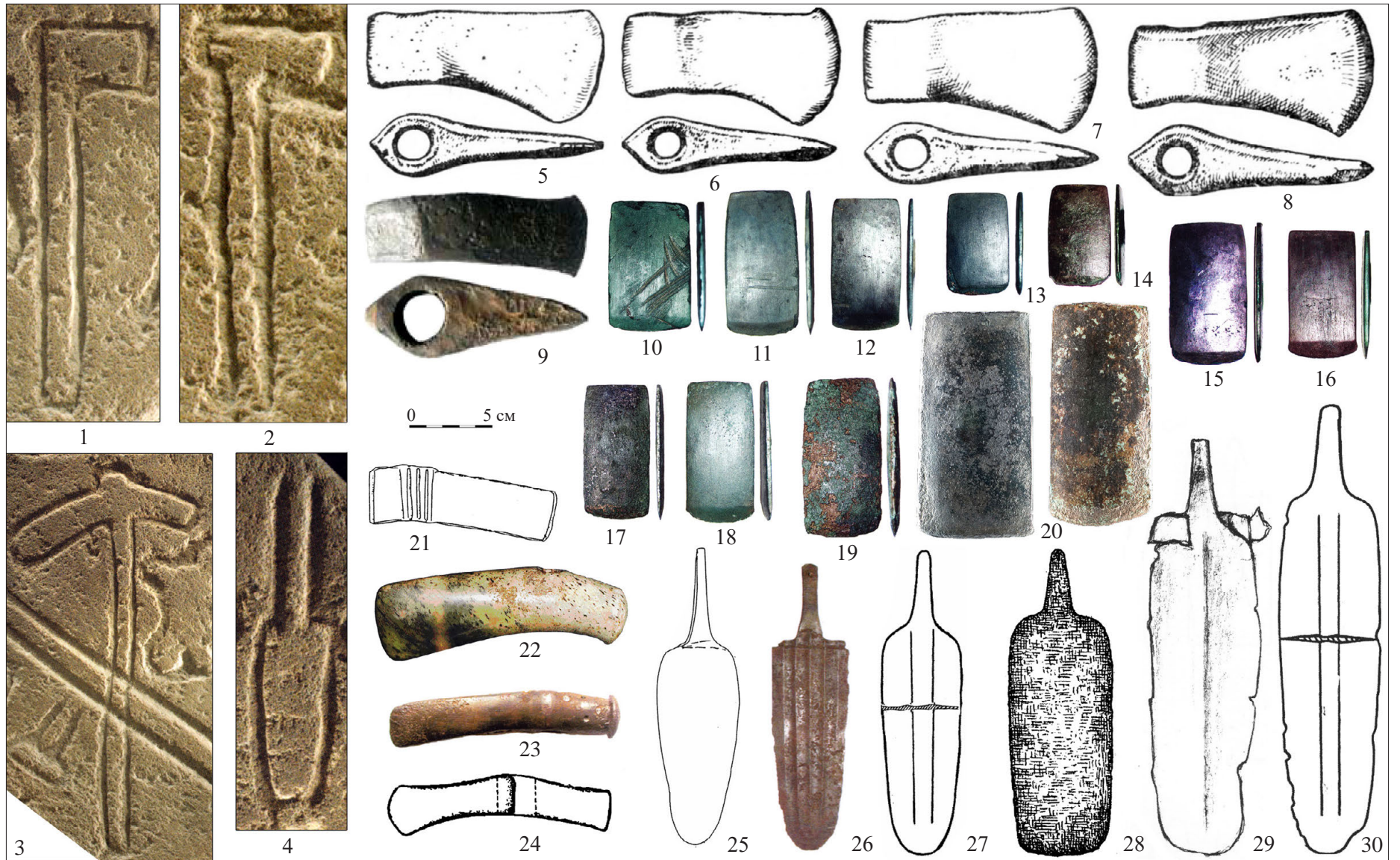
Более явную связь с майкопско-новосвободненским контекстом выявляет форма ножа, изображенного на Керносовском изваянии (рис. 8, 4). Нельзя согласиться с мнением Л. П. Крыловой [1976, с. 146], что это изображение не завершено. Напротив, мы видим хорошо проработанные контуры: почти горизонтальные «плечики» широкого лезвия и его закругленное завершение. Ножи-«кинжалы» такой формы бытовали в достаточно узком хронологическом диапазоне. Прежде всего, необходимо упомянуть нож из погребения Павловский 31/5, исследованного в Воронежской области, в 400 км на северо-восток от Керносовки [Синюк, 1983, с. 23] (рис. 8, 28). Этот комплекс относится к репинскому времени, и его инвентарь находит аналогии в майкопских памятниках [Синюк, 1983, с. 125; Моргунова, 2014, с. 186]. Определенное сходство с керносовским ножом имеет широкий бронзовый нож с закругленным окончанием из упомянутого выше комплекса Первомайский 2/2 (рис. 8, 25). Но самые убедительные параллели керносовский нож находит в майкопско-новосвободненских памятниках. Крутые плечики и закругленное

Рис. 7. 1 – параболический антропоморф с тремя топорами на плите ХЧ 483; 2 – изображения трех топоров и ножа-«кинжала» на Керносовском идоле (по: [Довженко, 2009]).

окончание широкого лезвия имеют многие ножи-«кинжалы», найденные как в собственно майкопских погребениях, так и в каменных гробницах новосвободненского типа [Кореневский, 2011, рис. 15, 16] (рис. 8, 26, 27, 29, 30). Подобный абрис может быть и у «кинжалов» с желобками или ребрами жесткости, и у более простых «кинжалов» с плоским лезвием.

Для абсолютного датирования аналогий топору-молоту и ножу, изображенным на Керносовской стеле, можно привлечь комплекс радиоуглеродных дат, полученных по материалам новосвободненских гробниц могильника Клады. Именно в такой гробнице Клады 31/5 обнаружены, как уже говорилось, бронзовый и каменный топоры-молоты, а также

нож-«кинжал» искомого вида (**рис. 8**, 22, 23, 26). К сожалению, четыре даты (одна AMS, три LSC), полученные по гробницам Клады 30/1 и 31/5, не согласуются с 13 AMS-датами, полученными по материалам гробниц из курганов 1 и 2 по нумерации Н. И. Веселовского (1898 г.). Первая группа дат указывает на отрезок с 37 по 34 в. до н.э. [Резепкин, 2012, с. 91, 92], вторая группа – на период с 34 по 28 в. до н.э. [Трифонов и др., 2017]. При этом еще три AMS-даты получены по костям животного и человека из погребения 4 в кургане 1 (1898 г.), занимающего стратиграфически более раннюю позицию, чем раскопанная Н. И. Веселовским гробница. Эти даты с вероятностью 94,5% укладываются в отрезок с 34 по 31 в. до н.э. [Трифонов и др., 2019, с. 44]. Если при этом учесть параллели в материале новосвободненских гробниц и погребений новотиторской и древнеямной культур (в том числе бронзовые проушные топоры «майкопского» типа, топоры-молоты, выпуклые бляшки с пунсоном), а также сравнительно поздние (не раньше середины IV тыс. до н.э.) даты дольменов приальпийской зоны с округлым отверстием (*Seelenloch, hublot*) в плите между порталом и погребальной камерой [Schwegler, 2016, S. 151–155], то выбор будет однозначно в пользу датировки, предлагаемой международной группой исследователей [Трифонов и др., 2017].

Суммируя приведенные данные, «комплекс» трех топоров и кинжала, изображенных на Керносовской стеле, можно датировать 34–32 вв. до н.э.

Рис. 8. Изображения на Керносовской стеле (1–4) и их возможные прототипы. 5–8 – клад Баньябик (Баньябюк); 9 – курган Александровка, погр. 35; 10, 11 – Полтавская обл., Зеньковский р-н; 12 – Черниговская обл., Ичнянский р-н; 13, 15 – Сумская обл., Тростянецкий р-н; 14, 18 – Сумская обл., Кролевецкий р-н; 16 – Сумская обл., Ахтырский р-н; 17 – Сумская обл., г. Конотоп; 19 – Полтавская обл., Новосанжарский р-н; 20 – пос. Кетш 25; 21, 25 – Первомайский, погр. 2/2; 22, 23, 26 – могильник Клады, погр. 31/5; 24 – Фэлчу, погр. 1; 27 – могильник Кызбурун III, погр. 1/24; 28 – могильник Павловский, погр. 31/5; 29 – Нальчикская гробница; 30 – могильник Кишпек, погр. 5/2. 1–4 – по: [Довженко, 2009]; 5–8 – по: [Roska, 1959]; 9 – по: [Manzura, 2020]; 10–19 – по: [Клочко, Козыменко, 2017]; 20 – по: [Kowalski et al., 2024]; 21, 25 – по: [Рысин, 2014]; 22 – по: [Резепкин, 2012]; 23, 26, 27, 29, 30 – по: [Кореневский, 2011]; 24 – по: [Puruşoi, 1989]; 28 – по: [Моргунова, 2014]. 21, 22 – камень; остальные предметы – бронза. 5–9 – в зеркальном отображении.

Прототипы этих изображений вполне могли использоваться на территории Среднего Поднепровья в одно и то же время.

И Керносовского идола, и чемурчекского антропоморфа из Хар чулуут древние авторы снабдили исчерпывающим набором грозного вооружения – боевых топоров. Вероятно, тем самым они старались подчеркнуть запредельное могущество персонажа, кем бы он для них ни был. Центральная позиция, которую параболические антропоморфы занимают в композициях на плитах чемурчекских оград Хар чулуут 1, Хулагаш и Чулуут булаг (Таст булаг) [Ковалев, Мунхбаяр, 2022, с. 86], показывает, что так, в отличие от более реалистичных антропоморфов, изображались именно божества (возможно, божества-первопредки). На божественный статус керносовского персонажа указывают присутствие на изваянии исчерпывающего набора вооружения, атрибутов экономического могущества – фигурок домашнего скота и орудий выплавки металла (?), придание персонажу признаков животного (хвост, заостренные уши) и помещение на статуе двух сцен явно мифологического содержания [см.: Давня історія України, 1997, с. 494, 495]. Вполне возможно, что недалеко от истины были Н. А. Чмыхов и Н. Д. Довженко [1987], предложившие атрибутировать Керносовский идол как изображение первопредка Пуруши. Естественно, аморфный и многоликий образ Пуруши, сложившийся в ведической традиции, соединил свойства более древних божеств, образы которых могли дойти до нас в рисунках и скульптуре энеолита – раннего бронзового века.

Как уже подчеркивалось нами, идея изображения полного набора боевых топоров – не единственный признак изобразительной традиции, связывающий чемурчекский культурный феномен и более ранние мегалитические памятники восточноевропейских степей [Ковалев, Мунхбаяр, 2022]. Это геометрические узоры, выбитые или нанесенные красной краской на плитах чемурчекских памятников, с одной стороны, и так называемых кеми-обинских кромлехов и каменных ящиков, с другой стороны; антропоморфные стелы Нальчикской гробницы и камни чемурчекских святилищ с аналогичными геометрическими рисунками, а также изображения отпечатков обуви, чаще всего – парные (**рис. 6**, 4–6). Имен-

но такие парные «отпечатки» – характерный элемент антропоморфной скульптуры Северного Причерноморья, они изображены и на Керносовском идоле (рис. 6, 1). Интересно, что на лицевой стороне Керносовской стелы в нижнем ярусе имеются изображения двух лошадей «монгольского типа», весьма схожие с рисунками, нанесенными на плиты Харчулуут (рис. 6, 2, 3).

Восточноевропейские параллели ни в коем случае не определяют исходную зону чемурчекского культурного феномена, характеризующегося набором специфических традиций западноевропейского происхождения [Kovalev, 2022]. Элементы восточноевропейского генеза могли появиться в чемурчекском культурном контексте не только в результате влияния афанасьевского населения, с которым «чемурчекцы» столкнулись, дойдя до предгорий Монгольского Алтая, но и как следствие более ранних контактов носителей традиций атлантического мегалитизма и скотоводов восточноевропейских степей. Результатом этих контактов, характер которых нам еще неизвестен, стало появление в последней трети IV тыс. до н. э. таких феноменов, как кеми-обинская «культура», памятники новосвободненского типа, а также собственно статуарная традиция (*statuesmenhirs*), охватившая еще до чемурчекской миграции громадную территорию от Пиренеев и Альп на западе до Центрального Предкавказья (Нальчикская гробница) на востоке, от Саксонии на севере до Йемена на юге.

Библиография

Алехин Ю. П., Демин М. А., Илюшин А. М. Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 1992. С. 135–140.

Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: ТОО «Старый сад», 2000. 224 с.

Гришин Ю. С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М.: Наука, 1971. 89 с. (Свод археологических источников; вып. В3-12).

Грушин С. П., Палин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. 160 с.

Давня історія України. Т. 1. Первісне суспільство / Відповід. ред. В. Н. Станко. Київ: Наукова думка, 1997. 558 с.

Дергачев В. А. Топоры типа Баниабик-Майкоп-Новосвободная. Историографический очерк // *Revista Arhaeologica. Serie nouă. Vol. XIV, Nr. 1. 2018. P. 13–32.*

Дергачев В. А. Топоры типа Майкоп-Новосвободная-Баниябик. Каталог местонахождений и находок // *Stratum plus. 2019. № 2. С. 17–60.*

Дергачев В. А. Позднее Триполье – Майкоп (с каталогом погребальных комплексов позднего Триполья). Кишинев: СЕР USM, 2022. 676 с.

Довженко Н. Кам'яні статуарні пам'ятки Надчорноморщини періоду ранньої та середньої бронзи / наук. ред. серії Р. В. Забашта. Київ: Родовід, 2009. 176 с. (Давня скульптура і пластика України; т. III. Доба бронзи. Кн. 1).

Дэлхийн өв – Монгол Алтайн хадны зураг / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 2021.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. 294 с.

Клочко В. И., Козыменко А. В. Древний металл Украины. Киев: ИД «САМ», 2017. 366 с.

Клочко В. И., Козыменко А. В., Гошко Т. Ю., Клочко Д. Д. Эпоха раннего металла в Україні (історія металургії та генезис культур). Київ: Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2020. 204 с.

Ковалев А. А. «Гладкие» каменные топоры с поперечным орнаментальным пояском: истоки и распространение традиции // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посв. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2016. С. 29–33.

Ковалев А. А. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н. э. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2019. С. 188–209.

Ковалев А. А. Параболические и прямоугольные антропоморфы в древнем искусстве Монгольского Алтая, Западной Европы и Тибета // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Мат-лы Международной науч. конф., посв. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 122–127.

Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут 1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие евро-

- пейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб.: МИСР, 2015. С. 155–214.
- Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч.* Плита с антропоморфным изображением из ограды чемурчекского ритуального комплекса Хулагаш 1-1: особенности рисунка, аналогии и вопросы семантики // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 1. С. 47–62.
- Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч.* Петроглифы на чемурчекских ритуальных оградах в высокогорье Монгольского Алтая (3 тыс. до н.э.): репертуар образов // Төв Азийн эртний нүүдэлчдийн хадны зураг (чулуун зэвсгийн сүүл, хүрлийн эхэн үе). Улаанбаатар: ШУА-ийн Археологийн хурээлэн, 2022. С. 84–95.
- Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 году // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I. Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб.: ЛЕМА, 2014. С. 163–234.
- Ковалев А. А., Солодовников К. Н., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэ М., Нечвалода А. И., Зубова А. В.* Палеоантропологическое изучение черепа погребенного в захоронении на чемурчекском святилище Хулагаш (Баян-Ульги аймак Монголии) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 77–94.
- Ковтун И. В.* Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
- Корневский С. Н.* Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М: Таус, 2011. 335 с.
- Корневский С. Н.* Оружие в комплексах культур начала медно-бронзового века (V–IV тысячелетия до н.э.). Очерки военизации древних обществ по данным археологии. Подунавье, юг Восточной Европы, Кавказ, Ближний Восток). М.: Таус, 2017. 283 с.
- Котова Н. С.* Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: Изд-во Восточноукраинского нац. ун-та им. В. И. Даля, 2006. 328 с.
- Крылова Л. П.* Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976. С. 142–148.
- Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузнецов П. Ф., Кузьминых С. В.* О топорах утевского типа в степном Волго-Уралье // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2006. С. 56–60.
- Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 9–52.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1988. 135 с.
- Мерц В. К.* Новые материалы по археологии приграничных районов Казахского Прииртышья // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграф. комбинат», 1999. С. 70–74.
- Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и Юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н., Батболд Н.* Святилище чемурчекской культуры на северо-западе Монголии // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований: Мат-лы Международной науч. конф., посв. 85-летию доктора исторических наук Эльги Борисовны Вадецкой (1936–2018) и 90-летию доктора исторических наук Глеба Алексеевича Максименкова (1930–1986). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 127–130.
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А., Батболд Н.* Чемурчекские антропоморфы // Stratum plus. 2022. № 2. С. 247–262.
- Моргунова Н. Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2014. 348 с.
- Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2022. 364 с.
- Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История. 2012. 344 с. (Труды Института истории материальной культуры РАН; вып. 37).
- Рысин М. Б.* Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. СПб., 2007. С. 184–220.
- Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. 193 с.
- Трифонов В. А., Шишлина Н. И., ван дер Плихт Й., Фернандес Р., Хоммель П.* Радиоуглеродная хронология дольменов эпохи ранней бронзы у ст. Царская, Северо-Западный Кавказ, 1898 г. // V (XXI) Всероссийский археологический

съезд: сб. науч. тр. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2017. С. 1042–1043. [Электронный ресурс]. (DVD-ROM).

Трифонов В. А., Шишлина Н. И., Хоммель П. Новые данные о погребальных сооружениях майкопской культуры (могильник Клады, Северо-Западный Кавказ) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 35–47.

Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Чмыхов Н. А., Довженко Н. Д. О древнейшем индоиранском компоненте в сложении скифской монументальной скульптуры // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев: Наукова думка, 1987. С. 130–140.

Dei di pietra. La grande statuaria antropomorfa nell'Europa del III millennio a. C. = Dieux de pierre. La grande statuaire anthropomorphe en Europe au IIIe millénaire avant J. C. / Eds.: A. M. Bellef, F. Mezzena, A. Renda, G. Zidda. Milano: Skira, 1998. 222 p.

Kovalev A. A. Megalithic traditions in the Early Bronze Age of the Mongolian Altai: the Chemurchek (Qie'muerqieke) cultural phenomenon // Megaliths of the World / Eds.: L. Laporte, J.-M. Large, L. Nespoulous, Ch. Scarre, T. Steimer-Herbet. Oxford: Archaeopress, 2022. P. 767–789.

Kowalski Ł., Stos-Gale Z. A., Adamczak K., Maas R., Woodhead J., Garbacz-Klempka A., Kozicka M., Kofel D., Matuszczyk E. Lead isotopic compositions link copper axes from Kietrz (Poland, 3500–3350 BC) to Slovak and Balkan copper mines // Archaeometry. 2024. P. 1–20. DOI:10.1111/arc.12944

Łęczycki S. Kietrz, Bytyn, Szczecin–Smierdnica. Einige Anmerkungen zur Kulturzugehörigkeit des Hortesfundes von Bytyn // Sprawozdania Archeologiczne. 2004. T. 56. S. 33–77.

Manzura I. History Carved by the Dagger: the Society of the Usatovo Culture in the 4th Millennium BC // Repräsentationen der Macht. Beiträge des Festkolloquiums zu Ehrendes. Vol. 65. Geburtstags von Blagoje Govedarica. Wiesbaden: Harrasowitz-Verl., 2020. S. 73–96.

Manzura I. Rings of Power or in Search of Early Elites // Archaeologia Lituana. 2022. Vol. 23. P. 120–134.

Popușoi E. Mormintele cu ocră de la Fălciu, județul Vaslui // Acta Moldaviae meridionalis. Vaslui. 1989. T. IX–XI (1987–1989). P. 15–26.

Roska M. A Bányabükke rézlelet // Folia Archaeologica. 1959. T. 11. P. 25–35.

Schwegler U. Chronologie und Regionalität neolithischer Kollektivgräber in Europa und in der Schweiz. Hochwald: LIBRUM, 2016. 319 S.

A. A. Kovalev¹, Ch. Munkhbayar²

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*Khovd University, Khovd, Mongolia*

OMNIPOTENCE OF THE AXE: CHEMURCHEK ANTHROPOMORPHS AND THE KERNOSOVO STELE

The article is devoted to depictions of axes with Chemurchek (Qie'muerqieke) type anthropomorph figures from the Mongolian Altai (3rd mill. BCE) and their connection with depictions of weaponry on Kernosovo stele from the Middle Dnieper region (the Eneolithic–Early Bronze Age). The peculiarities of the shape of trapezoidal axes with which are “armed” Chemurchek parabolic anthropomorphs depicted on the slab of the Khar Chuluut 1 sanctuary (KhCh 429/439/440) and in rock art of the Ikh-Oigor-Gol valley suggest that their prototypes were celt axes of Seima-Turbino type (the last third of the 3rd mill. BCE). The image of a parabolic anthropomorph on a slab reused in the construction of the Khar Chuluut 1 sanctuary (KhCh 483) is depicted together with three different types of axes: massive shaft-hole axe, a flat stone axe and a hammer-axe. Such objects in Western Siberia are common for the Chalcolithic, which allows us to date the image to the period of the first appearance of the Chemurchek phenomenon in the foothills of the Altai: 27–26 centuries BCE. The Kernosovo “idol” also demonstrates axes of three different types: a shaft-hole axe of the Baniabic (Banyabükk) type, a flat axe of the Vinča type (late subtype) and a hammer-axe of elongated proportions (the closest analogy are hammer-axes from Klady 31/5 grave of Novosvobodnaya type). Along with them on this stele was depicted a knife or dagger with horizontal shoulders and an oval end, such as those found in the burials of the Maikop-Novosvobodnaya cultural entity. This circle of analogies enables us to date the Kernosovo stele to the 34th–32nd centuries BCE. The presence on the Kernosovo stele and on the Chemurchek anthropomorphous images of a complete set of the three types of battle axes emphasizes the semantic connection of those monuments, despite the gap in time and space. The emphasized similarity is another evidence of active involvement of Eastern European steppe community in the early 3rd millennium BCE to Chemurchek migration from France to the Mongolian Altai.

Keywords: Chemurchek (Qie'muerqieke) cultural phenomenon, Afanasiev culture, Bolshemysskaya culture, Seima-Turbino phenomenon, Usatovo culture, Maikop-Novosvobodnaya cultural entity, Chalcolithic, Early Bronze Age, anthropomorphic images, petroglyphs, battle axes

Е. С. Леванова¹, Ю. М. Свойский^{1,2}, Е. В. Романенко², Л. Л. Бове¹,
А. А. Зиганшина^{1,2}, Д. М. Павлов^{1,2}

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.171-181>

¹Институт археологии РАН, ²Лаборатория RSSDA, Москва, Россия

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПЕГТЫМЕЛЬ: ИТОГИ ПЕРВЫХ ПОЛЕВЫХ СЕЗОНОВ (2021–2022 гг.)

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Наскальное искусство Дальнего Востока России: методы исследования и проблемы интерпретации» (№ НИОКТР 122011100061-5)

Петроглифы на р. Пегтымель – памятник наскального искусства, вероятно, самый северный в Азии, расположенный за Полярным кругом на правом берегу названной реки на северо-западе Чукотки, открытый в 1965 г. геологом Н. М. Саморуковым. Начало работ по документированию и мониторингу памятника после длительного перерыва было положено экспедицией Центра палеоискусства ИА РАН в 2021 г. Целью работ 2021–2022 гг. было обследование и редокументирование памятника. В ходе полевых работ применялось сплошное картографирование основного скопления петроглифов, осуществленное по методике, предполагающей документирование как непосредственно поверхностей с петроглифами, так и их ландшафтного контекста с объединением данных в единую систему геодезическими методами. Одновременно с картографированием ландшафтного контекста выполнялось цифровое документирование поверхностей с петроглифами методом трехмерного моделирования. Кроме сбора материала для трехмерного документирования выполнялась фотосъемка для мониторинга, в том числе разрушающихся поверхностей. В результате удалось провести сопоставление с опубликованными ранее данными о состоянии сохранности памятника и установить некоторые повреждения и утраты фрагментов плоскостей. Кроме того, обнаружены и зафиксированы до сих пор неизвестные изображения. Благодаря применению современных подходов к документированию (трехмерное моделирование, аэрофотосъемка, геодезические измерения) авторам настоящей работы удалось по-новому взглянуть на уже достаточно изученный памятник.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, трехмерное моделирование, Чукотка, Пегтымель

Пегтымель – памятник наскального искусства, вероятно, самый северный в Азии, расположенный за Полярным кругом на правом берегу одноименной реки на северо-западе Чукотки в 40 км от побережья Восточно-Сибирского моря. В 2021 г. после долгого перерыва экспедиция Института археологии РАН вернулась к его документированию и изучению. В результате проведенных историко-архивных изысканий было установлено, что ошибочно называть группу петроглифов на р. Пегтымель петроглифами Кайкуульского обрыва. Название обрыву было дано по названию ручья Кайкууль, но на современных картах ручей с таким названием нами не обнаружен. Н. Н. Диков использовал среднемасштабную топографическую карту тех лет, которая в конце 1960-х годов была исправлена, и ручью было дано (возвращено?) название Кээнейкууль, но археологи и исследователи петроглифов, вслед за Н. Н. Диковым, продолжали называть его Кайкууль.

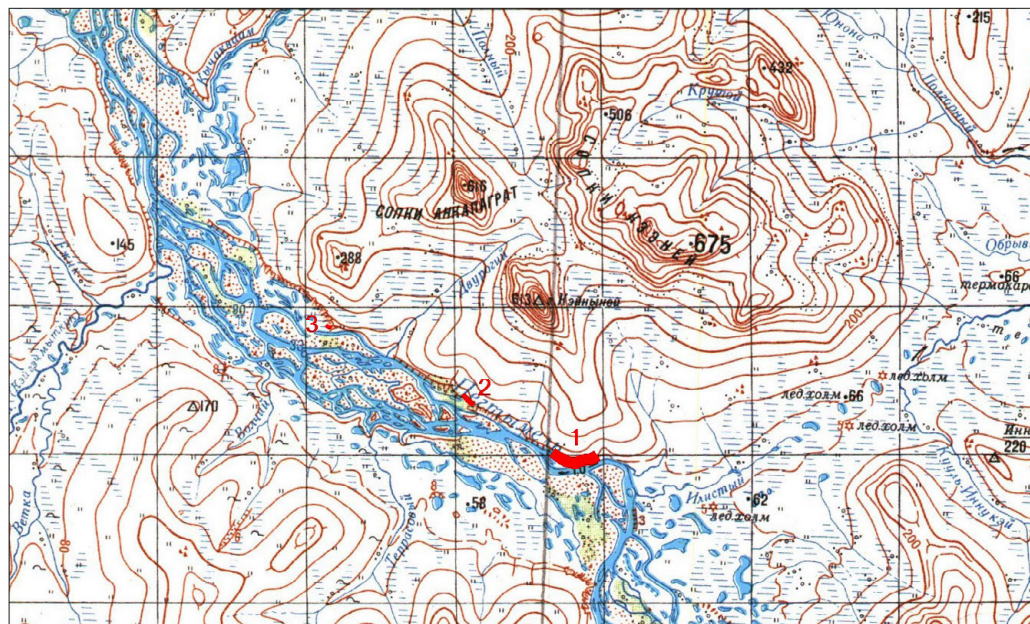
Пегтымельская группа местонахождений наскального искусства (рис. 1) включает как минимум (1) местонахождение Кээнейкууль в 0,8–1,9 км ниже устья руч. Кээнейкууль (основное скопление); (2) местонахождение Кэйныней в 3,7 км к юго-западу от горы Кэйныней, в 3,1 км ниже устья руч. Короткий, известное также как «петроглиф в районе устья руч. Двурогий» (по материалам предшественников – «в 2 км ниже от основного местонахождения», фактически расположено в 1,7 км ниже устья руч. Прямой, в 2,7 км от западного края основного скопления);

Рис. 1. Топографический контекст Пегтымельской группы местонахождений петроглифов (фрагмент листа карты 1:200.000 R-60-XIX, XX, Биллингс изд. 1975 г.).

(3) местонахождение Анкапагат в 5,3 км к юго-западу от сопки Анкапагат, в 7 км от западного края основного скопления («в 8 км ниже от основного местонахождения» – петроглиф 104 или «петроглифы возле третьей стоянки» по Н. Н. Дикову [1971, с. 90]).

Расстояние от современного устья руч. Кээнейкууль до восточного края зоны распространения петроглифов (основного местонахождения) – 770 м по прямой или 860 м по берегу р. Пегтымель, что, в целом, соответствует описаниям предшественников (у Н. Н. Дикова – 1000–1200 м [Диков, 1971, с. 6], у Е. Г. Дэвлет – 1 км [Дэвлет и др., 2012, с. 203]).

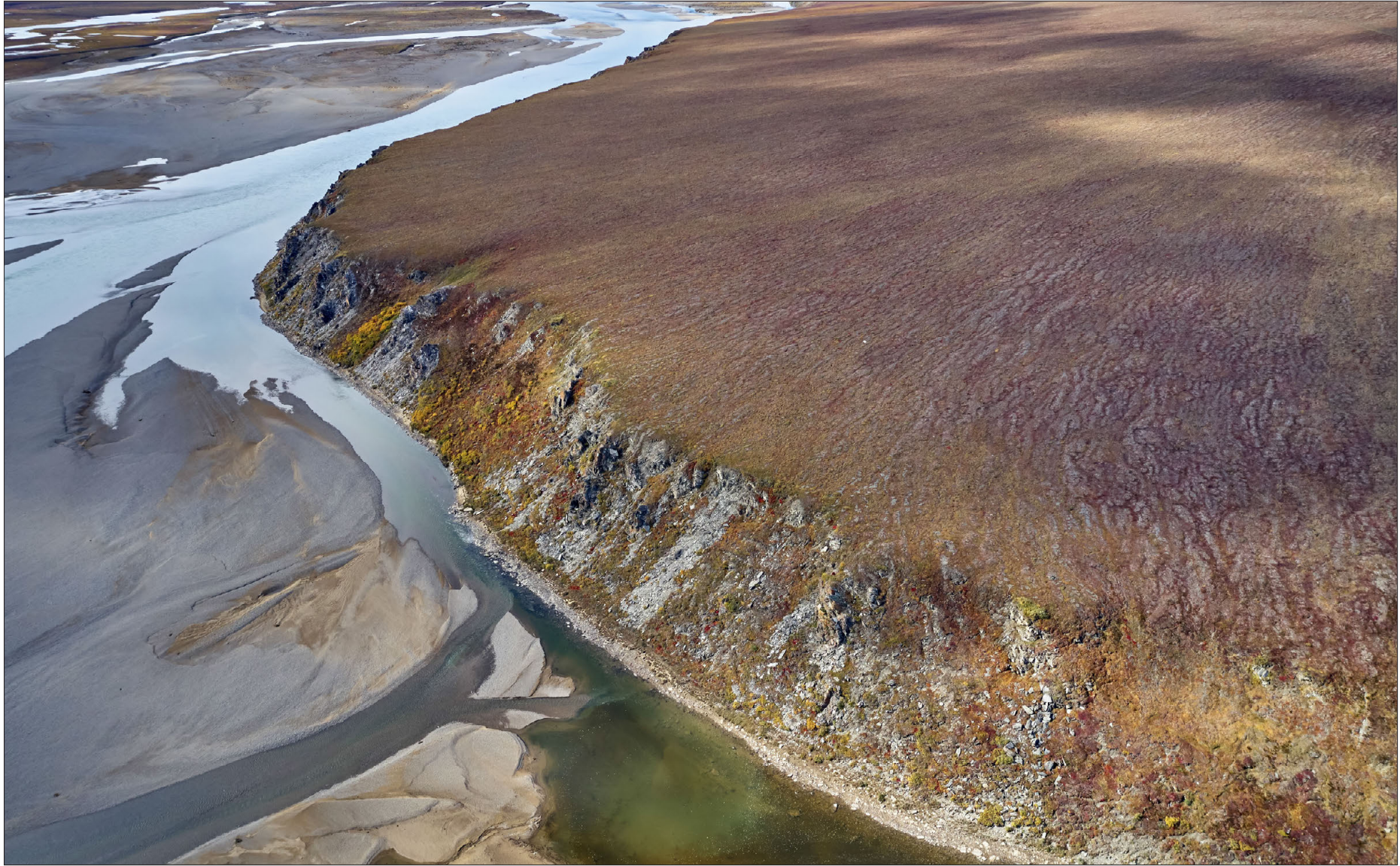
В геоморфологическом отношении Кээнейкуульский обрыв представляет собой прямолинейное образование общей протяженностью около 12 км, протянувшееся от устья руч. Кээнейкууль практически до устья р. Кычакваам. Происхождение обрыва, несомненно, неотектоническое. Следов горно-долинного оледенения на этом участке долины р. Пегтымель не наблюдается. Воздействие боковой эрозии р. Пегтымель в настоящее время крайне незначительно и, вероятно, было таким же на протяжении голоцена. Исключением в этом отношении является восточная оконечность обрыва, к которой приурочена большая часть известных петроглифов. Формирование этого участка определялось неотектоническими движениями в зоне разлома, заложенного по долинам рек Гэчмыткун и Кууль-Иннукай, но в формировании современной конфигурации обрыва приняла значительное участие боковая эрозия р. Пегтымель. В настоящее время, однако, наблюдается постепенное спрямление основного русла р. Пегтымель. На восточной оконечности обрыва за период с 1975 по 2021 г. основное русло сместилось в юго-западном направлении не менее чем на 500 м, причем это смещение, по-видимому, было более интенсивным на протяжении последних 10–15 лет. Этот участок подвергается боковой эрозии

только в период весенне-летних паводков. На прилегающем ниже участке (до устья руч. Прямой) тальвег р. Пегтымель сместился непосредственно под обрыв. Характер русловых отложений (обломочный материал, поступающий со склона) заставляет предполагать здесь дальнейшее усиление боковой эрозии потока.

В пределах исследованного в 2021–2022 гг. участка Кээнейкуульского обрыва протяженностью около 1600 м его высота от уреза воды до бровки составляет от 29 до 47 м, крутизна склона от 29 до 43°; высота и крутизна склона в целом возрастают вниз по течению р. Пегтымель (рис. 2). В пределах склона обрыва широко распространены скальные останцы, с вертикальными поверхностями которых связано большинство участков с петроглифами.

Рис. 2. Скальные утесы с петроглифами на правом берегу р. Пегтымель, вид с запада. Фото с квадрокоптера: А. А. Зиганшина.

Изображения на скалах Кээнейкуульского обрыва были обнаружены геологом Н. М. Саморуковым в 1965 г. Он информировал о находке Лабораторию археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР. В 1967 и 1968 гг. экспедицией под руководством Н. Н. Дикова за два полевых сезона зафиксировано 103 композиции на 11 скальных выступах обрыва, условно названных камнями, исследованы стоянки, и в 10 км ниже по течению р. Пегтымель (в 1992 г. Н. Н. Диков писал уже «в 8 км от основного... местонахождения петроглифов» [Диков, 1992, с. 44]) была обнаружена композиция 104, расположенная на одиночной скале, на вершине которой зафиксированы следы позднепалеолитической стоянки. Исследователь использовал сплошную нумерацию поверхностей с петроглифами для удобства фиксации рисунков, привязывая их к крупным выступам-утесам – «камням». В ходе работ 1968 г. археологом проведены раскопки: на камне IV – внутри «пещеры», на камне II раскопано 24 м², а на камне VIII – 12 м². Находки Н. Н. Диков атрибутировал периодом неолита. В 1986 г. он выявил несколько незамеченных ранее рисунков на основном скоплении и небольшое местонахождение петроглифов в устье руч. Двурогий [Диков, 1992]. Монографическая научная публикация петроглифов Пегтымеля на русском языке вышла в 1971 г. [Диков, 1971], на английском – в 1999 г. [Dikov, 1999].

Исследования возобновились лишь в 1990-е годы. В 1999 г. на памятнике работала экспедиция в составе В. В. Питулько, А. В. Головнева, С. Л. Вартамяна, первоначальной целью был мониторинг его состояния сохранности в связи с поступившими сведениями об актах вандализма. Также исследователями отмечены следы культурного слоя в пределах I–IV скоплений («камнях» – по терминологии Н. Н. Дикова), выявлено 24 композиции и отдельные рисунки преимущественно в VI–IX скоплениях, добавлен новый пункт – скопление XII [Питулько, 1999, 2002], получены новые радиоуглеродные даты. Экспедиция В. В. Питулько впервые выявила и документировала свидетельства посетительского вандализма на памятнике, а также следы, которые могут трактоваться и как вандализм, и как современное наскальное искусство.

В рамках региональной программы «Культура Чукотки» в 2002 г. А. Г. Дондуа выполнен инструментальный план Кээнейкуульского обрыва и засвидетельствовано наличие еще большего числа новых петроглифов. После сплошной фотосъемки участниками экспедиции под руководством М. Б. Слободзяна число плоскостей с петроглифами превысило 200. Целенаправленная разведка в верхнем течении р. Пегтымель в 2003 г. не выявила других пунктов с наскальными изображениями [Слободзян, 2003]. Коллективом авторов – М. Б. Слободзян, С. Л. Вартамян и Л. Л. Бове – по итогам этих работ был издан альбом «Петроглифы Пегтымеля» [2007].

Позволим себе небольшое отступление. В этом альбоме впервые опубликовано фото местонахождения Кэйныней (предположительно, местонахождение петроглифов в устье руч. Двурогий по Н. Н. Дикову?), а затем в 2008 г. его посетили сотрудники руководимой Е. Г. Дэвлет экспедиции Н. Соротокина и М. Привалихин. Считается, что оно было выявлено в 1986 г. и позднее опубликовано Н. Н. Диковым [1992]. Однако фотографий и прорисовок он не опубликовал, в отчете точной информации об этом местонахождении нет, а описание в статье 1992 г. следующее: «два километра ниже его (Кайкуульского ручья. – *Авторы*), справа от устья руч. Двурогого (там обнаружены две композиции из оленьих фигур и одиночное изображение оленя)» [Диков, 1992, с. 44]. Это более чем ненадежное описание, тем более что в альбоме «Петроглифы Пегтымеля» мы читаем следующее: «В нижней части останца находится большая плоскость с изображениями, занимающими ее верхнюю часть. Композиция включает силуэт медведя (?), две сцены поволоки и пятна неоконченной выбивки» [Петроглифы Пегтымеля, 2007, с. 161]. Фотография, опубликованная в 2007 г., позволила сотрудникам экспедиции Е. Г. Дэвлет, а затем и экспедиции Л. Л. Бове–Е. С. Левановой найти данную поверхность, однако возможно, что Н. Н. Диков писал о другой, пока еще не найденной нами одиночной композиции.

В 2005 г. изыскания на памятнике начала Е. Г. Дэвлет, с 2006 г. руководитель специальной экспедиции Института археологии РАН. В ходе полевых работ 2005–2008 гг. проводилось документирование методами фото-

фиксации, прорисовки на прозрачные материалы и натирки на микалентную бумагу. Также обрабатывались варианты консервационного вмешательства. При документировании фиксировались особенности каждой плоскости, указывались сведения, характеризующие способы копирования петроглифов, а также их сохранность, предпринятые расчистки и обработки. Значительное число поверхностей с петроглифами уже на тот момент находились в аварийном состоянии: скальный массив Кээнэй-куульского обрыва подвергается постоянному воздействию морозобойного выветривания, следствием чего становится разрушение скальной поверхности и вывал камней с изображениями, наблюдается интенсивное зарастание лишайником. Экспедиции 2005–2008 гг. также регистрировали случаи продолжающегося посетительского вандализма. Кроме того, на памятнике проводились трасологические исследования техники выполнения петроглифов и материала орудий (кварц, камень, бронза, железо), примененных для их выполнения. В результате изучения петроглифов и экспериментов трасолог Е. Ю. Гирия пришел к выводу, что «основной корпус петроглифов, в значительном большинстве выполненных неглубоким стандартизированным пикетажем... мог быть получен лишь при работе металлическим инструментом» [Дэвлет, Гирия, 2011, с. 205].

Одно из важнейших достижений экспедиций 2005–2008 гг. – изготовление реставратором А. В. Кочановичем большого числа силиконовых матриц (для последующей отливки факсимильных копий) наиболее интересных объектов с изображениями. В настоящее время матрицы и отливки находятся на хранении в Институте археологии РАН, часть – в музейных фондах Чукотки, Санкт-Петербурга и Москвы.

В 2005 г. проводились разведки вниз по течению реки, но новые местонахождения не найдены. В 2006–2008 гг. составлялись индексированные панорамы всех скоплений и найденных поверхностей с изображениями (около 350). К сожалению, материалы исследований публиковались со значительным интервалом, большая их часть не была упорядочена, и только в 2012 г. вышла публикация первых трех скоплений с прорисовками, индексированными панорамами и описаниями изображений [Дэвлет и др., 2012].

В 2021 г. Петроглифический отряд Института археологии РАН под руководством Е. С. Левановой вернулся к изучению памятника, что стало возможным благодаря поддержке Фонда социального развития «Купол» и финансированию со стороны Правительства Чукотского автономного округа. Экспедиции предшествовала огромная работа по изучению, оцифровке и упорядочению материалов 2005–2008 гг. В задачи новой экспедиции входили мониторинг состояния сохранности памятника (так как научные исследования на нем прекратились 13 лет назад и более он специалистами не посещался) и документирование его на современном уровне. Основной целью работ стало создание цифрового образа местонахождения как инструмента исследования разрушающегося памятника (данная цель еще не достигнута).

В силу особо удаленного от цивилизации местоположения петроглифы Пегтымеля до сих пор мало известны широкой публике и даже среди специалистов по наскальному искусству. Публикации этого памятника давно стали библиографической редкостью, а в интернете представлены чаще всего недостоверные сведения и фантастические трактовки, многие ошибки тиражируются десятилетиями. Учитывая уникальность памятника и его несомненную культурную и историческую ценность, сотрудники Института археологии РАН решили не ограничиваться только научными задачами, но создать доступный для удаленного пользователя виртуальный образ памятника, который позволит обеспечить эффект присутствия и максимально достоверно и увлекательно отобразить все накопленные знания о наскальном искусстве Чукотки*.

Проект, поддержанный фондом «Купол», носил название «Виртуальный образ памятника наскального искусства на р. Пегтымель (Чукотка)», и целью его было создание точной трехмерной карты памятника и цифровых копий всех поверхностей с петроглифами с помощью новейших методов документирования. Такими методами являются трехмерное моделирование и аэрофотосъемка, которые ранее на памятнике не проводились. В России первые опыты по бесконтактному документированию

---

* Виртуальный тур доступен онлайн: <https://rssda.su/auxil04/pegtymel.html>

и созданию виртуальных копий наскальных изображений стали осуществляться с 2010-х годов, и в настоящее время наиболее масштабные работы проводятся преимущественно под руководством сотрудников Института археологии РАН и Лаборатории RSSDA (Лаборатория дистанционного зондирования и анализа пространственных данных), а также Института археологии и этнографии СО РАН.

В работах 2021 г. приняли участие руководитель экспедиции Е. С. Леванова, участники прошлых экспедиций на Пегтымель – А. Н. Мухарева (КемГУ) и Л. Л. Бове (ИА РАН), специалист по цифровым методам документирования Ю. М. Свойский (Лаборатория RSSDA), лаборант Центра палеоискусства ИА РАН А. А. Зиганшина и волонтеры Комитета по охране объектов культурного наследия Чукотского автономного округа: А. В. Кирющенко, В. В. Шефер, А. С. Штефан (рис. 3). В 2022 г. Петроглифический отряд Института археологии РАН вновь обследовал памятник на р. Пегтымель при поддержке Комитета по охране объектов культурного наследия Чукотского автономного округа и горнодобывающей компании «Баимская». В работах принимали участие сотрудники Центра палеоискусства ИА РАН, Лаборатории RSSDA и Кемеровского государственного университета: Ю. М. Свойский, А. Н. Мухарева, Л. Л. Бове, А. А. Зиганшина, Д. М. Павлов.

Лагерь экспедиции в 2021–2022 гг. располагался ниже устья руч. Кээнейкууль, примерно в 0,5 км от памятника. Полевые работы проводились в августе в целом в неблагоприятных условиях (дождь, снег, низкие температуры).

В результате проведенных натурных исследований были найдены на местности все поверхности с изображениями, документированные предыдущими экспедициями, определены объекты в аварийном состоянии и занесены в базу данных результаты GNSS-измерений местоположения каждой поверхности с петроглифами. Проведено сплошное картографирование Кээнейкуульского обрыва с целью создания карты памятника. В результате одним из итогов работы экспедиции стало картографирование всего обрыва, первичное определение координат 341 поверхности с петроглифами, уточнение границ основного скопления (рис. 4).

Рис. 3. Участники экспедиции и пилоты вертолета. Фото: Ю. М. Свойский.

Рис. 4. Расположение поверхностей с петроглифами, определенное прямыми GNSS-измерениями.

Работы по сплошному картографированию основного скопления осуществлялись по методике, предполагающей документирование как непосредственно поверхностей с петроглифами, так и их ландшафтного контекста с объединением данных в единую систему геодезическими методами. Район распространения петроглифов был картографирован плановой и перспективной съемкой с беспилотного летательного аппарата, причем картографировались как памятник в целом, так и участки детализации – отдельные останцы сложной конфигурации, представляющие собой места концентрации поверхностей с петроглифами. На основе собранных фотографий сформированы ортофотоплан и цифровая модель поверхности на всю площадь памятника и буферной зоны (около 1 км²), впоследствии послужившие основой для создания топографического плана. Для всего обрыва и отдельных останцов с петроглифами создавались облака точек и трехмерные полигональные модели (рис. 5). Все выявленные предыдущими экспедициями петроглифы были идентифицированы на местности, для каждой из поверхностей с изображениями методами спутниковой геодезии определены пространственные координаты, которые затем были уточнены по трехмерным моделям. Комбинирование этих данных в единой системе позволило решить ряд практических задач – уточнить границы памятника, облегчить ориентирование на местности и существенно упростить последующее нахождение поверхностей с изображениями. Если в 2021 г. у специалистов, ранее неоднократно работавших на памятнике, на поиск всех изображений ушло 10 дней, то теперь любая поверхность может быть быстро найдена даже исследователем, ранее памятник не посещавшим, что и было проверено в 2022 г.

Одновременно с картографированием ландшафтного контекста выполнялось цифровое документирование поверхностей с петроглифами методом трехмерного моделирования (в 2021 г. документировано более 100 поверхностей, в 2022 г. – более 190). Данное число означает, что за два года работ на памятнике с помощью методов наземной фотограмметрии было документировано около 2/3 известных рисунков. По новой нумерации число поверхностей с изображениями на Пегтымеле возросло. Это связано с тем, что все документированные экспедициями Н. Н. Дикова и

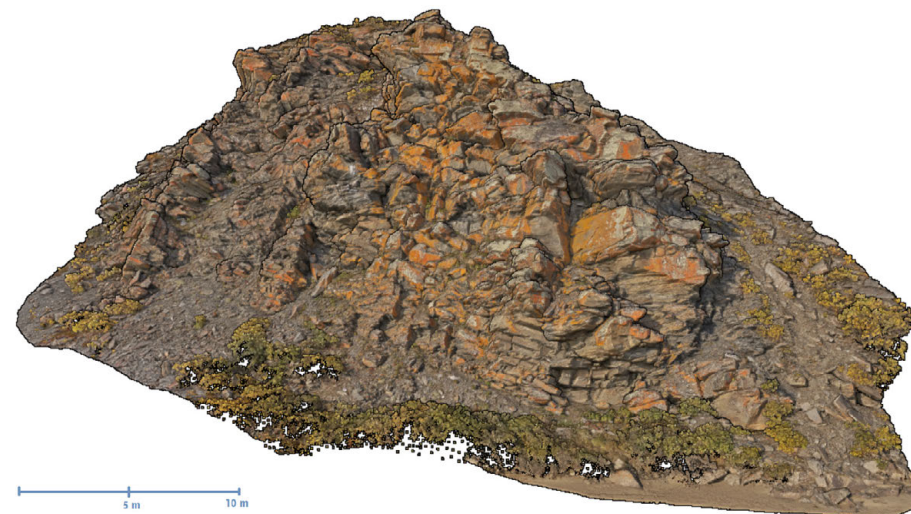

Рис. 5. Скопление I (камень I по Н. Н. Дикову). Облако точек.

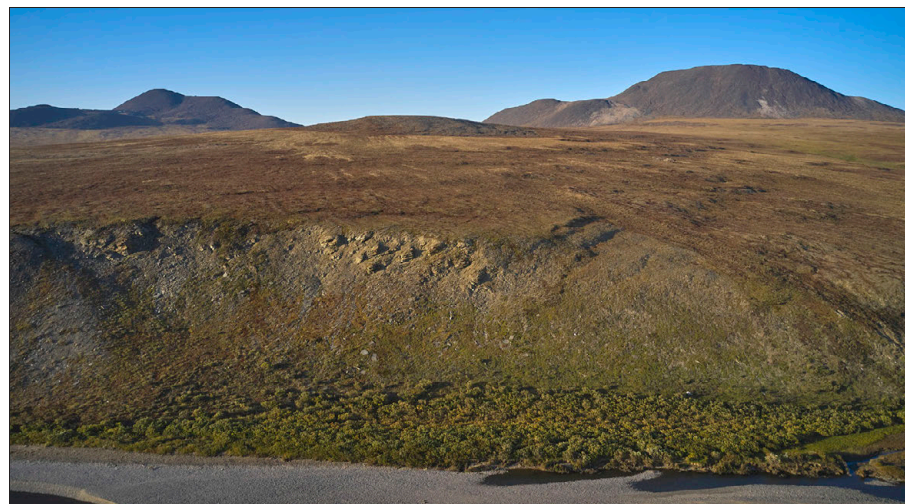

Рис. 6. Местонахождение к юго-западу от горы Кэйныней (вид с воздуха). Фото с квадрокоптера: А. А. Зиганшина.

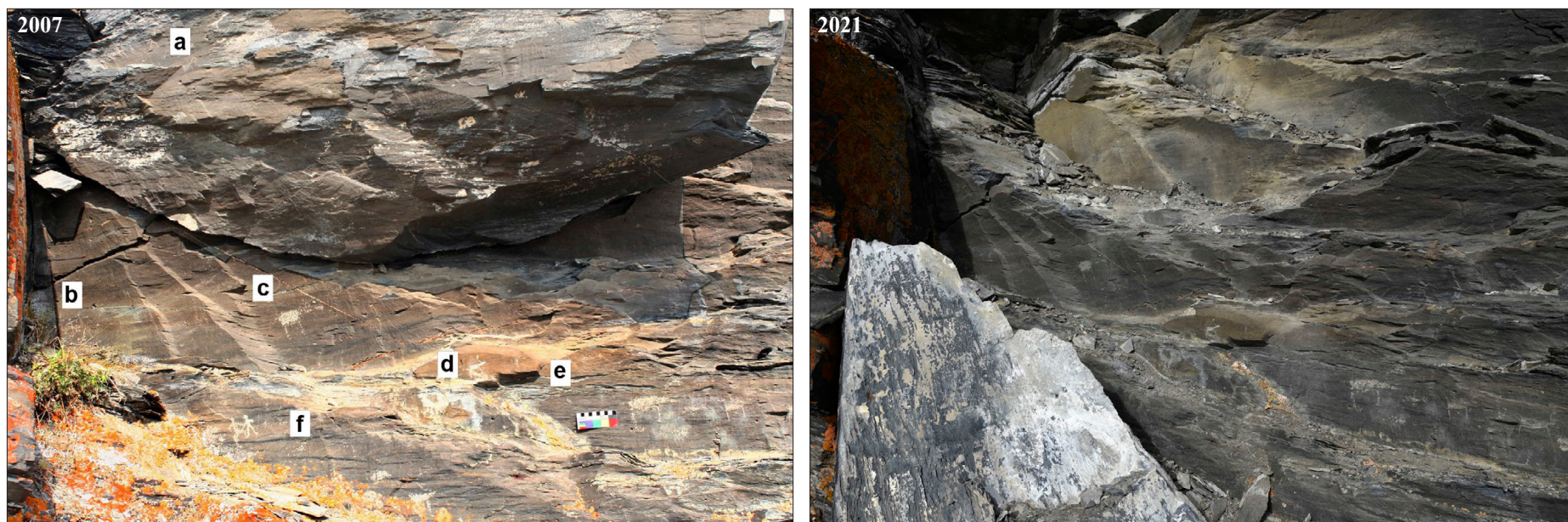

Рис. 7. Слева: вид группы поверхностей в скоплении IV, 2007 г., фото: Е. А. Миклашевич; справа: вид после обрушения верхнего блока, 2021 г., фото: Л. Л. Бове.

Е. Г. Дэвлет поверхности были проиндексированы по единому стандарту, и из 350 слишком разных по размерам и геометрии поверхностей мы получили почти 600.

Были оцифрованы петроглифы не только на самом Кээнейкуульском обрыве, но и на скоплении к юго-западу от горы Кэйныней (уже упоминавшийся «петроглиф у руч. Двурогого»). Впервые собраны точные геодезические координаты этой скалы, проведено обследование с воздуха (рис. 6). Поход до этих отдаленных петроглифов, работа и возвращение заняли сутки, однако позволили получить надежные данные об их местоположении и сделать точную трехмерную копию.

Моделирование выполнялось на основе цифровых фотоснимков высокого разрешения фотограмметрическим способом с детальностью (размером полигона модели) порядка 0,05 мм, что обеспечивает возможность

создания цифрового образа поверхности с рисунками – более полного и точного, чем фотоснимок. Применение математических методов визуализации к трехмерным моделям позволяет уточнить прорисовки петроглифов, в первую очередь на поверхностях плохой сохранности. Модели отдельных поверхностей с петроглифами также интегрируются в информационную систему памятника. Кроме сбора материала для трехмерного документирования выполнялась фотосъемка для мониторинга, в которую вошли почти все известные поверхности с изображениями.

Постоянное воздействие перепадов температуры, замерзание и оттаивание воды в трещинах скал постепенно разрушает скальные останцы с петроглифами. В ходе прошедших экспедиций установлено продолжающееся природное разрушение памятника, связанное с отделением от скального массива блоков различной величины, которые сползают вниз

по крутому склону до самого берега реки, задерживаясь на разных ярусах. Какие-то из них переворачиваются изображениями вниз, постепенно засыпаются склоновыми отложениями, зарастают мхами и кустами, что приводит к утрате выполненных на них отдельных рисунков и целых композиций. В 2021 г. участники экспедиции обнаружили вывал части вертикального скального выхода в скоплении IV (рис. 7), содержащего шесть граней с петроглифами, в результате которого отдельные фрагменты разнокалиберных камней оказались разбросаны на площадке перед плоскостью. Благодаря тому, что в 2007 г. кроме расчистки и копирования рисунков была составлена подробная схема расположения граней с изображениями на этом скальном выходе, в 2021 г. удалось установить, что в числе выпавших камней оказалась и грань «а» с изображением оленя, которое было обнаружено на одном из фрагментов перевернутым в результате падения верхней частью вниз.

Силами волонтеров некоторые скальные поверхности на памятнике были очищены от лишайников и грунта водой с применением поверхностно-активных веществ, что отчасти освободило их от растительности и загрязнений. Стоит отметить, что хотя многие ранее расчищенные поверхности и оказались вновь поражены лишайниками, работы по расчистке, проведенные группами исследователей в 2000-х годах, значительно облегчили поиск и идентификацию рисунков в новом археологическом сезоне. Массовая расчистка от лишайников и грунта не планировалась, как и поиск новых петроглифов, но волонтер В. В. Шефер, расчищая один из блоков от грунта и кустарника, обнаружил в скоплении V новую поверхность с петроглифами (рис. 8). На горизонтальной поверхности камня, расположенного рядом с открытым в 2021 г., уже в 2022 г. был обнаружен незамеченный ранее рисунок оленя. Это пока единственное на Пегтымеле изображение, выбитое на горизонтальной поверхности, оно и стилистически выделяется на фоне других петроглифов.

Также в 2022 г. А. Н. Мухарева обнаружила новые изображения на перемещенном камне у береговой линии. Это великолепная и по степени сохранности, и по внешнему облику поверхность со сценой охоты на северных оленей с каяков (рис. 9).

Рис. 8. Новая поверхность с изображением северного оленя и лодки (?)
Фото: Е. С. Леванова.

Возвращение исследователей на один из самых труднодоступных памятников наскального искусства в северной Евразии уже само по себе большое достижение. Уникальность памятника (его сюжетов, художественной выразительности, масштабов) и активные процессы деструкции определяют необходимость его постоянного научного мониторинга, копирования разрушающихся поверхностей и разработки методов его сохранения.

Изучение петроглифов на р. Пегтымель ставит перед исследователями наскального искусства привычные вопросы: как наиболее полно исследовать памятник в суровых полевых условиях, как наилучшим образом документировать его и как сохранить для будущих исследований. «Возвращение на Пегтымель» позволило сделать следующий шаг в поиске

Рис. 9. Новая поверхность на берегу Пегтымеля с изображением сцены охоты на северных оленей с каяков. Фото: А. Н. Мухарева.

ответов на эти вопросы. Трехмерное документирование «расширяет» границы памятника – запечатленный современными методами, он становится доступен для исследования не только в полевой сезон.

Предстоит ретроспективно проделать большую работу по упорядочиванию данных предыдущих экспедиций. Фотоматериалы, собранные Е. Г. Дэвлет и ее сотрудниками и предшественниками, объединенные в базу данных, помогут проследить динамику состояния сохранности памятника. Некоторые поверхности, доступные в 2000-х годах, ныне уже разрушены или существенно повреждены. Задачи будущих полевых работ – завершение фотограмметрического документирования изображений, создание моделей труднодоступных поверхностей, а также изучение самого отдаленного из известных на данный момент местонахождений – петроглифов к юго-западу от сопок Анкапагат.

Библиография

- Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 132 с.
- Диков Н. Н. Пегтымельские петроглифы – уникальный археологический памятник Заполярной Чукотки // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992. С. 44–49.
- Дэвлет Е. Г., Гиря Е. Ю. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 186–202. (Труды САИПИ; вып. VII).
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н. Материалы к своду петроглифов Чукотки (изображения в скоплениях I–III на Кайкульском обрыве) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. С. 203–283. (Труды САИПИ; вып. IX).
- Петроглифы Пегтымеля. Альбом. СПб.: Антарсат, 2007. 167 с.
- Питулько В. В. Отчет об экспедиции на р. Пегтымель (Западная Чукотка) в августе-сентябре 1999 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 23642.
- Питулько В. В. Пегтымельские петроглифы: датировка и события // II Диковские чтения. Материалы научно-практической конф., посв. 70-летию Дальстроя. Магадан: Северо-Восточный комплексный науч.-исслед. ин-т, 2002. С. 408–415.

Слободзян М. Б. Отчет об археологической разведке в долине реки Пегтымель (Шмидтовский район Чукотского Автономного Округа) в 2003 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 24645.

Dikov N. N. Mysteries in the Rocks of Ancient Chukotka (Petroglyphs of Pegtymel'). Anchorage, 1999. 172 p.

**E. S. Levanova¹, Yu. M. Svoyskiy^{1,2}, E. V. Romanenko², L. L. Bove¹,
A. A. Ziganshina^{1,2}, D. M. Pavlov^{1,2}**

¹Institute of Archaeology RAS, ²RSSDA Laboratory, Moscow, Russia

RETURN TO PEGTYMEL: RESULTS OF THE FIRST FIELD SEASONS (2021–2022)

Petroglyphs on the Pegtymel River is a rock art site, probably the northernmost in Asia, located beyond the Arctic Circle on the right bank of the river of the same name in the north-west of Chukotka, discovered in 1965 by geologist N. M. Samorukov. Work on documenting and monitoring the site after a long hiatus began with an expedition from the Palaeo Art Centre of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences in 2021. The goal of the 2021–2022 work was to survey and re-document the site. During the field work, continuous mapping of the main accumulation of petroglyphs was used, carried out using a methodology that involved documenting both the surfaces with petroglyphs themselves and their landscape context, combining the data into a single system using geodetic methods. Simultaneously with mapping the landscape context, digital documentation of surfaces with petroglyphs was carried out using three-dimensional modeling. In addition to collecting material for three-dimensional documentation, photography was carried out for monitoring, including deteriorating surfaces. As a result, it was possible to compare with previously published data on the state of preservation of the site and establish some damage and loss of fragments of surfaces. In addition, previously unknown images were discovered and recorded. Thanks to the use of modern approaches to documentation (three-dimensional modeling, aerial photography, geodesic measurements), the authors of this work were able to take a fresh look at the already sufficiently studied rock art site.

Keywords: rock art, petroglyphs, three-dimensional modeling, Chukotka, Pegtymel

М. Б. Медникова, И. А. Сапрыкина, А. А. Тарасова, М. С. Яковчик,
О. Ю. Чечеткина, Е. С. Леванова

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.182-190>

Институт археологии РАН, Москва, Россия

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕПА С ГОЛОВНЫМ УБОРОМ ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА АЗАС 1 В ТУВЕ

Исследование выполнено в рамках госзадания № НИОКТР 122011200264-9

С 1969 по 1973 г. М. А. Дэвлет была начальником Тоджинской экспедиции в Туве, проводившей полевые исследования могильника кокзельской культуры Азас I эпохи хунну. В Институте археологии РАН хранится редкая находка из раскопок могилы 25 этого некрополя, которая представляет собой череп человека с частично сохранившимся головным убором. При его изучении применены методы микрофокусной цифровой рентгенографии и микротомографии, 3D-сканирования, оптической спектроскопии, рентгено-флуоресцентного анализа, электронной микроскопии и геометрической морфометрии. Головной убор состоял из нескольких частей: нижняя часть была изготовлена, предположительно, из войлока, покрытого двухслойной тканью саржевого плетения, верхняя часть – из двух слоев бересты. На головной убор были нашиты две металлические бляшки из двухкомпонентной латуни (CuZn) с содержанием цинка около 15 и 10–12%; олово и свинец здесь присутствуют в качестве микропримесей, а не основных легирующих компонентов. Источник таких двухкомпонентных латуней со II–I вв. до н. э. – Таксила (Пенджаб). Могила принадлежала мужчине 25–29 лет с активными проявлениями хронического заболевания. Особенности строения его лицевого скелета находят ближайшние аналогии не в Центральной Азии, а среди представителей джетыясарской археологической культуры Восточного Приаралья II–IV вв.

Ключевые слова: гунно-сарматское время, Центральная Азия, материалovedческая экспертиза, морфология черепа, палеопатология

М. А. Дэвлет – выдающийся исследователь древностей Центральной Азии. В ее научном наследии особое место занимали материалы из Тувы. Неслучайно в интервью Марианны Арташировны региональному изда-

нию (еженедельная газета), она говорила: «Попадая в этот край, сразу ощущаешь магию этих мест, этот чудный воздух, наполненный живыми запахами. Для того, чтобы полюбить Туву с первого приезда, надо быть готовым, надо созреть для этого. А для меня эта территория еще была привлекательна тем, что в Туве я находила самые красивые и разнообразные петроглифы» [Дэвлет, 2003].

С 1969 по 1973 г. М. А. Дэвлет была начальником Тоджинской экспедиции в Туве. Под ее руководством в течение нескольких полевых сезонов проводились раскопки могильника Азас I эпохи хунну (Тоджинский район, вблизи озера Азас). По ее оценкам, этот памятник кокзельской (шурмакской, сыын-чюрекской) археологической культуры был раскопан полностью – изучено 27 погребений и отдельное захоронение головы человека. Материалы комплекса введены в научный оборот относительно недавно. «В погребальном обряде наблюдается связь с предшествующей эпохой: надмогильное сооружение в виде каменных выкладок, использование дерева и бересты при возведении погребальных конструкций, захоронение умерших скорченно на боку головой в направлении СЗ и С. Поза покойников свидетельствует о местных отличиях: в этот период в центральной Туве хоронили вытянуто на спине... Сопроводительный инвентарь людей в могильнике Азас рядовой. При погребенных керамические сосуды, изделия из железа (миниатюрные сосуды, ножи, стрелы, пряжки), из бронзы (пряжка, украшения), из кости (гребень, трубочка с косо срезанным концом, предмет неизвестного назначения, скорее всего,

мочеотводная трубочка от детской колыбели), из стекла (бусины и остатки сосуда?)» [Дэвлет, 2010, с. 175]. В интерпретации этой трубочки М. А. Дэвлет ориентировалась на аналогии из раскопок Л. Р. Кызласова уйгурских памятников и на мнение специалиста по среднеазиатским древностям Г. А. Брыкиной. Изделие из стекла после спектрального анализа, проведенного Е. Н. Черныхом еще в 1970-е годы, по заключению Ю. Л. Шаповой, принадлежало к римской школе стеклоделания.

Антропологические материалы из раскопок М. А. Дэвлет еще в 1970-е годы привлекли внимание крупнейшего антрополога В. П. Алексеева, посвятившего описанию краниологических материалов кокзельской культуры специальную публикацию. До настоящего момента это единственная статья, где обсуждаются результаты исследования тоджинской скелетной коллекции. «Небольшая серия из раскопок М. А. Дэвлет в Тодже кажется более монголоидной, чем черепа из старых раскопок С. А. Теплоухова и С. И. Вайнштейна в центральных районах Тувы. По сочетанию признаков она напоминает те серии из Южной Сибири и Средней Азии, которые диагностировались таксономически как южносибирские... Фиксация аналогичной южносибирской комбинации признаков в Тодже говорит о том, что южносибирский комплекс формировался в процессе смешения разных по происхождению европеоидных и монголоидных элементов» [Алексеев, 1984, с. 45].

В последние десятилетия традиционные, испытанные временем методы анализа антропологических материалов (прежде всего, краниометрия) пополнились благодаря развитию подходов, связанных с изучением состояния здоровья древнего населения, и новыми методами морфологии (геометрическая морфометрия). Возможность изучения внутренней структуры объектов с помощью современных методов радиологии, аналитические исследования артефактов из археологических раскопок открывают путь для нового прочтения уникальных находок, сделанных ранее.

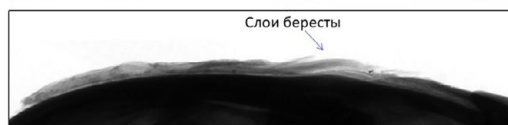
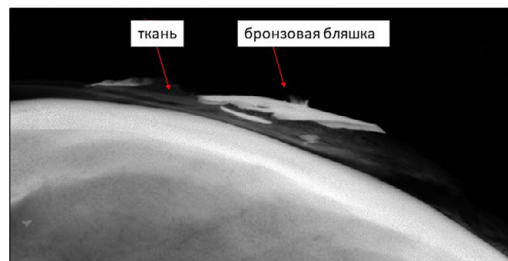
В фондах ИА РАН хранится редкая находка, происходящая из раскопок могилы 25 некрополя Азас 1, которая представляет собой череп человека с частично сохранившимся головным убором, а также несколько

позвонков с сохранившейся на них кожей. Заметим, что только в его погребении встречены бронзовые предметы (пряжка на поясе и украшение головного убора). В рамках данной публикации в научный оборот вводятся первые результаты исследования этого черепа, в котором задействованы специалисты из разных научных подразделений Института археологии. Мы стремились наиболее полно раскрыть возможности этого источника, применяя разные аналитические методы (рентгенография, микроскопия, РФА), доступные сегодня благодаря приборной базе Центра коллективного пользования для археометрических исследований при ИА РАН.

На первом этапе работы с помощью неинвазивных методов цифровой фиксации и визуализации исследуемого объекта выполнена микрофокусная рентгенография черепа (М. Б. Медникова), в ПродисНТД проведена его микротомография (М. Б. Медникова, А. А. Тарасова) (рис. 1). Его трехмерная модель сделана в лаборатории RSSDA (Ю. М. Свойский, Е. В. Романенко). На следующих этапах изучались отдельные элементы остатков головного убора, выполненные из различных материалов.

Исследование остатков головного убора, обнаруженного на левой стороне черепа, выполнялось, прежде всего, методом оптической спектроскопии: структура головного убора изучена на стереомикроскопе CarlZeissStemi 508; природа материала (волокон) составляющих деталей определена на микроскопе ADFU300P в проходящем поляризованном и неполяризованном свете (аналитик М. С. Яковчик) (рис. 2). К сожалению, ввиду фрагментарной сохранности полная реконструкция головного убора невозможна, однако, удалось выявить особенности конструкции сохранившегося фрагмента и определить материалы, из которых он был изготовлен.

Характеризуя строение головного убора, следует подчеркнуть, что он состоит из нескольких деталей, выполненных, как уже сказано выше, из различных материалов. Нижняя часть (надета на голову) выполнена из материала, который предварительно может быть определен как войлок (впрочем, здесь требуются дополнительные исследования). Эта часть сохранилась на лобной, височной, теменной и затылочной костях. Четыре

Рис. 1. Череп из погребения 25 могильника Азас 1. Изображения, полученные при помощи микрофокусной рентгенографии и микротомографии.

детали разной формы совмещены краями и сшиты встык нитью из жил (крутка S2z, толщина 0,8 мм) (рис. 3).

Войлок покрыт сверху тканью (возможно, двумя слоями), сохранившейся в виде нескольких фрагментов на лобной и теменной костях. Переплетение определить сложно из-за плохой сохранности ткани, вероятно, саржевое 1/2 или 2/1. Нити обеих систем – шерсть (волокна сильно загрязнены), крутка – средняя и сильная Z, толщина – 0,7-0,8 мм. Плотность ткани составляет примерно 6 нитей/см по системе 1, 8 нитей/см по системе 2.

На тканевое покрытие головного убора были нашиты две металлические бляшки разной степени сохранности; бляшка, сохранившаяся полностью, пришита к ткани через два отверстия нитью из жил (толщина около 2 мм) (рис. 4).

Верхняя часть головного убора выполнена из бересты (два слоя). Первый слой – береста с ровно обрезанным краем, уложена поверх шерстяной ткани таким образом, что прикрывает затылок погребенного индивида. Вдоль срезанного края, на некотором расстоянии от него, фиксируется ряд проколов; можно предположить, что это шовные отверстия, этим швом береста крепилась к другим деталям убора. Второй слой – кусок бересты с ровно обрезанным краем, уложен поверх первого слоя.

Химический состав металла бляшек головного убора исследовался двумя методами: методом безэталонного РФА на портативном спектрометре 5iTracer (аналитик И. А. Сапрыкина), напряжение: 6-50 кВ, ток 4,5-195 мкА, время измерения 20 сек. Проверка полученных методом РФА данных по содержанию цинка выполнялась методом сканирующей электронной микроскопии на микроскопе TESCAN VEGA Compact LMN с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15; ускоряющее напряжение 20 кВ в режиме высокого вакуума 10-3 Па (оператор Е. Я. Зубавичус).

Обе бляшки выполнены из двойной латуни. Сохранившаяся полностью изготовлена из двухкомпонентной латуни (CuZn) с содержанием цинка около 15%; сохранившаяся фрагментарно – из латуни с содержанием цинка в пределах 10–12%. Использование латуней с содержанием цинка

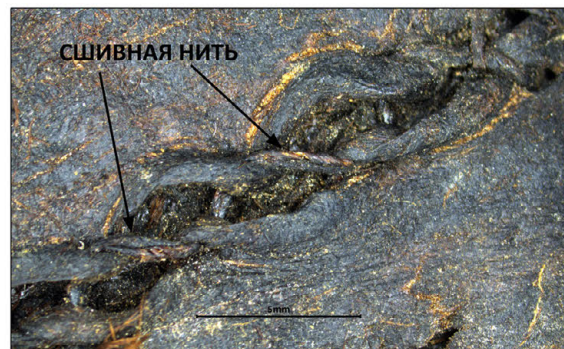
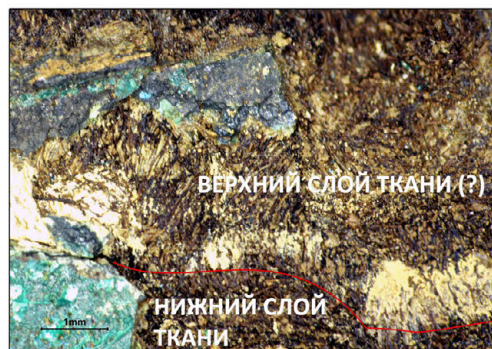
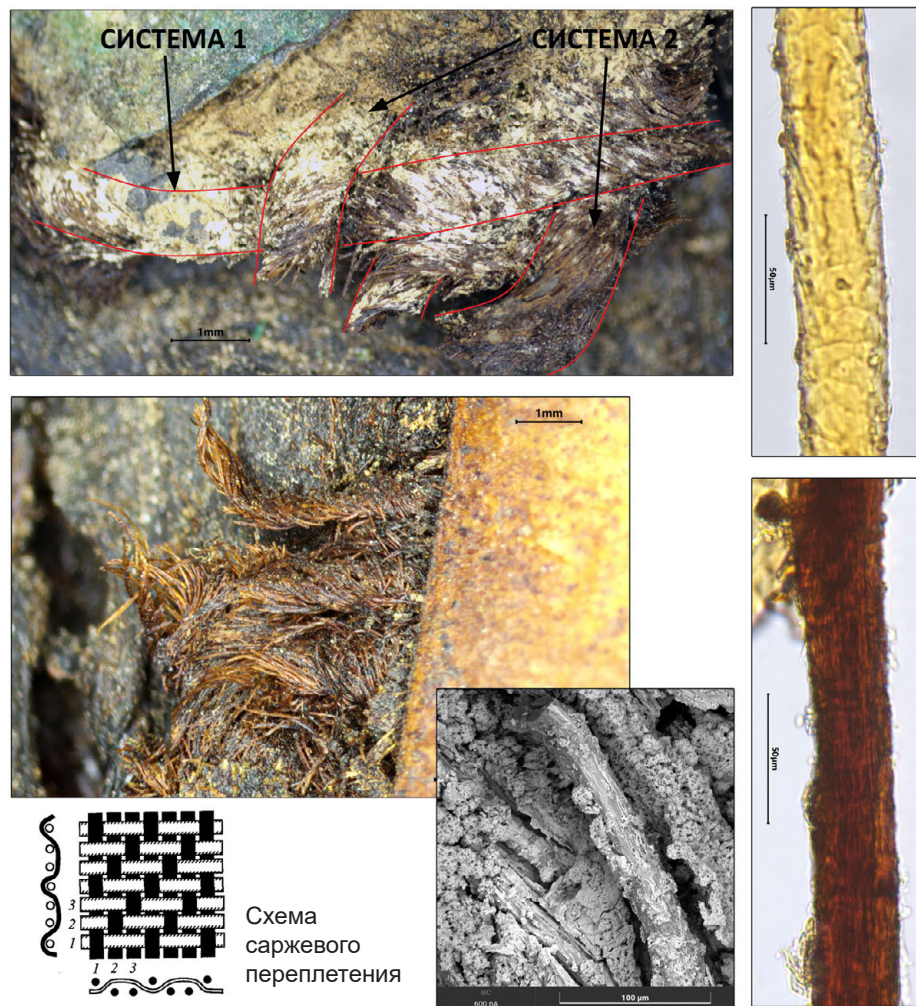

Рис. 2. Исследование остатков головного убора.

Рис. 3. Переплетение определить сложно из-за плохой сохранности ткани, вероятно, саржевое 1/2 или 2/1. Нити обеих систем – шерсть, крутка – средняя и сильная Z, толщина – 0,7–0,8 мм. Плотность ткани составляет примерно 6 нитей/см по системе 1; 8 нитей/см по системе 2.

Рис. 4. На тканевое покрытие головного убора нашиты две металлические бляшки. Бляшка, сохранившаяся полностью, пришита к ткани через два отверстия нитью из жил (толщина около 2 мм). Волокно – нить на бляшке.

от 10–15% придает изделию красивый золотой цвет; как указывают в современных ювелирных справочниках, эта латунь может заменить золоченую проволоку [Флеров, 2001, с. 45]. Площадное сканирование показало, что на поверхности цинк выпадал небольшими участками, дающими крайне высокое содержание элемента (до 60%), что отражает процесс деградации (коррозии) латуни: сами бляшки в настоящее время корродированы полностью (рис. 5).

В материалах хунну изделия из латуни являются импортом, местная цветная металлообработка базировалась на бронзах и сплавах с мышьяком; источником латуней была Северная Бактрия кушанского времени [Миняев, 1976, 1977, 1978, 1983]. Особенность бактрийских латуней – присутствие свинца как легирующего компонента, то есть, основным типом сплава была свинцовая латунь (CuZnPb). Такие латуни известны по материалам из Северной Бактрии, где время их появления исследова-

тели относят ко II–I вв. до н.э.; зафиксировано использование бактрийских латуней в материалах саргатской археологической культуры [Проконова, 2021]. Находки латунных предметов из могильника I в. н.э. Ноин-Улы (север Монголии) и хуннских памятников Забайкалья также связываются с бактрийскими центрами цветной металлообработки [Миняев, 1976; Елихина, Миняев, 2014].

Бляшки с шапочки из могильника Азас 1 демонстрируют, как уже говорилось, иной тип латуни – олово и свинец здесь присутствуют лишь в качестве микропримесей, а не основных легирующих компонентов. Считается, что источник таких двухкомпонентных латуней со II–I вв. до н.э. – Таксила (Пенджаб), город, возникший на пересечении крупнейших торговых путей и входивший в этот период в границы Индо-Греческого царства. Таксилские латуни содержат от 5 до 20% цинка; использование этого сплава на данной территории во II–I вв. до н.э. документируется

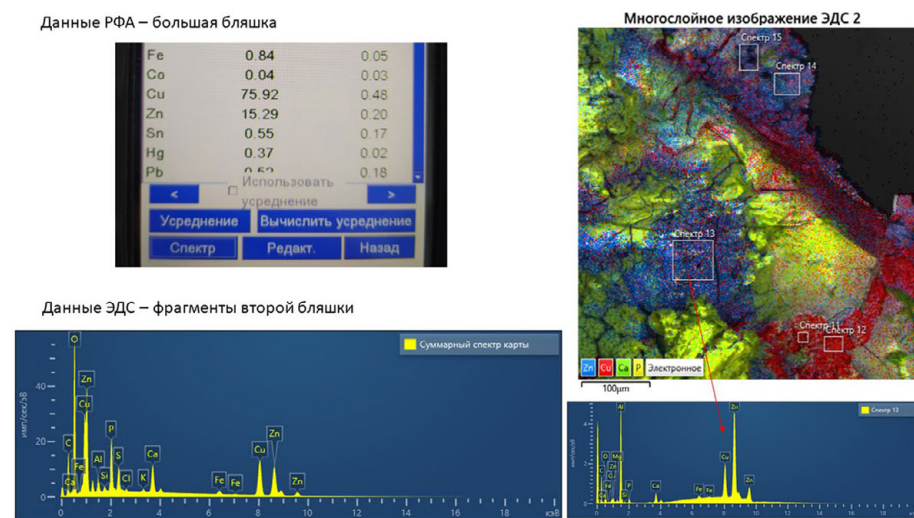

Рис. 5. Исследование химического состава металла бляшек методами РФА и СЭМ с картированием ЭДС.

находками предметов утвари, пусть и небольшого их количества (Pollard, Liu, 2022). В начале I тыс. н.э. традиция получения чистых двухкомпонентных латуней фиксируется в древней Гандхаре (Северо-Западный Пакистан, Пенджаб, Восточный Афганистан), центре, расположенном на перекрестке Великого Шелкового пути – на пути между Китаем, Индией и Средиземноморьем. Вероятно, из этого центра двухкомпонентные латуни в кушанское время распространялись, в том числе, и по этому торговому пути.

Оставался важный вопрос – кто был обладателем этого головного убора? На него способны ответить результаты антропологической экспертизы. Благодаря применению микротомографии стало возможно оценить степень закрытия швов черепа. Кроме того, осмотр зубов показал, что хотя третьи моляры уже прорезались, жевательная поверхность коронок практически не стерта. Итак, биологический возраст индивида из могилы 25 определяется в узком диапазоне 25–29 лет. Судя по размерам сосцевидных отростков и развитию надбровного рельефа, это был мужчина.

Визуально зафиксирован комплекс патологических изменений, характеризующих состояние здоровья этого человека на момент смерти (рис. 6). Помимо зажившего перелома носовых костей отмечены проявления парадонтопатии, а также поротизация альвеол, верхнего неба, нижнего края грушевидного отверстия (что в сумме может свидетельствовать о хронической бактериальной инфекции и нуждается в дополнительном рассмотрении в рамках дифференциальной диагностики).

Сравнительное морфологическое исследование строения лицевого скелета мужчины из могильника Азас 1 выполнялось методом геометрической морфометрии, в рамках которого проведен анализ формы объекта по трехмерным конфигурациям меток на 3D-цифровой модели (аналитики О.Ю. Четкина, А.А. Тарасова). На цифровой модели отсканированного черепа в программе ArtecStudio 15 Professional выполнялась расстановка строго фиксированных анатомически меток (или так называемых лан্ডмарков), совокупность которых характеризует строение лицевого скелета в носовой, скуловой и верхнечелюстной областях.

Рис. 6. Патологические проявления на лицевом скелете: заживший перелом носовых костей, пародонтопатия, поротизация альвеол, верхнего неба, нижнего края грушевидного отверстия.

Трехмерные координаты получены для 10 точек: 1. Назион; 2. Зигоорбитале; 3. Субспинале; 4. Зигомаксиларе; 5. Простион; 6. Нариаде; 7. Инфраназиион; 8. Симотич. лев.; 9. Симотич. средн.; 10. Аляре.

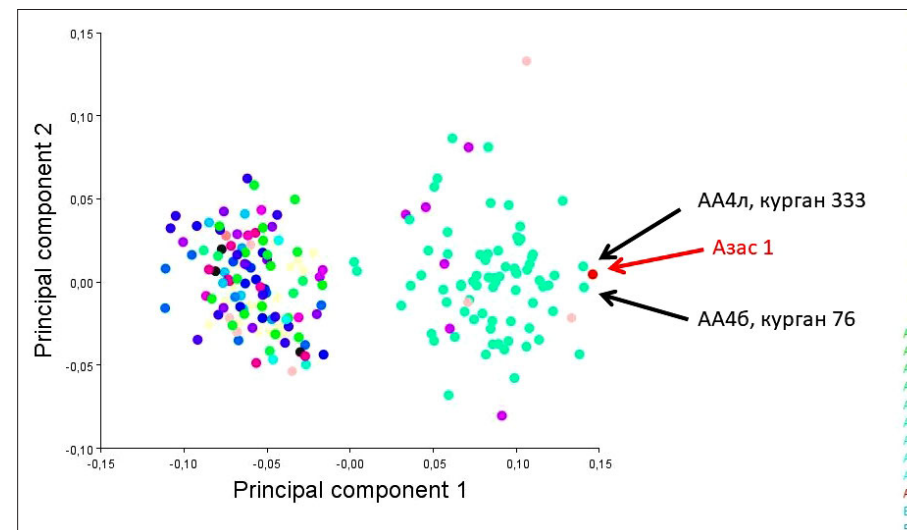
Для понимания морфологических особенностей в строении лицевого скелета далее привлечены обширные сравнительные материалы из базы данных трехмерных координат точек, позволяющей судить об основных тенденциях, характеризующих форму лицевого скелета у населения Восточного Приаралья, Монголии и Китая, Западной и Южной Сибири в скифское и гунно-сарматское время [Медникова и др., 2023].

Сравнительные материалы в нашем исследовании представляют череп из Внутренней Монголии, период «warring states»; материалы пазырыкской культуры (Алтай), тагарской культуры (Южная Сибирь), из Ту-

вы (могильники Аржан 2, Догызэе-Баары 2), из Западной Сибири (могильник Быстровка), хунну (Монголия, Аркангай), Синьцзянь, материалы из джетыасарских могильников (АА4а-г, Косасар 2 и 3, Томпакасар).

Вопреки ожиданиям, в пространстве двух главных компонент мужчина из Азаса 1 резко отличается от представителей центральноазиатского населения, в том числе из Тувы, но обнаруживает максимальное сходство с двумя носителями джетыасарской археологической культуры Восточного Приаралья из могильников Алтын-Асар 4л (курган 333) и Алтын-Асар 4б (курган 76), относимых, по данным археологии, к II–IV вв. н. э. (рис. 7).

Проведенное ранее сравнительное исследование скелетной конституции погребенных в джетыасарских некрополях позволило сделать вывод о появлении мигрантов в Восточном Приаралье с территорий Северной Монголии и Тувы [Медникова и др., 2020]. По результатам этой работы,

Рис. 7. Череп из погребения 25 могильника Азас 1 в пространстве двух главных компонент на фоне сравнительных данных из Центральной Азии, Западной и Южной Сибири, Восточного Приаралья. Метод геометрической морфометрии.

в том числе, обращает на себя внимание сходство в строении посткраниального скелета мужчин из могильников АА4л, в с выборкой из грунтовых могил археологического комплекса Аймырлыг XXXI в Туве, группы Косасар 2 с мужской выборкой из каменных ящиков того же тувинского могильника. Эти результаты согласовывались с письменными источниками о волнах миграций хунну, вторая из которых в I в. н.э. строила с места различные племена, достигшие севера Средней Азии в районах расселения племен Кангюйского объединения и поселившиеся в бассейне Средней и Нижней Сырдарьи.

Внезапно выявленное сходство мужчины из Азаса с мужчинами из могильников АА4б и АА4л, которые ранее не были отнесены к мигрантам, рисуют более сложную картину связи между двумя территориями (Тувы и Приаралья) в гунно-сарматское время. Очевидно, что процесс движения населения по северному участку Великого Шелкового пути мог быть двусторонним.

В этом контексте нельзя не вспомнить уже цитированную выше статью В. П. Алексева [1984], по мнению которого, в гунно-сарматское время на территории центральных районов Тувы проживали люди, антропологические особенности которых заставляют думать об их, в широком смысле слова, среднеазиатском происхождении. Он специально подчеркивал, что какая-то смена населения имела место и в Тодже, которая в этот период, как и вся Тува, представляла собою арену сложного взаимодействия европеоидных и монголоидных групп и их интенсивных локальных перемещений.

Подводя итоги предварительному рассмотрению уникальной находки из раскопок М. А. Дэвлет, отметим, что применение современных аналитических методов материаловедения и физической антропологии позволило уточнить интенсивность миграционных процессов и степень культурных связей на обширных пространствах, объединенных в прошлом южной и северной ветвями Великого Шелкового пути.

Авторы приносят благодарность фирме ООО«Продис.НДТ» за микрофотографию объекта.

Библиография

- Алексеев В. П.* Краткое изложение палеоантропологии Тувы в связи с историческими вопросами // Антропо-экологические исследования в Туве. М.: Наука, 1984. С. 6–75.
- Дэвлет М. А.* У меня есть долг перед древними людьми Тувы // Центр Азии. 12.09.2003. № 37.
- Дэвлет М. А.* Могильник Азас I эпохи хунну в тоджинском кожууне Тувы // Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 164–186.
- Елихина Ю. И., Миняев С. С.* Естественнонаучные методы исследования находок из Ноин-Улы // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова). СПб.: Политехника-сервис, 2014. С. 183–195.
- Медникова М. Б., Евтеев А. А., Четкина О. Ю., Петрова К. А., Манригес Г., Тарасова А. А.* Изменчивость лицевого скелета у носителей джетыясарской археологической культуры Восточного Приаралья по данным 3D геометрической морфометрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, №4. С. 72–93.
- Медникова М. Б., Тарасова А. А., Четкина О. Ю.* Морфологические особенности раннесредневекового населения Восточного Приаралья (по материалам могильников Алтын-Асар) // Вестник Волгоградского государственного университета. 2020. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, №4. С. 47–66.
- Миняев С. С.* Бактрийские латуни в сюннских памятниках Забайкалья // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976. С. 109–110.
- Миняев С. С.* Результаты спектрального анализа изделий Дырестуйского могильника // Археология Южной Сибири. Вып. 10. Кемерово, 1977. С. 43–52.
- Миняев С. С.* Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского университета, 1978. С. 26–45.
- Миняев С. С.* Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1983. С. 47–84.
- Проконова М. М.* Металлические изделия из памятников саргатской культуры Притоболья // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 4. С. 221–243.

Флеров А. В. Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. 288 с.

Pollard A. M., Liu R. From Alexander the Great to the Buddha: Buddhism and the introduction of brass technology into China // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. 14. P. 111.

**M. B. Mednikova, I. A. Saprykina, A. A. Tarasova, M. S. Yakovchik,
O. Yu. Chechetkina, E. S. Levanova**

Institute of archaeology RAS, Moscow, Russia

**EXPERIENCE OF COMPREHENSIVE INTERDISCIPLINARY
STUDY OF A SKULL WITH HEADDRESS
FROM EXCAVATIONS OF THE AZAS 1 BURIAL IN TUVA**

From 1969 to 1973 M. A. Devlet was the head of the Todzha expedition in Tuva, which conducted field research at the burial ground of the Kokel culture Azas 1 of the Xiongnu period. The Institute of archeology RAS houses a rare find from the excavations of grave 25 of this necropolis, which is a human skull with a partially preserved headdress. When studying the find, methods of microfocuss digital radiography and microtomography, 3D scanning, optical spectroscopy, X-ray fluorescence analysis, electron microscopy and geometric morphometry were used. The headdress consisted of several parts: the lower part was made, presumably, of felt covered with two-layer twill weave; the upper part was made of two layers of birch bark. Two metal plaques made of two-component brass (CuZn) with a zinc content of about 15 and 10-12% were sewn onto the headdress; tin and lead are present here as microimpurities, and not as the main alloying components. The source of such two-component brasses dates back to the 2nd-1st centuries BC was Taxila (Punjab). The grave belonged to a man 25–29 years old with active manifestations of a chronic disease. The structural features of his facial skeleton find their closest analogies not in Central Asia, but among representatives of the Jetyasar archaeological culture of the Eastern Aral region of the 2nd–4th centuries.

Keywords: Hunno-Sarmatian, Central Asia, materials science examination, skull morphology, paleopathology

Оргаа-Саргол. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

К. М. Монгуш

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.191-204>

Алтайский государственный университет, Барнаул;
Тувинский институт гуманитарных и социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия

КУРГАНЫ РАННЕГО ЭТАПА УЮКСКО-САГЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА У ГОРЫ БОШ-ДАГ В ТУВЕ (материалы раскопок М. Х. Маннай-оола 1964 г.)

В научный оборот вводятся материалы курганов 20а, 22а и 23а могильника Бош-Даг, исследованного М. Х. Маннай-оолом в 1964 г. Памятник расположен на левом берегу р. Чаа-Холь в Центрально-Тувинской котловине. Памятники не подверглись обычному для комплексов этого периода разграблению. В результате получены почти все категории сопроводительного инвентаря (вооружение, звериный стиль, находки бытового назначения, украшения), существенно расширяющие круг источников по культуре скифских племен Тувы второй половины I тыс. до н.э. Подробный анализ этого комплекса позволяет отнести публикуемые памятники ко второй половине VI–V в. до н.э., что соответствует раннему этапу уюкско-саглынской археологической культуры.

Ключевые слова: Саяно-Алтайский регион, Тува, Центрально-Тувинская котловина, Чаа-Холь, Бош-Даг, эпоха ранних кочевников, скифское время, уюкско-саглынская культура, М. Х. Маннай-оол, могильник, курган, могила, погребальный инвентарь

Одиноко стоящая гора Бош-Даг, расположенная на левом берегу р. Чаа-Холь у западного побережья «Тувинского моря» (Саяно-Шушенского водохранилища), является местом сосредоточения различных археологических объектов, отражающих сложные и динамичные процессы древности и средневековья. Марианна Арташировна Дэвлет проводила там исследования по изучению наскальных рисунков. В 1974 г. Петроглифическим отрядом под ее руководством на горе Бош-Даг скопировано скальное «панно» с рисунками животных и всадников, которое датируется

гунно-сарматским временем и ранним средневековьем [Дэвлет, 2011]. При публикации памятника отмечалось, что работам 1974 г. на этом месте предшествовали исследования других специалистов: А. М. Мандельштама, Э. У. Стамбульник, Б. Б. Овчинниковой и М. Х. Маннай-оола. Последний исследователь – ровесник Марианны Арташировны, ему тоже в текущем году исполнилось бы 90 лет.

В 1964 г., за 10 лет до исследований М. А. Дэвлет, археологической экспедицией Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории под руководством М. Х. Маннай-оола исследовано девять курганов могильника у южного подножия горы. Объекты отнесены к эпохам бронзы и раннего железного века [Маннай-оол, 1964, 1970]. К сожалению, результаты исследований этих комплексов не были введены в научный оборот полностью. Настоящая статья посвящена публикации материалов трех комплексов эпохи ранних кочевников могильника (курганов 20а, 22а и 23а*), которые относятся к раннему этапу уюкско-саглынской археологической культуры Тувы.

Введение в научный оборот материалов стало возможным в результате изучения коллекции находок из курганов могильника, хранящихся в

* В тексте отчета и в литературе такое наименование курганов закрепилось. На самом деле это отдельные объекты, расположенные на площади могильного поля Бош-Даг. В тексте отчета и полевом дневнике не указана причина подобного наименования публикуемых объектов.

Национальном музее Республики Тыва (далее – НМРТ), а также анализа материалов из научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований* [Маннай-оол, 1964]. При работе над текстом отчета необходимыми оказались некоторые сокращения и исправления представленных в нем описаний объектов. К большому сожалению, в коллекции находок из курганов отсутствуют некоторые вещи. Одни не сдавались автором раскопок, другие были утрачены или депаспортизованы в фондах НМРТ. Однако некоторые находки были подробно зарисованы в альбоме иллюстраций к отчету, и по ним можно судить об их внешнем виде.

Описание курганов

Могильник Бош-Даг (рис. 1) находится в 6 км к северо-востоку от пос. Новый Чаа-Холь в Чаа-Хольском р-не (кожууне) Республики Тыва**, на первой надпойменной террасе левого берега р. Чаа-Холь у южного подножия горы. Всего памятник включает 46 объектов (рис. 2), расположенных разрозненными цепочками. Все объекты могильника условно можно включить в две группы – северную и южную, которые разделяются грунтовой дорогой.

Курган 20a находился в северо-восточной части могильного поля, в северной группе, примерно в 50–60 м к северо-востоку от кургана 22. Имел округлую сильно задернованную насыпь из разномасштабных горных пород (рис. 3). Диаметр сооружения составлял 10 м, высота – 0,53 м. После расчистки и разборки насыпи в центре обнаружен полный скелет человека без сопутствующего инвентаря. По-видимому, это было впускное погребение.

После разборки скелета была выявлена основная могила. Она имела подчетырехугольную в плане форму с размерами 2,2 × 2,6 м, глубина ямы

* Коллекция передана М. Х. Маннай-оолом в фонды музея в 1965 г. (колл. КП №4287). К большому сожалению, коллекция со времен передачи не реставрировалась. Отчет и альбом предоставлены сотрудниками научного архива.

** В отчете местоположение могильника обозначено как «в 10 км к ЮЗ от пос. Старый Чаа-Холь». Поселок к настоящему времени затоплен Саяно-Шушенским водохранилищем, поэтому здесь могильник приблизительно привязан к современному населенному пункту.

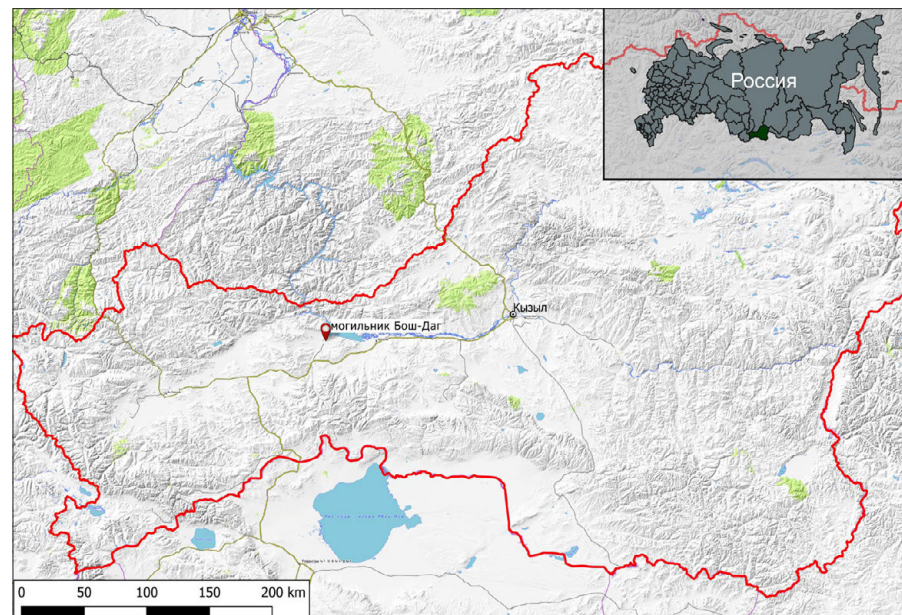

Рис. 1. Могильник Бош-Даг. Местоположение памятника на карте Тувы.

составляла 2,5 м. На дне обнаружен одновенцовый сруб подквадратной в плане формы плохой сохранности (рис. 4). Внутри лежали кости трех индивидуумов. Кости скелета 1, расположенного вдоль южной стенки, оказались сильно перемещены, из них близко к первоначальному положению остались кости ног – берцовые и бедренные. Остальные же – череп, ребра, лопатки позвонки, предплечья и лучевые кости – группировались беспорядочным скоплением к западу от длинных костей ног. При костяке найдены следующие предметы: бронзовое зеркало (рис. 4, 4; 5, 2), нож и шило в одном кожаном футляре (рис. 4, 5; 5, б), недалеко от черепа – бусы (находка утрачена). Скелет 2 находился к северу от первого, почти все кости сохранились в положении *in situ*, отсутствовали череп, правая плечевая, лучевые кости, кисти рук погребенного. При костяке найдены следующие предметы: над левой подвздошной костью лежал

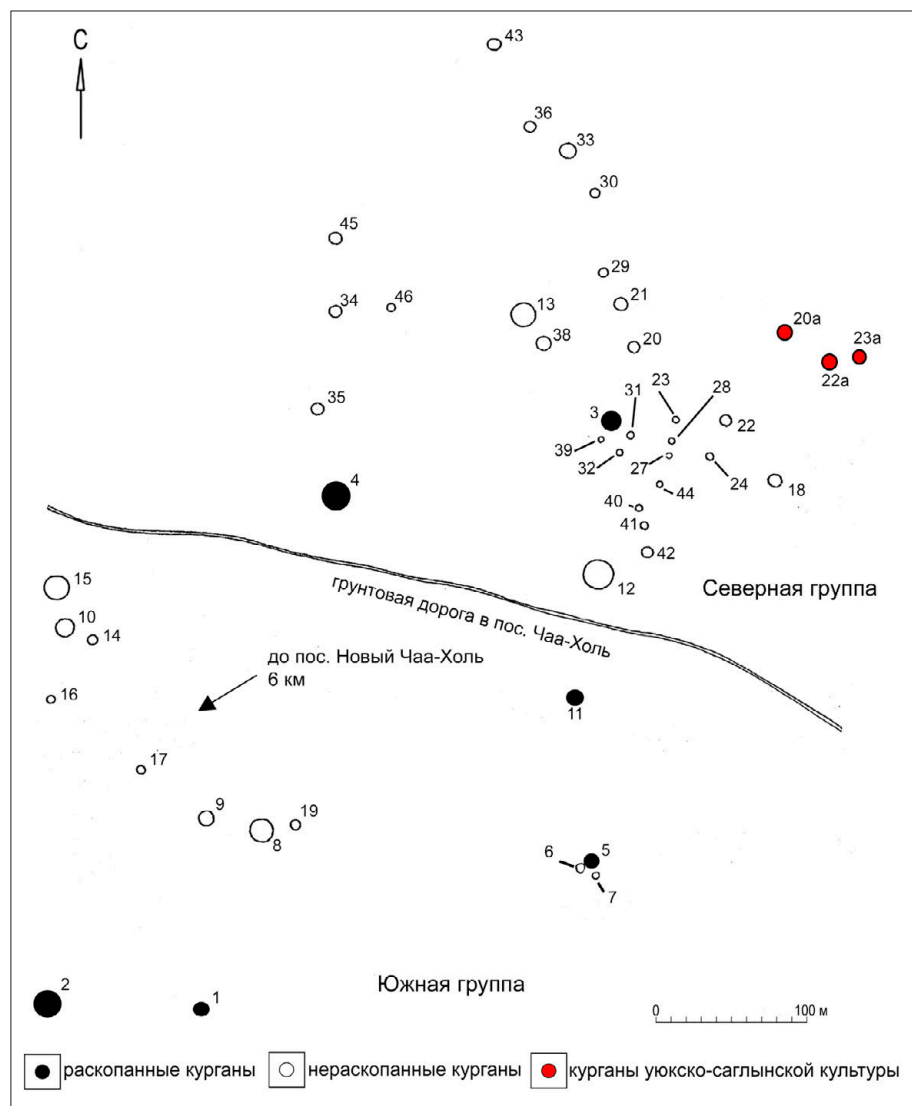

Рис. 2. Могильник Бош-Даг. План-схема (по отчету М. Х. Маннай-оола 1964 г.).

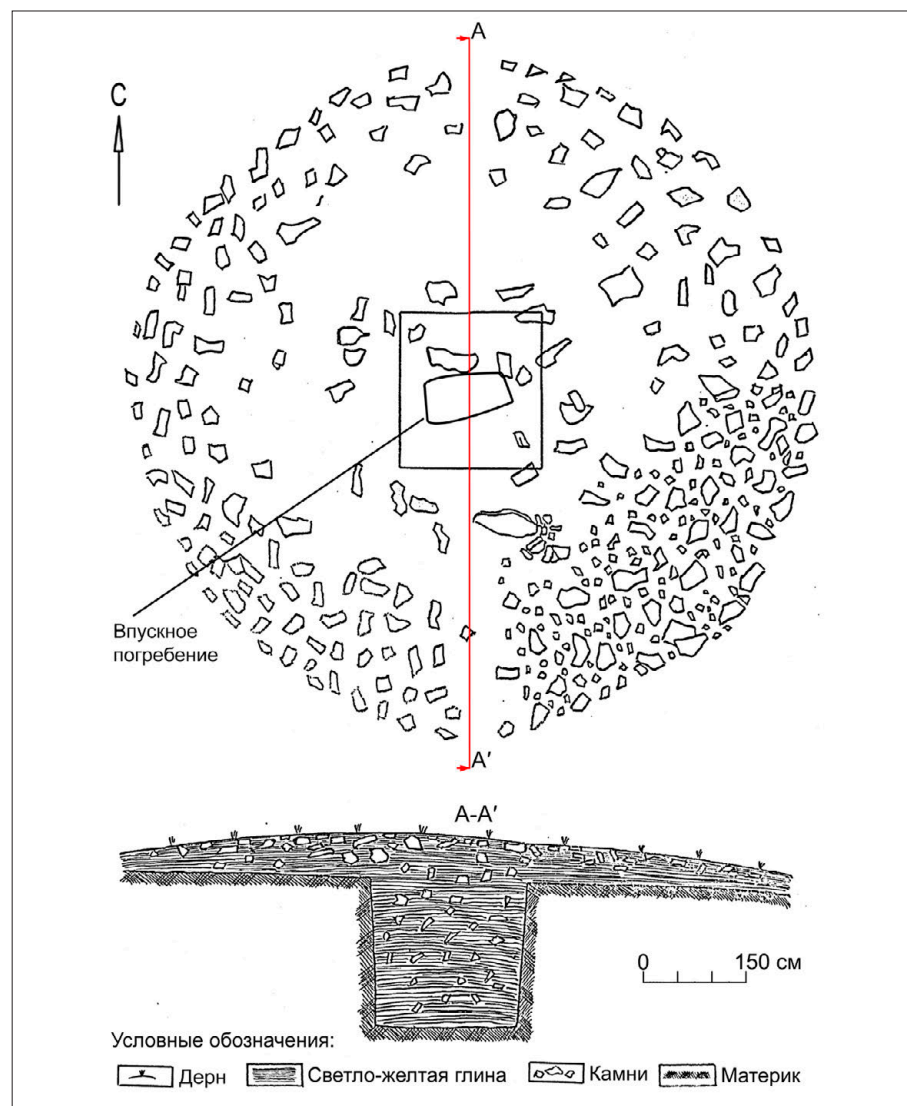

Рис. 3. Курган 20а. План и разрез насыпи.

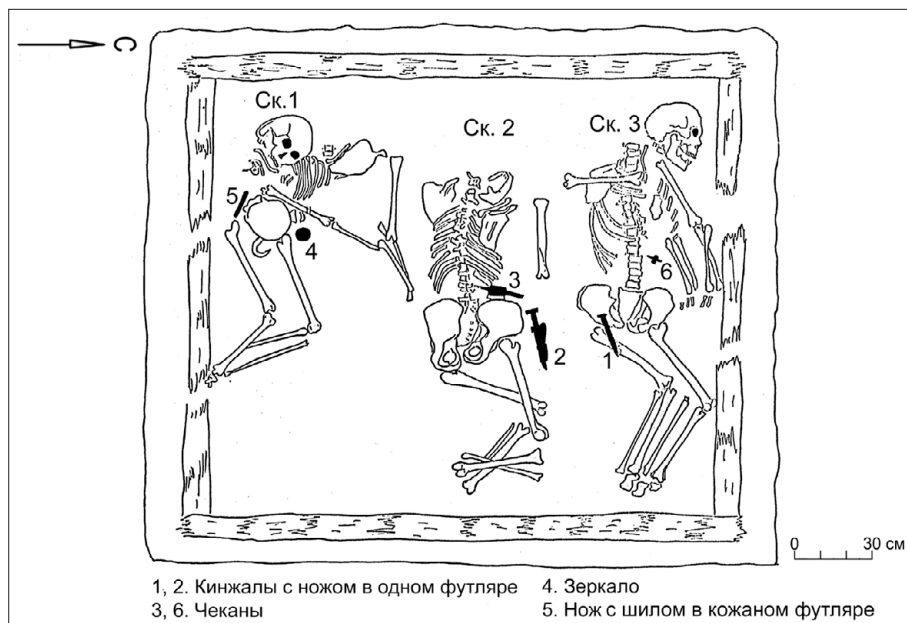

Рис. 4. Курган 20а. План могилы.

бронзовый чекан (рис. 4, 3; 5, 3; 6), к юго-востоку от него – кинжал с ножом в одном кожаном футляре (рис. 5, 4, 7, футляр не сохранился). Скелет 3 оказался непо потревоженным. Он лежал на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на запад. В районе поясничных позвонков слева обнаружен чекан (рис. 4, 6; 5, 1), а над правой подвздошной и бедренной костями – бронзовые кинжал и нож в одном кожаном футляре (рис. 4, 1; 5, 5, 8, футляр не сохранился).

Курган 22а располагался в 25 м к юго-востоку от кургана 20а. Имел округлую в плане насыпь из разномасштабных горных пород и земли (рис. 7). Диаметр наземного сооружения составлял 10 м при высоте 0,6 м.

После снятия насыпи в центре обнаружена могильная яма подквадратной в плане формы. Размеры ее составляли 1,68 × 1,8 м при глубине 2 м. На дне обнаружены остатки одновенцового сруба с размерами 1,5 × 1,65 м

(рис. 8). Внутри лежали костные останки шести индивидуумов: четырех взрослых (все они лежали скорченно головой на запад) и двух подростков (от них остались только черепа, остальные части сохранились в небольших фрагментах или вовсе отсутствовали). Явные следы ограбления могилы не выявлены. У бедренных костей скелета 1 лежал бронзовый нож в кожаном футляре (рис. 8, 1; 9, 18). У скелета 2 у тазовых костей найдены: бронзовая крестовидная бляшка (рис. 8, 2; 9, 11), роговые подвески (рис. 8, 4; 9, 20, 21), фрагментированный «оселок» (рис. 8, 3; 9, 23). Над бедренными костями скелета 3 найден бронзовый нож (рис. 8, 5; 9, 17), около левой бедренной кости – набор роговых наконечников стрел (рис. 8, 6; 9, 5–8), а в костях грудной клетки – бронзовый чекан (рис. 8, 7; 9, 19). Отдельно, между черепами скелетов 1 и 2, находилась ворворка (рис. 8, 8, отсутствует в составе коллекции). При скелете 4 сопроводи-

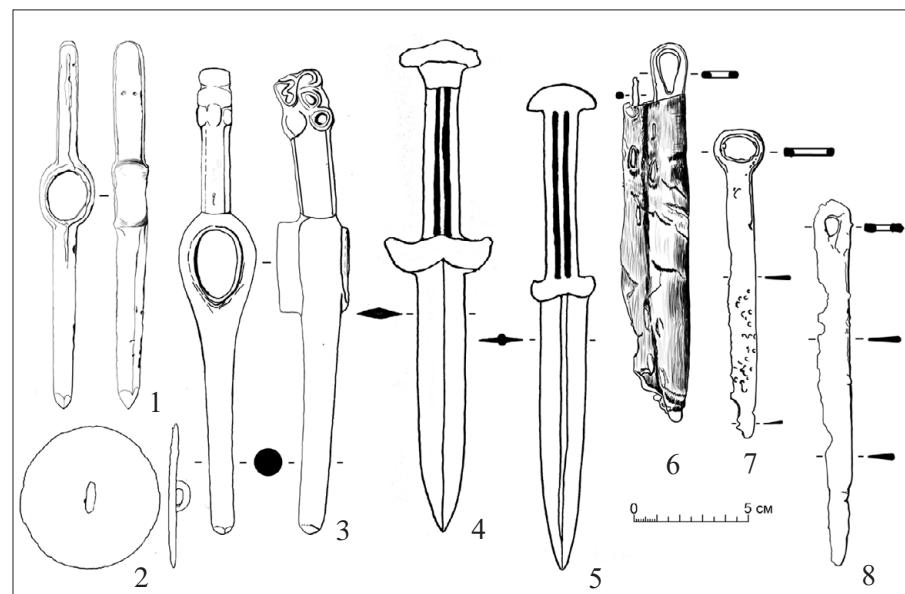

Рис. 5. Курган 20а. Инвентарь (4, 5 – рисунки из альбома отчета М. Х. Маннай-оола 1964 г.). 6 – бронза, кожа; остальное – бронза.

тельный инвентарь не обнаружен, как и при костяках подростков. После разборки всех скелетов при дополнительной расчистке дна ямы обнаружены и другие предметы, принадлежавшие погребенным: «оселок» (рис. 9, 24), бронзовые зеркала (рис. 9, 25, 26), бронзовый крюк (рис. 9, 9), клыки марала с перфорацией в верхней части (находки утрачены), подвески из клыков кабарги (рис. 9, 22), бронзовый нож с шилом в одном

Рис. 6. Курган 20а. Чекан с изображением хищника кошачьей породы на навершии обуха.

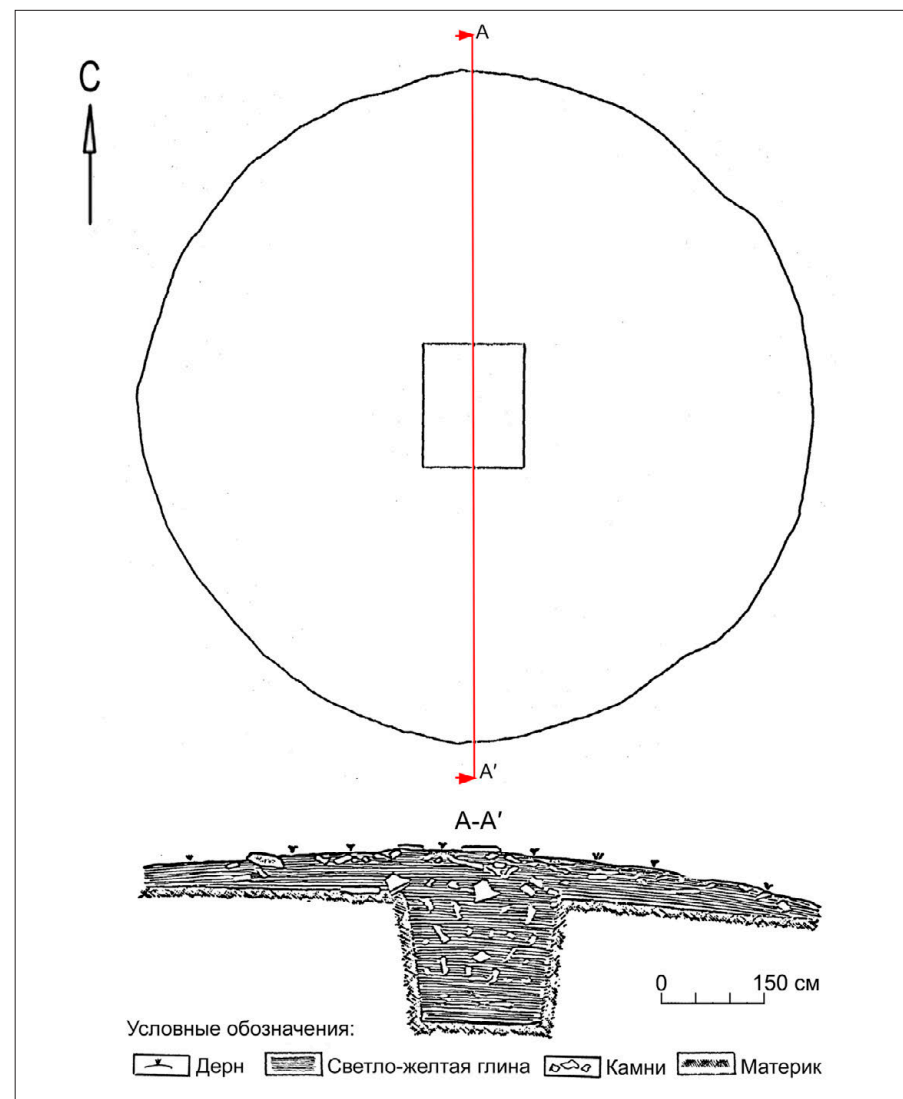

Рис. 7. Курган 22а. План и разрез насыпи.

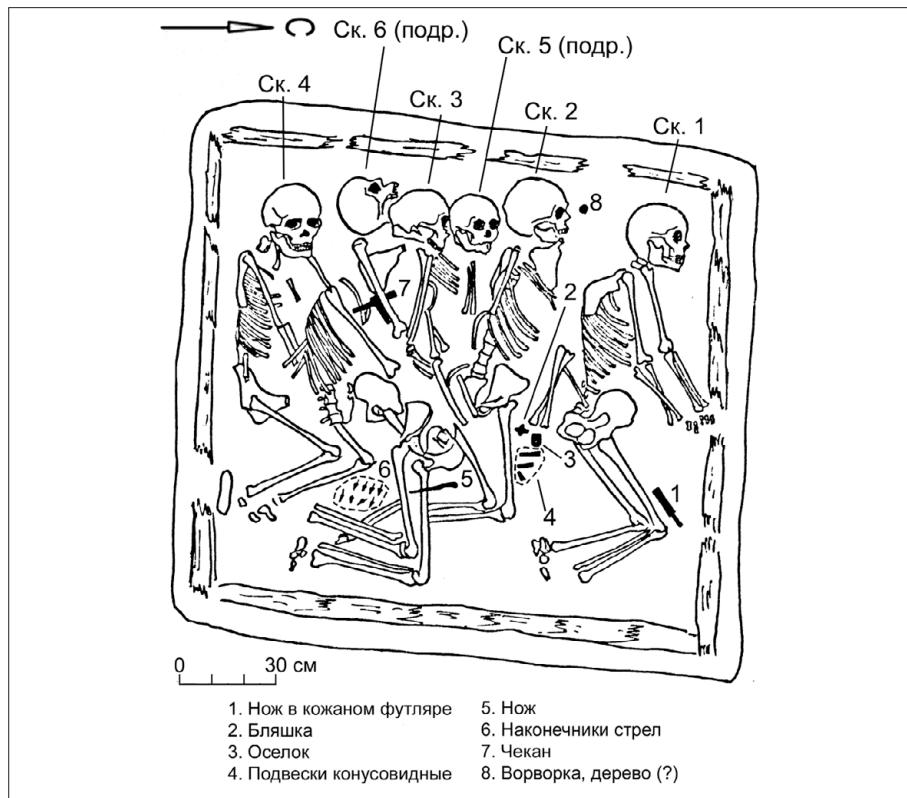

Рис. 8. Курган 22а. План могилы.

футляре (рис. 9, 18, шило утрачено), бронзовые наконечники стрел (рис. 9, 1–4), роговые конусовидные подвески (рис. 9, 20, 21), бусина из камня светло-зеленого цвета (рис. 9, 13), бусы из пасты и гагата (рис. 9, 12, 14, 15).

Курган 23а располагался в 10 м к востоку от кургана 22а, имел округлую в плане сильно задернованную насыпь из разномасштабных горных пород (рис. 10). Диаметр наземного сооружения составлял 8,5 м при высоте 0,5 м.

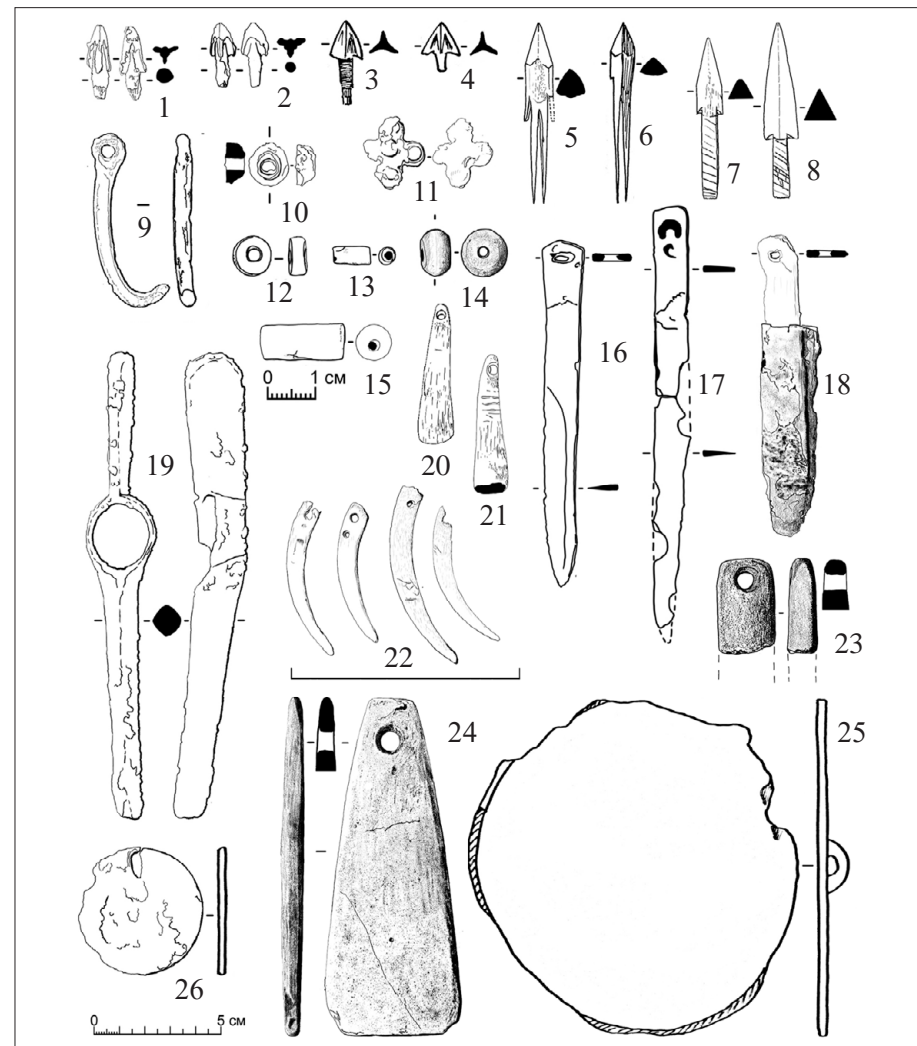

Рис. 9. Курган 22а. Инвентарь (3, 4, 6 – рисунки из альбома отчета М. Х. Маннай-оола 1964 г.). 1–4, 9–11, 16, 17, 19 – бронза; 18 – бронза, кожа; 5–8, 20–22 – кость (рог); 12–15, 23, 24 – камень.

После снятия насыпи в центре была обнаружена могильная яма подквадратной в плане формы. Размеры ее составляли $1,2 \times 1,1$ м при глубине 2,5 м. На дне ямы обнаружены остатки одновенцового сруба, внутри которого лежали кости двух индивидуумов – скелеты 1 и 2 (рис. 11). Погребальная поза – скорченно, на левом боку, головой на запад. Между черепами погребенных найден бронзовый крюк (рис. 11, 1; 12, 9), под

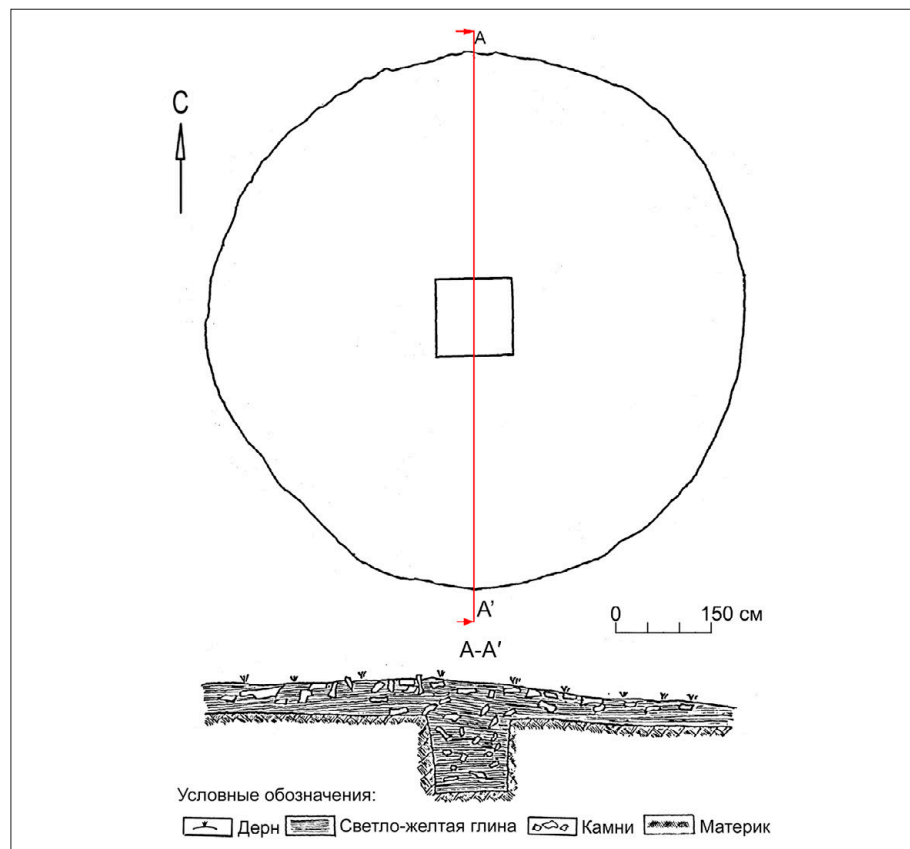

Рис. 10. Курган 23а. План и разрез насыпи.

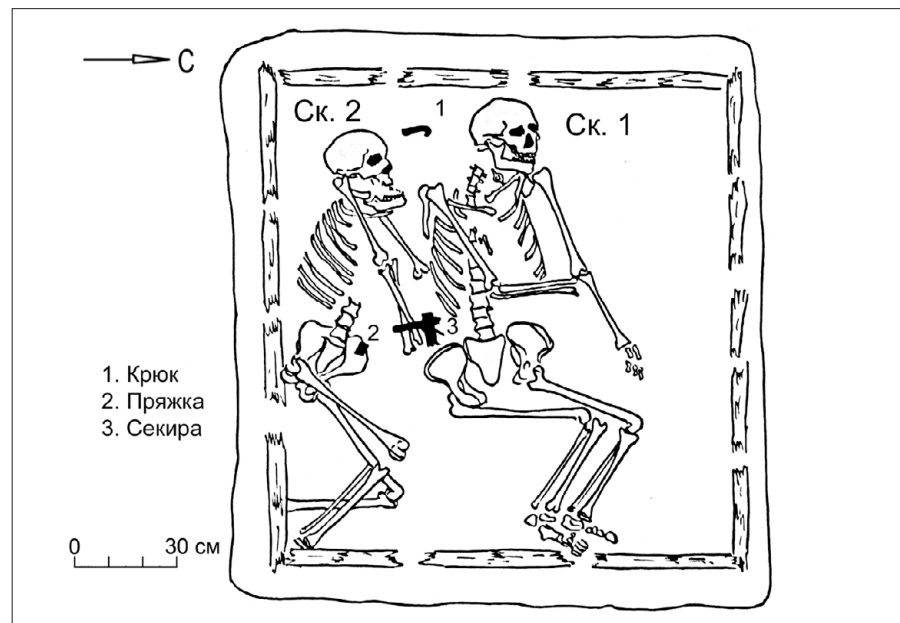
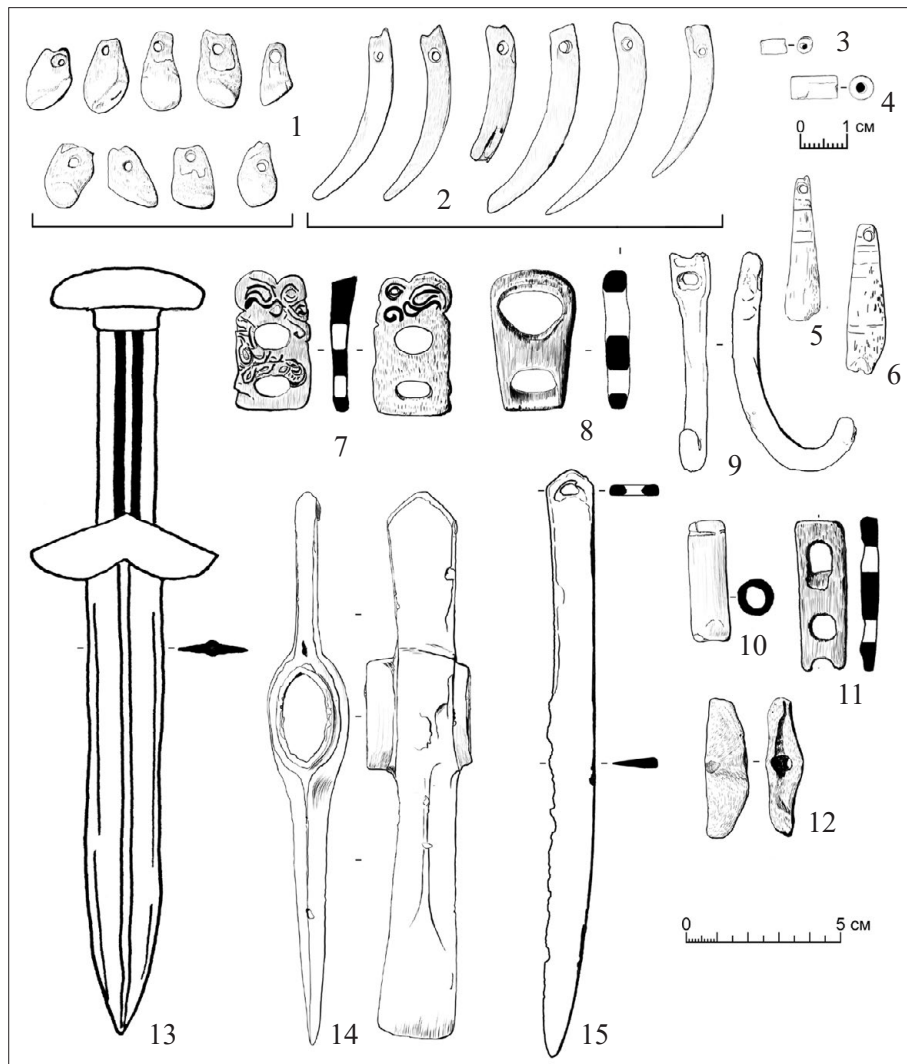

Рис. 11. Курган 23а. План могилы.

тазовыми костями скелета 1 – костяная пряжка (рис. 11, 2; 12, 7). За правой подвздошной костью скелета 2 найдена секира (рис. 11, 3; 12, 14). После разборки скелетов при дополнительной расчистке дна ямы обнаружены и другие предметы, принадлежавшие погребенным: бронзовый кинжал с ножом в одном кожаном футляре (рис. 12, 13, 15), клыки марала с перфорацией в верхней части (рис. 12, 1), подвески из клыков кабарги (рис. 12, 2), костяные пряжки (рис. 12, 8, 11), конусовидные подвески из рога (рис. 12, 5, 6), трубочка из кости (рис. 12, 10), поделка из кости с отверстием (рис. 12, 12), а также бусины из камня светло-зеленого цвета (рис. 12, 3, 4).

Погребальный обряд

Наземные сооружения публикуемых памятников – это характерные для уюско-саглынской культуры каменно-земляные объекты. Они пред-

Рис. 12. Курган 23а. Инвентарь (13 – рисунок из альбома отчета М. Х. Маннай-оола 1964 г.). 1, 2, 5–8, 10–12 – кость; 3, 4 – камень; 9, 13–15 – бронза.

Рис. 13. Курган 23а. Пряжка с изображением ушастого грифона, кабана (а) и горного козла (б).

ставляли собой задернованные округлые в плане насыпи диаметром 10 м, высотой не более 0,5 м. Расчистка их показала, что имеется каменная кладка из горных пород в один-два слоя. По неясной причине камни наземной части курганов 22а и 23а не воспроизведены в чертежах, имеется только рисунок кладки кургана 20а. Он сделан схематично, без детализации граней, нет также фотографии, которая могла бы способствовать более полному восприятию этой части комплекса. Тем не менее можно отметить, что в западной половине и в северо-восточном секторе камни кургана расположены разрозненно, а в юго-восточном секторе, напротив, – более скученно. В объяснение подобной особенности наземной части этого комплекса можно весьма осторожно предположить, что камни были облицовкой валика выброса из могильной ямы, что в определенной мере видно в разрезе кургана. Подобное встречается, к примеру, в курганах могильника Догээ-Баары 2, хотя К. В. Чугуновым отмечено, что кладка имела кольцевидную в плане форму, вокруг нее имелся ровик [Чугунов, 2007, с. 123], который не отмечен в публикуемом комплексе.

Разборка наземных сооружений показала, что под ними в центре находится по одной могильной яме. В плане они подквадратной формы. Ямы средней глубины и не превышают 2,5 м; стенки их прямые и несколько сужаются на уровне погребальных камер. До раскопок в наземной части они отмечались едва заметными западинами. Образование их, по нашему мнению, связано с постепенным проседанием грунта, а не с разграблением или разрушением. На дне ям были расположены внутримогильные сооружения – одновенцовые срубы из лиственничных бревен. Ориентированы они по странам света с небольшими отклонениями. Сохранность внутримогильных сооружений оказалась плохой. К сожалению, в ходе исследования курганов М. Х. Маннай-оол не отмечал, имелись ли у погребальных камер перекрытие и пол, нет также информации о способе сопряжения углов срубов. По-видимому, конструкция погребальных камер курганов Бош-Дага не отличалась, к примеру, от кургана 48 могильника Кокэль в Западной Туве [Вайнштейн, 1966, рис. 17]. По мнению Д. Г. Савинова, данная особенность характерна для ранних саглыных (уюкско-саглыных) комплексов, а те в свою очередь указывают на близость с традицией алды-бельской археологической культуры, где подобное можно увидеть в коллективных захоронениях курганов могильника Сыпучий Яр [Семенов, 2001; Савинов, 2002, с. 109]. При этом следует полагать, что в курганах Бош-Дага они не были полноценными срубам; вероятно, допустимо их именовать рамами.

Внутри этих сооружений находились коллективные захоронения людей. Количество их сильно различается: в кургане 20а лежали костяки трех человек, кургане 22а – шести, кургане 23а – двух. Скелеты расположены линейно в меридиональном направлении. Погребальная поза и ориентировка их единообразна – скорченно на левом боку, головами в западном направлении. Кости ног у целых костяков согнуты в суставах, руки вытянуты перед туловищем. Сохранность костей сильно различается. В кургане 22а кости погребенных сохранились в большинстве целыми, однако у скелетов подростков остались только черепа и несколько трубчатых костей. Одна из причин этого – скученность захороненных в этом комплексе. На небольшой внутренней площади погребальной

камеры приходится совсем небольшое место для одного костяка, что не способствовало сохранности хрупких костей подростков. Вероятно, можно допустить, что данная погребальная камера существовала, как и в случае с некоторыми уюкско-саглыными курганами могильника Догээ-Баары 2, как открытый погребально-поминальный комплекс, где могильная яма в определенный промежуток времени не засыпалась грунтом и проводились подхоронения [Чугунов, 2007, с. 125]. Неполные костяки были обнаружены в кургане 20а, где скелеты 1 и 2 были сильно перемещены от первоначального положения. Вероятно, это не результат ограбления, а кости были смещены грызунами. При этом нельзя исключать и постпогребальной практики перемещения костей погребенных, что убедительно показано на широком материале Вл. А. Семеновым и М. Е. Килуновской [2016, с. 27–29]. К сожалению, половозрастных определений погребенных не проводилось*, но по характеру сопроводительных вещей можно сказать, что погребены были и мужчины, и женщины. Очевидно, что погребения мужчин следует отнести к воинским. Обычно костяки воинов имеют центральное положение, женские же погребения располагались справа или слева от основного погребения. Ярким примером первого могут служить погребенные в курганах 20а и 23а, где центральным захоронением являются, по-видимому, костяки мужчин, поскольку при них находятся предметы вооружения.

Характеристика материального комплекса, вопросы культурной принадлежности и хронологии

Материальный комплекс из публикуемых памятников представлен разнообразным набором вещей, весьма характерных для культуры ранних кочевников второй половины I тыс. до н. э. Предметы вооружения были обнаружены во всех курганах. Почти все они сохранились (в тех случаях, когда были отмечены на планах могил) (см. **рис. 5, 9, 12**) в положении *in situ*. Клинковое вооружение представлено тремя бронзовыми кинжалами, находившимися в костях таза погребенных. Клинок предметов дулезвийный прямой, рукоять кинжалов рубчатая. У первых двух

* Анализ полевой описи показывает, что остеологический и краниологический материал, кроме одного комплекса, не сдавался в фонды НМРТ.

предметов (рис. 5, 4; 12, 13) имеется валиковое навершие, под которым находится утолщение «колодочка». Форма гарды у кинжалов – бабочковидная. Совершенно другое оформление у третьего кинжала (рис. 5, 5): навершие выполнено в виде сегмента, а гарда крыловидная. Крупные размеры всех кинжалов (более 25 см) позволяют отнести их к боевым, а не вотивным изделиям. Хотя единого мнения, какие именно кинжалы следует считать боевыми, нет [Кубарев, Шульга, 2007, с. 72]. Важно также отметить, что в отличие от раннескифского времени, когда кинжалы вместе с некоторыми другими вещами были индикатором высокого социального положения погребенных, в скифское время (по крайней мере, в Саяно-Алтайском регионе) кинжал становится массовым предметом инвентаря, что может быть связано, с одной стороны, с изменениями способа ведения военных действий, а с другой стороны – с формированием общего стандарта погребальной практики, когда с мужчинами обязательно клали этот предмет.

Типологически разнообразны находки предметов древкового вооружения, представленные тремя экземплярами чеканов и секирой (топориком). Последняя (рис. 12, 13) имеет короткую втулку, плоский боек и обух. Аналогия этому предмету имеется из раннего тагарского кургана могильника Гришкин Лог I (VIII вв. до н.э.), что позволяет допустить, что он типологически восходит к раннескифской эпохе [Максименков, 2003, табл. 25, 11; Смирнов, 2004, с. 48]. Чеканы подразделяются по насаду на проушные и втульчатые. Два предмета (рис. 5, 1; 9, 19) имеют плоский обух и стержневидный боек с трехгранным острием. Небольшие размеры указывают, что они являются вотивными. Третий (рис. 5, 3; 6) имеет стержневидный боек и обух, где на вершине последней детали выполнена головка хищника (подробнее об этой детали предмета см. ниже).

Набор из восьми бронзовых и роговых наконечников стрел, вероятно, из одного колчана, обнаружен у скелета 4 кургана 22а. Бронзовые стрелы относятся к черешковой группе, когда черешок и головка примерно равны по размерам. Абрис головок наконечников башневидный и треугольный. По форме оформления головки выделяются два типа по класси-

фикации К.В. Чугунова [2000, табл. на с. 224]: 1 экз. с трехгранно-трехлопастной в сечении головкой и с трехзубчатым оформлением основания бойка (рис. 9, 1), 3 экз. – трехлопастные с гладкими ложками (рис. 9, 2–4). Представленные два типа находок имеют прямые аналогии в курганах уюкско-саглынской культуры, но особый интерес представляет наконечник первого типа. Аналогичные обнаружены в колчане (7 экз.) из объекта 5 могильника Саускен 3 в долине р. Ээрбек, датируемого V–IV вв. до н.э. [Килуновская, Семенов, 2014, рис. 11, 11–17]. Однако важно указать в этих находках другое: типологическое развитие их восходит еще к раннескифской эпохе. Вероятный прототип – трехгранно-трехлопастной наконечник из набора стрел, обнаруженного в кургане 4 могильника Копто [Чугунов, 2005, рис. 10, 7]. Можно полагать, что наконечники с трехзубчатым оформлением основания бойка могут быть датирующими или позволяют отделить ранние наборы от более поздних, поскольку в комплексах озен-ала-белигского типа, характеризующих поздний этап развития культуры скифского типа Тувы, подобные находки не известны [Семенов, 2003, табл. 104]. Все роговые (костяные) наконечники имеют трехгранную головку с зажимными (рис. 9, 5, 6) и черешковыми (рис. 9, 7, 8) насадами. Абрис их проникающей части делится на два вида: башневидный (рис. 9, 5–7) и треугольный (рис. 9, 8). Аналогии этим наконечникам, как и в случае с бронзовыми, широко представлены в однокультурных памятниках, но особо важны для определения хронологии предметы с зажимным насадом, которые типологически не сопоставимы с находками озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры, где они больше формой тяготеют к культурной традиции сюнну [Мандельштам, 1992, табл. 75, 48–50; Чугунов, 2007, с. 128, ил. 8, 1; Семенов, 2010а, рис. 9, 17].

Бронзовые ножи можно отнести как к бытовым предметам, так и к воинскому комплексу. Всего в курганах обнаружено семь подобных предметов. У всех них одно лезвие и прямая спинка без выделенной рукояти. В верхней части имеются каплевидные, подовальные отверстия или же навершие в виде кольца (рис. 5, 6–9; 9, 16, 18). Выделяется нож со сплошной рукоятью (рис. 9, 17), где ближе к вершине рукояти находится выемка в виде скобки, которая расположена горизонтально оси

рукояти. По всей вероятности, это дефект отливки, поскольку на этом месте предполагалось отверстие. У двух ножей благодаря консервирующим свойствам бронзы хорошо сохранились кожаные ножны (рис. 5, 6; 9, 18), которые представляют собой полоску кожи, обернутую вокруг лезвия. Край ножен прошит, по-видимому, сухожильными нитями. М. Х. Маннай-оол в описи и отчете о раскопках памятника писал о нахождении трех ножей (рис. 5, 7, 8; 12, 14) вместе с кинжалами (рис. 5, 4, 5; 12, 12) в одном кожаном футляре. К сожалению, они не сохранились, но, вероятно, не отличались от футляра из кенотафа кургана 15 Догээ-Баары 2 [Чугунов, 2007, ил. 10, 5; 12]. Размеры ножей сильно отличаются: от миниатюрных (рис. 5, 6, 7; 9, 16, 18) до крупных (рис. 5, 8; 9, 17; 12, 14). Последние могут интерпретироваться как боевые. Также интересно отметить, что вместе с ножом из кургана 20а в одном кожаном футляре находилось бронзовое шило* (рис. 5, 6), представляющее собой тонкую квадратную в сечении проволоку из бронзы.

Найдено также три зеркала из бронзы – особый сакральный атрибут погребений скифского времени. Все находки представляют собой округлые в плане диски. У двух экземпляров на оборотной стороне находятся петельки для подвешивания (рис. 5, 2; 9, 25). Третье зеркало (рис. 9, 26) такой детали не имеет, но вероятно, что для подвешивания использовалось отверстие на диске. Небольшие размеры зеркал более характерны для уюкско-саглыньских погребений, чем для раннескифских, где они обычно бывают более массивными.

Как и зеркала, особые атрибуты – «оселки». Два таких предмета обнаружены в составе инвентарного комплекса погребений кургана 22а. У них имеются округлые отверстия для подвешивания к поясу, следов сработанности не прослеживается (рис. 9, 23, 24). Вероятно, правы те исследователи, которые считают, что «оселки» – сакральные предметы и применение их в качестве точильных камней не соответствует действительности [Грязнов, 1961; Чугунов, 2007, с. 134].

* Такое сочетание предметов имелось и в кургане 22а, однако шило к настоящему времени утрачено.

В материалах курганов Бош-Дага имеются предметы, относимые к фурнитуре пояса и составных частей колчана. Представлены они находками из кости и бронзы. Колчаные крюки в двух экземплярах найдены в курганах 22а и 23а. Они различаются по форме верхней части: в виде кольца (рис. 9, 9) или стремечка (рис. 12, 9). У специалистов нет единого мнения относительно их применения. Интересно предположение К. В. Чугунова о том, что они применялись «в качестве пряжки или торочного крепления колчана при езде на верховом коне» [Чугунов, 2007, с. 130]. Также обращает на себя внимание тот факт, что колчаный крюк из кургана 23а лежал у головы скелета 2 (рис. 11, 1). Судя по всему, этот предмет был воткнут в западную стенку погребальной ямы, но со временем упал. Похожая ситуация зафиксирована в комплексах могильников Саглы-Бажы, Чинге II (раскопки И. У. Самбу 1974 г.), Догээ-Баары 2 и Саускен 3, только они оказались воткнутыми в стенки срубов. Очевидно, эта норма погребальной практики воспроизводит мотив подвешивания колчанов или горитов, широко известный в культуре ранних кочевников степей Евразии, особенно в элитных комплексах и предметах искусства [Чугунов, 1996; Килуновская, Семенов, 2014, с. 413]. Три пряжки из кости происходят из кургана 23а (рис. 12, 7, 8, 11). У предметов общая для всех конструкция: плоская роговая пластина, на которой выполнены два сквозных овальных отверстия для пропускания ремешка. Важно отметить, что эти находки отражают изменения характера ношения поясов у ранних кочевников. Использовались уже не большие бляхи, как в раннескифское время, что хорошо известно, к примеру, по материалам Аржана-2 и Чинге-Тя I, а пряжки из кости и бронзы [Чугунов, 2016]. Заслуживает внимания крестовидная бляшка из кургана 22а, на ее оборотной стороне имелась когда-то петля, через которую пропускался ремешок (рис. 9, 10). Аналогичные бляшки найдены в кургане 18 могильника Темир-Суг I. Датировка данного памятника, судя по предметам конского снаряжения, не выходит за рамки второй половины VI – V в. до н. э. [Кушакова, Чугунов, 2010, с. 151]. К фурнитуре пояса или колчана, видимо, относится находка ворворки (рис. 9, 11) в виде усеченного конуса. Неясно назначение двух предметов из кургана 23а – поделки из сесамовидной кости

лошади и трубочки. Первый предмет представляет собой небольшое костяное изделие с отверстием (**рис. 12, 12**), расположенным перпендикулярно основной оси. Второй предмет сделан из трубчатой кости, в верхней части имеется резной поясок (**рис. 12, 10**). Аналогия застежке из сесамовидной кости лошади обнаружена в материалах сруба 39, группы VIII могильника Аймырлыг [Жогова, Саблин, 2020, с. 256–258].

Значительным разнообразием по материалу изготовления отличаются находки, относимые к составным частям личных украшений. Они представлены бусами, клыками кабарги и марала с перфорацией в верхней части. Бусины из минерала светло-зеленого цвета все имеют цилиндрическую форму (**рис. 9, 13, 15; 12, 3, 4**). Не исключено, что они местного происхождения. То же можно сказать и про бусины из гагата и стекловидной массы (**рис. 9, 12, 14**). Клыки кабарги (**рис. 9, 22; 12, 2**) и марала (**рис. 12, 1**) с просверленной верхней частью в составе материального комплекса курганов ранних кочевников встречаются в большом количестве, в могильнике Бош-Даг они обнаружены в курганах 22а и 23а. Конусовидные изделия с отверстиями в верхней части (**рис. 9, 20, 21; 12, 5, 6**), найденные (4 экз.) в этих же комплексах, – развитие колоколовидных подвесок алды-бельской культуры. В общих чертах такие находки интерпретируются как сакральная атрибутика женского культа, который широко бытует с эпохи бронзы до культуры ранних кочевников [Мачинский, Чугунов, 1998]. Немаловажно упомянуть об отсутствии в публикуемых комплексах предметов из золота. По-видимому, это указывает на то, что они относятся к рядовым погребениям уюкско-саглынской культуры, в отличие от комплексов Догээ-Баары 2 и Кошпея, где определенно хоронили представителей «нобилитета» племенных объединений ранних кочевников [Чугунов, 2007, ил. 20, 2–12; Семенов, 2010б, рис. 4].

Из двух комплексов происходят два выразительных предмета, выполненные в зверином стиле. В верхней части обуха чекана (**рис. 5, 3**) из кургана 20а отлита головка хищника. Широко открытая пасть с оскаленными клыками, овальные глаза и такие же уши хищника находят некоторое сходство с трактовкой звериных образов раннескифского времени, в частности изображения «пантеры» из Аржана-1 [Грязнов, 1980, рис. 15, 4].

Однако хронологический показатель для этого образа – оформление носа в виде завитка, что широко известно в изображениях развитого этапа скифского времени, в частности в материалах искусства пазырыкской археологической культуры Алтая и савроматских (прохоровских) памятниках [Королькова, 2006, табл. 29]. Определенную связь с искусством раннескифского времени обнаруживает костяная пряжка (**рис. 12, 7; 13**)* с резными изображениями головок животных из кургана 23а, которая уже упоминалась при характеристике поясного набора. Центральным персонажем в композиции выступает головка ушастого орла или грифона. Именно по нему можно сказать, что пряжка сделана в поздней изобразительной традиции ранних кочевников, что подчеркивается изображением уха, которые не встречаются в раннескифских образах данного пернатого хищника. Но другие персонажи – головки кабана (?) и горного козла (**рис. 13, а, б**) – значительно архаизируют композицию, восходящую, видимо, к стилю «загадочных картинок» раннескифской эпохи, когда «все мелкие изображения группируются вокруг или около одного более крупного изображения, занимающего явно доминирующее положение» [Савинов, 2012, с. 51].

Со времен первых публикаций инвентарного комплекса вводимых в научный оборот курганов могильника Бош-Даг отчетливо определены их культурная принадлежность и хронология. Так, автор раскопок относил курганы к уюкской археологической культуре [Маннай-оол, 1970, с. 84], А. Д. Грач и Д. Г. Савинов – к саглынской археологической культуре [Грач, 1980, табл. 2; Савинов, 2002, с. 108]. По современным представлениям настоящие памятники следует определять в рамках уюкско-саглынского культурного комплекса; многие архаичные черты (одновенцовые срубы/рамы, наконечники стрел, чекан с головкой хищника, костяная пряжка с изображениями и др.) указывают на принадлежность их к так называемому уюкскому этапу (типу) обозначенной культуры. Хронология памят-

* Находка не раз воспроизводилась в публикациях [Маннай-оол, 1970; Рукавишников, 2006, 2010]. Следует отметить неточность в работах И. В. Рукавишниковой, где указывается, что находка происходит из Тоджи.

ников этого круга определяется специалистами в рамках второй половины/конца VI – V в. до н. э. [Семенов, 1992; Чугунов, 2020, с. 137].

Таким образом, в 1964 г. М. Х. Маннай-оолом исследована весьма интересная группа памятников в могильнике Бош-Даг, характеризующая, по-видимому, начало формирования облика культуры кочевников Тувы второй половины I тыс. до н. э. На возможность такого определения указывают некоторые дополнительные детали: а) отсутствие керамической посуды (в отличие от более поздних погребений уюкско-саглынской культуры, где керамика – массовая находка); б) отсутствие так называемых каменных подушек под головами погребенных, что имеет некоторое сходство с коллективными комплексами позднего этапа алды-бельской культуры (могильники Сыпучий Яр, Копто) [Семенов, 2001; Чугунов, 2005].

В заключение следует сказать, что позднее работы по исследованию объектов уюкско-саглынской культуры у горы Бош-Даг были продолжены отрядом Саяно-Тувинской экспедиции под руководством А. М. Мандельштама на могильном поле Аймырлыг, частью которого, вероятнее всего, и был могильник, раскопанный М. Х. Маннай-оолом [Мандельштам, 2020]. Представляется перспективным сравнение материалов публикуемых здесь объектов и Аймырлыга.

Библиография

- Вайнштейн С. И. Памятники казылганской культуры // Труды Тувинской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Наука, 1966. С. 143–184.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Восточная литература, 1980. 256 с.
- Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1961. С. 139–144.
- Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Дэвлет М. А. «Я ушел в Золотую степь...» (петроглифы под горой Бош-Даг в Туве) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 87–100. (Труды САИПИ; вып. VII).

Жогова Н. А., Саблин М. В. Костяные изделия из могильного поля скифского времени Аймырлыг // Население раннего железного века и Средневековья Северной Евразии по материалам музейных коллекций. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2020. С. 233–270. (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. LXVII).

Килуновская М. Е., Семенов Вл. А. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Ээрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2014. С. 393–423. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. XLII).

Королюкова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2007. 282 с.

Кушакова Н. А., Чугунов К. В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы междунар. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. С. 148–156.

Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское востоковедение. 2003. 432 с.

Мандельштам А. М. Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 178–196.

Мандельштам А. М. Конструкция погребальных сооружений и обряд погребения могильника Аймырлыг // Население раннего железного века и Средневековья Северной Евразии по материалам музейных коллекций. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2020. С. 26–66. (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. LXVII).

Маннай-оол М. Х. Отчет о полевых исследованиях ТНИИЯЛИ в 1964 г. / Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Кызыл, 1964. Док. № 477/3. 22 л.

Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.

Мачинский Д. А., Чугунов К. В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посв. 70-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 1998. С. 183–188.

Рукавишников И. В. Многофигурные изображения с предметов раннего железного века Тувы и некоторые композиции в зверином стиле из кургана Аржан II // Древности скифской эпохи. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 297–316.

Рукавишников И. В. Возможности изучения композиций звериного стиля раннего железного века как археологического источника на примере звериного стиля Саяно-Алтая // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 287–319.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2002. 204 с.

Савинов Д. Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 35–55. (Труды САИПИ; вып. IX).

Семенов Вл. А. Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. Омск: Омский университет, 1992. С. 63–65.

Семенов Вл. А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. Сб. научных трудов, посв. 60-летию со дня рожд. Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2001. С. 167–172.

Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.

Семенов Вл. А. Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010а. № 3 (43). С. 99–110.

Семенов Вл. А. Скифские культуры Тувы // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. 2010б. Вып. XXII. С. 54–69.

Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. «Разрушение», «разграбление», «ритуал» – погребальный обряд в контексте древних культур (по археологическим памятникам Тувы) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2016. С. 15–36. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. 46).

Смирнов Н. Ю. К вопросу о чеканах раннескифского времени Саяно-Алтая // Альманах молодых археологов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 41–52.

Чугунов К. В. Археологические параллели одному изобразительному мотиву в искусстве ранних кочевников Евразии // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тез. докл. Ч. 2. Улан-Удэ, 1996. С. 86–89.

Чугунов К. В. Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 2005. Вып. 37. С. 66–90.

Чугунов К. В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А. В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123–144.

Чугунов К. В. Парадные пояса кочевников Азии в раннескифское время // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 336–356.

Чугунов К. В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // Археологические Вести. Вып. 26. СПб., 2020. С. 136–143.

K. M. Mongush

Altay State University, Barnaul, Russia

*Tuva Institute for Humanities and Socio-Economic Research under
the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia*

**KURGANS OF THE EARLY UYUK-SAGLY CULTURE
FROM BOSH-DAG CEMETERY IN CENTRAL TUVA
(on the materials from excavations by M. Kh. Mannai-ool in 1964)**

The article introduces the materials of kurgans 20a, 22a and 23a from the Bosh-Dag cemetery, excavated by M. Kh. Mannai-ool in 1964. The site is located on the left bank of the Chaa-Khol river, in the Central Tuva. The value of these three kurgans is that they were not subjected to the looting, usual for complexes of this period. As a result, almost all categories of accompanying inventory were obtained, which significantly expands the range of sources on the culture of the Scythian tribes of Tuva in the second half of the first millennium BC: weaponry, decorations, animal style, some findings of a household purpose. A detailed analysis of this complex allows the author to indicate that the published sites can be considered in the chronological framework of the second half of the VI–V centuries BC, which corresponds to the early stage of the Uyuk-Sagly culture.

Keywords: *Sayan-Altai region, Tuva, Central Tuva, Chaa-Khol, Bosh-Dag, Early Nomadic Age, Scythian Period, Uyuk-Sagly culture, M. Kh. Mannai-ool, kurgan, grave, gravegoods*

И. А. Пономарева

Университет Барселоны, Барселона, Испания

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.205-216>

ИЗОБРАЖЕНИЯ ШАМАНОВ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В статье представлены новые материалы по наскальному искусству Юго-Восточного Забайкалья, актуальные для исследования шаманизма в древности. Автором впервые публикуются новые данные о трех памятниках: Пилотка, Бараун-Кондуй I и Могойтуй. Также рассматривается методология выделения наскальных изображений, отражающих шаманистические представления и практики. После ознакомления с материалами обсуждается вопрос наличия шаманистических элементов в наскальном искусстве Забайкалья. Делается вывод о значительной роли шаманизма в Забайкалье в древности и о перспективности дальнейших исследований в этом направлении.

Ключевые слова: сибирский шаманизм, селенгинская традиция, бронзовый век, красочные наскальные рисунки

Введение

Цель данной работы – представить новые материалы по наскальному искусству, актуальные для изучения шаманизма. Также рассматривается методология выделения наскальных изображений, отражающих шаманистические представления и практики, и после ознакомления с материалами обсуждается вопрос шаманистического мировоззрения в наскальном искусстве Забайкалья.

Материалы, представленные в этой статье, собраны автором в ходе полевых работ 2017 г. в рамках диссертационного проекта «Change and continuity in the prehistoric rock art of East Siberia/Изменения и преемственность в древнем наскальном искусстве Восточной Сибири» (Griffith University, Gold Coast, Australia). Исследования проводились в Бурятии, Забайкальском крае, Якутии и Хабаровском крае, всего документировано

108 памятников наскального искусства. Большинство из этих памятников были уже известны в литературе, однако сделаны и открытия – выявлены ранее неизвестные памятники, а благодаря современным методам документирования также были зафиксированы новые изображения и плоскости. Здесь рассматриваются новые материалы, актуальные для исследования шаманизма в древности. Они включают в себя данные о трех писаницах, расположенных в Юго-Восточном Забайкалье. Информация об одной из них публикуется впервые (Пилотка)*, а по двум другим (Бараун-Кондуй I, Могойтуй) предлагаются более точные прорисовки, позволяющие иначе интерпретировать уже известные изображения.

Наскальное искусство и шаманизм

Как подчеркивает А. Розвадовский, шаманизм – это часть древнего культурного наследия сибирских народов и в то же время живая культурная традиция [Розвадовский, 2014]. Уже в ранних работах, посвященных древностям Байкальской Сибири, мы находим свидетельства связи наскального искусства с шаманизмом. В 1881 г. Н. Н. Агапитов в отчете о посещении писаниц Байкала писал, что местные старики-буряты и шаманы тщательно скрывают сведения о священных скалах с «начертаниями» от посторонних, и автору удалось их посетить только благодаря «счастливому случаю и вследствие старания моего спутника М. Н. Ханганова»** [Агапитов, 1881, с. 3]. Он также описал проведенные бурятами ритуалы очищения и умилоствления бурхана, которые предшествовали

* Автор приносит благодарность Г. И. Беломестнову за предоставленную информацию о местонахождении этого памятника.

** Правописание оригинала.

посещению памятника. Описывая антропоморфные фигуры Саган-Забы, Н. Н. Агапитов предположил, что «кружки» возле локтей некоторых из них могут быть изображениями бубнов – и, следовательно, сами фигуры могут быть изображениями шаманов. Позднее Саган-Заба привлечет не одного исследователя и станет «эталонным» изобразительным памятником в контексте изучения доисторического шаманизма Восточной Сибири. Так, в 1914 г. Б. Э. Петри сообщил о посещении и документировании писаных камней в бухте Ая, на Анге и на горе Орсо на северо-западном побережье Байкала. Описывая тематику изображений, он повторил интерпретацию Н. Н. Агапитова, описав человеческие фигуры как возможные изображения шаманов [Петри, 1914, с. 100].

В работе «Рыболовство у бурят и ухан-хат» М. Н. Хангалов сообщает следующие сведения: «Прежние буряты, еще во времена *зэгэтэ-аба**, совершая религиозные обряды Ухан-хату**, делали их изображения на каменных скалах, что называлось *Ухан-хатихурэг* – “изображение Ухан-хата”. В период скотоводства буряты далеко ушли от тех местностей, где были расположены *хурэг*. Поэтому *хурэг* стали делать на материях, которые также назывались *Ухан-хатисураг*. Так появились нынешние *зураг*» [цит. по: Хангалов, 2004, с. 108].

Н. Н. Агапитов в совместной с М. Н. Хангаловым работе «Материалы для изучения шаманства в Сибири (Шаманство у бурят Иркутской губернии)» сравнивает изображения на скалах с онгонами, предполагая, что первые могли быть прототипом последних, прослеживая эволюцию от более древней и совершенной формы на скале Саган-Заба к подражанию в бухте Ая и более простым рисункам, примерами которым могут быть красочные фигуры «у Мальты, в Куртуне, и, вероятно, во многих других еще неизвестных пунктах». Н. Н. Агапитов также сообщает: «Существует у бурят мнение, что изображения на скалах были общественными онгонами в эпоху большого развития общественной жизни, когда устраивались общие охоты или облавы на зверей; утверждают даже, что названные изображения представляют “сатинских богов”, особых добрых

* Облавная охота.

** Главный покровитель вод.

существ – людей небесного происхождения, бывших шаманами и шаманками» [цит. по: Хангалов, 2004, с. 282].

Таким образом, уже к началу советского периода были собраны материалы по шаманизму Сибири, в частности по шаманизму бурят, и были высказаны предположения о связи наскального искусства с шаманизмом. Это и станет в будущем фундаментом для изучения связи шаманизма и наскального искусства.

Огромный вклад в изучение наскального искусства Восточной Сибири был сделан А. П. Окладниковым. Его многочисленные труды посвящены самым разнообразным аспектам древних культур, в том числе и шаманизму. В монографии «Петроглифы Ангары» А. П. Окладников так описывает группу антропоморфных фигур, отнесенных им к бронзовому веку: «Фигуры бесспорно шаманские, образы жрецов-шаманов с характерными шаманскими атрибутами и регалиями. Здесь мы видим такие же предметы, как у современных шаманов, такую же шаманскую одежду, изображение настоящего шаманского бубна и фигуры самих шаманов в их характерном облачении, с кистями и подвесками, с рогатым головным убором, а может быть пышной короной из перьев. Бубны имеются и в руках одной из фигур. Эти шаманы молитвенно воздели руки к небу» [Окладников, 1966, с. 136]. А. П. Окладниковым были заново документированы и детально проанализированы уже известные петроглифы Байкала, на основе накопленных археологических данных сделаны выводы об их возрасте и, следовательно, о времени возникновения шаманизма. Он заключил, что в байкальских наскальных изображениях «отчетливо проявляется обширный комплекс идей, связанных с образами шаманов, с получением шаманского дара», и по его мнению, это древнейшие известные изображения такого рода, которые позволяют проследить возникновение шаманистических представлений и ритуалов. Он отнес этот комплекс к началу бронзового века, глазковскому времени [Окладников, 1974, с. 84].

В работе А. П. Окладникова следующие характеристики определены как принадлежащие шаманскому комплексу: 1) сходство с бурятскими шаманскими онгонами по М. Н. Хангалову и Н. Н. Агапитову; 2) харак-

терная поза, показывающая ритуальный танец; 3) изображения кругов возле фигур – это шаманские бубны; 4) «скелетная» манера оформления (иллюстрация легенды о получении шаманского дара); 5) изображение антропоморфной фигуры на дереве (это шаманское дерево); 6) сопровождающие змеи; 7) рогатые головные уборы; 8) этногенетические шаманские легенды о происхождении отдельных бурятских родов, черты которых прослеживаются в сюжетах и композициях наскального искусства.

Таким образом, с опорой на труды предшественников, А. П. Окладниковым заложен подход к изучению шаманизма в наскальном искусстве, который исходил прежде всего из детального анализа релевантных этнографических источников. Этот подход стал доминирующим в трудах отечественных исследователей наскального искусства и продолжен работами М. А. Дэвлет, которая посвятила теме шаманизма несколько ключевых статей.

М. А. Дэвлет изучала шаманизм прежде всего по материалам памятников, с которыми работала в Саянском каньоне Енисея, и опиралась на этнографические параллели при интерпретации изображений шаманов и шаманского мировоззрения. При определении изображений шаманов в первую очередь учитывались следующие элементы.

1. Детали костюма, такие как маска и рогатый головной убор, костюм с лентами и привесками [Дэвлет, 1996, 1999б]. В качестве аналогий приводятся налобные повязки тувинских шаманов с изображением человеческого лица в сочетании с бычьими рогами. М. А. Дэвлет подчеркивает, что головной убор был символом силы шамана, а рога помогали в путешествиях между мирами [Дэвлет, 1999а].

2. Атрибуты шамана, прежде всего изображения бубна, но это мог быть и шаманский жезл, показанный в виде палки или посоха. М. А. Дэвлет также отмечает, что прежде бубна шаманские камлания производились при помощи лука, и таким образом его изображение также можно интерпретировать как шаманский атрибут [Дэвлет, 1999б].

3. Следуя за А. П. Окладниковым, М. А. Дэвлет также определяет изображения в скелетном стиле как иллюстрирующие миф о получении шаманского дара [Дэвлет, 1996].

4. Антропоморфные фигуры, показанные в момент ритуального действия [Дэвлет, 1999б].

5. М. А. Дэвлет также выделяет «шаманствующие лица», к которым, на ее взгляд, могли относиться и «мифические персонажи в грибообразных шляпах, представленные на скалах» [Дэвлет, 1999б, с. 227]. Сюда же она относит фигуры человечков с «антенной», посредством которой, согласно представлениям шаманистов, осуществлялась связь с космосом [Дэвлет, 1996, с. 26].

6. Изображение трехъярусной модели Вселенной [Дэвлет, 1996].

Интересно отметить, что анализируемые изображения Саянского каньона Енисея, которые относятся к бронзовому веку, М. А. Дэвлет обозначает как «протошаманские изображения Сибири». Антропоморфные изображения в масках и с рогатыми головными уборами, человечки-«грибы», человечки с «антенной» – все это культовые лица, «протошаманы» [Дэвлет, 1996]. В другой работе М. А. Дэвлет, постулируя цель, отмечает, что «материалы наскального искусства дают возможность в определенной мере проследить эволюции внешних, и потому наиболее наглядных элементов, которые станут присущи шаманизму в эпоху этнографической современности: детали костюма, атрибуты культовых лиц, и даже составить представление о месте шамана в модели Мира древнего человека» [Дэвлет, 1999а, с. 152]. Тем не менее детальный анализ такой эволюции в работе не представлен. Автор замечает: «Антропоморфные фигуры как протошаманов, так и собственно шаманов бывают снабжены дополнениями в виде привесок и жгутов на костюме, различными атрибутами, хотя сами бубны появляются сравнительно поздно, если не считать изображения из Саган-Заба, которые, на мой взгляд, не бесспорны» [Дэвлет, 1999а, с. 156]. Однако остается неясным, где проходит разграничение между так называемыми протошаманами и собственно шаманами и на чем основано такое разделение.

В последние десятилетия ведущим исследователем шаманизма в связи с наскальным искусством Центральной Азии и Сибири является А. Розвадовский. Им расширен методологический подход в интерпретации шаманистических наскальных изображений за счет детального ана-

лиза конкретных петроглифов в рамках локального контекста памятника [Rozwadowski, 2001, p. 68]. Им также адаптирован феноменологический подход к изучению шаманизма, что позволило говорить об отражении шаманских экстатических ритуалов в наскальном искусстве [Rozwadowski, 2004]. Особое внимание в трудах А. Розвадовского уделяется роли самой скалы и ее особенностей, таких, например, как наличие трещин и их композиционная связь с наскальными изображениями [Rozwadowski, 2017a, b].

Таким образом, на данный момент сформировалось несколько взаимодополняющих подходов к изучению шаманизма в материалах наскального искусства, которые позволяют пополнить наши знания как новыми материалами, так и более глубоким пониманием древних религиозных представлений и практик.

Описание материалов

Плотка (рис. 1). Памятник расположен в Борзинском районе Забайкальского края, вблизи пос. Ключевское, на отдельно стоящей скале. Информация предоставлена Г. И. Беломестновым. На писанице документировано 11 рисунков на 4 плоскостях; в данной работе публикуются фотографии и прорисовки плоскостей № 3 и 4. Все изображения нанесены светло-красной охрой.

Плоскость 1 (ориентация на северо-запад): (1) группа из 32 хаотически расположенных точек, правее которых представлен (2) косой крест.

Плоскость 2 (ориентация на северо-запад): (1) натуралистичная орнитоморфная фигура и ниже (2) неясное изображение, напоминающее лодку.

Плоскость 3 (ориентация на запад) (рис. 1, 2–4): (1) неясное выцветшее красное пятно, ниже него (2) также неясное разрушенное временем изображение; ниже и правее (3) антропоморфная фигура с двумя отростками на голове в виде рогов и горизонтально показанными руками; правее, рядом с ней (4) неатрибутированная фигура, состоящая из шести расходящихся в стороны линий. Правее расположена группа из трех разрушенных выветриванием и натекками фигур, возможно, зооморфных.

Плоскость 4 (ориентация на юго-запад) (рис. 1, 5–7): (1) антропоморфная фигура с горизонтально показанными руками/крыльями,

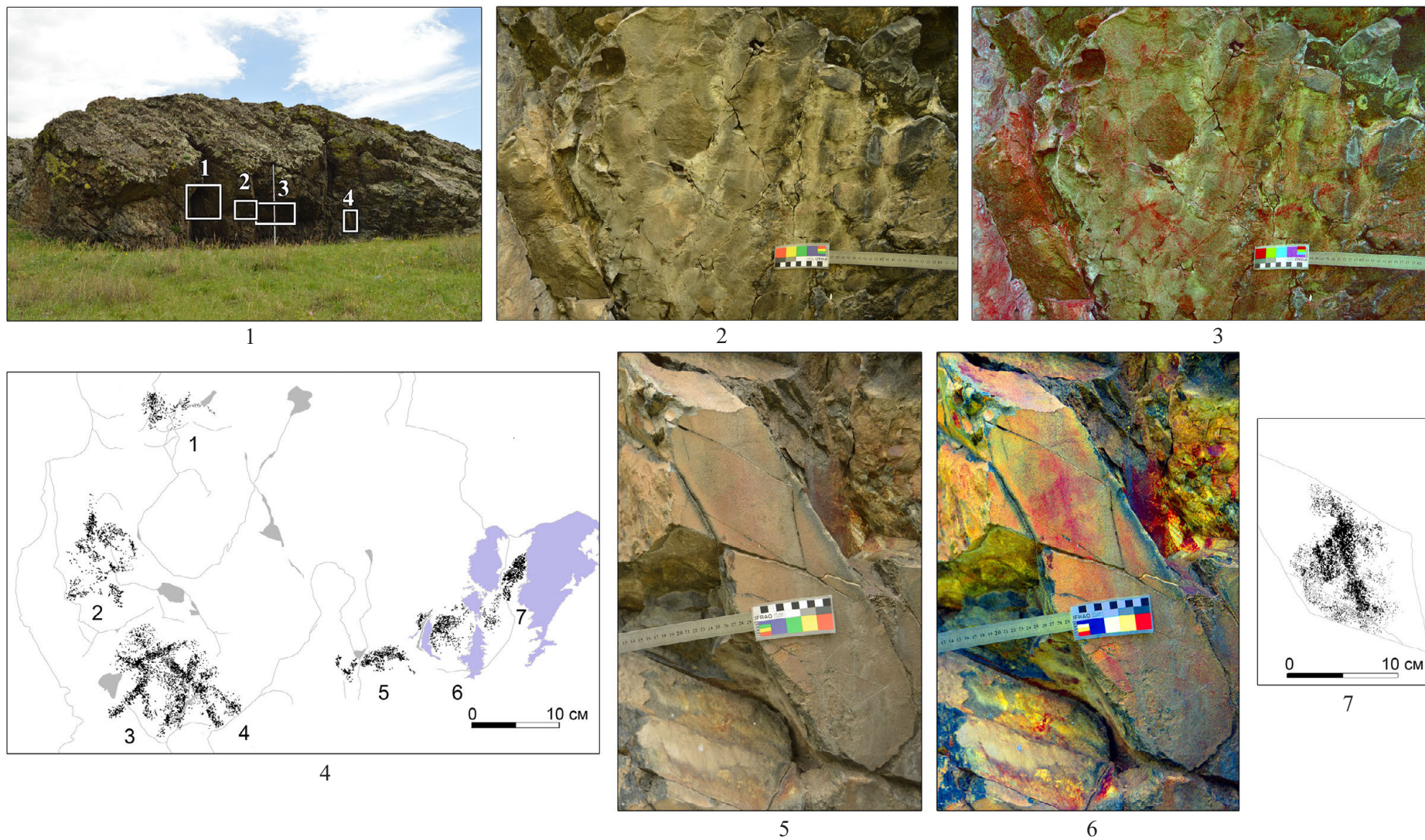
под ними узнаются очертания вертикальных линий «бахромы», также возможно наличие головного убора, очертания которого уже не распознаются. Видны слабые очертания двух коротких нижних конечностей и хвоста.

Бараун-Кондуй I (рис. 2) расположен в Борзинском районе, в окрестностях пос. Кондуй. Памятник обследован А. И. Мазиным в 1983 г. Им зафиксировано 6 плоскостей [Мазин, 1986, с. 56], из которых автору удалось обнаружить 4, на которых отмечено 27 рисунков. В данной работе публикуются фотографии и прорисовка плоскости № 1. Все изображения нанесены светло-красной охрой.

Плоскость 1 (ориентация на северо-запад, табл. 47, 5 по А. И. Мазину) (рис. 2, 3–5): (1) вверху композиции расположена выцветшая фигура или схематично отображенной птицы, или косоугольного креста, под ней показана (2) антропоморфная фигура с широко раскинутыми руками, от которых вниз отходят вертикальные полосы «бахромы». Туловище показано в виде сплошной толстой линии (3). Это может быть красочный натек или следы размытого изображения, от которого осталась только широкая полоса краски. Правее расположена (4) еще одна вертикальная полоса, на этот раз тонкая, и скорее всего нарисованная. Внизу композиции расположена (5) простая антропоморфная фигура, характерная для селенгинской традиции. В правой части композиции представлена еще одна фигура (6), возможно, антропоморфная, однако детали ее сложно различить в силу плохой сохранности. Отличие новой прорисовки от прорисовки А. И. Мазина состоит в том, что в верхней части композиции у него представлены антропоморфная фигура с поднятыми вверх руками, точка и схематично обрисованная зооморфная фигура. В нашем варианте это одна антропоморфная фигура, которую, вероятно, можно интерпретировать как облаченную в шаманский костюм.

Плоскость 2 (ориентация на запад, табл. 48, I по А. И. Мазину): в левой нижней части удастся различить три рисунка – (1) косую линию, под ней (2, 3) два выцветших очертания худых вытянутых антропоморфных фигур; в правой верхней части удалось документировать (4) крест, ниже (5) толстую горизонтальную линию и еще ниже (6) еще один крест. Расхождение с копией А. И. Мазина фиксируется в том, что у него не

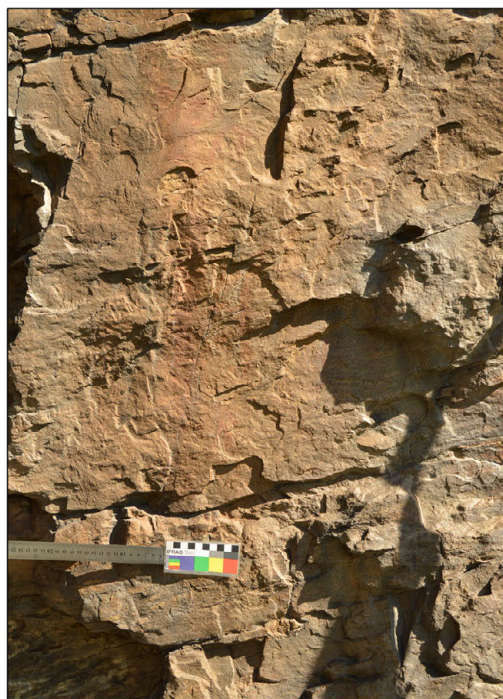
Рис. 1. Местонахождение Пилотка. 1 – общий вид памятника и расположение плоскостей; 2–4 – плоскость 3 (2 – оригинальная фотография, 3 – фотография после обработки, 4 – прорисовка); 5–7 – плоскость 4 (5 – оригинальная фотография, 6 – фотография после обработки, 7 – прорисовка).

1

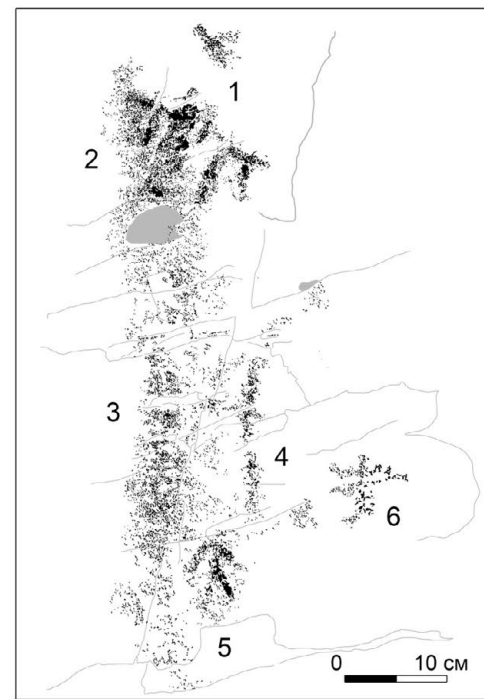
2

3

4

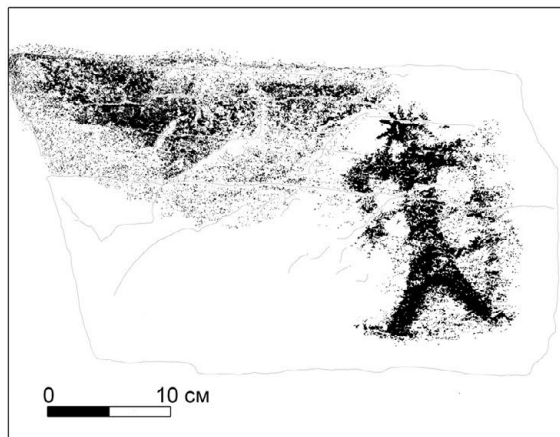

5

Рис. 2.
 Местонахождение
 Бараун-Кондуй I. 1 –
 общий вид памятника;
 2 – вид плоскости 1;
 3 – оригинальная фото-
 графия; 4 – фотография
 после обработки, 5 –
 прорисовка).

1

2

3

4

Рис. 3. Местонахождение Могойтуй. 1 – общий вид памятника; 2–4 – плоскость 5 (2 – прорисовка нижней части, 3 – оригинальная фотография, 4 – фотография после обработки).

представлена правая часть композиции. В левой же части удалось документировать две антропоморфные фигуры вместо одной.

Плоскость 3 (ориентация на северо-запад, табл. 48, II по А. И. Мазину): в левой верхней части представлен (1–3) ряд из простых антропоморфных фигур, держащихся за руки. Ниже и левее показана (4) крупная антропоморфная фигура в том же стиле, но отличающаяся масштабом и наличием чрезмерно длинного фаллоса или хвоста. Правее нее (5) очень выцветшая фигура меньшего размера, возможно, антропоморфная. В правой части плоскости располагаются (6–13) два ряда простых антропоморфных фигур, держащихся за руки, по четыре фигуры в каждом ряду. Сохранность плоскости неравномерная, и левая ее часть более выцветшая, поэтому неудивительно, что в прорисовке А. И. Мазина упущены рисунки, обозначенные нами как № 1–3.

Плоскость 4 (ориентация на восток, табл. 48, III по А. И. Мазину): на небольшой плоскости представлено две выцветших антропоморфных фигуры рядом друг с другом. Различимы только верхние части фигур. Прорисовка А. И. Мазина довольно неточно передает детали композиции.

Могойтуй (рис. 3) расположен в Борзинском районе, в окрестностях пос. Васильевский Хутор. Открыт и исследован А. И. Мазиным в 1984 г. [Мазин, 1986, с. 59]. Им было зафиксировано восемь плоскостей. Нами выявлено 35 рисунков на 6 плоскостях. В данной работе публикуются фотографии плоскости № 5 и прорисовка ее нижней части. Все плоскости ориентированы на юго-запад. Рисунки нанесены светло-красной охрой.

Плоскость 1 (табл. 48, IV по А. И. Мазину): представлена композиция из четырех фигур – (1) две волнистые линии, под ними в ряд (2) рисунок, похожий на звездочку, (3) фигура, похожая на лежащие грабли и (4) рисунок в виде буквы «П». Правее, в стороне от этой группы рисунков примерно в 20 см имеется одна вертикальная линия. Значительных отличий от документации А. И. Мазина нет, за исключением последнего рисунка – в его прорисовке это точка.

Плоскость 2 (табл. 48, VII по А. И. Мазину): расположена выше и правее плоскости 1, на высоте 2,8 м. Рисунки очень выцветшие, и условно определено шесть рисунков: в левой части (1) две вертикальные линии;

правее (2) еще две вертикальные линии; правее (3) сложноразличимая фигура, интерпретированная А. И. Мазиным как антропоморфная; (4) еще одна сложноразличимая фигура, также определенная А. И. Мазиным как антропоморфная; (5) возможно, две вертикальные линии; (6) два ряда коротких вертикальных черточек, в верхнем ряду их более десяти (точное количество сложно определить в силу плохой сохранности), в нижнем – семь.

Плоскость 3 (табл. 48, V по А. И. Мазину) расположена выше плоскости 2, на высоте 3,8 м. Здесь представлена композиция из трех фигур: (1) слева плохо различимое красочное пятно, интерпретированное А. И. Мазиным как антропоморфная фигура, справа от нее (2) схематично показана зооморфная фигура, напоминающая козла, и правее (3) еще одно выцветшее изображение, в очертаниях которого угадывается антропоморфная фигура с круглой головой.

Плоскость 4 (табл. 52, II по А. И. Мазину) расположена чуть поодаль от группы плоскостей № 1–3, примерно в 3 м к юго-востоку, на высоте 1,4 м. Изображения довольно выцветшие, и угадываются только их примерные очертания. В левой части плоскости представлены (1, 2) две худых антропоморфных фигуры рядом друг с другом, у обеих, возможно, были головные уборы; правая фигура, предположительно, фаллическая. В правой части представлена группа (3–6) из четырех антропоморфных фигур, одна вверху, три ниже нее показаны в ряд, такого же размера. Угадываются следы каких-то, возможно, грибовидных, головных уборов. Правее видны (7) следы совсем выцветшего рисунка, и ниже, под правой третьей фигурой (8), еще одна несохранившаяся фигура поменьше, прорисованная А. И. Мазиным как антропоморфная. Ниже остатки еще двух рисунков в виде красочных пятен (9, 10).

Плоскость 5 (табл. 50, I, IV по А. И. Мазину) (рис. 3, 2–4) расположена примерно в 2 м к юго-востоку от предыдущей плоскости, на высоте 0,6 м. В верхней части представлена группа из нескольких плохо сохранившихся фигур: (1) красочное пятно от несохранившегося рисунка и (2) остатки, возможно, антропоморфной или орнитоморфной фигуры – различимы очертания линий в виде перевернутой буквы «V». Ниже рас-

положен (3–6) ряд из четырех выцветших худых антропоморфных фигур. Значительно ниже представлена (8) хорошо сохранившаяся крупная антропоморфная фигура с лучеобразным головным убором, левее и выше которой имеется (7) большое красочное пятно. На прорисовке А. И. Мазина не совсем точно отображена верхняя часть плоскости, различия прежде всего касаются расположения фигур относительно друг друга, а также отсутствуют некоторые очень выцветшие рисунки. Кроме того, имеются отличия в некоторых деталях центральной антропоморфной фигуры (рис. 3, 4). Удалось более точно отобразить ее головной убор, а также пальцы на руках. Возможно также, что интерпретированное как фаллос может быть остатками какого-то другого атрибута, так как отчетливо прослеживается линия, которая, пересекая его, идет от руки к ноге.

Плоскость 6 (табл. 50, III по А. И. Мазину) расположена примерно в 1,5 м к юго-востоку от предыдущей, на высоте 1,3 м. Здесь представлена композиция, в центре которой показана (1) крупная антропоморфная фигура с широкими плечами, треугольным туловищем и каким-то горизонтальным отростком справа, интерпретированным А. И. Мазиным как фаллос. Впрочем, это могут быть остатки какого-то выцветшего рисунка или атрибута, так как место соединения этой горизонтальной линии с туловищем очень размыто. Над этой фигурой имеется (2) ряд из четырех точек. Правее и ниже, как бы под правой ногой антропоморфной фигуры, (3) выцветшая с размытыми очертаниями простая антропоморфная фигура меньшего размера. Возможно, что горизонтальная линия, интерпретированная А. И. Мазиным как фаллос, может быть частью композиции с фигурой № 3, которая позднее была перекрыта крупной антропоморфной фигурой № 1.

Элементы шаманизма в наскальном искусстве Забайкалья

Уже на ранних этапах изучения наскального искусства Забайкалья априори предполагалась его связь с шаманизмом. Так, в сообщении о писанице Хайсагар Н. В. Кириллов предполагает следующее: «...по остаткам очертаний старики-буряты рассказывают, что были нарисованы люди с луками и стрелами... Вероятно рисунки были сделаны шаманами не более двух веков тому назад» [Кириллов, 1897, с. 138, 139].

Первый детальный анализ семантики Забайкальских писаниц дан в классической монографии А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской, в которой представлено огромное количество этнографических данных, позволяющих полнее понять религиозные верования и практики древнего населения Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1970]. Здесь мы рассмотрим их анализ селенгинских писаниц, потому что именно к этой традиции относятся представленные выше памятники.

Ключевым моментом интерпретации А. П. Окладникова и В. Д. Запорожской является установление связи между селенгинскими писаницами и ритуалами весенних праздников плодородия кочевых народов Забайкалья и Центральной Азии. Эта интерпретация основана на следующем методологическом подходе к «расшифровке» селенгинских наскальных рисунков. А. П. Окладников характеризует их как «монотонно повторяющиеся на скалах Забайкалья композиции» и проводит аналогию с важностью для шаманов правильно произносить молитвы и совершать ритуалы, которые были отточены за многие века. Таким образом, делается вывод, что селенгинские композиции основаны на «немногих застывших ритуальных формулах» [Окладников, Запорожская, 1970, с. 91]. Эти отдельные «ритуальные формы», которые на самом деле представляют собой отдельные сюжеты, и анализируются посредством подбора этнографических параллелей к каждому из них. Авторами приводятся этнографические сведения о различных представлениях и ритуалах, в которых далеко не последнюю роль играл шаман, но при этом шаманистическая составляющая селенгинского наскального искусства не раскрывается.

Так, А. П. Окладников, рассматривая роль коня в кочевых культурах Центральной Азии и Сибири, приводит довольно подробные описания различных религиозных праздников, подчеркивая в них значение коня. Эти сведения приводятся в контексте раскрытия значения изображений коней на селенгинских писаницах. Но дело в том, что в селенгинской традиции изображения лошадей очень редки. Действительно, конь/лошадь – это важный образ скифского наскального искусства, с которым отчасти синхронна селенгинская традиция. Тем не менее этот образ не-

характерен для данной традиции. В ходе полевых работ 2017 г. автором из 5334 документированных в Забайкалье рисунков только 21 определен как возможное изображение лошади. Всего же к селенгинской традиции отнесено 155 зооморфных изображений [Ponomareva, 2021a].

Гораздо более важное место в репертуаре селенгинских писаниц занимает орнитоморфный образ. Он составляет 18% от всех документированных автором рисунков [Ponomareva, 2021a]. В своем анализе А. П. Окладников и В. Д. Запорожская не могут обойти вниманием роль образа хищной птицы, прежде всего орла, так часто встречающегося на скалах Забайкалья, в шаманизме. Однако символизм такого важного персонажа, как орел, многогранен в представлениях различных кочевых народов; А. П. Окладников и В. Д. Запорожская делают акцент на орле как образе владыки неба и делают следующее заключение: «Из всего сказанного также закономерно следует и то, что на писаницах Забайкалья и Монголии в фигуре летящей птицы можно, как в пиктограмме, прочесть ту традиционную формулу древней степной религии, которая тысячу лет спустя появилась в памятниках монгольской письменности, – “силоу вечного синего неба да будет счастье!”... Изображение птицы было не чем иным, как молитвой небу, а одновременно магической формулой, заклятием» [Окладников, Запорожская, 1970, с. 123].

Исследование забайкальских писаниц продолжено учеником А. П. Окладникова А. И. Мазиным, и его труды, посвященные наскальному искусству Восточного Забайкалья и Приамурья, тоже можно назвать классическими [Мазин, 1986, 1994]. Им также собраны богатые этнографические сведения по религиозным представлениям и практикам эвенков-орочонов, на земле которых он и исследовал наскальное искусство [Мазин, 1984]. Для раскрытия семантики наскального искусства А. И. Мазиным приводятся этнографические сведения о тех или иных религиозных представлениях или практиках, и попутно делаются отсылки к отдельным наскальным изображениям как к иллюстрациям приводимых сведений [см. Мазин, 1986]. На основе этих параллелей можно сделать вывод о значительной роли шаманистического элемента в древних религиозных традициях рассматриваемого региона.

Автором ранее опубликованы и проанализированы материалы по писаницам Забайкалья, приуроченным к пещерам и гротам [Ponomareva, 2021b]. Анализ показал, что, во-первых, в искусстве пещерных памятников доминируют абстрактные мотивы, такие как ряды и группы точек и вертикальных линий. Во-вторых, здесь значительную роль играют орнитоморфные сюжеты. Во многих случаях их доля в наборе сюжетов значительнее, чем на памятниках открытого типа. В пещере Городовой Утес изображения птиц хотя и не составляют процентного большинства, но одна композиция, включающая фигуры трех крупных птиц, расположенных на потолке, зрительно занимает центральное положение во всем ансамбле. Многие пещерные памятники также объединяет то, что они расположены рядом с вершинами гор и с них открывается широкая перспектива на долины рек, что также могло оказывать влияние на восприятие сакральности данных мест. Такое расположение созвучно роли образа хищной птицы, выявленного на данных памятниках.

На **рис. 1, 7** – фигура, которая сочетает в себе характерные черты орнитоморфизма и антропоморфизма. Раскинутые в стороны руки со свисающей «бахромой» можно интерпретировать и как костюм шамана, и как крылья птицы. Образ птицы играет важную роль в сибирском шаманизме, и особое место занимает образ орла. В бурятской, а также якутской традиции одна из версий мифа о первом шамане повествует о том, что орел был послан богами защитить людей от злых духов [Neumann Fridman, 2004; Дашиева, 2014]. Орел и коршун почитались как священные птицы у бурят [Михайлов, 1980]. Птицы были помощниками шаманов, что выражалось в элементах шаманского костюма, который превращал шамана в человека-птицу. Шаман мог заимствовать у своего помощника орлиное зрение или способность летать [Balzer, 1996]. По шаманской мифологии верхнеамурских эвенков, орел являлся ведущим персонажем и единственной птицей, способной отогнать враждебных духов от шаманской души. Во всех камланиях шаману помогала стая разных птиц, у каждой из которых были особые сверхъестественные силы и функции в помощи шаману [Мазин, 1986, с. 148].

В нижней части фигуры **на рис. 1, 7** угадываются очертания трех отростков – возможно, ног и хвоста, или трех хвостов. Необходимой

частью шаманского костюма у эвенков был «хвост» *эргивлен*, в котором, по поверьям, сосредоточена вся шаманская сила. А. И. Мазин приводит описание нескольких шаманских одеяний, и на одном из них, костюме А. И. Ростолова, имеется три «хвоста»: «Один “хвост” с гарпуном и рыбкой имеет силу только в нижнем мире, другие два имеют силу во всех трех мирах. На это указывает наличие у одного из них трех кисточек на конце, у второго – трех отростков на концах» [Мазин, 1986, с. 145].

На **рис. 2, 5**, вероятно, также представлен камлающий шаман. Здесь, как и на **рис. 1, 7**, антропоморфная фигура показана с раскинутыми в стороны руками, с которых свисает «бахрома». Над этой фигурой – скорее всего схематичное изображение птицы.

Не случайна и связь образа птицы с пещерными писаницами в контексте шаманистического мировоззрения. А. Розвадовский отмечает, что наскальные рисунки, свидетельствующие о шаманистическом мировоззрении и практиках, всегда привязаны к расщелинам, углублениям и трещинам в скалах, так как горы и скалы были местами обитания духов, а поверхности скал представлялись занавесью с потусторонним миром, скрытым внутри горы [Rozwadowski, 2017b]. Здесь можно отметить, что композиция с шаманом на **рис. 2, 5** расположена на боковой скальной плоскости и приурочена к довольно значительной трещине (**рис. 2, 1, 2**).

Таким образом, древнее наскальное искусство Забайкалья демонстрирует явные элементы шаманистического мировоззрения. Здесь можно согласиться с выводом А. Розвадовского, что так как и по сей день шаманизм остается важной чертой традиционных религий многочисленных азиатских народов, то закономерно предположить, что и в древности шаманизм был существенным культурным элементом [Rozwadowski, 2001, р. 66].

С учетом всего сказанного выше, представляется логичной интерпретация представленных в данной работе новых материалов как изображения сцен с участием шаманов (**рис. 1, 7** и **2, 5**) и/или персонажей шаманской мифологии (**рис. 1, 3** и **3, 4**). Интересно отметить, что изображения шаманов не встречаются в наскальном искусстве повсеместно. В данном же случае все рассматриваемые памятники расположены в одном, Бор-

зинском, районе. Такая концентрация тоже может говорить о масштабах шаманских практик в Юго-Восточном Забайкалье в древности.

Заключение

Данная статья не дает исчерпывающий анализ отражения шаманизма в наскальном искусстве Забайкалья, автором затронуты только некоторые ключевые аспекты семантики этого большого пласта древнего творчества исходя из представленных в статье новых материалов. Данная тема исследований перспективна для дальнейших поисков. Существующие на данный момент методологические подходы имеют потенциал для более глубокого понимания древних религиозных мировоззрений и практик. Также перспективно повторное сплошное обследование уже известных местонахождений наскальных рисунков, так как они таят в себе много новых открытий.

Библиография

- Аганитов Н. Н.* Прибайкальские древности: Изображения на утесах Байкала // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1881. Т. XII, № 4–5. С. 1–23.
- Дашиева Н. Б.* Образ орла в мифах бурят о происхождении кузнецов и шаманов // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2 (7). С. 28–36.
- Дэвлет М. А.* Генезис шаманства по материалам наскальных изображений Сибири // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 24–26.
- Дэвлет М. А.* Древние изображения шаманов в наскальном искусстве // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука, 1999а. С. 151–157.
- Дэвлет М. А.* Изображения шаманов и их атрибутов на скалах Саянского каньона Енисея // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. 1. Кемерово, 1999б. С. 224–231.
- Кириллов Н. В.* Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе (с таблицей рисунков) // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1897. Т. XXVIII, № 3–4. С. 136–144.

Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.

Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.

Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.

Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.

Окладников А. П. Петроглифы Ангары: Наука, 1966. 322 с.

Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. 167 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. II. Л.: Наука, 1970. 264 с.

Петри Б. Э. Вторая поездка в Предбайкалье // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1914. № 2 (3). С. 89–106.

Розвадовский А. Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 57–71.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. 508 с.

Balzer M. M. Flights of the Sacred: Symbolism and Theory in Siberian Shamanism // American Anthropologist. 1996. Vol. 98(2). P. 305–318.

Neumann Fridman E. J. Sacred Geography: Shamanism Among the Buddhist People of Russia. Budapest: Akademiai Kiado, 2004. 324 p.

Ponomareva I. A. Change and Continuity in the Prehistoric Rock Art of East Siberia. An archaeological and anthropological exploration into ethno-cultural identity, belonging, and symbolism. London: BAR Publishing, 2021a. 201 p.

Ponomareva I. A. Exploring the Cave Rock Art of Siberian Trans-Baikal: Fertility, Shamanism, and Gender // Open Archaeology. 2021b. 7 (1). P. 155–176.

Rozwadowski A. Sun gods or shamans? Interpreting the ‘solar-headed’ petroglyphs of Central Asia // The Archaeology of Shamanism. London; New York: Routledge, 2001. P. 65–86.

Rozwadowski A. Symbols Through Time: Interpreting the Rock Art of Central Asia. Poznan: Institute of Eastern Studies, Adam Mickiewicz University, 2004. 132 p.

Rozwadowski A. Rocks, Cracks and Drums. In Search of Ancient Shamanism in Siberia and Central Asia. Budapest: Molnar & Kelemen Oriental Publishers, 2017a. 159 p.

Rozwadowski A. Travelling Through the Rock to the Otherworld: The Shamanic ‘Grammar of Mind’ Within the Rock Art of Siberia // Cambridge Archaeological Journal. 2017b. Vol. 27, iss. 3. P. 413–432.

I. A. Ponomareva

University of Barcelona, Barcelona, Spain

DEPICTIONS OF SHAMANS IN THE ROCK ART OF TRANS-BAIKAL: NEW MATERIALS

The paper presents new materials on the rock art of Trans-Baikal which are relevant for the study of ancient shamanism. New data on the sites Pilotka, Baraun-Konduy I and Mogoytuy is being published for the first time. The paper also considers the methodology of the identification of images which may relate to shamanic/shamanistic worldviews and practices, and after presenting the new materials, it discusses the question of the presence of shamanistic elements in Trans-Baikal rock art. It is concluded that shamanism played a significant role in the past and that this area of enquiry has a high potential for future research.

Keywords: *Siberian shamanism, Selenga tradition, Bronze Age, rock art paintings*

В. И. Привалихин¹, Н. И. Дроздов²

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.217-225>

¹Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярск, Россия

²Сибирский институт Международного инновационного университета;
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

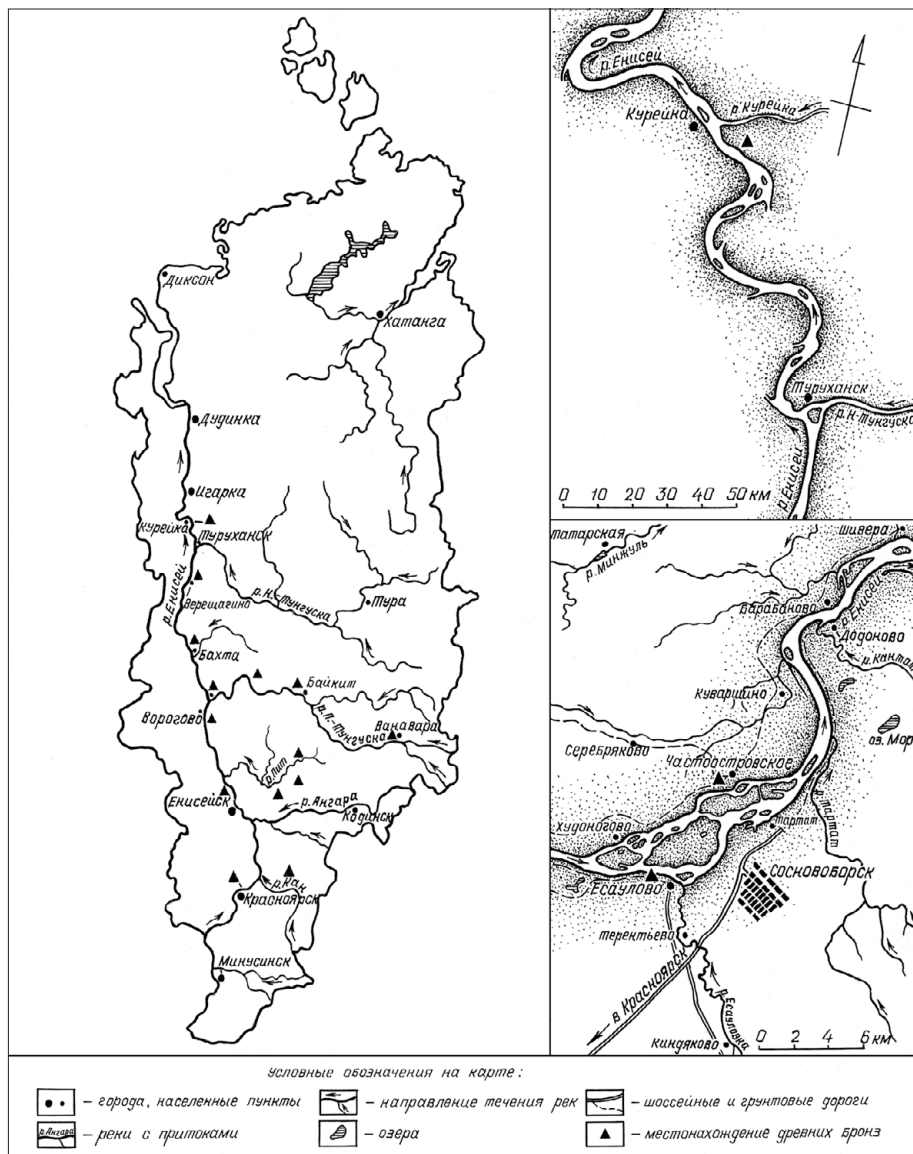
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСКУССТВУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Статья посвящена исследованию уникальных бронзовых ножен (с ножом) тагарской археологической культуры VII–VI вв. до н. э., найденных в 2012 г. рыбаками в устье речки Курейка Туруханского района Красноярского края. Курейские бронзовые ножны, выполненные в лучших традициях скифо-сибирского звериного стиля, – самая северная находка художественной бронзы раннего железного века на территории Красноярского края. Авторы статьи анализируют видовую принадлежность и семантику животных (лошадей), изображенных на «ребне» курейских ножен, определяют научную ценность находки, в качестве аналогий привлекают материалы более изученных археологических памятников I тыс. до н. э. Южной и Западной Сибири.

Ключевые слова: Красноярский край, Туруханский район, тагарская культура, кулайская культура, бронзовые нож, ножны, скифо-сибирский звериный стиль, образы животных

23 сентября 2012 г. жители г. Лесосибирск М. И. Кузнецов и его жена Л. В. Светличная, занимаясь рыбной ловлей на правом берегу р. Енисей у места впадения речки Курейка в 100 км ниже с. Туруханск, обнаружили уникальные бронзовые ножны и вложенный в них серповидный нож без рукояти с навершием в виде головки грифона (?). Со слов нашедших предмет, уровень воды в Енисее в этот год упал более чем на 1 м, обнажив на мелководье и прибрежных участках песчано-галечниковые косы и гривы. На одной из них и были подняты бронзовые ножны и нож, частично замытые илом и песком. Поверхность ножен имела едва уловимый глазом серебристо-матовый цвет оловянистой полуды и зеленоватые окислы.

Речка Курейка и деревня с одноименным названием, расположенная на противоположном, левом берегу Енисея, территориально и административно относятся к Туруханскому р-ну Красноярского края. В прошлом эта малонаселенная территория была частью Туруханского края и входила в состав Енисейской губернии. В разные годы XIX–XX вв. на обширных таежных территориях нижнего течения р. Енисей и его притоков (Пит, Бахта, Подкаменная и Нижняя Тунгуска, Курейка и др.), расположенных севернее устья Ангары, отмечены выразительные находки древних бронз, которые имеют аналогии в материалах тагарской и кулайской археологических культур раннего железного века Южной и Западной Сибири, Красноярско-Канской лесостепи (рис. 1). В номенклатуре бронзовых изделий раннего железного века туруханского севера имеются бронзовые котлы, кельты, наконечники копий, чеканы, ножи, кинжалы, трехлопастные наконечники стрел, зооморфные и антропоморфные бляхи, подвески и украшения [Роста, 1905, S. 531, Abb. 297; Merhart, 1926; Вайнштейн, 1951, рис. 2; Максименков, 1960, с. 150, рис. 3, 7; Николаев, 1960, рис. 1, 1; 1980б, рис. 1, 1, 3, 4, 7, 8; 1999, с. 122–127; Членова, 1967, с. 96; Андреев, 1971, рис. 14, 1–3, рис. 15, 1; Макулов и др., 1997; Дроздов и др., 2001, рис. 22, 1; Ломанов, 2001, рис. 1, 1–3, рис. 2, 1, 2; Привалихин и др., 2005, рис. 2, 1, 3–5, рис. 3, 6, 7; Макаров и др., 2013, рис. 1, 1–5]. Следует отметить, что перечисленные артефакты из бронзы представляют собой случайные находки, обнаруженные охотниками, рыбаками и путешественниками в местах разрушения береговых террас Енисея и его

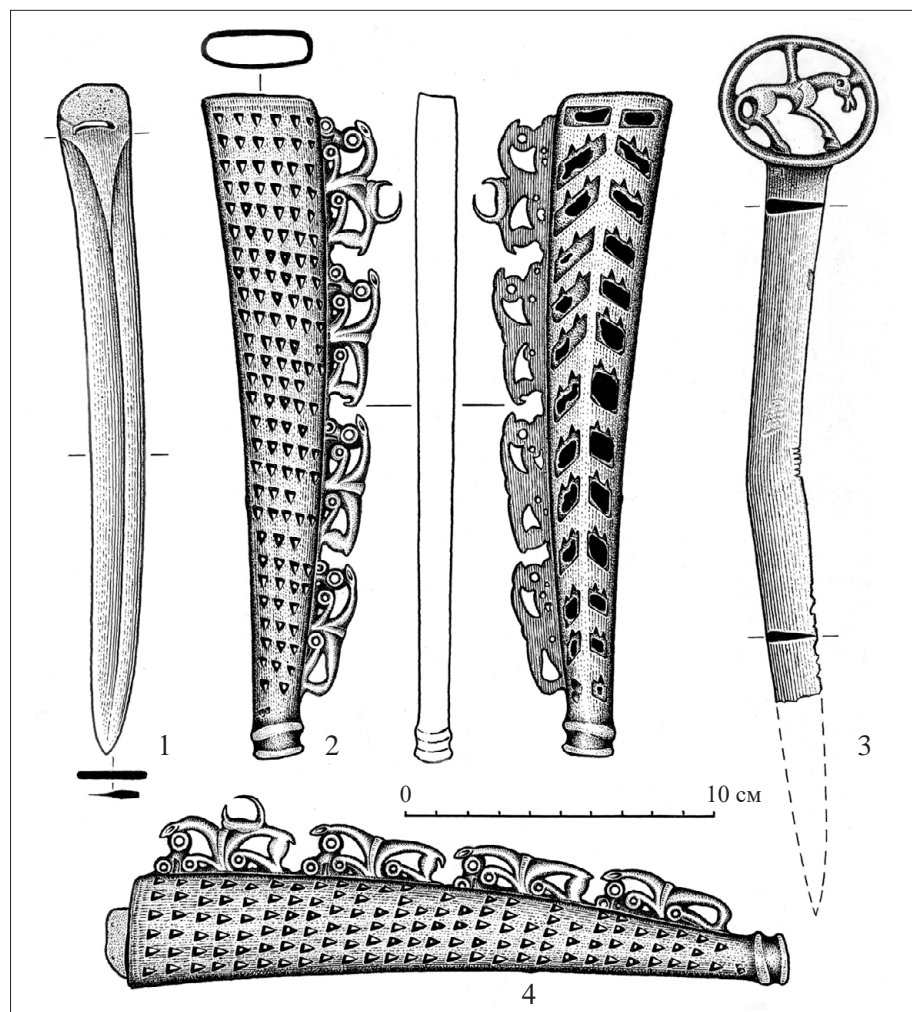
Рис. 1. Карта мест нахождения древних бронз тагарской и кулайской культур на территории севера Красноярского края.

притоков, вымытые и переотложенные на песчано-гравийные пабереги (береговая, пойменная полоса) рек.

В фондах Енисейского краевого краеведческого музея (далее – ЕККМ) хранятся два бронзовых кельта и копьевидное орудие с речки Курейка, доставленные в музей предположительно А.И.Кытмановым в 1894 г. [ЕККМ, о/ф. № 5206, 12485, 12486]. Схематичные рисунки «курейских» кельтов и их описание содержатся в научных статьях и монографиях по раннему железному веку Южной и Восточной Сибири [Merhart, 1926, S. 55, 100–102, Abb. 23, 59; Максименков, 1960, с. 150, рис. 3, 7].

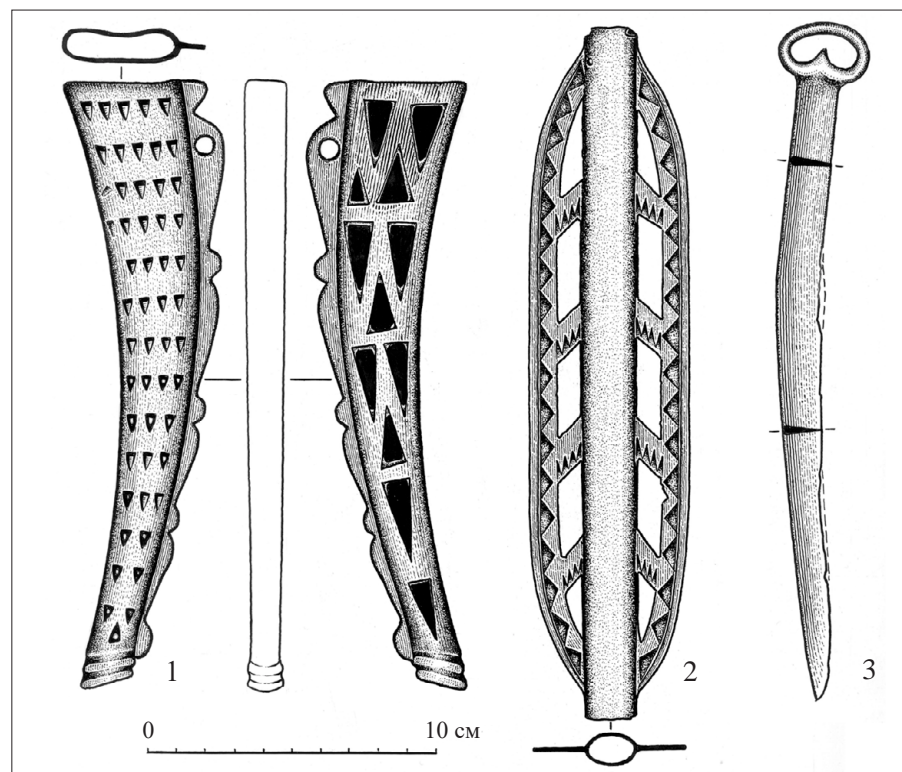
Бронзовые ножны, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля, образуют в инвентаре тагарской культуры небольшую группу выразительных предметов (**рис. 2, 2, 4; 3, 1; 4, 1**). Приходится с сожалением констатировать, что в научной литературе по раннему железному веку Южной Сибири содержатся крайне отрывочные, неполные сведения о времени, обстоятельствах и месте нахождения бронзовых ножен [Карцов, 1929, с. 10]. К тому же их атрибуция и типология должным образом не разработаны. Отчасти это объясняется скудностью источниковедческой базы и немногочисленностью бронзовых ножен. Так, например, в коллекции археологических артефактов Красноярского краевого краеведческого музея (далее – КККМ), насчитывающей более 100 тыс. единиц хранения, среди предметов бронзового инвентаря тагарской культуры присутствуют всего лишь одни бронзовые ножны, найденные в 1910 г. П. С.Проскуряковым на левом берегу Енисея у с. Частоостровское под Красноярском (КККМ, о/ф. № 211-243) (**рис. 3, 1**). В коллекции Государственного Эрмитажа произведений тагарского искусства Хакасско-Минусинской котловины насчитывается более 400 экз. [Завитухина, 1983], однако бронзовые ножны, выполненные в традициях скифо-сибирского звериного стиля, среди них отсутствуют.

Кроме двух бронзовых ножен тагарской культуры, найденных в долине р. Енисей у с. Частоостровское и в устье речки Курейка, следует упомянуть

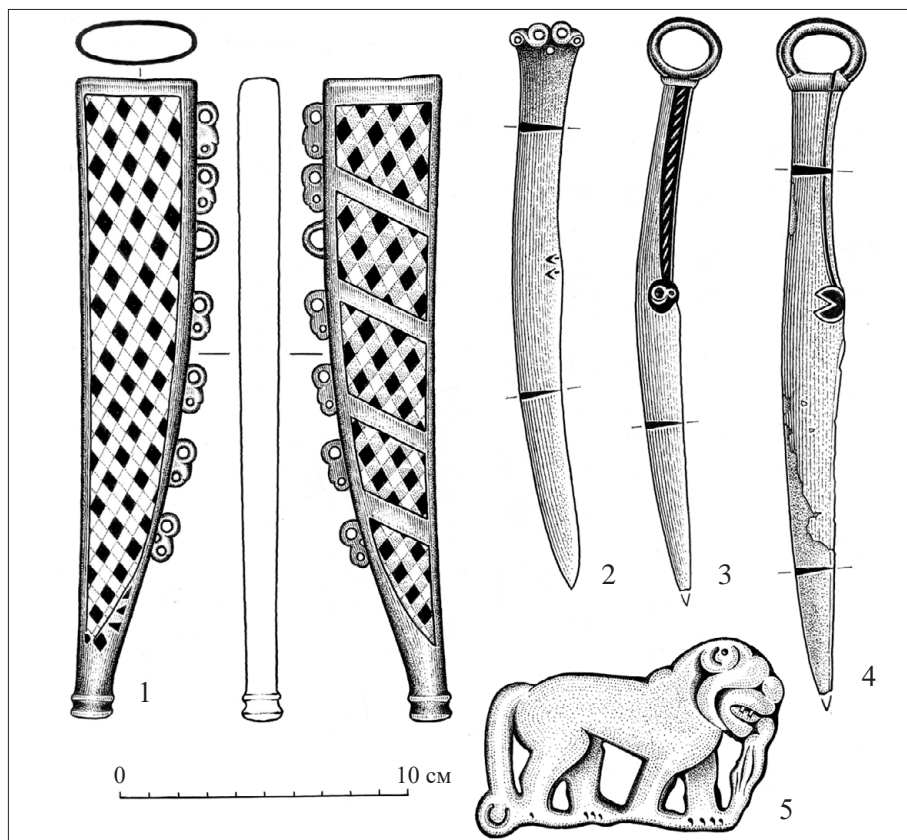

Рис. 2. 1, 2, 4 – бронзовый нож и ножны, случайная находка в устье речки Курейка Туруханского р-на, сборы М. И. Кузнецова, 2012 г.; 3 – бронзовый нож с кольцевидным навершием и фигуркой лошади (КККМ, о/ф. № 131-879), 1920 г., Минусинский округ, д. Малая Минуса, коллекция Данилова.

бронзовые ножны из фондов Канского краеведческого музея (КанКМ, о/ф. № 3337) (рис. 4, 1), а также бронзовые ножны из Минусинского округа, хранящиеся в коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Схематичный рисунок этих ножен опубликован Н. Л. Членовой [1967, с. 278, табл. 28, 24, 24а, 24б)

Рис. 3. 1 – бронзовые ножны (КККМ, о/ф. № 211-243), 1910 г., с. Частоостровское под Красноярском, сборы П. С. Проскурякова, случайная находка; 2 – бронзовый игольник с «крылышками» (КККМ, о/ф. № 3588-9), Есаульский клад, 1959 г., с. Есаульское под Красноярском; 3 – бронзовый нож с копытообразным навершием на рукояти, без номера (далее – б/н), случайная находка, 2015 г., оз. Жемчужное, Республика Хакасия.

Рис. 4. 1 – бронзовые ножны (КанКМ, о/ф. № 3337), случайная находка, 1974 г., с. Ирбей, г. Кияшка, Красноярский край; 2 – бронзовый нож с навершием в виде головок грифонов (КККМ, о/ф. № 11189), случайная находка, 2004 г., левый берег Енисея, пос. Боровое напротив устья р. Мана; 3 – бронзовый нож со стилизованным изображением грифона (КККМ, о/ф. № 131-624), коллекция Данилова, 1920 г., Минусинский уезд; 4 – бронзовый нож с копытообразным знаком (КККМ, о/ф. № 131-528), коллекция Данилова, 1920 г., Минусинский уезд, улус Чаботаев; 5 – бляшка бронзовая в виде кошачьего хищника, терзающего добычу (КККМ, о/ф. № 139-1), случайная находка, 1923 г., сборы В.С. и Н.С. Малых, устье р. Кожма, впадающей в р. Каменка, правый приток Ангары.

и воспроизведен в статье В. А. Ильинской, посвященной исследованию образа кошачьего хищника в раннескифском искусстве. В. А. Ильинская ошибочно атрибутировала предмет как «прорезные ножны *меча* (курсив наш. – В. П., Н. Д.) из Минусинского края» [Ильинская, 1971, с. 75, рис. 6, 7]. Н. Л. Членова датировала «томские» бронзовые ножны VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1967, с. 120–123]. Н. Ф. Сергеева, исследуя древнейшую металлургию меди юга Восточной Сибири, приводит информацию об обломке еще одних бронзовых ножен, найденных на ангарском о. Вараксина [Сергеева, 1981, с. 75; № 437].

При анализе курейских бронзовых ножен обращает внимание на их сходство с бронзовыми ножнами тагарской культуры других сопредельных территорий, для которых характерна необычная форма в виде стилизованной передней ноги лошади, оканчивающейся в нижней зауженной части «копытом» (рис. 2, 2, 4; 3, 1; 4, 1; 5, 2, 3). Пустотелость внутренней камеры ножен, овальная форма поперечного сечения устья (с небольшим уплощением) и хорошо выраженные изгиб – выгнутость – показывают, что ножны были рассчитаны на хранение в них бронзовых коленно-изогнутых и серповидных ножей (рис. 2, 1, 3; 3, 3). Левая, лицевая сторона курейских ножен украшена прорезным ажурным орнаментом, имитирующим рыбу чешую. Подобный «чешуйчатый» орнамент отмечен также на лицевой стороне бронзовых ножен из с. Частоостровское, «гребень» которых украшают четыре стилизованных изображения «плывущих» рыб с горбатой спиной и хорошо выраженными хвостовыми плавниками (рис. 3, 1). Правая, тыльная сторона курейских ножен оформлена прорезным ажурным орнаментом из двух вертикальных рядов ромбов, косо направленных вверх к устью ножен. В целом композиционное построение орнамента напоминает стилизованную «елочку». Полагаем, что будет уместно в качестве аналогии привести бронзовый игольник с «крылышками» из Есаульского клада, украшенный прорезными ромбами (рис. 3, 2) [Николаев, 1961, рис. 1, 13].

На выгнутой стороне курейских ножен фиксируются четыре миниатюрные фигурки коней, следующих друг за другом снизу от «копыта» ножен вверх к их устью. По иконографии и достоверности передачи

образа фигурки идентичны друг другу и образуют выразительную композицию. В ее основе заключен широко распространенный в скифо-сибирском искусстве сюжет «шествия зверей» [Хлобыстина, 1974; Раков, Заика, 1997]. Все животные отлиты из бронзы в технике невысокого рельефа, их обратная сторона плоская. Изображения лошадей имеют хорошо выраженную тенденцию к увеличению размеров по высоте ножен. Так, небольшая фигурка лошади без хвоста располагается в нижней части ножен у «копыта», а самая крупная фигурка с петлей на спине – у их устья. Все четыре лошади изображены припавшими к земле, с поджатыми под туловище и вытянутыми вперед ногами, окончания которых оформлены в виде колец. По мнению исследователей, подобная поза в скифо-сибирском искусстве более всего характерна для изображений кошачьих хищников [Членова, 1967, с. 127; Кубарев, 1979, с. 118, табл. XIX, 3–5]. Туловище лошадей поджарое, тонкая шея изогнута полудугой, головы вытянуты, опущены вниз и соприкасаются с ножами. Большую часть площади голов занимают округлый глаз с бортиком и ноздря, образованные сквозными отверстиями. Сверху на голове имеется ухо листовидной формы, которое продолжает линию шеи. Передняя лопатка на туловище выделена рельефным валиком в виде запятой. Круп слегка выпуклый, с небольшим рельефом, хвост у животных короткий (возможно, преднамеренно «купированный»?). Отсутствие признаков пола у коней на гребне курейских ножен полностью соответствует основным канонам скифского звериного стиля [Шкурко, 1969, с. 37].

Несмотря на значительную стилизацию изображений лошадей на курейских ножнах, можно с полной уверенностью утверждать, что натурой для них послужили не кони Южной Сибири, так называемые монголки с плотным телосложением, коротким туловищем, большой головой и невысокого роста, а высокопородные, легкоаллюрные, поджарые кони с тонкими длинными ногами, изящной шеей и небольшой головой [Членова, 1981, с. 86; 2000; Степанова, 2012]. Изображения коней этой породы присутствуют на войлочных коврах в курганах Пазырыка [Руденко, 1960, с. 299, рис. 152, ж], выбиты на скалах Оглахты [Членова, 1981, с. 86, рис. 4) и Суханихи [Советова, Миклашевич, 1999, с. 64, табл. 5, 3] в Ми-

нусинской котловине, на оленных камнях Монголии [Членова, 2000, с. 96, рис. 5]. Среднеазиатские высокопородные скакуны были известны жителям Горного Алтая и Тувы в скифское время, они разводились ими и содержались в пределах этих территорий [Витт, 1952; Членова, 2000, с. 98].

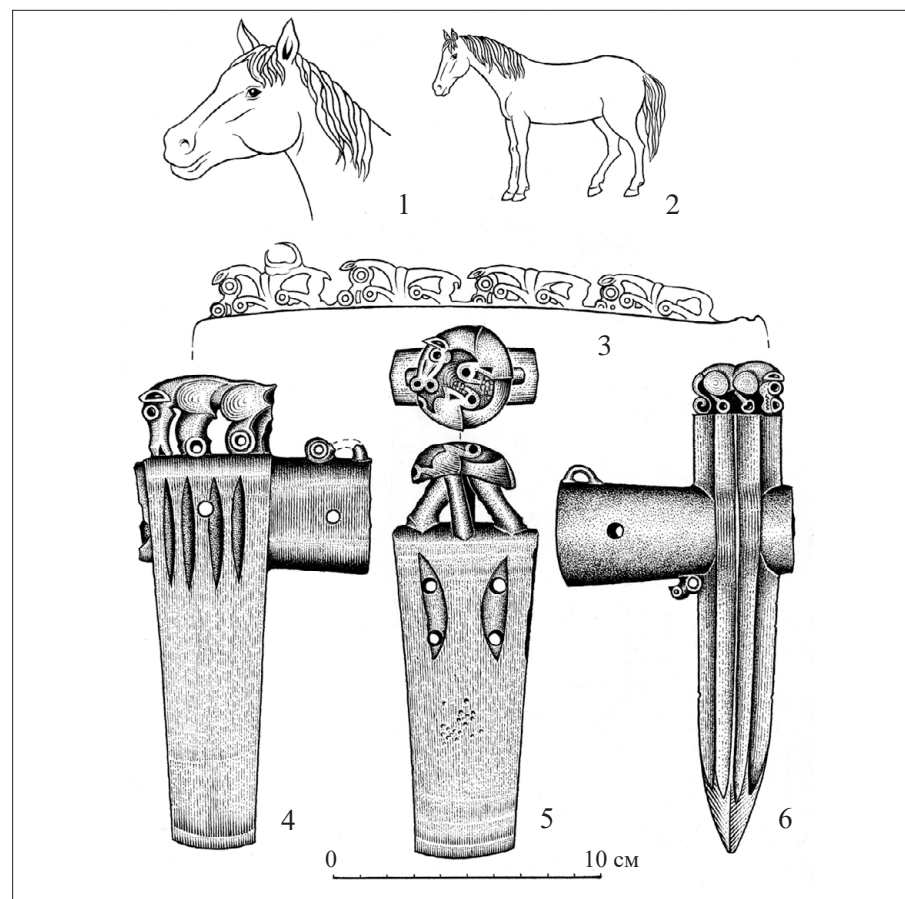
Приходится признать, что образ коня в скифском искусстве явно недооценен. Н.Л.Членова утверждала, что «тагарское искусство – и вообще искусство скифского мира довольно бедно изображениями лошадей», в тоже время «в искусстве Луристана они занимают гораздо более видное место: лошади изображались на псалях, навершиях, оправах точильных камней, ручках сосудов, топорах» [Членова, 1981, с. 84]. С.И. и Н.М.Руденко отмечали, что изображение коня занимает весьма скромное место в скифском искусстве. По мнению исследователей, это обусловлено тем, что «скифское искусство сложилось и оформилось со всеми его основными мотивами еще на раннем этапе сложения скифской культуры, предшествующей табунному скотоводству, когда конь занимал такое видное место в скифском быту» [Руденко С., Руденко Н., 1949, с. 85]. Нам представляется, что выводы названных выше авторов более чем спорны.

Популярность образа коня в скифо-сибирском искусстве подтверждается многочисленными предметами с его изображением и наскальными рисунками. Фигурки коней в качестве ручек украшали бронзовые котлы с перевала Семинский на Алтае и с. Тигрицкого в Хакасско-Минусинской котловине [Членова, 1967, с. 278, табл. 28, 28; 1981, с. 84; 1997, с. 84, рис. 38, 2; Кубарев, 1979, с. 76, рис. 23; 1981, с. 88, рис. 3, 3, 4]. Изображения коней присутствуют на обушках бронзовых проушных топоров тагарской культуры, где лошади предстают стоящими с опущенной вниз головой или же свернувшимися в кольцо (рис. 5, 4, 5). Один из таких топоров найден в могиле 1 кургана 10 могильника Ягуня [Мартынов, 1979, с. 44; Боброва, Белоусова, 2012]. Стилизованные изображения лошадей и их копыт украшали рукояти бронзовых ножей тагарской культуры (рис. 2, 3; 3, 3; 4, 2, 4). В погребальной камере 2 кургана Аржан была обнаружена миниатюрная скульптурная головка коня «с уздечкой», вырезанная из рога [Грязнов, 1980, с. 26, 28, рис. 15, 1–3]. В Туве при рас-

копках курганов 8 и 13 могильника Саглы-Бажи II отмечены уникальные пластины из рога с парными и одиночным резными изображениями лошадей, у которых подогнуты ноги [Грач, 1980, с. 178, 179, рис. 40, а; 41]. На Алтае в могильнике Сибирка 1 найдена бронзовая поясная пластина с реалистичным и выразительным изображением оседланной и взнузданной лошади [Шульга, 2008, с. 257, рис. 65, 2]. П. В. Герман, исследуя бронзолитейную площадку раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье, обнаружил позолоченную железную бабочковидную бляшку с гравированным изображением головы лошади [Герман и др., 2015, с. 107, рис. 1, 14].

Культ лошади в скифское время играл большую роль в погребальной обрядности древних кочевников Южной Сибири. В процессе раскопок кургана Аржан в Уюкской долине Тувы обнаружены костяки более 100 жеребцов; по подсчетам М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола, на поминальных тризнах возле кургана Аржан было съедено около 300 лошадей [Грач, 1980, с. 73].

Для скифо-сибирского звериного стиля наиболее характерны образы копытных животных (оленья, горного козла, барана, кабана, лошади, лося, кулана), хищных птиц (орлов, мифических грифонов), кошачьих хищников (львов, пантер, барсов), а также волков [Членова, 1967, с. 110–144; Мартынов, 1979, с. 117–125; Завитухина, 1983, с. 3–25]. При определении видовой принадлежности животных и их последующей интерпретации в сообществе исследователей скифского и скифо-сибирского искусства давно и прочно утвердились устоявшиеся признаки и каноны. В качестве таковых рассматриваются поза животного; моделировка поверхности его тела; оформление лопатки, бедра, концов ног; форма глаз, уха, ноздрей, пасти и хвоста [Руденко, 1949; Вязьмитина, 1963; Ильинская, 1965, 1971; Членова, 1967, 1971, 1981, 2000; Артамонов, 1968, 1971; Шкурко, 1969; Хлобыстина, 1974; Мартынов, 1979; Переводчикова, 1994; Полидович, 1994; Мартынов, Елин, 2009]. Считается, что для большинства копытных характерна поза с подогнутыми ногами, в отличие от хищников, ноги которых могли быть согнуты под разными углами, но никогда не лежали одна на другой; свернувшиеся в кольцо животные восприни-

Рис. 5. 1 – рисунок головы лошади; 2 – рисунок лошади; 3 – схематичный рисунок «гребня» на бронзовых ножнах с устья речки Курейка; 4 – бронзовый проушной топор с выступающей втулкой и фигуркой лошади на обухе (ЕККМ, б/н.); 5 – бронзовый проушной топор с грибовидной шляпкой на обухе с изображением лошади, свернувшейся в кольцо (б/н), случайная находка, 1985 г., Красноярский край, Канский р-н, пос. Залесный; 6 – бронзовый чекан с фигуркой кошачьего хищника на обушке (Государственный Эрмитаж, инв. № 5531/189), коллекция И. А. Лопатина, Енисейская губерния, Енисейский округ, верховья р. Пит.

мались исключительно как хищные звери, а колечки на концах их ног почему-то ассоциировались с когтями, а не с копытами [Переводчикова, 1994, с. 40].

Если исходить из этих формальных признаков, то животных на гребне курейских ножен следовало бы отнести не к парнокопытным травоядным (лошадям), а к кошачьим хищникам. Однако не все так просто и однозначно. С территории Северного Приангарья происходят две рельефные бронзовые бляшки с выразительным и реалистичным изображением кошачьих хищников. На бляшке одной из них с устья р. Кожма, впадающей в р. Каменка, правый приток Ангары, изображен идущий вправо на мощных когтистых лапах барс, терзающий добычу (рис. 4, 5). Голова животного массивная, переходящая в короткую мощную шею и загривок. Ухо овальное в виде завитка. Пасть оскалена, с двумя клыками. Хвост длинный, опущенный до земли, с расширением на конце. Подобные бляшки известны по материалам археологической коллекции И. А. Лопатина в Государственном Эрмитаже [Завитухина, 1983, кат. № 191–193]. На другой бляшке, обнаруженной С. М. Фокиным в погребении раннего железного века на скалистом мысу левого берега Ангары в 2 км северо-восточнее с. Рыбное Мотыгинского р-на, изображен кошачий хищник миниатюрных размеров. По мнению исследователя, этот «хищник» когда-то служил навершием на рукояти бронзового ножа или кинжала [Фокин, 2013, с. 179, 180, рис. 1, 1]. На примере бляшек с устья р. Кожма и с. Рыбное мы имеем дело с совершенно иной художественной трактовкой образа кошачьего хищника, отличающейся по иконографии от изображений лошадей на гребне курейских ножен.

Сюжеты с животными – в состоянии покоя; припавшими к земле; со свернутым в кольцо туловищем; имеющими округлую форму глаз и ноздрей, а также окончания лап и ног в виде кольца с бортиком – были востребованными и популярными в VII–IV вв. до н. э. в скифо-сибирском искусстве при изображении не только кошачьих хищников, но и лошадей (рис. 2, 2–4; 4, 5; 5, 4, 5). Образ коня – один из наиболее характерных для скифо-сибирского искусства, занимал значительное место в религиозных представлениях и мифологии древнего кочевого населения раннего железного века Южной Сибири.

Без всякого преувеличения можно сказать, что ножны с устья речки Курейка Туруханского р-на, найденные на значительном удалении от Минусинской котловины, лесостепной зоны Западной Сибири и Красноярско-Канской лесостепи, – явление уникальное не только для художественной бронзы тагарской культуры, но и для скифо-сибирского искусства в целом.

В заключение считаем уместным обратить внимание коллег на то, что анализ современных источников по раннему железному веку северных территорий нижнего течения р. Енисей и его притоков не дает оснований для каких-либо широких этногенетических обобщений и выводов [Андреев, 1971; Хлобыстин, 1978; Николаев, 1980а, б; 1999; Баташев, Макаров, 2000; Ломанов, 2001; Макаров и др., 2013]. Невозможно решать вопросы этногенеза коренных народов севера Красноярского края, располагая случайными находками и скудными материалами единичных археологических памятников с культурными горизонтами и слоями раннего железного века. К тому же на этой территории нет открытых и раскопанных могильников с погребениями указанного времени, не известны и наскальные рисунки.

Библиография

- Андреев Г. И. Памятники I тыс. до н. э. на Подкаменной Тунгуске // Краткие сообщения института археологии. 1971. Вып. 128. С. 44–47.
- Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // Советская археология. 1968. № 4. С. 27–45.
- Артамонов М. И. Скифо-сибирское искусство звериного стиля (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 24–35. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 177).
- Баташев М. С., Макаров Н. П. Культурогенез таяжных народов нижнего Енисея. Красноярск, 2000. 36 с.
- Боброва Л. Ю., Белоусова Н. А. Вклад А. И. Мартынова в создание археологических фондов музеев города Кемерово // Археология Южной Сибири. Вып. 26. Сб. науч. трудов, посв. 80-летию А. И. Мартынова. Кемерово, 2012. С. 39–48.
- Вайнштейн С. И. К вопросу об этногенезе кетов // Краткие сообщения института этнографии. 1951. Вып. XIII. С. 3–7.

- Витт В. О.* Лошади пазырыкских курганов // Советская археология. 1952. Вып. XVI. С. 163–205.
- Вязьмитина М. И.* Ранние памятники скифского звериного стиля // Советская археология. 1963. № 2. С. 158–170.
- Герман П. В., Леонтьев С. Н., Савельева А. С.* Бронзолитейная площадка раннего железного века на стоянке Взвоз в Северном Приангарье // Древности Приенисейской Сибири. Вып. VII. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2015. С. 68–86, 107.
- Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Дроздов Н. И., Заика А. Л., Макулов В. И., Леонтьев В. П., Чеха В. П., Березовский А. П., Ключников Т. А.* Археологические исследования на территории Красноярского края в 2000 году // Научный ежегодник Красноярского государственного педагогического университета. Вып. 2. Т. 1. Красноярск, 2001. С. 10–47.
- Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее: Скифское время. Л.: Искусство, 1983. 191 с.
- Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // Советская археология. 1965. № 1. С. 86–107.
- Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Советская археология. 1971. № 2. С. 64–85.
- Карцов В. Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929. 58 с. (Описание коллекций и материалов музея).
- Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Кубарев В. Д.* Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 84–95.
- Ломанов П. В.* Некоторые аспекты материальной культуры населения Нижнего Енисея в раннем железном веке // Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Материалы научно-практической конф. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2001. С. 108–112.
- Макаров Н. П., Баташев М. С., Вдовин А. С.* Археологические коллекции раннего железного века и средневековья Красноярского Севера в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Севера России от эпохи железа до Российской империи. Материалы Всеросс. науч. археологической конф. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 71–76.
- Максименков Г. А.* Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // Советская археология. 1960. № 1. С. 148–162.
- Макулов В. И., Дроздов Н. И., Заика А. Л., Березовский А. П.* Археологические исследования в Туруханском районе Красноярского края в 1996 году // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Универс, 1997. С. 10–12.
- Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Мартынов А. И., Елин В. Н.* Скифо-сибирский мир Евразии. Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 2009. 119 с.
- Николаев Р. В.* Археологические находки на севере Красноярского края // Советская археология. 1960. № 1. С. 254–256.
- Николаев Р. В.* Есаульский клад // Советская археология. 1961. № 3. С. 280–284.
- Николаев Р. В.* Исследования стоянок в устье р. Подкаменная Тунгуска // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980а. С. 223.
- Николаев Р. В.* Археологические находки из Туруханского района как источники по этногенетическим процессам на севере Сибири // Археология Южной Сибири. Вып. 11. Кемерово, 1980б. С. 20–26.
- Николаев Р. В.* Археолого-этнографические исследования кафедры археологии Кемеровского государственного университета на севере Красноярского края // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999. С. 115–127.
- Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература, 1994. 206 с.
- Полидович Ю. Б.* О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином» стиле // Российская археология. 1994. № 4. С. 63–78.
- Привалихин В. И., Дроздов Н. И., Макулов В. И.* Археологические исследования Красноярского краевого краеведческого музея в бассейне реки Подкаменная Тунгуска (1921–1982 гг.) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 4. Красноярск, 2005. С. 66–86.
- Раков А. А., Заика А. Л.* Мотив «шествование зверей» в скифо-сибирском искусстве // 275 лет сибирской археологии. Материалы XXXVII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Универс, 1997. С. 60–61.

Руденко С. И., Руденко Н. М. Искусство скифов Алтая. М.: Изд-во Гос. музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина, 1949. 92 с.

Руденко С. И. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 350 с.

Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981. 152 с.

Степанова Е. В. Конское снаряжение кочевников Алтая скифского времени (по материалам пазырыкской культуры) // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2012. С. 103–110.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенсейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999. С. 47–74.

Фокин С. М. Новое погребение раннего железного века в Северном Приангарье // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. С. 176–186.

Хлобыстина М. Д. Многофигурные изображения в зверином стиле из Восточной Сибири // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 55–64.

Хлобыстин Л. П. Разведочные работы на р. Курейке // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 281, 282.

Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

Членова Н. Л. К вопросу о первичных материалах предметов в зверином стиле // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971. С. 208–217.

Членова Н. Л. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1981. С. 80–94.

Членова Н. Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: Наука, 1997. 98 с.

Членова Н. Л. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // Российская археология. 2000. № 1. С. 90–105.

Шкурко А. И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // Советская археология. 1969. № 1. С. 31–39.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул, 2008. 274 с.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll & Co, 1926. 190 S.

Pósta B. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Budapest: Victor Hornyánszky; Leipzig: Karl W. Hiersemann, 1905. 599 S. (Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy; Bd. III–IV).

V. I. Privalikhin¹, N. I. Drozdov²

¹*Krasnoyarsk museum of local lore, Krasnoyarsk, Russia*
²*Siberian Institute of the International Innovative University;
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

NEW MATERIALS CONCERNING THE EARLY IRON AGE FROM THE NORTHERN TERRITORIES OF KRASNOYARSK KRAI

This paper is devoted to the study of unique bronze sheath (with a knife inside) of the Tagar archaeological culture (7th–6th centuries BC), found in 2012 by fishermen at the mouth of the Kureyka River, Turukhansk District, Krasnoyarsk Krai. The Kureyka bronze sheath, made in the best traditions of the Scythian-Siberian animalistic style, is the northernmost find of the Early Iron Age artistic bronze in the Krasnoyarsk Krai. The authors of the paper analyze the species and semantics of the animals (horses) depicted on the Kureyka sheath, determine the scholarly value of the find, and also use materials from more studied archaeological sites of the 1st millennium BC of the Southern and Western Siberia as analogies.

Keywords: *Krasnoyarsk Krai, Turukhansk District, Tagar culture, Kulai culture, bronze sheath, Scythian-Siberian animalistic style, images of animals*

И. Д. Русакова

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.226-250>

Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия

КУЛЬТОВОЕ МЕСТО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА БОЯРСКОМ ХРЕБТЕ В ХАКАСИИ

В статье публикуются петроглифы плоскости 4 местонахождения Абакано-Перевоз VIII в Хакасии. Здесь в эпоху поздней бронзы были выбиты изображения распряженных повозок, лошадей, козлов, антропоморфных персонажей. Фигуры животных выполнены в карасукской изобразительной традиции. Прослежена связь изображений лошадей с шаровидными утолщениями на хвосте и на месте копыт с аналогичными изображениями Казахстана, Тувы и Монголии, выявлена конструктивная близость изображений повозок Среднего Енисея, Горного Алтая и Монголии. Полисемантность образа повозки-колесницы, крупное их скопление на одной плоскости, наличие коитальных сцен позволяют предположить культовый характер местонахождения, который оно сохраняло и в последующие эпохи. Здесь на свободном пространстве выбивались новые и подновлялись существующие изображения в раннем железном веке; появилась «энциклопедия» тамг в кыргызскую эпоху, в этнографическое время наносили свои родовые знаки хакасы. В целом на плоскости насчитывается более 170 изображений.

Ключевые слова: Абакано-Перевоз, Боярский хребет, эпоха поздней бронзы, карасукская изобразительная традиция, повозки, коитальные сцены, культовое место

Марианна Арташировна Дэвлет навсегда останется в моей памяти не только как крупнейший ученый, внесший значительный вклад в развитие науки, в том числе и в исследование петроглифов Боярского хребта. Она поверила в меня как в исследователя на заре моих занятий наукой, написала добрый отзыв на автореферат кандидатской диссертации, тепло встречала нас с подружкой в своей квартире в Москве. Этот по большей части новый материал, который я публикую в настоящем сборнике, посвящаю памяти дорогой Марианны Арташировны.

Введение

Местонахождение Абакано-Перевоз VIII комплекса наскального искусства Бояры–Абакано-Перевоз в Хакасии обнаружено в 2000 г. Оно расположено на слабо выраженных возвышенностях практически у самой подошвы южного склона хребта Большие Бояры. Всего на этих невысоких горках обнаружено четыре местонахождения петроглифов: Абакано-Перевоз V, VII, VIII и IX (рис. 1).

На местонахождении Абакано-Перевоз VIII скальные обнажения представляют собой несколько выступающих крупных блоков с плоскими поверхностями, имеющими положительный угол наклона, до 45° (рис. 2). Все эти поверхности были использованы для нанесения рисунков в разные хронологические периоды. Самым крупным является скальный блок длиной до 13 и высотой до 2 м, на поверхность которого нанесено более 170 изображений (рис. 3, 1). Плоскость получила индекс АП VIII-4 (Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4).

Ко времени открытия местонахождения в 2000 г. значительная часть плоскости была покрыта плотными слоями лишайника. Более или менее свободна от него была только поверхность с правой стороны, на которой и обнаружены петроглифы. Тогда они были скопированы на микалентную бумагу, выявлено 77 изображений [Русакова, 2001, с. 61–66; 2005]. О том, что рисунки есть в центральной и левой частях скального выхода, трудно было даже догадаться из-за густого «ковра» биообрастателей. В течение нескольких последних лет проводилась расчистка плоскости, в результате чего выявлены новые изображения, существенно дополнившие картину памятника.

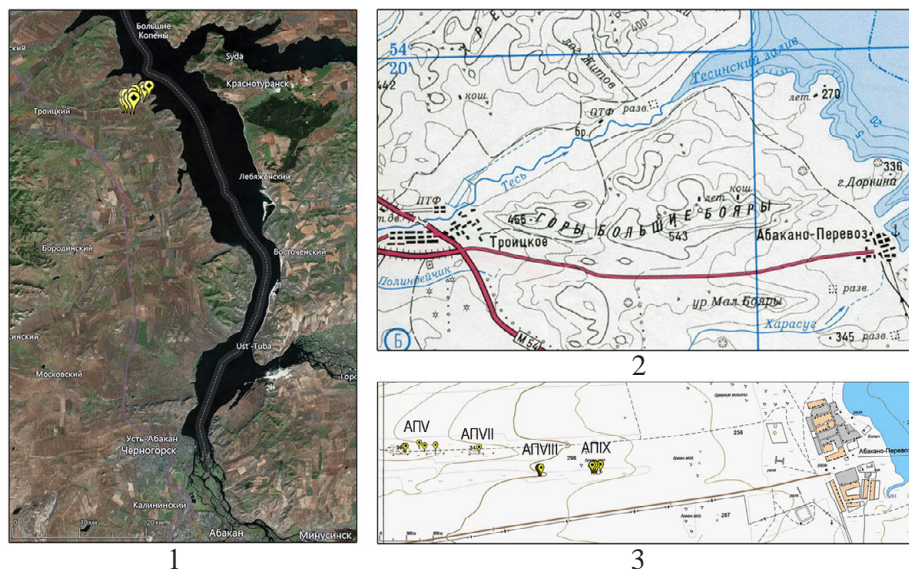

Рис. 1. Карта расположения местонахождений Абакано-Перевоз V, VII–IX.

Описание

Петроглифы на плоскости располагаются неравномерно. Можно выделить четыре участка, которые легко определяются визуально (рис. 3, 2). Рассмотрим их слева направо.

Участок 1 находится в левой части плоскости, которая сильно разрушена в результате отслоения скальной корки, трещиноватости, жизнедеятельности лишайников (рис. 4, 1). На небольшом фрагменте поверхности шириной около метра, наименее подвергшемся деструкции, в технике выбивки нанесена интересная композиция (рис. 4, 1–5; 5): четыре распряженных повозки и восемь лошадей. Лошади представлены парами, расположенными каждая у своей повозки. Слева вверху лошади в двух парах показаны одна над другой; пары развернуты навстречу друг другу (рис. 4, 1, 3; 5). Третью пару в верхней правой части композиции, возможно, также хотели показать друг над другом. Об этом свидетельствует го-

ризонтальная линия с загибающимся вверх правым концом, выбитая над нижней лошадкой у верхней части повозки. Вероятно, здесь была сделана попытка выбить изображение лошади, но из-за нехватки места оно было оставлено незаконченным, а лошадку выбили выше и правее (рис. 4, 1, 2; 5). В нижней части композиции лошади повернуты влево и изображены

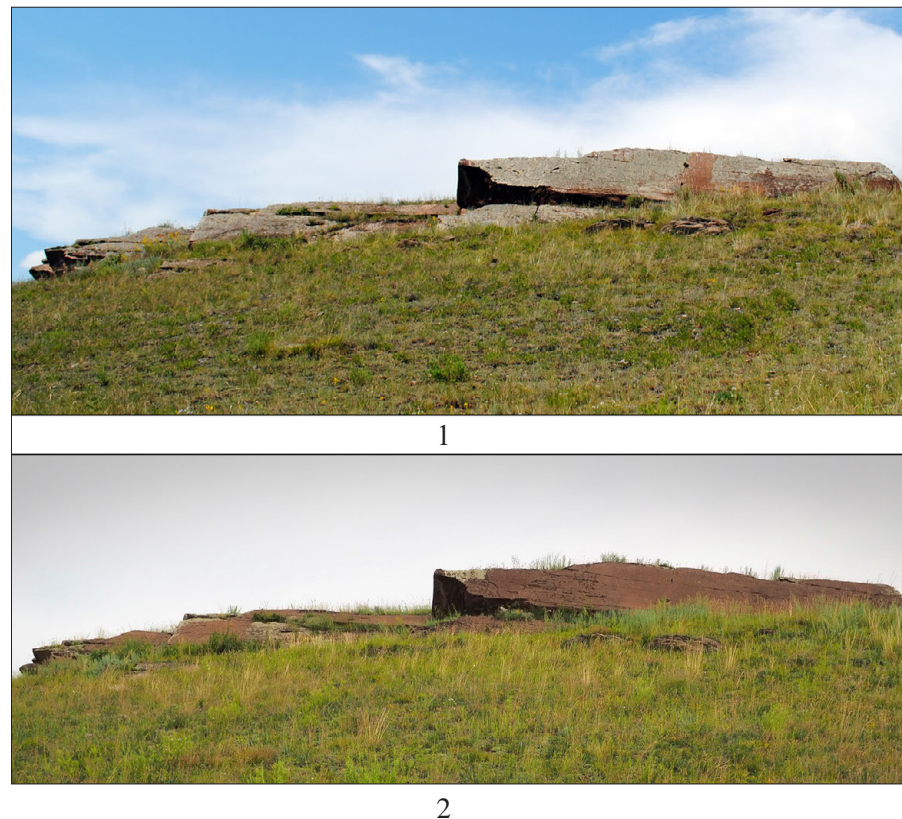
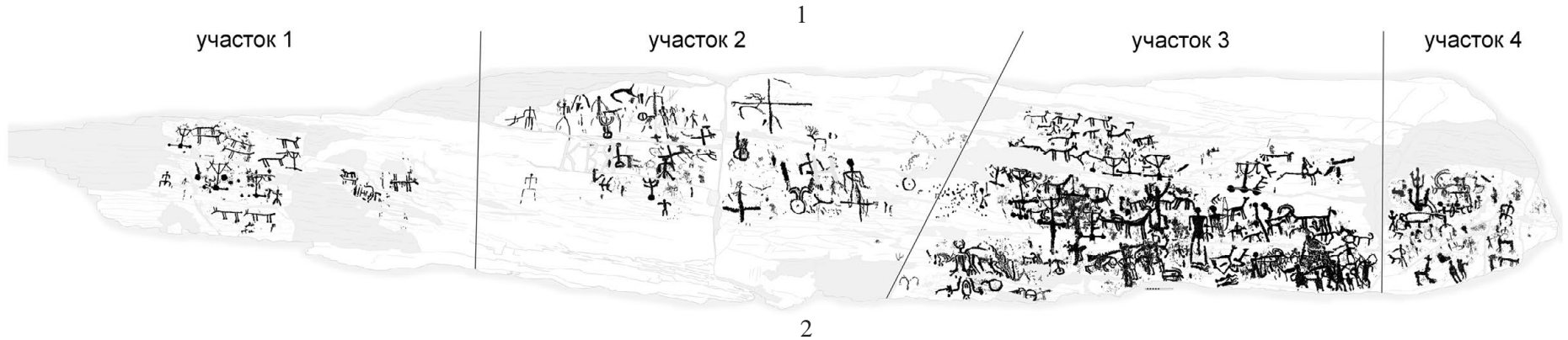

Рис. 2. Скальные выходы местонахождения Абакано-Перевоз VIII. 1 – 2014 г., виден расчищенный от лишайника небольшой фрагмент плоскости 4; 2 – 2021 г., плоскости расчищены от лишайника, вид с юга, фото: М. Воробьев.

Рис. 3. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4. 1 – общий вид, 2021 г., фото: М. Воробьев; 2 – прорисовка; показано разделение на участки для удобства описания.

одна за другой. Такое расположение, видимо, обусловлено недостатком места и особенностями поверхности, которая имеет здесь неровный рельеф (рис. 4, 1, 4; 5).

На данном участке, видимо, остались нереализованными и другие попытки нанесения изображений. Так, в центральной части композиции выбито пять округлых пятен. Два наиболее крупных имеют схожие размер и форму (рис. 4, 1, 5; 5). Это могли быть два колеса повозки либо

платформы двух повозок (судя по размерам). Но по какой-то причине изображения не были закончены. Остальные округлые пятна, меньшие по размеру, также могли быть заготовками изображений повозок, так и не завершенных.

Следует отметить тщательность и аккуратность нанесения большинства изображений на этом участке. Выбивка мелкая, плотная, линии четкие, платформы двух из четырех повозок, расположенные в левой части

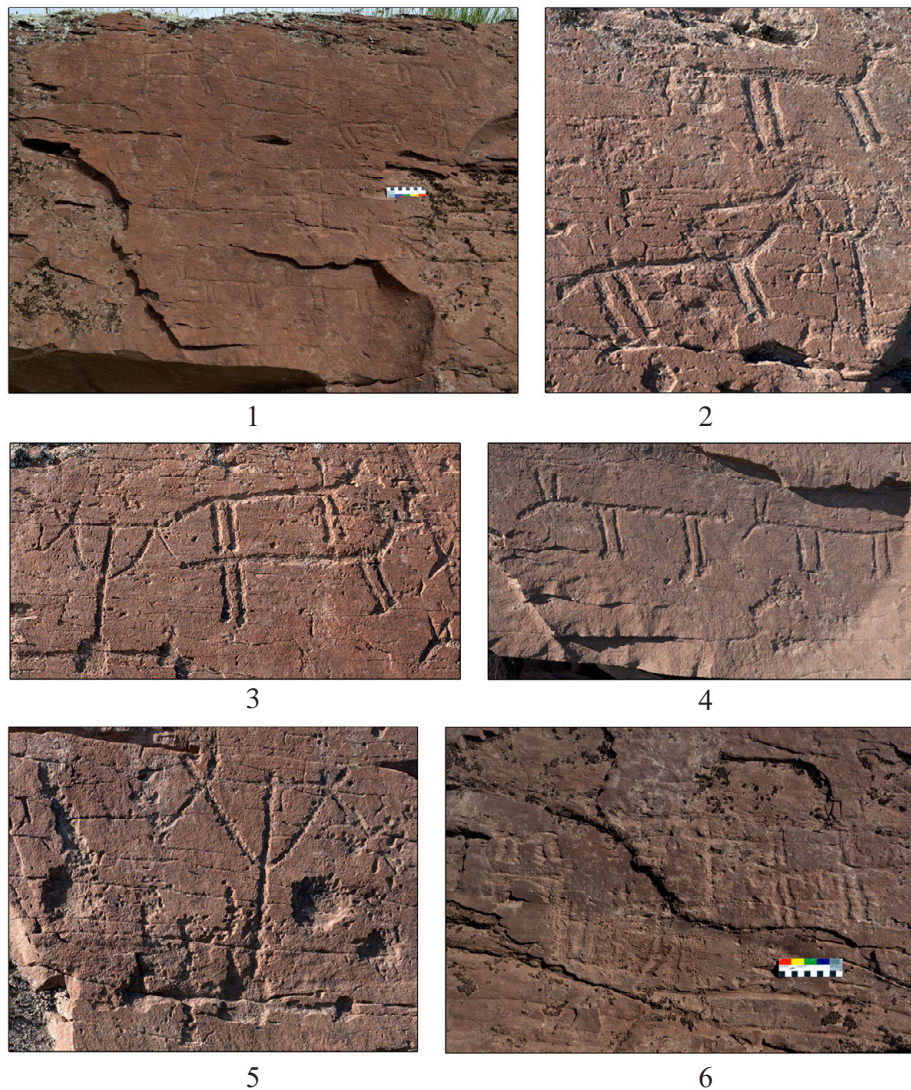

Рис. 4. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 1, фрагменты.
Фото: М. Воробьев, 2021 г.

композиции, имеют хорошо очерченные контуры (рис. 4, 3, 5). Часто для выбивки оси повозки использовались трещины на скальной поверхности, расположенные горизонтально либо близко к горизонтали. По всей видимости, они служили своего рода направляющими, и авторы изображений экономили время, не нанося эскизных линий (рис. 4, 5).

Так же, как повозки, тщательно выбиты изображения лошадок: тонкие четкие линии, хорошо прослеживаемые шаровидные утолщения на месте копыт и на кончиках коротких хвостов (рис. 4, 2–4; 5). Петроглифы имеют все иконографические и стилистические признаки, позволяющие отнести их к эпохе поздней бронзы.

Здесь же выбиты три антропоморфных персонажа: один слева, второй справа от композиции, третий с поднятыми вверх руками – рядом с одной из повозок; утрата мешает понять, какое из изображений было выбито раньше. Внизу слабо читается фигура копытного животного, поза которого (поза «внезапной остановки») дает основание отнести его к тагарскому времени (рис. 4, 1; 5).

Правее описанной композиции на небольшом, довольно сильно поврежденном участке сохранилось несколько изображений. Определяются четыре лошадки, также расположенные парами, одна над другой. Левая пара развернута влево, правая – вправо (рис. 4, 6; 5). Фигуры выполнены в линейной манере, у двух из них (слева) линии туловища и шеи представляют тупой угол, по четыре ноги показаны параллельно друг другу; из второй пары (справа) полностью сохранилась лишь одна, нижняя, лошадка. Хвост и туловище у нее показаны одной прямой линией, голова слегка наклонена, видны шаровидные утолщения на конце короткого хвоста и на месте копыт. Можно предполагать, что и верхнее изображение из этой пары – тоже лошадка, и она была показана аналогичным образом (рис. 4, 6; 5). Стилистические особенности описанных изображений позволяют датировать их также эпохой поздней бронзы.

Между парами лошадок – неопределяемые остатки изображений, сильно «изъеденных» лишайниками. На фото видно, что в процессе своей жизнедеятельности они превратили верхний слой камня в порошок (рис. 4, 6).

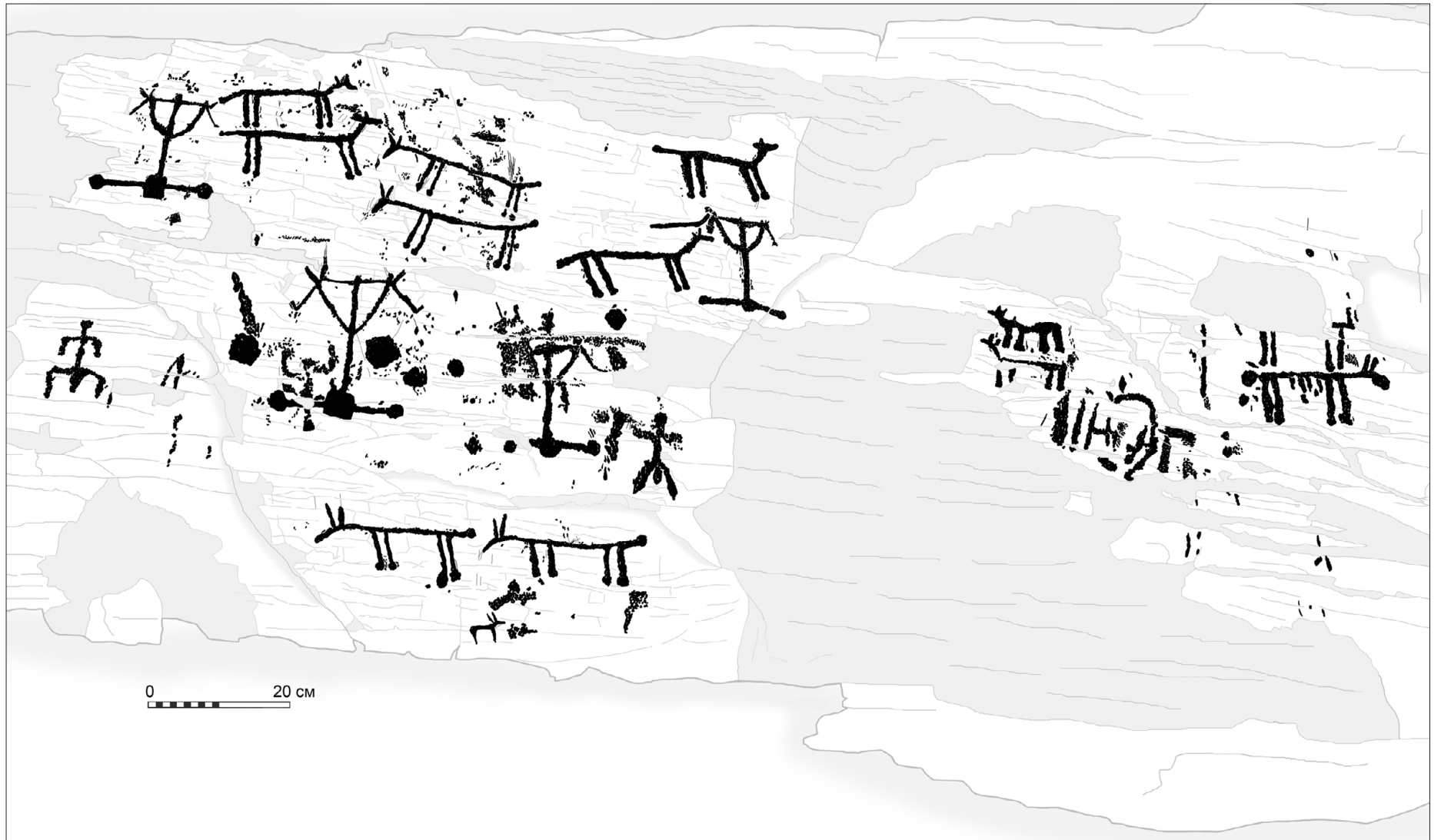
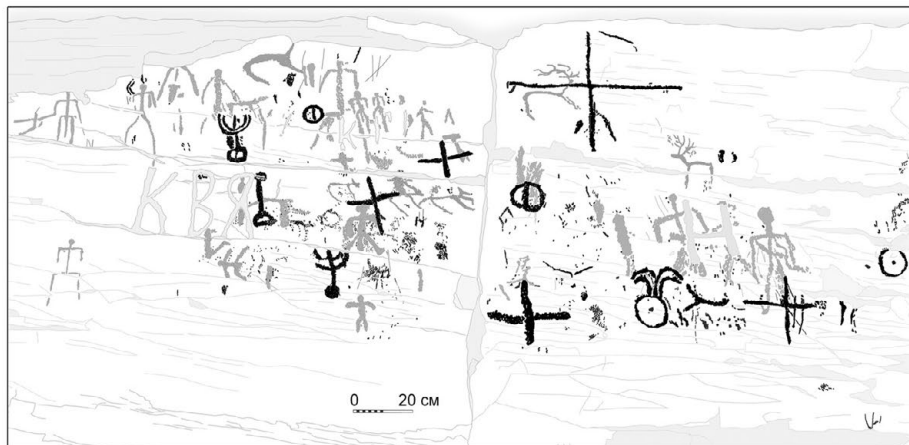

Рис. 5. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 1, прорисовка.

1

2

Рис. 6. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 2.
1 – фото: М. Воробьев, 2021 г.; 2 – прорисовка.

Представляется, что вся левая часть плоскости через непродолжительное время после нанесения нескольких изображений тагарского времени заросла лишайниками, поэтому на ней нет ни следов подновлений, ни более поздних изображений. Вероятно, из-за разной плотности породы скальная поверхность, на которую нанесена композиция с повозками, подверглась разрушению лишайниками в гораздо меньшей степени, чем поверхность правее, на которой выбиты отдельные лошадки (рис. 4).

Участок 2 находится в центре плоскости, по обе стороны от трещины, проходящей вертикально через весь скальный блок. Ко времени обнаружения местонахождения эта часть также была плотно покрыта лишайниками, и лишь при косом солнечном свете слабо прослеживалась наиболее глубокая выбивка русских букв «КВЯ» и некоторых знаков, что создавало впечатление присутствия только современной выбивки. После расчистки стало понятно, что в разное время здесь были нанесены изображения антропоморфных персонажей, оленей, других копытных животных, а также знаков, значительная часть которых может быть идентифицирована как тамги (рис. 3; 6).

Подробно петроглифы этого участка плоскости рассмотрены ранее [Русакова, 2021]. Несколько изображений относится к тагарскому и тесинскому периодам. Это изображения животных и антропоморфных фигур. Тамги представляют собой прямые кресты; окружности, разделенные пополам вертикальной или горизонтальной линией; окружность с точкой в центре; окружность с точкой в центре и четырьмя дугообразными отростками в верхней части; горизонтальную дугу «рогами» вверх с коротким прямым отростком в левой части; есть тамги, имеющие довольно сложную структуру [Русакова, 2021, рис. 5] (рис. 6, 2).

В целом на этом участке можно насчитать минимум 13 тамг. Основное их количество было нанесено, вероятно, относительно одновременно, в кыргызскую эпоху, около середины IX – рубежа IX–X вв.; часть знаков могла появиться здесь в этнографическое время [Русакова, 2021, с. 100, 101].

Участок 3 – наиболее крупный по площади и концентрации изображений, занимает поверхность шириной более 3 м. Здесь в технике выбив-

ки нанесено более 80 изображений лошадей, козлов, других копытных, антропоморфных существ (рис. 7).

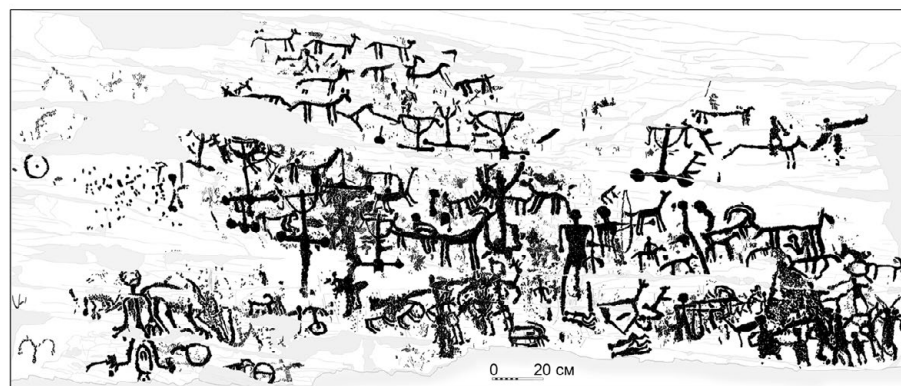
Изображения именно этого участка обнаружены в 2000 г., так как только здесь плоскость была более или менее свободна от биообрастателей. Тем не менее часть фигур уже была покрыта лишайником, поэтому микалентная копия, сделанная в то время, не выявила этих фигур или выявила их частично. Кроме того, верхняя часть данного участка в 2000 г. уже была практически полностью покрыта лишайником, поэтому рисунки, расположенные здесь, не визуализировались. Они были обнаружены только после расчистки (ср. рис. 7, 2 и 3). Для удобства описания участок 3 разделен на четыре фрагмента (рис. 8–10).

Фрагмент 1 – в верхней левой части (рис. 8, 1, 2). Петроглифы здесь имеют плохую сохранность из-за большой трещиноватости камня, отслоения скальной корки, разрушения поверхности в результате жизнедеятельности лишайников. Выбито три распряженных повозки и намечена четвертая. Выше и левее повозок – изображения лошадей: девять более или менее полных фигур и две сохранившиеся частично (в одном случае голова, в другом – задняя часть туловища). Девять из них повернуты вправо, две (разворот одной из них по сохранившейся задней части туловища можно только предполагать) – влево. Все изображения выполнены в линейной манере: туловище – горизонтальная линия, хвост опущен, голова поднята на длинной шее; все имеют по четыре ноги, показанных параллельно друг другу. У трех верхних фигур – слабо выраженные шаровидные утолщения вместо копыт. Выражены все признаки так называемой карасукской изобразительной традиции. В левой части фрагмента выбита антропоморфная фигура (?) также в линейном стиле: видны округлая голова, одна рука, туловище и ноги в виде перевернутой буквы «V». Вероятно, она также относится к эпохе поздней бронзы (рис. 8, 2). Изображения фрагмента 1, видимо, довольно быстро заросли лишайником, поэтому здесь композиция осталась монокультурной, нанесенной относительно единовременно.

Фрагмент 2 – петроглифы в правой верхней части (рис. 8, 3–5). Они расположены на поверхности, также практически полностью покрытой

1

2

3

Рис. 7. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 3. 1 – фото 2017 г.; 2 – прорисовка 2022 г.; 3 – прорисовка с микалентной копии 2000 г., сделанной без расчистки плоскости.

1

3

4

2

5

Рис. 8. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 3. 1, 2 – фрагмент 1, фото 2017 г. и прорисовка; 3–5 – фрагмент 2, фото: М. Воробьев, 2021 г., микалентная копия 2019 г. и прорисовка.

лишайником до 2017 г. Здесь выбиты распряженная повозка, самая крупная на плоскости, две фигуры лошадей, повернутых вправо (одна из них не окончена), антропоморфная фигура (?) и остатки изображений двух животных (?). Лошадки и повозка также были нанесены в эпоху поздней бронзы. Неопределенные (неоконченные) изображения животных были выбиты позже повозки, что слабо прослеживается на микалентной копии. То же самое можно сказать и о неоконченной антропоморфной фигуре (рис. 8, 4).

Фрагмент 3 – петроглифы в нижней левой части участка 2 (рис. 9). В центре фрагмента выбита крупная антропоморфная фигура. Голова показана в виде окружности, внутри которой дугами, примыкающими к контуру головы, обозначены глаза и рот (?). Прямые плечи, руки, опущенные вниз; кисти рук с растопыренными непропорционально большими пальцами. Ноги расставлены в стороны, ступни также заканчиваются растопыренными пальцами. Между ног выбит знак в виде вертикально расположенного овала, к нижней части которого примыкают две линии, уходящие под скол.

Слева от антропоморфной фигуры выбиты М-образная и, возможно, W-образная тамги. Расчистка от лишайника позволила выявить новые рисунки, в том числе справа от антропоморфной фигуры, на уровне ее плеча и руки, изображение животного с опущенной головой. Видны четыре ноги; одна из них, сохранившаяся полностью, оканчивается птичьей лапой. В виде пламевидного отростка изображено крыло (?), подобно «крыльям» у фигур фантастических животных на местонахождениях Абакано-Перевоз I и III [Русакова, 2017, рис. 3]. Изображение было покрыто лишайником, в результате чего границы выбивки, особенно в передней части изображения, сглажены (рис. 9, 1, 2).

Правее и ниже фигуры фантастического животного – три знака, основу которых составляют окружности, но все они разные: один знак в виде окружности, имеющей с левой стороны примыкающую горизонтальную дугу «рогами» вниз, другой в виде окружности с горизонтальной чертой внутри, третий в виде окружности с вертикальной чертой внутри (этот знак с трудом определяется из-за беспорядочной выбивки вокруг него).

Правее этого знака – фигурка козла в линейной манере с показанными одной задней и одной передней ногой, еще правее – сложный знак, представляющий собой окружность с точкой в центре и отходящими вверх отростками, под дугами которых также выбиты точки.

Изображения фрагмента 3 были нанесены в разное время. Исходя из анализа выбивки, можно предположить, что первым, в тагарскую эпоху, здесь появилось изображение синкретичного существа: заднюю часть этой фигуры перекрывает антропоморфный персонаж с гипертрофированными кистями рук, он выполнен более глубокой выбивкой, чем синкретичное существо (рис. 9, 1). Патины фигур одинаковы. Когда был нанесен на плоскость антропоморфный персонаж, сказать трудно – вероятно, в тагарскую эпоху. Но нельзя исключать и возможности более раннего времени выбивки этой фигуры и последующего ее подновления.

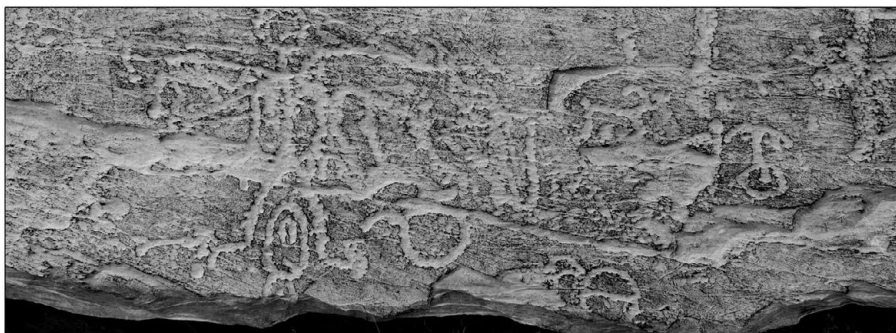
В кыргызское время и, может быть, позднее, были нанесены тамги и фигурка козла, которая тоже могла играть роль родового знака. Также здесь содержатся остатки неопределенных изображений, о которых трудно что-либо сказать (рис. 9, 3).

Фрагмент 4 выделяется большим количеством плотно расположенных изображений (рис. 10; 11). Здесь в эпоху поздней бронзы было выбито шесть распряженных повозок, рядом с ними и правее – несколько фигур лошадей и козлов. В центре композиции – две крупных антропоморфных фигуры, одна явно мужская, показанная силуэтом: округлая голова с четко выделенными ушами, мощная шея, прямые широкие плечи; ноги слегка расставлены, показан длинный фаллос; руки опущены вниз, одна из них сжата в кулак; возможно, вторая также была сжата в кулак, но выбитое сверху другое антропоморфное изображение не дает возможности это утверждать (рис. 10, 2; 11, 4, 5). Вторая фигура не завершена. Выбиты округлая голова, шея, намечено туловище. Возможно, показаны две тонких руки, держащие лук. Ноги и нижняя часть туловища не прослеживаются (рис. 11, 5).

У ног мужской фигуры выбита коитальная сцена. Фигурки мужчины и женщины намного меньше фигуры мужчины, «попирающего» их ногами. Несколько правее и ниже выбита еще одна коитальная сцена.

1

2

3

Рис. 9. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 3, фрагмент 3. 1 – фото: М. Воробьев, 2021 г.; 2 – микалентная копия 2019 г.; 3 – прорисовка.

Возможно, предполагалось, что эти две фигурки мужчины и женщины будут у ног второй крупной антропоморфной фигуры, но та, как уже отмечено, осталась незаконченной (**рис. 10, 2; 11, 4, 5**).

Изображения фрагмента 4, нанесенные в эпоху поздней бронзы, были хорошо видны представителям более позднего населения. Они, вероятно, продолжали использовать эти изображения в своих целях. Об этом свидетельствуют следы подновления, которому подвергались изображения лошадей, козлов и повозок. Патины этих изображений светлее фона скалы, при том, что не подновлявшиеся линии имеют патину, не отличающуюся по цвету от поверхности камня (**рис. 11, 2**). Особенно глубоко выбиты и, видимо, не единожды подновлялись колеса повозок. Выбивка их заметно глубже, чем выбивка остальных деталей конструкции. Это хорошо видно на фото, сделанных при косом освещении, и на микалентной копии (**рис. 10, 1; 11, 3**). Иногда при подновлении, как это неоднократно зафиксировано на разных памятниках, изменялся первоначальный облик рисунка. На описываемой плоскости это случилось, например, с изображением повозки, линия дышла которой продлена далеко вниз за пределы кузова (**рис. 10, 1, 2**). Возможно, на основе другого изображения повозки позднее было выбито антропоморфное изображение с поднятыми вверх руками и ногами в позе лотоса (**рис. 10, 1, 2; 11, 7, 8**).

Наряду с подновлением имеющихся на плоскости рисунков наносились новые. В основном они выбивались на свободном пространстве в тагарское, тесинское и более позднее время. Это фигуры всадника, копытных с подогнутыми ногами, собаки, антропоморфные – в правой нижней части (один из этих персонажей перекрывает изображение оленя (?) раннего железного века), некоторые другие изображения (**рис. 10, 1, 2**).

Участок скальной поверхности, на который нанесены изображения фрагмента 4, оставался свободным от биообрастания с момента нанесения первых изображений практически до конца XX в. Плоскость в этом месте имеет интенсивную патину темно-коричневого цвета, в отличие от красновато-коричневатой и еще более светлой патины других участков (**рис. 10, 1; 11, 2, 4, 7**). Однако и этот участок стали активно колонизировать лишайники. Причем в последней трети XX в. в связи с созданием

Красноярского водохранилища процесс этот усилился [Русакова, 2016, с. 112, 113]. В первую очередь, как обычно и происходит, лишайники колонизировали выбивку (**рис. 11, 1, 6**). Возможно, в некоторых местах лишайники успели переработать и корку патины: цвет поверхности камня здесь уже не темно-коричневый, а красноватый (**рис. 11, 4, 7**).

Участок 4 – крайний правый участок плоскости, обособленный от основного массива трещинами и складкой. Он заполнен поздними изображениями, время нанесения которых определить весьма затруднительно из-за отсутствия у них каких-либо выраженных стилистических признаков. Здесь в технике выбивки нанесены антропоморфные персонажи, один из них с луком простой формы, другой в перевернутом положении, вниз головой. Также выбиты фигуры двух козлов и других животных, видовая принадлежность которых не определяется (**рис. 12**).

Таким образом, плоскость 4 использовалась для нанесения изображений начиная с эпохи поздней бронзы. Интересным представляется факт, что самые ранние изображения были нанесены не в центре плоскости, а в левой и правой ее частях. Центральная часть с обеих сторон от разделяющей трещины оставалась свободной от петроглифов до раннего железного века. Рисунки и родовые знаки выбивались здесь, а также на других участках и позднее, вплоть до этнографической современности [Русакова, 2021, с. 100, 101].

Анализ

В настоящей статье мы более подробно рассмотрим петроглифы, относящиеся к эпохе поздней бронзы. Прежде всего это изображения повозок, лошадей и несколько антропоморфных персонажей.

Изображения повозок

На плоскости выбито не менее 15 изображений повозок (**рис. 13**). Все они имеют схожую конструкцию: двухколесные дышловые экипажи с небольшим кузовом. Кузов, дышло и ярмо представлены «в плане», колеса – в профильной проекции. Это традиционный способ изображения повозок и колесниц в эпоху бронзы в Азии.

Платформы повозок, там, где это удастся проследить, имеют квадратную (**рис. 13, 1, 2**), прямоугольную (?) (**рис. 13, 9**) или округлую форму

Рис. 10. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 3, фрагмент 4. 1 – фото: М.Воробьев, 2021 г.; 2 – прорисовка.

Рис. 11. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 3, фрагмент 4. 1–3 – фрагмент с двумя повозками и лошадкой (1 – фото 2014 г., до расчистки; 2 – фото 2021 г.; 3 – микалентная копия 2019 г.); 4, 5 – фрагмент с коитальными сценами и крупными антропоморфными фигурами (4 – фото 2021 г.; 5 – микалентная копия 2019 г.); 6–8 – фрагмент с козликом, лошадкой и антропоморфной фигурой в позе лотоса (6 – фото 2014 г., до расчистки; 7 – фото 2021 г.; 8 – микалентная копия 2019 г.).

(рис. 13, 5–8, 10–12, 14). Все три формы характерны для изображений колесниц эпохи бронзы [Новгородова, 1989, с. 161; Худяков, 2002, с. 139]. Две повозки имеют платформы необычной формы – подквадратную и подпрямоугольную с выступами в задней части (рис. 13, 3, 4). Платфор-

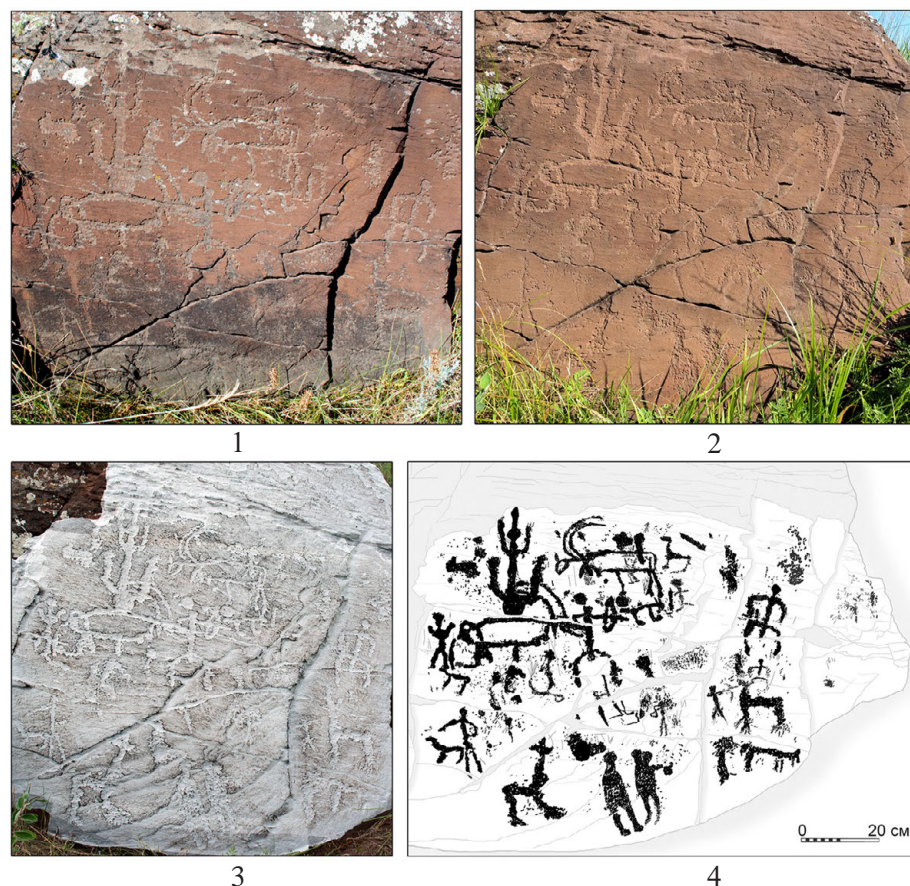

Рис. 12. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, участок 4. 1 – фото 2014 г., 2 – фото: М. Воробьев, 2021 г.; 3 – микалентная копия, 2019 г.; 4 – прорисовка.

мы размещены на центральной части оси, на ее пересечении с дышлом. Такое расположение площадки кузова было необходимо для сбалансированного распределения центра тяжести и для большей устойчивости во время движения [Новоженков, 2012, с. 230].

Дышло обозначено прямой линией; на его переднем конце закреплена переключина – ярмо. Оно представлено или прямой линией (рис. 13, 5, 13), или имеет концы, загнутые в сторону, противоположную кузову (рис. 13, 1–4, 6, 7, 9–11). Такие варианты ярма также встречаются в других регионах [см., например: Новгородова, 1984, с. 61, рис. 19, 4; 1989, с. 143]. У некоторых повозок конец дышла выступает за ярмо (рис. 13, 1–3, 9, 10), что может указывать на наличие навершия дышла [Ранов, 2016, с. 70].

От концов ярма-переключины практически у всех полностью сохранившихся рисунков повозок вниз опускаются линии с загнутым вверх концом (рис. 13, 1–4, 7, 9–14). Вероятно, так показаны прикрепленные непосредственно к ярму кожаные плечевые ярма [Новоженков, 2012, с. 102] или фиксируемые на лошади при помощи подпруги нагрудные ремни, посредством которых передавалось тяговое усилие [Епимахов, Чечушков, 2006, с. 174].

На всех полностью сохранившихся изображениях повозок Абакано-Перевоза мы видим прямые, а чаще дугообразные линии, отходящие от дышла к концам ярма (рис. 13, 1–5, 7–14). Это распорки-укосины, или откосы, предотвращающие разворот поперечины ярма относительно оси дышла [Худяков, 2002, с. 139]. Они были необходимы для большей устойчивости колесниц при резких поворотах, делали их более маневренными и безопасными [Новоженков, 2012, с. 113]. Подобная конструкция облегчала передвижение по пересеченной местности и предохраняла от поломок [Тараторин, 1999, с. 14, 15]. Распорки, по всей вероятности, изготавливались из дерева и представляли собой две прямые детали или одну, согнутую дугой. Исследователи также допускают использование для фиксации дышла в стабильном положении растяжек из кожаных ремней [Кожин, 1987, с. 112; 2007, с. 258, 259; Новоженков, 2012, с. 221; Ранов, 2016, с. 70]. Очевидно, что на повозках местонахождения Абака-

но-Перевоз VIII показаны деревянные распорки, в большинстве своем выполненные из тонких жердей, согнутых дугой (рис. 13, 1, 3–5, 8–14).

Изображения повозок и колесниц с распорками дышла/кожаными растяжками имеют обширный ареал. Они есть в Египте [Авдиев, 1959, рис. на с. 22; Горелик, 1985, табл. 4, 2], на Памире [Ранов, 2016, с. 70, рис. 7], в Заволжье [Галкин, 1977, рис. 1], Казахстане [Новоженков, 2012, рис. 21, 24; Самашев, 2018, рис. 140], на Алтае [Кубарев, 2011, рис. 45, 4; 46, 1, 7 и др.], в Монголии [Окладников и др., 1979, табл. 59, 3; 83, 1; Новгородова, 1989, с. 144; Кубарев и др., 2005, фото 14; рис. 107, 11; Кубарев, 2009, рис. 191], в Китае [Комиссаров, 1988, рис. 74; Новоженков, 2021, рис. 10], в том числе и в виде иероглифов [Кожин, 1968, рис. 3, 2, 3].

Однако колесницы с распорками в целом составляют меньшинство среди изображений колесниц Средней и Центральной Азии. Так, например, из 25 опубликованных рисунков колесниц Тувы только один имеет распорки [Килуновская, 2011, рис. 1]. Основное количество рисунков колесниц имеет Т-образное соединение дышла с ярмом-перекладной; часто показаны ярма-рогатки, прикрепленные к ярму-перекладной. В исключительных случаях зафиксированы изображения, где конструктивно сочетаются распорки (кожаные растяжки?) и ярма-рогатки [Новгородова, 1989, рис. на с. 147, 24; Филиппова, 1997, рис. 1, 2]. Возможно, при изображении запряженных колесниц не всегда показывались все элементы конструкции, и сочетание распорок/растяжек с ярмами-рогатками в реальности встречалось чаще, чем мы это можем зафиксировать по петроглифам.

Тем не менее, судя по наскальным изображениям, способ крепления ярма к телу упряжной лошади при помощи ярма-рогаток был более распространен. Он позволяет жестче фиксировать ярмо на корпусе животного, и именно этот способ применялся в более позднее время, а затем трансформировался в удобный для лошади хомут [Новоженков, 2021, с. 223].

В Хакасско-Минусинской котловине в эпоху поздней бронзы, судя по петроглифам, были известны колесницы, имеющие в своей конструкции как распорки (Нижняя База, Хара-Хая, Бычиха), так и Т-образное соединение дышла с ярмом-перекладной, к которому иногда прикреплены

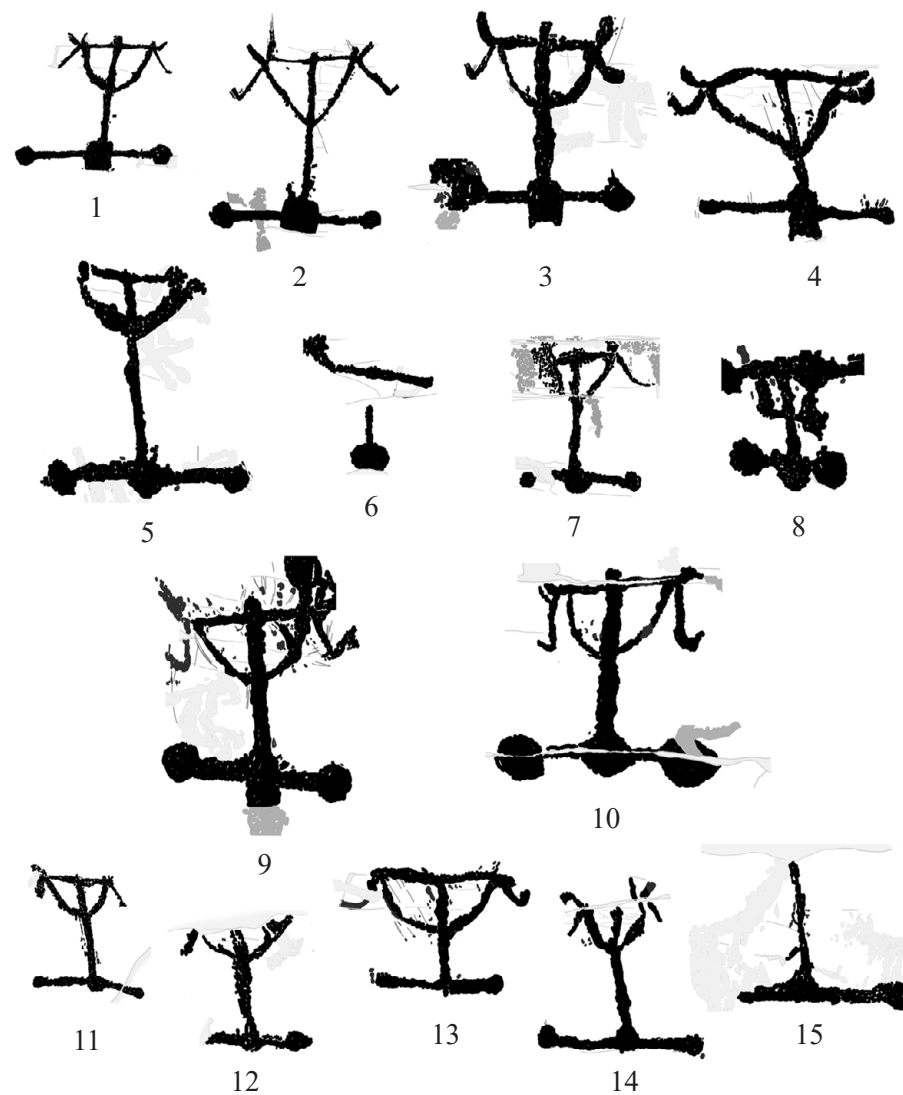

Рис. 13. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, повозки.
Все изображения – в одном масштабе.

ярма-рогатки (Суханиха, Хара-Хая, Шишка). Однако с учетом изображений на Абакано-Перевозе, в отличие от других территорий, рисунки колесниц с распорками в Хакасско-Минусинской котловине численно преобладают.

Следует отметить, что при присутствии изображений колесниц с распорками дышла в том числе и в Китае [Комиссаров, 1988, рис. 74; Новоженев, 2021, рис. 10; Кожин, 1968, рис. 3, 2, 3] раскопками многочисленных чемакенов (погребений с колесницами) эпохи поздней бронзы (Шан-Инь и Западное Чжоу) наличие этого конструктивного элемента не подтверждается. Возможно, тонкие деревянные жерди распорок или кожаные растяжки не сохранялись в могилах, при этом ярма-рогатки фиксируются во многих из них [Новоженев, 2012, с. 221, 305; рис. 132, 133, 136 и др.]. В более поздних захоронениях с колесницами обнаруживаются многочисленные бронзовые соединительные детали, скрепляющие слабые узлы конструкции, в том числе и место соединения дышла с ярмом-перекладиной [Новоженев, 2012, с. 228].

По конструктивным особенностям наиболее близки абакано-перевозинским изображения колесниц с Горного Алтая и из Монголии. В Монголии количество изображений колесниц с распорками больше, чем на других территориях, некоторые из них имеют практически идентичную с абакано-перевозинскими конструкцию соединения ярма и дышла [Окладников и др., 1979, табл. 59, 3; 83, 1; Новгородова, 1984, рис. 19, 4; Кубарев, 2009, рис. 191; 2011, рис. 45, 4; 46, 1, 7; 510], что может говорить об общей территории их происхождения.

Отдельно остановимся на том, как показаны колеса у всех экипажей Абакано-Перевоза. Они выполнены сплошной выбивкой, однако вряд ли были дисковыми. Как представляется, колеса реальных повозок, послуживших «прототипами», все же были спицевыми. Многие исследователи придерживаются мнения, что спицевые колеса в ряде случаев могли быть представлены в виде сплошных дисков или окружностей [Леонтьев, 1980, с. 77; Новгородова, 1984, с. 66; 1989, с. 143; рис. на с. 147, 1, 5, 9, 17–26; Кожин, 1987, схема на с. 118, 119: А, 8; Б, 5; В, 1–6, и др.; Килуновская, 2011, рис. 1, 23–25; Есин и др., 2021, с. 603, 604, рис. 2, 3]. Это

могли быть колеса, показанные во время движения колесницы, когда для зрителя спицы сливаются в единый диск [Новоженев, 2012, с. 102]. Возможно, показ колеса со спицами в виде круга или окружности мог означать отход от реализма, и точное воспроизведение колес не всегда было важным для художника или могло объясняться технологическими причинами: возможностями инструмента или плотностью камня [Кожин, 1987, с. 116, 120; Балонов, 2000, с. 54, 55].

Абакано-перевозинские повозки показаны распряженными, соответственно, мы не можем говорить о них как о движущихся. Но наличие распорок, которые, как уже было сказано, делали конструкцию более надежной, устойчивой при поворотах, позволяли передвигаться по пересеченной местности, а также присутствие рядом изображений лошадей, заставляют думать о быстроте и маневренности этих экипажей, что вряд ли было возможно при использовании сплошных дисковых колес.

Еще одна особенность местонахождения Абакано-Перевоз VIII – большое количество изображений повозок, сосредоточенных в одном месте. Такие случаи весьма редки в петроглифах. Так, в Монголии известно 15 изображений колесниц на одной плоскости на местонахождении в среднем течении р. Чулуут [Волков, 1983], 13 изображений – на одной из плоскостей местонахождения Цагаан-Салаа III [Кубарев и др., 2005, с. 87], 10 (9 полных и 1 незаконченная) – на плоскости у горы Шивээт-Хайрхан [Кубарев, 2009, с. 13], до девяти – на одной плоскости в долине р. Елангаш на Алтае [Кубарев и др., 2005, с. 89]. В Казахстане на памятнике Ешкиолмес в одном из центральных ущелий обнаружена компактная и «микротопографически обособленная группа плоскостей, содержащих свыше 50-ти изображений колесниц». На одной из плоскостей этой группы зафиксировано до десяти колесниц [Новоженев, Рогожинский, 2019, с. 171, рис. 9].

В Хакасско-Минусинской котловине помимо Абакано-Перевоза скопление изображений колесниц содержится на плите раннепетроглифического могильника у улуса Нижняя База: на одной из боковых поверхностей выбито минимум пять экипажей; все они имеют распорки дышла и показаны распряженными [Леонтьев, 2000, с. 12, рис. 1]. В остальных случаях,

зафиксированных для эпохи поздней бронзы, число повозок-колесниц на скальных плоскостях и каменных плитах на Среднем Енисее не превышает этой цифры.

Таким образом, плоскость 4 местонахождения Абакано-Перевоз VIII наряду с местонахождением на р. Чулуут содержит самое крупное скопление изображений колесниц на одной плоскости в Азии из известных на сегодняшний день.

Изображения лошадей

В левой части плоскости 4 мы видим восемь фигур лошадей, композиционно связанных с изображениями повозок: они либо только что распряжены, либо готовы к запряжке (рис. 4, 1; 5). Эти фигуры представляют собой классических «карасукских лошадок». Все они показаны в линейной манере: у четырех из них шея и туловище нанесены одной прямой линией; линия хвоста чуть загибается вверх, линия головы, наоборот, отклоняется вниз, уши направлены вверх и немного расходятся в стороны. Ноги показаны параллельно друг другу (рис. 14, 1, 2). У других четырех лошадок линия шеи поднимается вверх, образуя с линией спины тупой угол; у двух лошадок хвост образует одну линию со спиной, у двух других слегка опущен вниз; головы у всех четырех фигур показаны линией, практически параллельной линии спины. Ноги выбиты также параллельно друг другу; при этом передние (а у одной и задние) слегка выставлены вперед (рис. 14, 3, 4). У всех восьми лошадок на конце коротких хвостов и на месте копыт выбиты шаровидные утолщения (рис. 14, 1–4).

В той же линейной манере, с «шариками» на конце хвоста и на месте копыт изображены лошади правее описанной композиции (рис. 5; 14, 5, 6). Нужно подчеркнуть, что укороченные хвосты с «шариками» на конце – явление достаточно редкое для карасукских лошадок. Подобная манера показа хвоста отмечена у нескольких фигур лошадей на горе Кременная и на Тепсее, но там животные выполнены в «условно реалистичном стиле» [Советова и др., 2019б, с. 669; рис. 4, 5; 2021, с. 72; рис. 34; 61, 6, 7, 9; кат. 196, 427, 453, 504–509]. В основном же хвосты лошадей в карасукской изобразительной традиции – более длинные и без шаровидных утол-

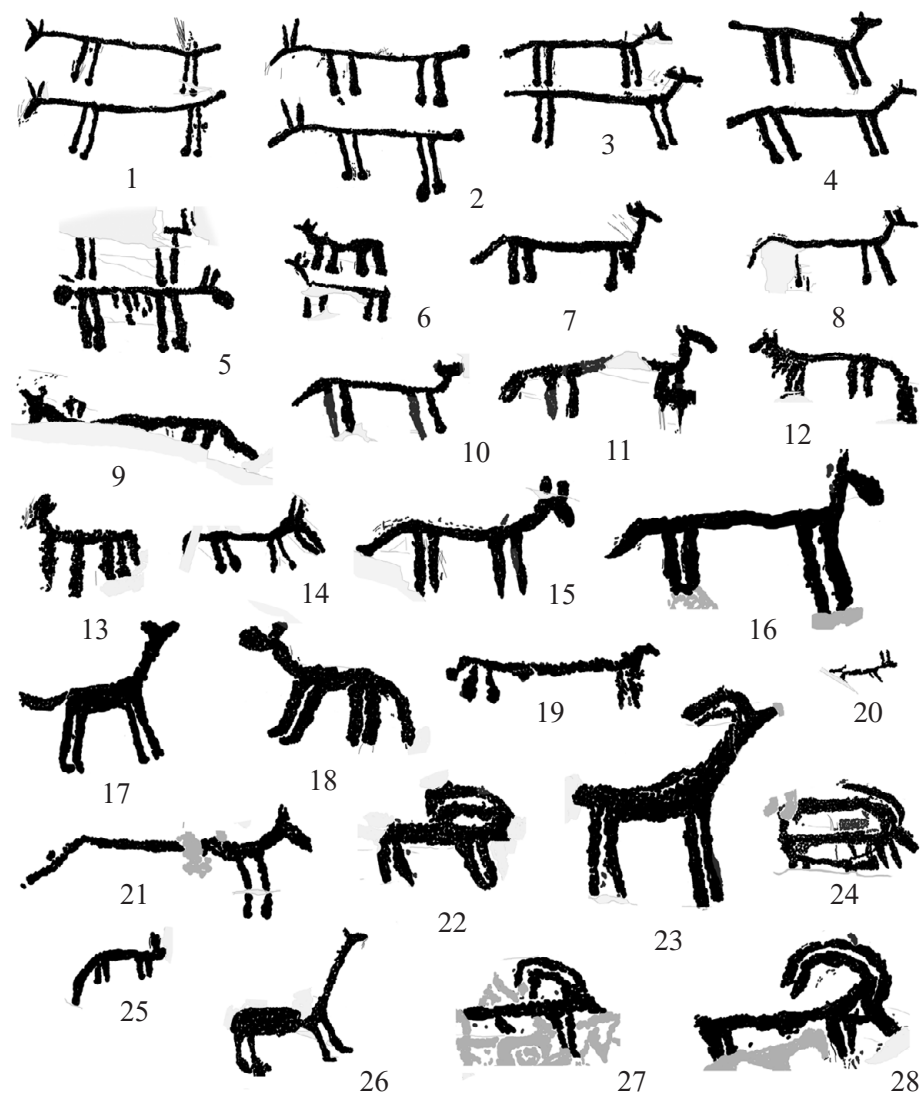

Рис. 14. Абакано-Перевоз VIII, плоскость 4, животные в карасукской изобразительной традиции. Все изображения – в одном масштабе.

щений [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 108; Советова и др., 2019б, с. 664]. Заслуживает внимания тот факт, что практически идентичный абакано-перевозинским показ хвостов лошадей эпохи поздней бронзы зафиксирован в Туве в устье р. Чинге [Дэвлет, 1982, рис. 8, 11]. Больше нигде подобная манера показа хвоста лошадей нами не встречена.

В правой части плоскости у нескольких лошадок также намечены округлые окончания копыт (рис. 8, 2; 14, 7, 8, 10); на хвостах, там, где они сохранились, «шариков» нет.

Остальные изображения лошадей и козлов рассматриваемого хронологического горизонта нанесены в линейной манере, когда линии хвоста, туловища, шеи, ног имеют приблизительно равную толщину (рис. 14, 1–16, 19–21, 24, 25, 27, 28), или в линейно-силуэтной (туловище и иногда шея показаны более широкой линией, чем остальные части тела)* (рис. 14, 17, 22, 23, 26).

Карасукская изобразительная традиция существенно отличается от более ранних традиций Среднего Енисея, характеризующихся большей выразительностью и реализмом. Особенно лаконичны линейная и линейно-силуэтная группы изображений. При схематизме образов лошадей у обозначенных групп иногда фиксируется такой иконографический элемент, как округлые утолщения на конце хвоста и на месте копыт. На Среднем Енисее этот элемент спорадически проявлялся в предшествующие эпохи. Наиболее ранними изображениями животных с шаровидным утолщением на хвосте, по всей вероятности, являются фигуры быков местонахождения Усть-Туба II [Шер, 1980, рис. 76, 3; Vlednova et al., 1995, Fig. 3, 4]. Это изображения с удлинённым подпрямоугольным или трапециевидным туловищем, статичные, с выраженной холкой, маленькой головой и рогами, направленными вверх; четыре ноги показаны тонкими линиями. Присутствие этих изображений на сегодняшний день на Среднем Енисее уникально: более нигде на данной территории подобные

* Существует несколько типологий петроглифов карасукской изобразительной традиции, они неоднократно приведены в литературе. На наш взгляд, названия «линейная» и «линейно-силуэтная» манера наиболее верно отражают особенности описываемых в статье изображений.

изображения пока не зафиксированы. Датировка, предлагаемая для них исследователями, – от синхронной древнейшей группе петроглифов минусинского стиля [Шер, 1980, с. 192, 193] до финала афанасьевской – начала становления окуневской культур [Есин, 2010, с. 69]. Отмеченный на плоскости палимпсест может служить подтверждением обеих версий: одна из фигур быков перекрывается изображением лося, выполненного в ангарской традиции, относимой ко времени существования окуневской культуры [Леонтьев, 1995, с. 58].

На памятнике Усть-Туба II зафиксирована еще одна плоскость с изображениями быков с шаровидными утолщениями на хвосте [Vlednova et al., 1995, fig. 5; Советова и др., 2021, рис. 52]. Следует отметить, что среди подобных изображений этих копытных, достаточно широко представленных на скалах Среднего Енисея, лишь некоторые имеют утолщение на конце хвоста (см., например, изображения на плите из могильника Узун-Харых: [Ключников, Заика, 2017, рис. 1Б, II]). По вопросу хронологической принадлежности этих изображений, на наш взгляд, следует согласиться с Ю. Н. Есиным, который предлагает относить их к окуневскому времени [Есин, 2010, с. 70].

Таким образом, для ранних эпох Среднего Енисея можно говорить о единичных проявлениях использования такого иконографического элемента, как шаровидное утолщение на конце хвоста. В более массовом порядке этот элемент фиксируется уже на рисунках карасукского облика в виде «шариков» на конце хвоста и/или вместо копыт у лошадей.

Широкое распространение этот элемент имеет в Средней и Центральной Азии. Можно сказать, что он является сквозным для эпохи бронзы этого макрорегиона. Самые ранние рисунки с «шариками» встречаются среди изображений так называемого битреугольного стиля на памятнике Саймалы-Таш [Бернштам, 1952, рис. 6; Шер, 1980, рис. 34; Сулайманова, 2021, рис. 5]. Большинство исследователей склоняется к выводу об их датировке III – началом II тыс. до н. э. [Массон, 1959, с. 116; Шер, 1980, с. 207; Ташбаева, 2019, с. 214].

Широко представлены изображения животных с «шариками» вместо копыт и на конце хвостов среди петроглифов сейминско-турбинского

облика в Восточном [Самашев и др., 2011, рис. на с. 132, 135], Южном [Самашев, 2006, рис. на с. 32; Самашев и др., 2011, рис. на с. 448; 2014, рис. 329]), Центральном Казахстане [Бедельбаева и др., 2015, табл. 25, 26; рис. 74], в Монголии [Кубарев и др., 2005, №№ 68, 346 и др.; Савинов, 2021, с. 252, рис. 1, 5, 6]. Подобные изображения датируются первой половиной II тыс. до н. э. на основе иконографических и стилистических параллелей с предметами бронзового литья сейминско-турбинского типа [Рогожинский, 2011а, с. 238].

Еще одна группа изображений животных с шаровидными утолщениями на месте копыт и на конце хвоста относится исследователями к типу Тамгалы [Рогожинский, 2001, 2011б]. Такие рисунки присутствуют в Восточном, Южном Казахстане [Рогожинский, 2011б, рис. 147; 148, 2 и др.; Самашев и др., 2011; 2014, рис. 271, 281, 283 и др.], в Жетысу [Самашев, 2006, с. 86, 87; 2012, рис. 39, 61]. Эта группа изображений датируется эпохой средней бронзы [Рогожинский, 2001, с. 15; 17; 2011б, с. 192].

Продолжают бытовать изображения животных с шаровидными утолщениями на конце хвоста и на месте копыт в эпоху поздней бронзы. В основном это изображения лошадей, часто в композиции с колесницами на памятниках Казахстана [Рогожинский, 2011а, с. 242, фото 11; Самашев и др., 2011, рис. на с. 219, 238, 239 и др.], Российского Алтая [Черемисин, 2006, рис. 5, 6; 6; Кубарев, 2011, с. 26, 29; прил. III, табл. 28; 37–41], Тувы [Дэвлет, 1982, с. 29, рис. 8, 10]; большое количество изображений животных эпохи поздней бронзы имеет оформление копыт в виде шариков на территории Монголии [Новгородова, 1989, с. 146; Кубарев, 2004, табл. VII, 5, 9, 10; табл. IX, 4, 5, и др.; Кубарев и др., 2005, № 20, 21, 24 и др.; Молодин и др., 2021, рис. 3, 1].

Необходимо отметить, что далеко не все фигуры копытных эпохи бронзы «награждались» «шариками». Основная масса изображений всех описанных выше стилей «шариков» не имеет. Возможно, так были отмечены какие-то особые животные, с особым статусом. Для Среднего Енисея эпохи поздней бронзы это замечание также справедливо. При этом на Абакано-Перевозе VIII представлена значительная серия подобных изображений (не менее 12 фигур на одной плоскости).

Судя по археологическим данным из закрытых комплексов, самые ранние находки плит с изображениями карасукских лошадок, в том числе с «шариками» вместо копыт, на Среднем Енисее связаны с первыми этапами периода поздней бронзы: плиты с подобными рисунками были найдены в могильнике Варча I, относимом исследователями к ранне-карасукскому времени [Максименков, Исаева, 1973, с. 227; Леонтьев, 1980, с. 70; рис. 2, а, б], или к первым этапам поздней бронзы (IБ–II) [Лазаретов, Поляков, 2008, рис. 1; Грязнов и др., 2010, с. 63]; а также в одном из погребений могильника Казановка 6, характеризуемом как классическое карасукское [Ненахов и др., 2021, с. 984], или не позднее II этапа поздней бронзы [Поляков, 2022, с. 227–228].

Обнаружены плиты с карасукскими лошадами в могильнике Хара-Хая, относящемся ко II–IIIА этапам поздней бронзы [Филиппова, 1997, рис. 1, 2, 4, 5; Поляков, 2022, рис. 152], а также при раскопках поселения Торгажак, которое датируется «поздним этапом карасукской культуры» [Савинов, 1996, с. 46], или финалом II этапа поздней бронзы [Поляков, 2022, с. 302]. Другие случаи нахождения плит с подобными изображениями связаны с переиспользованием их при строительстве курганов раннего железного века.

Вопрос о том, к какому из этапов периода поздней бронзы, I или II, относятся самые ранние погребения с плитками, имеющими интересующие нас изображения, может иметь важное значение для решения проблемы происхождения карасукской изобразительной традиции. Согласно результатам работы последних лет, проделанной, в частности, И. П. Лазаретовым и А. В. Поляковым, карасукская культура (I этап периода поздней бронзы) сложилась в результате инфильтрации на территорию Хакасско-Минусинской котловины нового населения, своими корнями восходящего к андроновской культурно-исторической общности, с запада, с территории Центрального Казахстана, возможно, через территорию Верхнего Приобья [Лазаретов, 2006, с. 14, 17; Поляков, 2022, с. 249, 251]. Сложение II этапа также связано с проникновением сюда групп мигрантов, а с ними новых предметов, технологий и традиций, но уже с территорий, расположенных к югу – юго-востоку от Хакасско-Минусинской

котловины, куда продвинулась волна андроновского населения, направлявшаяся вдоль южных склонов Саяно-Алтая на юго-восток. Потомки этого населения, по всей вероятности, и послужили источником инноваций, характерных для II этапа поздней бронзы [Лазаретов, 2006, с. 14; Поляков, 2022, с. 311, 317].

Аналогии изображениям животных в линейном и линейно-силуэтном стиле не носят массового характера, но прослеживаются на памятниках наскального искусства Южного и Восточного Казахстана, таких как Кулжабасы, Арпаузен [Самашев и др., 2011, с. 342, 423], Сауыскандык [Самашев и др., 2014, рис. 523], Шимайлы [Самашев, 2018, рис. 144, 309, 405], Тувы (р. Чинге) [Килуновская, 2011, рис. 1, 13–15]), Монголии (Цагаан-Салаа, Бага-Ойгур) [Кубарев и др., 2005, рис. 107, 8; 637, 913, 1023]. Все приведенные аналогии представляют собой фигуры лошадей, впряженных в колесницы. Помимо общего стиля и положения на плоскости «спина к спине», объединяют указанные изображения с карасукскими такие особенности, как показ хвостов выгнутыми и опущенными вниз, как часто представлены хвосты у карасукских лошадок, или, как на р. Чинге и на Абакано-Перевозе, показ хвостов прямыми укороченными линиями с шаровидными утолщениями на конце.

Как считает ряд исследователей, можно предположить появление подобного стиля «в андроновских или постандроновских сообществах за пределами Хангая и Саяно-Алтая, а затем его последующее распространение и адаптацию на новых территориях» [Есин и др., 2021, с. 616]. К этим новым территориям относится и Хакасско-Минусинская котловина. Но каким путем традиция пришла сюда – прямым из Центрального Казахстана или «кружным», через территорию Монголии, это предстоит еще выяснить. Учитывая, что изображения повозок-колесниц данного ареала обнаруживают наибольшую близость с аналогичными изображениями Горного Алтая и Монголии, можно предварительно сделать вывод о южном направлении появления карасукской традиции на II этапе периода поздней бронзы и окончательном ее развитии здесь, на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Антропоморфные изображения

На плоскости 4 насчитывается более 40 антропоморфных изображений. Представляется, что большая часть из них была нанесена в эпоху раннего железа и позднее. Однако есть несколько фигур и композиций, которые мы считаем возможным отнести к эпохе поздней бронзы. Прежде всего, это редкие для Среднего Енисея коитальные сцены. Вполне вероятно, что они являются частью большой композиции с повозками и лошаадьми (рис. 7, 2; 10). Сцены *coitus* в петроглифах Евразии характерны в основном для эпохи бронзы и занимают среди сюжетов этого хронологического пласта довольно заметное место [Черемисин, 2002, с. 90; Кубарев и др., 2005, с. 79; Швец, 2010, с. 140; Кубарев, 2011, с. 52; Самашев, 2012, с. 140]. Они весьма разнообразны, созданы даже их типологии [Кубарев и др., 2005, с. 78–82; Швец, 2010]. Эти сцены отображают культ плодородия, воспроизводства рода, «священного брака».

На Абакано-Перевозе VIII представлены две пары в классической, или «миссионерской», позе. Они расположены под двумя крупными антропоморфными фигурами, одна из которых достоверно мужская, она как бы «попирает» ногами одну из пар. Вторая крупная фигура не закончена, выбиты только голова и верхняя часть туловища. Однако показанный рядом лук может служить дополнительным аргументом в пользу участия этой фигуры в описываемой сцене (рис. 10; 11, 5). В мифологических представлениях, начиная с эпохи палеолита, символика лука связывалась среди прочего с культурами любви и плодородия [см., например: Черемисин, 2002, с. 93; Калинина, 2011, с. 30–35]. Лучники, натянувшие тетиву, довольно часто присутствуют в композициях с участием пар мужчина – женщина или женщина – животное, которые интерпретируются как важные составляющие обрядов, связанных с мифами генеалогического характера [см., например: Черемисин, 2002, с. 94; Советова, 2010, с. 249].

Иллюстрацией этой идеи представляется крупная антропоморфная фигура, перекрывающая изображение синкретичного существа тагарской культуры (участок 3, рис. 9). И хотя фигура была выбита, судя по всему, не ранее тагарского времени, она может быть как бы развитием

сюжета, основа которого была заложена здесь в эпоху поздней бронзы. Изображение на первый взгляд женское: нет признака мужского пола, между расставленных в стороны ног показан знак, который может быть интерпретирован как вульва. У фигуры опущенные вниз руки с непропорционально большими кистями и разведенными пальцами.

Антропоморфные изображения с выделенными кистями рук, в том числе непропорционально большими по отношению к телу, встречаются с эпохи бронзы до этнографической современности [Советова, Шишкина, 2019а, с. 183]. В основном это мужские фигуры, они присутствуют в парах мужчина – женщина или мужчина – животное, хотя встречаются и ряды из нескольких антропоморфных фигур разного пола, как это зафиксировано на Абакано-Перевозе VIII, на плоскости 3. Семантика этого сюжета связывается с древнейшей мифологемой «священного брака», суть которого – идея плодородия [Советова, 2010, с. 247]. На наш взгляд, несмотря на то что фигура на плоскости 4 – женская, ее иконография также свидетельствует об идее плодородия, а гипертрофированные пальцы на руках могут указывать на присутствие в образе мужского начала. Таким образом, эта фигура, подобно андрогину, в мифологии выступающему существом-предком, первочеловеком, может соединять в себе признаки мужского и женского полов.

Выводы

Местонахождение Абакано-Перевоз VIII можно считать культовым местом, созданным в эпоху поздней бронзы. Его центром является плоскость 4, сама по себе представляющая уникальный природный объект: огромный блок камня, выступающий из земли на невысоком холме и имеющий ровную поверхность, не мог не привлечь внимания населяющих эти места племен. К тому же скальные выходы легкодоступны, имеют удобные подходы, что позволяет собираться здесь одновременно значительному количеству людей.

О культовом характере говорит прежде всего большое количество повозок-колесниц, расположенных в левой и правой частях плоскости и показанных распряженными. Колесница – сложный образ, представляющий собой одновременно и воплощение реального средства передвиже-

ния, и символ целого комплекса мифологических представлений [Ковалева, 2011, с. 52], который может быть связан как с колесницей в целом, так и с отдельными ее конструктивными элементами – от колеса до дышла с ярмом. Она связывается с культом солнца, с передвижением его по небу (см., например: [Дэвлет, 1976, с. 29]); имеет медиативный характер, то есть соединяет мир богов и мир людей; связывается с переходом в другой мир [Филиппова, 1990, с. 166–168]; или же с обрядом «перехода» – не только в другой мир, но и в другую ипостась – например, при свадебном обряде [Балонов, 2000, с. 50]. Дышло повозки с треугольными распорками, изображаемой в вертикальной проекции, может ассоциироваться с мировым деревом [Леонтьев, 2001, с. 241].

Изображение колес повозок как бы распластанными по бокам платформы наводит на мысль о том, что это экипажи, подготовленные к погребению, так как в степях с эпохи энеолита существовал обычай класть снятые с оси колеса по углам могилы [Кузьмина, 1994, с. 166, 167]. Для эпохи поздней бронзы Среднего Енисея нехарактерны погребения с колесницами, но у населения, оставившего наскальные изображения, могли долгое время сохраняться отголоски мифов и традиций предков, обряд захоронения колесничих у которых включал в себя и погребение их экипажей.

Культовый характер изображений повозок-колесниц в правой части плоскости 4 (участок 3) позволяет предположить и глубокая проработка колес (рис. 10, 1; 11, 3). Возможно, колеса одновременно играли роль чашевидных углублений или лунок, несколько из них выбиты здесь же; кроме того, углубленной выбивкой проработаны головы у двух антропоморфных фигур (рис. 10, 1).

Несомненна связь изображений плоскости и с культом плодородия. Наличие коитальных сцен, композиционно связанных с крупными антропоморфными фигурами, которые могут обозначать прародителей, а также андрогинной (?) фигуры явно указывает на это.

Таким образом, крупный каменный блок с петроглифами играл роль полифункционального культового места, отдельные фрагменты или рисунки которого в разное время года или в разные праздники могли использоваться для отправления определенного набора обрядов.

Представляется, что культовый характер композиция, созданная в эпоху поздней бронзы, сохраняла на протяжении долгого времени, «пережив» своих авторов на века и даже тысячелетия. Население тагарской и тесинской эпох наносило петроглифы на скальное пространство, свободное от уже существующих рисунков, таким образом включая более ранние сюжеты в свои композиции, «присваивая» их. Изображения неоднократно подновлялись, в первую очередь, колеса повозок, а также фигуры лошадей, которые, несомненно, занимали особое место в жизни и мировоззрении представителей культур, населявших эти места.

В кыргызское время скальный блок с изображениями также был известен населению. Здесь несколько родов оставило свои удостоверительные знаки, создав так называемую энциклопедию тамг в месте, которое, по всей вероятности, воспринималось ими как священное [Русакова, 2021, с. 90].

Священным могли считать это место в этнографическое время и хакасы, у которых существовал культ скал с древними петроглифами. Около таких мест устраивались моления, во время которых представители разных родов наносили на скалы свои личные тамги [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 64, 65]. Вероятно, такой священной скалой стала для них и плоскость 4 местонахождения Абакано-Перевоз VIII.

Таким образом, культовое место просуществовало здесь, начиная со второй половины II тыс. до н.э. (по современным данным, датировка периода поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины определяется концом XV–VIII в. до н.э. [Поляков, 2022, с. 302, 310–312]) до этнографической современности.

Библиография

Авдиев В. И. Военная история древнего Египта. Т. II: Период крупных войн в Передней Азии и Нубии в XVI–XV вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Балонов Ф. Р. Колесницы и колесничие в петроглифах Евразии: семантика с точки зрения экстраверта // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. 2. Кемерово: САИПИ, 2000. С. 50–55.

Бедельбаева М. В., Новоженев В. А., Новоженева Н. В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганды: Сарыаркинский археологический институт, 2015. 252 с.

Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // Советская этнография. 1952. № 2. С. 50–68.

Волков В. В. Археологические исследования в МНР // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 503.

Галкин Л. Л. Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья // Советская археология. 1977. № 3. С. 189–196.

Горелик М. В. Боевые колесницы Переднего Востока III–II тысячелетий до н. э. // Древняя Анатолия. М., 1985. С. 183–202.

Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пишеницына М. Н. Могильник Кюргеннер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 200 с. (Archaeologica Petropolitana; Труды Института истории материальной культуры РАН; т. XXXI).

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976. 120 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 128 с.

Епимахов А. В., Чечушков И. В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Зауралья. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 168–182.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 53–73.

Есин Ю. Н., Магай Ж., Гантулга Ж.-О., Еруул-Эрдене Ч. Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. К 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 600–620. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. LVII).

Калинина И. В. Историческая семантика в культурологии (предмет и методы исследования). Автореф. дис. ... доктора культурологии. СПб., 2011. 46 с.

Килдуновская М. Е. Колесницы эпохи бронзы в наскальном искусстве Тувы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Т. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 44–53. (Труды САИПИ; вып. VIII).

- Ключников Т. А., Заика А. Л.* Плита из могильника Узун-Харых // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск, 2017. С. 170–173.
- Ковалева О. В.* Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. 160 с.
- Кожин П. М.* Гобийская квадрига // Советская археология. 1968. № 3. С. 35–42.
- Кожин П. М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 109–126.
- Кожин П. М.* Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 428 с.
- Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
- Кубарев В. Д.* Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. Вып. 12. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2004. С. 12–27.
- Кубарев В. Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2009. 420 с.
- Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2011. 444 с.
- Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
- Лазаретов И. П.* Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 21 с.
- Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–55.
- Леонтьев Н. В.* Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 65–84.
- Леонтьев Н. В.* К вопросу о хронологии петроглифов Минусинской котловины эпохи энеолита и бронзы // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 57–58.
- Леонтьев С. Н.* Новые изображения колесниц карасукской эпохи из Хакасско-Минусинской котловины // Вестник САИПИ. 2000. Вып. 2. С. 12–13.
- Максименков Г. А., Исаева М. В.* О работах второго отряда Красноярской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 226–227.
- Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 215 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 73).
- Молодин В. И., Черемисин Д. В., Батболд Н., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А.* Новые петроглифы Монгольского Алтая: долина реки Хара-Джамат Гол // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во Кузбасского регионального ИПКиПРО, 2021. С. 207–213.
- Ненахов Д. А., Чертыков В. А., Тимоценко А. А.* Организация сакрального пространства курганного могильника Казановка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2021. С. 981–987.
- Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова Э. А.* Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 383 с.
- Новожинов В. А.* Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
- Новожинов В. А.* Наскальные изображения колесниц как источник реконструкции // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во Кузбасского регионального ИПКиПРО, 2021. С. 214–237.
- Новожинов В. А., Рогожинский А. Е.* Новые колесничные сюжеты в петроглифах долины реки Коксу (Ешкюльмес) // История и археология Семиречья. Вып. 6. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, 2019. С. 170–196.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. 136 с.
- Поляков А. В.* Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2022. 364 с.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 192 с.

- Ранов В. А.* Бегущие по скалам. Наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш, 2016. 412 с.
- Рогожинский А. Е.* Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 7–44.
- Рогожинский А. Е.* Памятники наскального искусства Казахстана // Наскальное искусство в Центральной Азии. Тематическое исследование. Париж: ICOMOS. 2011а. С. 161–166, 207–246.
- Рогожинский А. Е.* Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: SignetPrint, 2011б. 342 с.
- Русакова И. Д.* Петроглифический комплекс Бояры – Абакано-Перевоз в Хакасии и его место в природно-историческом ландшафте: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 261 с.
- Русакова И. Д.* Петроглифы эпохи поздней бронзы петроглифического комплекса Бояры–Абакано-Перевоз // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Сб. докладов междунар. науч. конф. Красноярск, 2005. С. 188–189.
- Русакова И. Д.* Предварительные результаты обследования петроглифов Боярского хребта в 2011–2014 годах // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии КемГУ. Вып. 27. Кемерово, 2016. С. 101–114.
- Русакова И. Д.* Бестиарий раннего железного века на скалах Боярского хребта // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1 (17). С. 12–33.
- Русакова И. Д.* Тамги на скалах Боярского хребта в Хакасии // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 90–102.
- Савинов Д. Г.* Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 112 с.
- Савинов Д. Г.* Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Монгольского Алтая // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во Кузбасского регионального ИПКиПРО, 2021. С. 249–259.
- Самашев З.* Наскальное искусство Казахстана. Алматы, 2006. 200 с.
- Самашев З.* Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: филиал Института археологии МОН РК, 2012. 240 с.
- Самашев З.* Петроглифы Тарбагатай. Шимайлы. Материалы и исследования по культурному наследию. Астана, 2018. 366 с.
- Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М.* Петроглифы Сауыскандыка. Астана: филиал Института археологии МОН РК, 2014. 374 с.
- Самашев З., Чжан Со Хо, Боковенко Н., Мургабаев С.* Наскальное искусство Казахстана. Сеул; Астана, 2011. 464 с.
- Советова О. С.* Тема «священного брака» в наскальном искусстве // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 246–251.
- Советова О. С., Шишкина О. О.* О некоторых необычных антропоморфных персонажах в наскальном искусстве Минусинской котловины // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019а. № 2. С. 183–200.
- Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В.* Петроглифы горы Кременной и вопросы их хронологии // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2019б. № 3 (79). Т. 21. С. 663–673.
- Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В.* Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.
- Сулайманова А. Т.* Новые исследования памятника Саймалы-Таш (Кыргызстан, Ферганский хребет) // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 171–185.
- Тараторин В. В.* Конница на войне: История кавалерии с древнейших времен до эпохи Наполеоновских войн. Минск: Харвест, 1999. 432 с.
- Таибаева К. И.* К проблеме датировки битреугольного стиля в наскальном искусстве Центральной Азии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Мат-лы Международной конф. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2019. С. 213–214.
- Филиппова Е. Е.* Погребальная колесница карасукского времени // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Институт археологии АН СССР, 1990. С. 166–168.
- Филиппова Е. Е.* Погребальные петроглифы Среднего Енисея и их место в идеологических представлениях карасукских племен // Археологический сборник. Погребальный обряд. М., 1997. С. 62–70.
- Худяков Ю. С.* Боевые колесницы Южной Сибири и Центральной Азии // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Алтайский гос. университет, 2002. С. 139–141.
- Черемисин Д. В.* К интерпретации «эротических» сюжетов наскального искусства Центральной Азии // Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. науч. трудов, посв. 70-летию Я. А. Шера. Новосибирск, 2002. С. 90–94.
- Черемисин Д. В.* К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 89–100.

Швец И. Н. К вопросу типологии сцен совокупления в наскальном искусстве Центральной Азии // Археологический альманах. 2010. № 21. С. 140–144.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J. A., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2: Sibirie du Sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Paris: DeBoccard, 1995. 153 p.

I. D. Rusakova

“Tomskaya Pisanitsa” Kuzbass Museum-reserve, Kemerovo, Russia

THE LATE BRONZE AGE CULT PLACE ON THE BOYAR RIDGE IN KHAKASSIA

The article publishes petroglyphs of panel 4 of the Abakano-Perevoz VIII rock art site in Khakassia. Here depictions of unharnessed chariots, horses, goats and anthropomorphic characters were pecked during the Late Bronze Age. The images of animals are depicted in the Karasuk pictorial tradition. The connection of images of horses with spherical thickenings on the tail and instead of hooves with similar images of Kazakhstan, Tuva and Mongolia is traced. The constructive proximity of images of chariots of the Middle Yenisei, Altai Mountains and Mongolia is revealed. The poly-semanticism of the depiction of the chariot-cart, the large accumulation of such images at one surface, the presence of coital scenes suggest the cult character of the location, which it preserved in subsequent epochs. Here, in the free space, new images were carved and existing images were renewed in the Early Iron Age; the "encyclopedia" of tamgas appeared in the Kyrgyz period, and during the 'ethnographic time' the Khakas people added their ancestral signs. In general, there are more than 170 images at this panel.

Keywords: *Abakano-Perevoz, Boyar Ridge, Late Bronze Age, Karasuk pictorial tradition, chariots, coital scenes, worship place*

«Дорога Чингисхана». Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Д. Г. Савинов

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.251-264>

Санкт-Петербург, Россия

МАЙСКАЯ ПИСАНИЦА, АНГАРСКИЙ СТИЛЬ И ШИРОТНАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПЕТРОГЛИФОВ

В статье дается подробный анализ изображений Майской писаницы на р. Алдан (Якутия). На основе этого рассматриваются два аспекта изучения петроглифов – семантический и историко-культурный. Под тем же углом зрения дается краткая характеристика нескольких других известных комплексов наскального искусства: петроглифы Нижней Ангары (Второй Каменный остров), Шалаболинская писаница на р. Туба (восток Минусинской котловины), наскальные рисунки Каратага (северо-запад Минусинской котловины); и далее – через Кузнецкий Алатау – изображения Томской писаницы на р. Томь. В результате сравнительного анализа высказывается предположение об отнесении их к общей – широтной – изобразительной коммуникации петроглифов, в которой выделяются два основных компонента: изображения ангарского стиля, имеющие восточные источники происхождения, и изображения окуневской изобразительной традиции в северо-восточном районе ее распространения.

Ключевые слова: *наскальное искусство, композиция, изображения, стиль, образ, семантика, традиция, ареал*

В современном петроглифоведении открытие новых памятников, совершенствование фиксации и копирования наскальных изображений заметно опережают возможности их теоретического осмысления. Известная петроглифическая триада – классификация, хронология, семантика, несмотря на ряд многих ярких специальных работ, в основных своих положениях не выходит за рамки уже полученных результатов, хотя поиск в этом направлении постоянно находится в сфере внимания исследователей. Очевидно, что немаловажное значение здесь может иметь углубленный анализ каких-то конкретных, особенно информативных в этом отношении памятников, независимо от времени их открытия.

К их числу относится известная, но как бы «забытая» Майская писаница (на р. Мая, притоке Алдана), о которой уже в первой публикации было сказано: «Особый интерес для датировки и культурно-исторической интерпретации писаниц Якутии представляет уникальная композиция в долине р. Мая, равной которой по своеобразию, трактовке фигур и по насыщенности бытовыми деталями нет не только в Якутии, но и вообще в Восточной Сибири» [Окладников, Мазин, 1979, с. 8].

Данное положение сохраняет свое значение и по сей день (можно добавить – и не только в Восточной Сибири. – Д. С.). В литературе встречаются воспроизведения как всей композиции Майской писаницы в целом [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, рис. 23], так и отдельно наиболее выразительной здесь крупной антропоморфной клиновидной фигуры (см., например: [Архипов, 1989, рис. 6; Заика, 2012, рис. 3, 2]). При этом какого-либо подробного описания и интерпретации их, помимо содержащихся в книге А. П. Окладникова и А. И. Мазина, не приводится. Тем не менее именно в силу своей уникальности Майская писаница заслуживает особого внимания и более тщательного – пофигурного – рассмотрения. Возможно, что из-за своей отдаленности она сохраняет в наиболее «чистом» виде суть заложенного в ней содержания, т. е. семантики. В данном случае речь идет о двух плоскостях в пятой группе изображений Майской писаницы (по А. П. Окладникову и А. И. Мазину), которые «объединены между собой цветом охры, техникой нанесения и стилистическими особенностями» [Окладников, Мазин, 1979, с. 68], т. е. практически одновременны.

Из них первая, основная и самая известная, представляет собой законченную композицию, состоящую из нескольких компактно располо-

женных и явно связанных между собой фигур [Окладников, Мазин, 1979, рис. 52]. Судя по приведенному масштабу, в целом она занимает площадь размерами около 105 × 55 см (или образует два равновеликих квадрата, с длиной сторон чуть более 50 см). По смыслу составляющих ее изображений симметрично делится на две части (рис. 1): левую (от нас), все рисунки которой выполнены контурно; и правую – с силуэтным исполнением фигур (кроме одного из изображенных здесь сосудов).

Середину левой части композиции занимает крупная антропоморфная фигура с клиновидным туловищем, раскинутыми волнообразно руками, поперечной линией в нижней части лица и двумя короткими «рожками» на голове. Выше нее находятся две более мелкие, как бы «дочерние», антропоморфные фигурки, обе без рук. Одна с продолговатым горизонтально расположенным туловищем и также двумя «рожками» на голове; другая, показанная анфас (только на уровне плеч), с поперечной линией на лице и также «короной» из коротких линий на голове. Рядом с ними и в середине всей композиции расположен круглый солярный знак с точкой в центре и отходящими от него во все стороны «лучами».

В правой (от нас) части композиции находится погрудная силуэтная антропоморфная фигура с прямо «обрезанной» головой и раскинутыми на две стороны руками (на одной показаны три пальца). От головы вверх отходит прямая короткая линия. Отдельными светлыми вкраплениями обозначены глаза, нос, рот, изогнутая линия на лбу, а также два более крупных округлых пятна на груди. Судя по ним, это изображение (или изображение-маска?) – женское. По своему значению – антитеза «светлой» клиновидной фигуре в левой части композиции.

Справа от теневой, предположительно, женской фигуры-маски (?) находится изображение двух сосудов: один баночной формы, орнаментированный вертикальными полосами-«вдавнениями»; другой округлодонный с отогнутым венчиком, также со светлыми пробелами на тулове. С другой стороны от теневой антропоморфной фигуры помещено изображение какого-то неопределенного предмета (типа «мотыги»), или, скорее, такой же «непрочитанной» личины с черточкой-выступом на голове и обозначенным светлым пятном ряда «зубов» (?). Здесь же (справа) – изо-

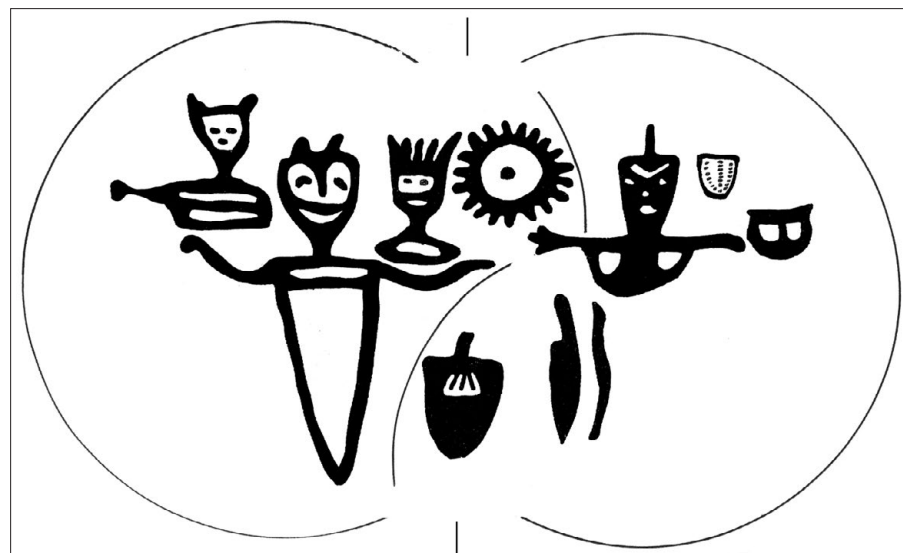

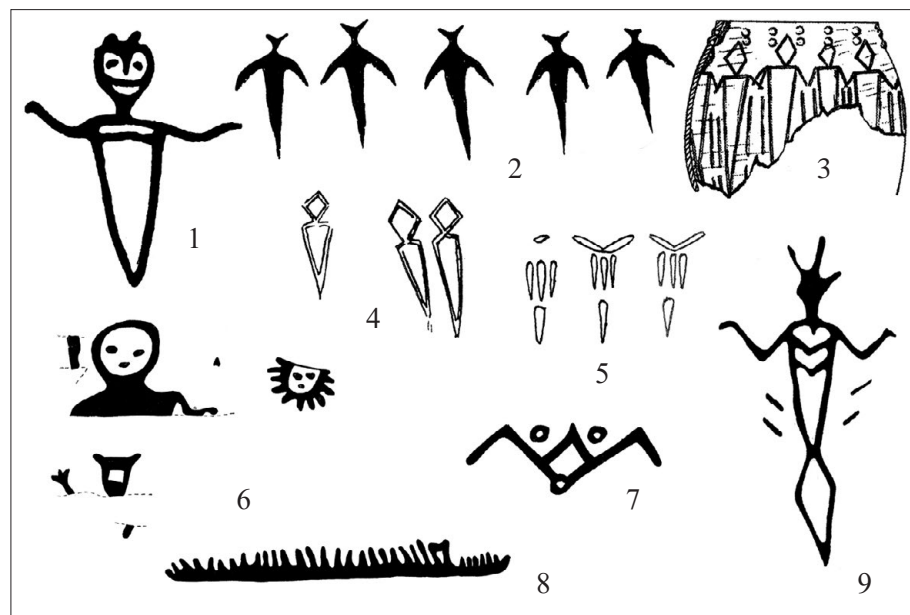
Рис. 1. Большая Майская писаница (по: [Окладников, Мазин, 1979]).

бражение черешкового ножа выгнутообушковкой формы и (профильное?) еще одного предмета (не исключено, что также ножа). Все они явно относятся к одному циклу каких-то обрядовых действий.

На наш взгляд, такая симметричность двух различающихся по составу «участников» и по-разному отображенных частей одной композиции отражает заложенное в ней противопоставление: с одной стороны, контурные антропоморфные фигуры левой части, а также находящийся над ними солярный знак – отображение светлого (верхнего?) положительного начала; с другой – теневая фигура-маскоид (?) и связанные с ней вещественные атрибуты (сосуды и нож) – символы темного (нижнего?) негативного состояния, мира. Ритуализация отношений между этими двумя «мирами» – основной смысл и лейтмотив рассматриваемой композиции. Очевидно, неслучайно, сравнивая эти изображения с личинами-масками Нижнего Амура, А. П. Окладников и А. И. Мазин отмечали, что «они одинаково изображают не реальные, а демонические существа, духов

или божества. В этих масках-личинах, как и в нижеамурских, есть что-то мрачное, завораживающее, демоническое» [Окладников, Мазин, 1979, с. 86].

Изображения на второй плоскости из той же пятой группы Майской писаницы, к сожалению, сохранились лишь частично и отличаются по составу «участников» от первой, хотя между ними имеются определенные соответствия [Окладников, Мазин, 1979, рис. 53, 55]. Это верхняя часть антропоморфной фигуры с округлой головой, тремя глазами и таким же образом волнообразно откинутой левой рукой (правая не сохранилась, но само положение их, несомненно, идентично). Рядом с ней –

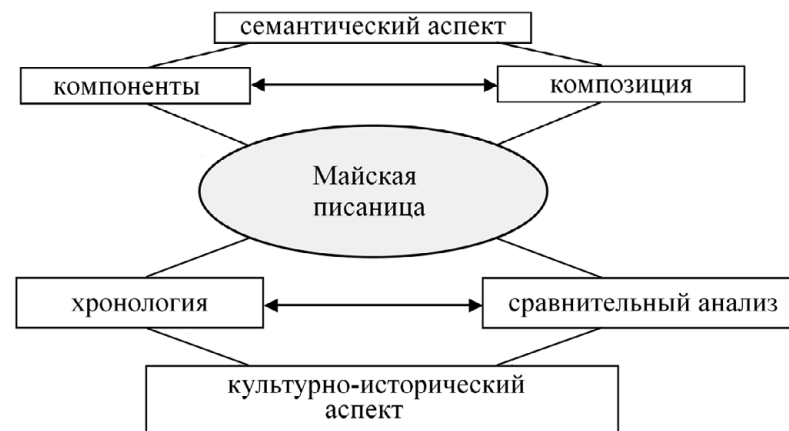

Рис. 2. 1 – Большая Майская писаница, центральная фигура левой («светлой») стороны; 2 – Шалаболинская писаница, деталь (по: [Пяткин, Мартынов, 1985]); 3–5 – антропоморфные фигурки на керамике, Западная Сибирь, Прибайкалье; 6–8 – изображения «малой» Майской писаницы (по: [Окладников, Мазин, 1979]); 9 – антропоморфная фигура, Манзя, Ангара (по: [Окладников, 1966]).

солярный знак с «лучами» и фрагмент верхней части силуэтной фигуры с такой же трехпалой рукой (рис. 2, 6). Ниже нее – изображение лодки с большим количеством (около 30) вертикальных черточек-фигур (рис. 2, 7). Здесь же находятся несколько рисунков идущих лосей и нижняя (сохранившаяся) часть фигуры стреляющего в них лучника, также, скорее всего, имеющие отношение к происходящему действию.

Интерпретацию Майской писаницы (имеется в виду основная, первая композиция) можно рассматривать в двух основных аспектах – культурно-историческом и семантическом. Каждый из них, в свою очередь, включает два плана наблюдений. Семантический аспект – компоненты и композиция; культурно-исторический аспект – аналитический и хронологический (от более частного, конкретного к более общему, значимому). При этом, поскольку речь идет об одних и тех же изображениях, причем в достаточно широком поле сравнительного материала, четко отделить один аспект от другого вряд ли возможно. Наоборот, они во многом дополняют друг друга, позволяя наиболее полно представить общие закономерности существования петроглифов в рамках одного изобразительного пласта.

Исходя из всего сказанного, интерпретационная матрица изучения Майской писаницы может быть представлена следующим образом.

Благодаря информационной насыщенности данного памятника, теоретически писаницу можно считать эталонной, хотя далеко не всегда, учитывая само состояние источника, подобную схему удастся реализовать на практике; это касается как процедурной части исследования, так и раскрытия содержания той или иной петроглифической композиции.

Семантический аспект

Крупная антропоморфная фигура без ног, с волнообразно раскинутыми руками занимает доминирующее положение в левой («светлой») части композиции. Подобного рода антропоморфные фигуры с клиновидным туловищем известны на керамике эпохи бронзы в Прибайкалье и Западной Сибири (рис. 2, 3–5). Заостренная нижняя часть туловища скорее всего свидетельствует о том, что это изображения каких-то деревянных, вкопанных (?) в землю фигур. Такие же клиновидные фигурки с опущенными вниз руками изображены в верхней части основной композиции на Шалаболинской писанице (рис. 2, 2). Расположение всех таких клиновидных фигурок рядами, в некоторых случаях взявшимися за руки, свидетельствует о том, что скорее всего они имели охранительное значение, очерчивая таким образом место проведения ритуальных действий.

Поперечная линия на лице центрального антропоморфного персонажа указывает на возможное влияние со стороны окуневской изобразительной традиции, для которой такая иконографическая деталь была наиболее характерна (или, наоборот, на проникновение ее в окуневское искусство с этой стороны). Данная особенность, а также «рожки» на голове позволяют предположить, что и здесь вероятнее всего представлено изображение маски на деревянном столбе, вкопанном в землю [Савинов, 2016].

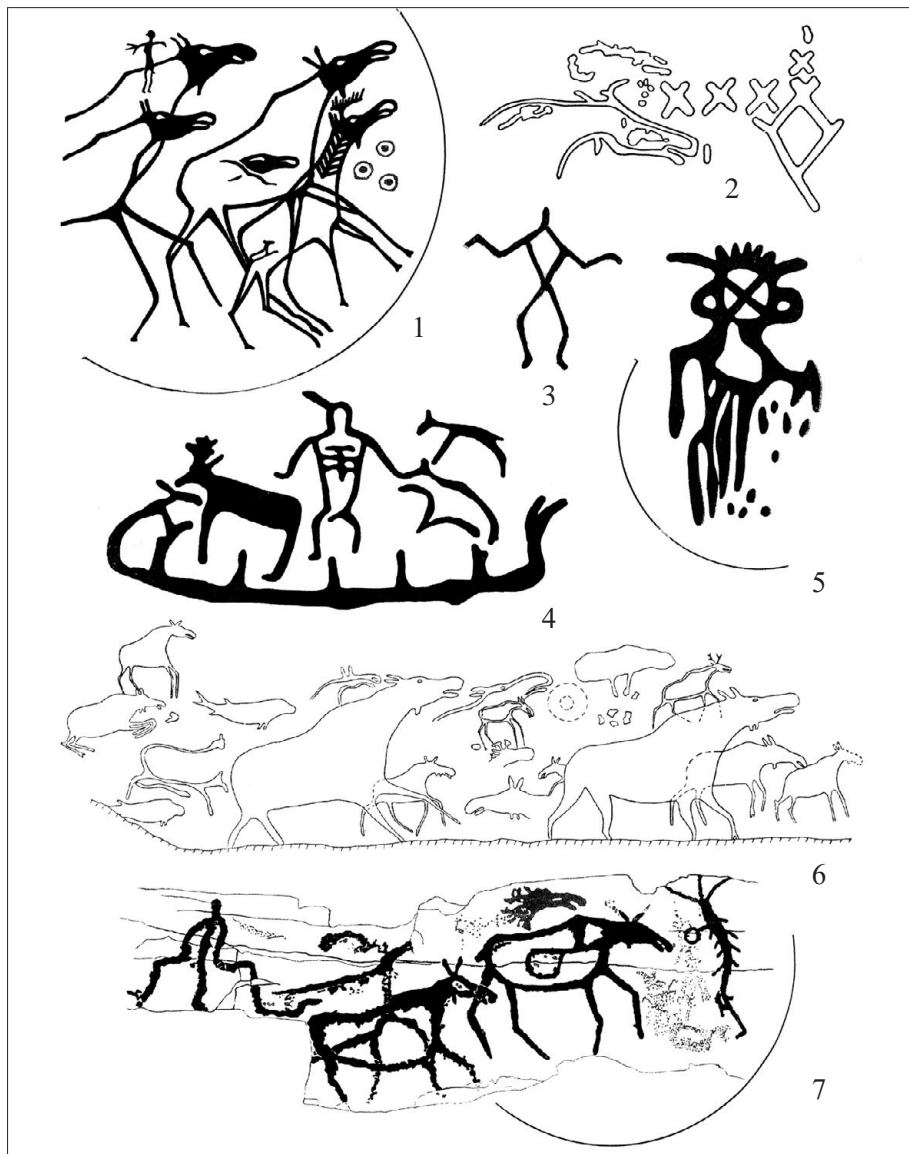
Передача «волнообразно» раскинутых рук встречается в наскальных изображениях Якутии неоднократно; например, на местонахождении Баасынай (рис. 3, 3, 4) (см., например: [Окладников, Мазин, 1976, табл. 18; Кочмар, 1994, рис. 65]). Изображение таким же образом раскинутых рук скорее всего символически передано на одной из других плоскостей Майской писаницы (рис. 2, 6). Наиболее полно данный образ представлен в известном изображении писаницы Манзя на Нижней Ангаре (рис. 2, 9) [Окладников, 1966, табл. 168, 2]. Семантическую расшифровку этой ми-

фологемы мы находим на Шалаболинской писанице, где из раскинутых таким же образом рук какого-то мифологического антропоморфного персонажа как бы «сыплются» два ряда крестов, скорее всего символизирующих души еще не родившихся (?) людей (рис. 4, 1).

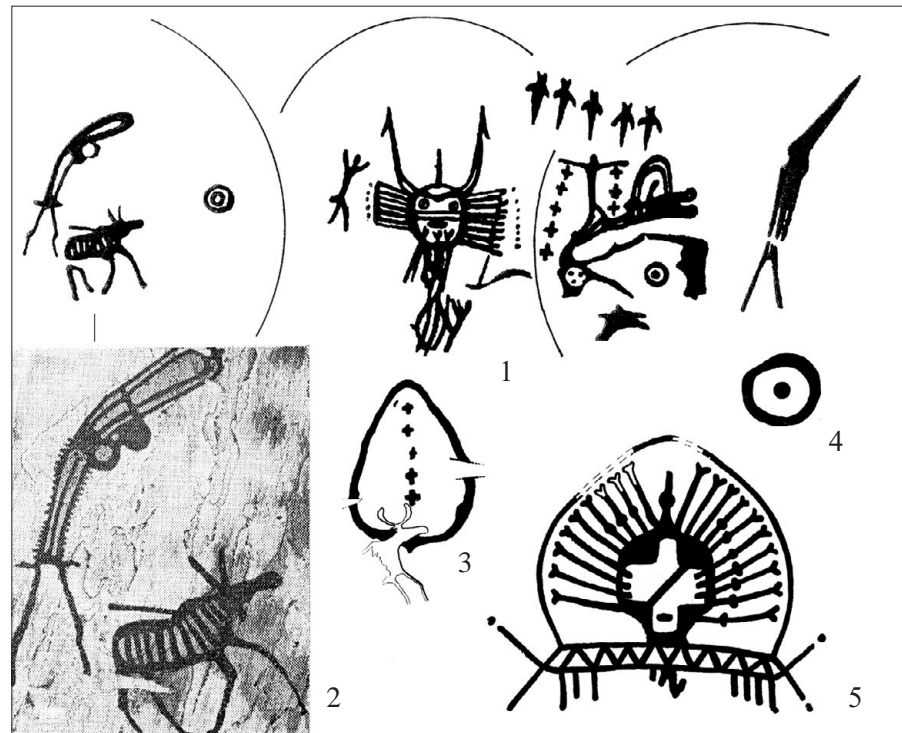
Находящийся здесь же солярный знак с отходящими от него «лучами» – символ выражения верхнего, «светлого» мира, как и отдельные изображения крестов, имеют очень широкое распространение в петроглифах Восточной Сибири. То же касается изображения лодок с вертикальными фигурками-черточками (изображения людей?), образно называемых «лодками в страну предков» или «лодками в страну мертвых», то есть отражающих ту же идею связи между мирами, их единство и противопоставление. В этом плане весьма показательна еще одна композиция из Якутии – изображение лодки и над ней антропоморфная фигура с раскинутыми руками (типа образа из Манзи) и рисунками нескольких жертвенных (?) животных (рис. 3, 4) [Окладников, Мазин, 1976, табл. 190].

Две более мелкие антропоморфные фигурки в левой части композиции Майской писаницы, выполненные в том же стиле и расположенные выше раскинутых волнообразно рук центральной клиновидной фигуры, явно «вторичны» к ней в смысловом отношении. На одной из них, переданной анфас, с двумя глазами, показана «корона» в виде пяти выступающих черточек и поперечная линия на лице. У другой, с тремя глазами, в фас-профильном исполнении – короткие «рожки» на голове и весьма своеобразная передача верхней части туловища, расположенного горизонтально с «хвостом», рассеченного продольной линией (рис. 5, 5). По внешнему облику (а скорее всего, и по смыслу) она напоминает фигуры-терочки из Западной Сибири (рис. 5, 6), которые, по мнению специально исследовавшего их Ю. Н. Есина, использовались при проведении обрядов, связанных с идеей плодородия и деторождения [Есин, 2006].

Изображения правой («темной») части рассматриваемой композиции имеют принципиально иное значение. Как уже говорилось, центральная силуэтная фигура здесь – с как бы «обрезанной» головой и прямо раскинутыми руками, вероятно, также представляет собой погрудное изображение-маску, помещенную на какое-то основание; на противоположной

Рис. 3. 1 – Томская писаница (по: [Мартынова, Покровская, 2000]); 2, 6 – Ангара, Второй Каменный остров (по: [Окладников, 1966]); 3 – Баасынай, Якутия (по: [Кочмар, 1994]); 4, 5 – р. Олекма, Якутия (по: [Окладников, Мазин, 1979]); 7 – Каратаг, северо-запад Минусинской котловины (по: [Семенов и др., 2000]).

Рис. 4. Изображения Шалаболинской писаницы (по: [Пяткин, Мартынов, 1985]).

стороне одного семантического поля (?) (рис. 5, 1). О том, что это могло быть действительно так, свидетельствует отдельное изображение маски с отходящими от нее «лучами» и крупным крестом посередине, находящейся на горизонтально положенной жерди с развилками на концах на той же Шалаболинской писанице (рис. 4, 5) [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 13].

Изображения сосудов в этой части Майской писаницы – вообще крайне редкое явление в наскальном искусстве Сибири; однако, несмотря на схематичность передачи, во всяком случае по форме, они достаточно «узнаваемы». В книге А. П. Окладникова и А. И. Мазина они связываются с глазковской керамикой Прибайкалья [Окладников, Мазин, 1979, с. 69, 87], с которой, на наш взгляд, имеют очень мало общего. С формальной точки зрения, ближайšie аналогии этим сосудам, несмотря на разделяющее их расстояние, – сосуды баночной формы окуневской археологической культуры (рис. 5, 2) и с уплощенно-сферическим туловом – карасукской археологической культуры (рис. 5, 3) Южной Сибири. То же касается и приемов их орнаментации. Какие-либо точные датировки при таких расстояниях вряд ли имеют существенное значение, но с точки зрения знаковых обозначений такое сопоставление имеет право на существование.

То же можно сказать о расположенном с другой стороны от центральной силуэтной фигуры черешковом (бронзовом?) выгнутообушковом ноже. Сравнение его с глазковскими сложносоставными ножами также лишено какого-либо основания. Ближайшая возможная параллель ножам этой формы (из известных) – нож из Цыганковой сопки, Северный Алтай, елунинская культура (рис. 5, 4) [Кирюшин, 2002, рис. 119, 2]). Рядом с ним находится какая-то профильная (?) фигура; возможно, также изображение ножа. Здесь же, по одной вертикали с солярным знаком – непонятная фигура, внешне напоминающая «мотыгу». Не исключено, что это изображение еще одной маски с антенновидным отростком и выделенным светлым пятном рядом «зубов». Подобный способ показа зубов в виде ряда выступающих линий также встречается на масках в петроглифах Сибири.

С наибольшей степенью вероятности можно предполагать, что изображенные в этой части Майской писаницы реалии (сосуды, ножи и пр.) представляют собой набор предметов сопроводительного инвентаря, связанного с обрядом погребения, проходившего под эгидой антропоморфного («теневого») персонажа. Возможно, имеет значение и то, что скорее всего это изображение женское. Известно, что в традиционных верованиях

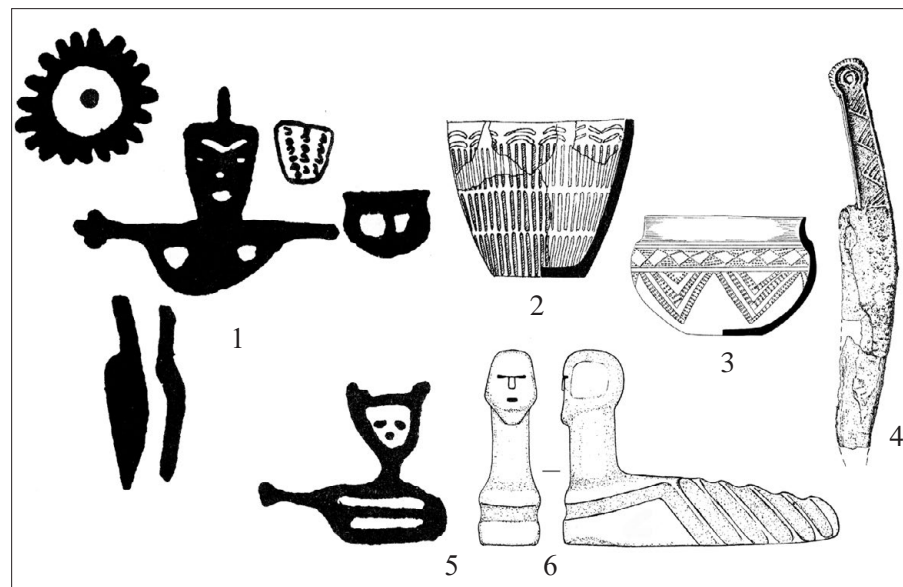

Рис. 5. 1 – изображения правой («темной») части Майской писаницы (по: [Окладников, Мазин, 1979]); 2, 3 – образцы глиняных сосудов окуневской и карасукской культур; 4 – бронзовый нож из Цыганковой сопки, елунинская культура (по: [Кирюшин, 2002]); 5 – антропоморфная фигурка Большой Майской писаницы (по: [Окладников, Мазин, 1979]); 6 – фигурный терочник из Западной Сибири (по: [Есин, 2006]).

многих народов Сибири «хозяйкой» нижнего мира считалась женщина, например, зловещая и устрашающая Хоседам у самодийцев.

Таким образом, в целом семантика Майской писаницы может быть определена как отображение ритуальных действий культово-генеалогического цикла, связанных с реализацией его основных составляющих: от момента зарождения человека и до «отправки» его в иной мир со всеми наиболее значимыми для проведения соответствующих обрядов персонажами, изобразительными особенностями и атрибутами.

Наиболее близкий пример еще одной такой же «развернутой», еще более насыщенной по количеству «участников» и в этом отношении

столь же уникальной композиции – большое панно Шалаболинской писаницы на востоке Минусинской котловины, в непосредственной близости от выхода в нее р. Туба [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 68]. С точки зрения содержания в ее конкретном изобразительном воплощении, она отличается от Майской писаницы. Однако общая одухотворенность и взаимосвязанность всех представленных здесь персонажей делает их сопоставление в этом плане достаточно убедительным, не говоря уже о том, что это, пожалуй, два наиболее достоверных случая наскальных комплексов, в которых настолько полно отражена суть и последовательность (?) воспроизведенных на них ритуальных действий.

В основе построения композиции, как и на Майской писанице, здесь лежит определенная симметрия, т. е. разделение на две стороны (или в данном случае на три семантически значимых части). Такая дихотомия подтверждается наличием с левой и правой сторон одинаковых солярных знаков с точкой посередине, а также двух крайних, фланкирующих фигур. В случае разделения ее на три семантических блока посередине выделяется изображение основного антропоморфного персонажа – рогатой личины-маски, по всей видимости находящейся наверху символически переданного – в виде ряда изогнутых линий – дерева (рис. 4, 1). По наиболее выразительным деталям – декорировка лица двумя поперечными линиями, короткие линии с «развилками» на концах на подбородке, отходящие в стороны «лучи» с точками на концах – это изображение, как и вся рассматриваемая сцена, уверенно относится к раннеокуневской изобразительной традиции [Пяткин, 1980].

В левой (от нас) части композиции находится «шагающая» антропоморфная фигура, без рук, в параболическом головном уборе. Ниже нее – фигура лося, выполненная в ангарском стиле, с вонзившимся копьём (или дротиком); скорее всего, в сцене жертвоприношения (рис. 4, 2).

Картина в правой части композиции включает большее количество персонажей. Посередине ее расположено неясное изображение, обычно интерпретируемое как фигура хищника с разинутой пастью, хотя, исходя из имеющейся публикации, это далеко не очевидно. На его спине находится схематическое изображение стоящего человека с раскинутыми ру-

ками, из которых двумя рядами вниз «сыплются» крестообразные знаки – пять с одной и три с другой стороны. Выше этого «сеятеля» располагается ряд из пяти клиновидных фигурок, скорее всего, как уже говорилось, исполняющих охранительную функцию. Слева внизу, непосредственно примыкая к задней части «хищника», находится мелкое изображение личины с тремя глазами. Ниже нее – незаконченное (или не сохранившееся) изображение головы какого-то животного с разинутой пастью.

Справа от всей этой группы изображений расположена вторая фигура «шагающего» человека, также без рук, в высоком остроконечном головном уборе. Та и другая фланкирующие фигуры, ограничивающие слева и справа весь повествовательный «текст» рассматриваемой композиции с крупной рогатой личиной посередине, наиболее близко напоминают загадочные антропоморфные изображения духов-помощников (?) на стенках каменных ящиков каракольской археологической культуры Горного Алтая того же окуневского круга древностей.

В числе других рисунков Шалаболинской писаницы, имеющих отношение к изобразительному воплощению подобных сцен, следует отметить: 1) уже упомянутое изображение маски с веерообразно расходящимися «лучами» и крупным крестом посередине, укрепленной на горизонтально положенной жерди (?) с отходящими от нее на концах развилками (рис. 4, 5); 2) овальную фигуру – символическое изображение женского начала (?) с находящимся внутри нее вертикальным рядом крестов (всего пять), поверх которой внизу изображение передней части фигуры лося в том же ангарском стиле (рис. 4, 3); 3) солярные знаки с точкой посередине (рис. 4, 4).

С точки зрения семантики, несмотря на различие в трактовке отдельных фигур и степень насыщенности реалиями, данная сцена достаточно близка Майской писанице, но представлена более развернуто. Основное ее содержание также заключено в реализации идеи плодородия и появления человеческих «душ» под патронатом антропоморфного божества. В этом же ключе следует рассматривать изображение ряда клиновидных (охранительных) фигурок наверху и жертвоприношение лося в левой части композиции.

Наиболее осязаемое различие между ними заключается в значительно большем проявлении окуневско-каракольской изобразительной традиции в изображениях Шалаболинской писаницы и, наоборот, доминировании восточных (лесных) изобразительных элементов на Майской писанице, что, учитывая их расположение, вполне объяснимо. По месту своего нахождения Шалаболинская писаница расположена как бы между двух «миров»: западным, условно – окуневским; и восточным, условно – лесным, находящим наиболее яркое воплощение в изображениях ангарского стиля.

Обращаясь к этнографическим материалам, можно сказать, что по своему замыслу и его реализации трехчастная композиция Шалаболинской писаницы чем-то напоминает построение шаманского чума у эвенков (тунгусов), имитирующего три обитаемых мира: верхний светлый *дарпэ* и нижний темный *онанг*, с выделением посередине места священнодействия (собственно шаманский чум). Это сходство увеличивают наличие здесь также деревянных антропоморфных фигур – охранителей на границе «миров», с одной стороны, и условно переданные изображения животных (лосей), с другой [Анисимов, 1958, рис. 26–34].

Культурно-исторический аспект

Приведенные соответствия в интерпретации двух известных памятников – Шалаболинской и Майской писаниц – имеют свое обоснование в том направлении изучения наскальных изображений, которое можно определить как «изобразительные коммуникации петроглифов». Это удачное выражение, как «изобразительные коммуникации населения», введено В. А. Новоженовым [2014], но может иметь и более широкое применение. В петроглифоведении – как «переходящий» репертуар произведений наскального искусства или составляющих его компонентов и как близость обрядовой практики, соответствующих иррациональных представлений, и как свидетельство расселения носителей данной изобразительной традиции. Выстраивая таким образом систему взаимосвязей, можно назвать несколько наиболее известных памятников, обнаруживающих принадлежность к одной и той же изобразительной коммуникации, хотя о какой-либо идентичности их говорить не приходится.

На северо-востоке от Шалаболинской писаницы – это петроглифы Ангары (Каменных островов), открытые и опубликованные А. П. Окладниковым [1966]. Главное место среди них занимают изображения гордо шагающих лосей, выполненные вполне реалистически, с передачей всех наиболее характерных деталей, от которых и происходит наименование изображений ангарского стиля (рис. 3, б). Неолитическая основа этих изображений, имеющих многочисленные предметные аналогии и непосредственно отражающих один из самых почитаемых образов обитателей таежных областей Сибири [Студзицкая, 2007], сомнения не вызывает. Это не исключает существования и развития стилистически близких изображений и в более позднее время, особенно в эпоху бронзы; в том числе в качестве одного из компонентов окуневской изобразительной традиции [Савинов, 2006, с. 160, 161]. Изображение раненого лося в характерном ангарском стиле, как уже говорилось, представлено на Шалаболинской писанице.

Среди многочисленных петроглифов Нижней Ангары, особенно Второго Каменного острова (если смотреть на восток), имеется и несколько знакомых нам композиционных сочетаний, в частности изображение передней части фигуры лося с расположенными рядом с ним крестами, а также ромбической фигуры с отходящими от нее «отростками» [Окладников, 1966, табл. 61, 1]. Скорее всего, это – уже в знаковой передаче – тот же антропоморфный образ с раскинутыми руками, что и на писаницах Якутии (рис. 3, 2, 3). Отсюда же происходит изображение «лыжника», преследующего лося [Окладников, 1966, табл. 38, 1], иногда сопоставляемое с известной сценой «преследования» (или укрощения?) лошади на ноже из Ростовкинского могильника, то есть того же западного ареала, где находятся Г-образные предметы, сопоставленные выше с одним из персонажей Майской писаницы. Несмотря на кажущуюся случайность подобных сопоставлений, они могут иметь под собой некую общую (исходную?) основу.

В юго-западном направлении от Нижней Ангары (Минусинская котловина) изображения ангарского стиля, занимая определенную хронологическую позицию [Советова, Миклашевич, 1999], все же имеют огра-

ниченное распространение. По наблюдениям Е. А. Миклашевич, «в наибольшем количестве и разнообразии изображения древнейшего пласта (в том числе ангарского стиля. – Д. С.) представлены на таких памятниках, как Шалаболино, Оглахты и Тепсей/Усть-Туба» [Миклашевич, 2015, с. 67]. Из них изображения ангарского стиля все же встречаются преимущественно в северных районах Минусинской котловины и в более ограниченном количестве проникают на юг. Основной артерией продвижения изображений ангарского стиля могла быть р. Туба, на правом берегу которой расположена Шалаболинская писаница и по которой могло происходить их распространение с территории бассейна Нижней Ангары (в широком значении данного определения).

На северо-западе Минусинской котловины тот же изобразительный пласт ангарского стиля имеет продолжение в петроглифах Каратага (в районе Малого озера). Среди них наиболее интересна многофигурная композиция в группе 12 (рис. 3, 7). Слева направо: некое линейное подобие человеческой фигуры с очень длинными руками; далее процессия идущих лосей, выполненных в ангарском стиле. Из них переднее, более крупное изображение – с продольной линией на туловище с овальной фигурой на конце (как у некоторых лосей на Томской писанице); перед ней профильная одноногая фигура человека в трехрогом головном уборе с небольшим круглым предметом в руках, предположительно «бубном» [Семенов и др., 2000, рис. II]. Такая же профильная одноногая фигура, но еще более схематичная, есть и на Томской писанице. Здесь же изображения солярных знаков с точкой посередине и отдельных ромбических фигур [Семенов и др., 2000, рис. 23]. Похожая по замыслу композиция находится и в группе 9 [Семенов и др., 2000, табл. 31].

Далее, минуя Кузнецкий Алатау, через Ачинско-Мариинский коридор мы приходим к самому западному месту распространения той же изобразительной традиции – это знаменитый каскад (иначе не скажешь!) бассейна р. Томь – собственно Томская писаница, петроглифы Висячего Камня, Тутальская и Новоромановская писаницы. Образ лося – в отдельных изображениях, перекрывающих друг друга фигурах в многофигурных композициях – занимает здесь господствующее положение (рис. 3, 1).

С точки зрения исполнения они представляют одно из самых ярких проявлений того же ангарского стиля как на начальном, так и более поздних этапах его развития [Мартынов, 1997; Мартынов, Ломтева, 1993].

В плане генезиса изображений ангарского стиля существенное значение имеет исследование И. А. Пономаревой, выделившей три типологических (и, очевидно, хронологических) варианта его развития: якутский (исходный), собственно ангарский и томский (конечный) [Пономарева, 2016]. В этом ряду занимает свое место и Турочакская писаница на р. Бия, Северный Алтай [Окладников, Молодин, 1978]; относительно северное местонахождение этого памятника, красочные изображения лосей в ангарском стиле позволяют рассматривать их в том же культурно-историческом контексте.

Стратиграфически сложный, затянувшийся во времени характер формирования Томского очага наскального искусства, представленного сейчас рядом новых местонахождений, обусловлен, в первую очередь, крайним западным расположением этого уникального ареала. В работах последних лет, особенно в исследованиях И. В. Ковтуна и И. Д. Русаковой, высказаны многие точные наблюдения и соображения относительно отдельных разделов его интерпретации (см., например: [Ковтун, Русакова, 2019; Ковтун, 2020, 2021; Русакова, 2020]. Наверное, ни один из памятников наскального искусства не исследован с такой степенью тщательности и полнотой, как Томская писаница и сопутствующие ей местонахождения. Тем не менее на отдельных аспектах изучения Томского ареала наскального искусства в плане рассматриваемой темы хотелось бы остановиться особо.

Обращает на себя внимание соблюдение условий нахождения большинства рассмотренных выше петроглифических комплексов, в том числе и Томской писаницы: не просто «у воды», а как бы «над водой», занимая последовательный ряд скальных плоскостей, с большим количеством палимпсестов и т. д. (исключая петроглифы Каратага, но и здесь «привязанность» их к воде, в данном случае – озеру, очевидна). Как самые ранние, во всех случаях представлены красочные изображения. При этом на востоке они преобладают; на западе это более древние рисунки, чем

выбитые; а выбитые, очевидно, наносились раньше, чем подшлифованные. К этому следует добавить явное совпадение некоторых изобразительных элементов, а также построение «развернутых» композиций. Трудно сказать, насколько полно сохраняется при этом семантическая основа подобных изображений, но отдельные проявления восточных мотивов (изображения лодок, профильных антропоморфных фигур, различного рода солярных знаков), как и их явная связь в каком-то повествовательном сюжете, в большинстве случаев сохраняется повсеместно.

Как правило, реалистические и динамичные, изображения «шагающих» лосей ангарского стиля, зародившись в глубинных районах Восточной Сибири, вниз по Ангаре распространяются на запад. Это продвижение отмечено рядом выдающихся петроглифических комплексов. Наибольшая концентрация их находится на Нижней Ангаре (Каменные острова). Затем, очевидно, по течению рек, берущих начало в Восточных Саянах, они переходят на территории северной части Минусинской котловины (Шалаболинская писаница). По Ачинско-Мариинскому коридору проникают на северо-запад котловины, о чем говорят петроглифы Каратага (уже в отрогах Кузнецкого Алатау) и далее достигают бассейна Томи, где концентрируются («наслаиваются») в большом количестве и продолжают существовать еще длительное время.

В изложенной версии об истоках и характере распространения изображений Томской писаницы принципиально нет ничего нового. Уже при первой публикации они сравнивались с петроглифами Ангары; при этом определенно высказывалось мнение об их восточном происхождении [Окладников, Мартынов, 1972, с. 176–187]. Характеризуя особенность изображений ангарского стиля, Я. А. Шер предложил путь их распространения: «Под влиянием не вполне ясных причин отдельные группы неолитических охотников, двигаясь вниз по Ангаре, вышли в долину Енисея» [Шер, 1980, с. 188]. Далее предложенная нами интерпретация несколько расходится. По Я. А. Шеру, «поднимаясь вверх по его (Енисея) течению, они столкнулись в Минусинской котловине с местным населением афанасьевской культуры» [Шер, 1980, с. 188].

На наш взгляд, основной вектор движения носителей ангарского стиля был направлен не вверх по Енисею, хотя в какой-то ограниченной степени это не исключено, а на запад, по северным лесостепным районам Минусинской котловины, в сторону бассейна Томи. В этом плане вполне логично заключение Я. А. Шера: «Томская писаница выглядит как завершающий этап развития ангарского стиля, не затронутого, в отличие от Минусинской котловины, влиянием скотоводческой мифологии» [Шер, 1980, с. 188].

Какие группы населения могли быть носителями этих изобразительных традиций, в первую очередь, изображений ангарского стиля, – сказать трудно. На наш взгляд, наиболее вероятно отнесение к ним выделенной в свое время [Окладников, Молодин, 1978, с. 19, 20] и сейчас незаслуженно забытой кузнецко-алтайской культуры, в целом совпадающей с границами западной части обозначенного ареала. Теперь ее памятники включены в состав других, позднее выделенных культур [Бобров, 2016, с. 16]. Однако следует отметить, что именно из этих погребений происходит большинство предметов мелкой пластики этого времени в Западной Сибири; в том числе замечательные находки костяных изделий ангарского стиля из Васьковского могильника и др. Возможно, что к этому имеет отношение единственное в своем роде неолитическое погребение Каменка на Енисее близ устья р. Сыда, в котором были найдены предметы из байкальского нефрита [Хлобыстин, Шер, 1966].

* * *

Сопоставляя все приведенные данные, можно сказать, что на севере Минусинской котловины соприкасаются и частично «накладываются» друг на друга два мира образов – охотников таежных регионов Сибири, с одной стороны, и скотоводов, пришельцев из более южных районов Саяно-Алтая, с другой. Знаменуя «встречное», по отношению к основному вектору распространения изображений ангарского стиля, сюда заходит окраинная часть ареала окуневского искусства, «посланцами» которого, в первую очередь, стали личины-маски в основном на правобережье Енисея, а также некоторые другие проявления окуневской изобразитель-

ной традиции. Наиболее яркий пример этого – изображения Шалаболинской писаницы, демонстрирующие сочетание различных по происхождению образов и стилей. В последней по времени выходе работе на эту тему [Ковтун, 2021] близкие по сути процессы отнесены к заимствованиям со стороны афанасьевской культуры, то есть условно – к доокуневской эпохе, хотя участие в них окуневского компонента более чем очевидно.

Сказанное относится, в первую очередь, к многочисленным изображениям масок, имевшим вообще в восточной части Азии широкое распространение. По материалам А. Л. Заики, они подразделяются на несколько типов: каменный (в основном по рисункам на Нижней Ангаре), туимский и джойский; последние два наиболее близки окуневскому кругу изображений [Заика, 2012, 2021].

Изображения джойского типа (без обозначенного абриса лица), в том числе и так называемые иконостасы, И. П. Лазаретов рассматривает как своего рода вектор торговых связей между различными группами окуневского населения [Лазаретов, 2011]. Можно думать, что одновременно они могут выступать и в качестве свидетельства одного из направлений древних коммуникаций – от низовьев Ангары до Саянского каньона Енисея (преимущественно в его правобережной лесной стороне). В открытых степных районах Минусинской котловины они, по-видимому, «перекрываются» сердцевидными личинами туимского типа (по А. Л. Заике), основной источник происхождения которых скорее всего связан с восточными районами Азии, несколько позднее включенными в арсенал образов окуневского искусства.

Отдельные элементы окуневской изобразительной традиции проникают еще дальше на восток. Так, например, помимо отдельных элементов Майской писаницы, совершенно неожиданно фрагмент личины окуневского типа (к сожалению, плохо сохранившийся, но вполне «узнаваемый» – с «коронай» из трех прямо поставленных лучей (тейская группа по нашей классификации [Савинов, 2006, с. 167, 168])) обнаружен на Средней Ангаре, в месте строительства Богучанской ГЭС [Дроздов и др., 2008, рис. 1]. Рядом с ним – изображения лосей в якутском варианте

В фигуре стоящего персонажа из Токко, р. Олекма, Якутия (рис. 3, 5) [Окладников, Мазин, 1976, табл. 34, 3] нетрудно заметить те же семантически значимые элементы, что и в раннеокуневских изображениях с личинами-масками на Шалаболинской писанице: большой крест, пересекающий лицо; прямо поставленные руки, из которых спускаются вниз ряды точек (в Шалаболино – фигура «сеятеля?»); передача туловища в виде растительных побегов, хотя в стилистическом отношении это совершенно разные изображения. Очевидно, что в данном случае, как вероятно и во многих других, перед нами один и тот же образ с присущими ему атрибутами. Пример того, что сравнение может идти уже не только по форме художественного воплощения, но и единства содержания того или иного изображения, что значительно расширяет возможности сравнительных исследований.

В этой связи особый интерес представляет вопрос о западном направлении связей или изобразительных коммуникаций. Сама идея об этом впервые была высказана и обоснована в одной из работ А. П. Окладникова, в которой красочные рисунки из Саган-Забы и бухты Ая (Западное Прибайкалье) были сопоставлены с антропоморфными фигурами на керамике из поселения Самусь IV на Оби около Томска [Окладников, 1973]. Как и другие крупные культурно-исторические построения, данное направление исследований предполагает возможность дальнейшего развития и конкретизации, в первую очередь, по пути выделения других изображений, включающих территориально далекие, но типологически близкие образы. Помимо самусьских антропоморфов, это отмеченные выше «утюжки» из Западной Сибири, подобие изображения ростовкинского «лыжника», отдельные предметные аналогии и др.

Таким образом, комплексы наскального искусства (Майская писаница – петроглифы Нижней Ангары – Шалаболинская писаница – наскальные рисунки Каратага – Томская писаница), несмотря на разделяющее их расстояние, это единая цепочка изобразительной коммуникации, связанная общей идеей одухотворенности стоящих за ними культовых действий, построением многофигурных композиций и наличием одним и тех

же (или сходных) мифологических персонажей. При этом, конечно, с течением времени и с учетом расстояния что-то терялось, что-то упрощалось, что-то приобреталось вновь или вообще получало новое осмысление. Это была определенная культурно-экологическая среда – от бассейнов Лены и Ангары на востоке до бассейнов Енисея и Томи на западе, в пределах которой на протяжении длительного времени распространялись близкие (родственные?) формы иррациональных представлений, мифологем, обрядов, церемоний и художественных образов. Важно отметить при этом, что материалы изобразительных памятников и связанных с ними коммуникаций более южных областей демонстрируют иное наполнение образов, направление культурных связей и, соответственно, стоящих за этим культурно-исторических процессов.

Восстанавливаемая картина ареала изображений ангарского стиля имеет непосредственное отношение к ставшему актуальным в последнее время вопросу о соотношении их с другим видом петроглифов на данной территории, обычно относимых к более ранней эпохе, – так называемого минусинского стиля, уже затронутому в работах ряда исследователей [Русакова, 2005; Миклашевич, 2015; 2020; Молодин и др., 2021]. Предположительно, помимо хронологической диспозиции, они могли иметь разные (или только частично совпадающие) ареалы. Основной вектор движения изображений ангарского стиля (по линии лесостепи) был направлен на запад; а минусинского – на юг, в сторону Центральной Азии и Алтая, где имеются подобные изображения (или наоборот?). Ответ на этот вопрос должны дать уже будущие исследования.

Библиография

Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 233 с.
Архипов Н. Д. Древние культуры Якутии. Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1989. 186 с.
Бобров В. В. Современное состояние знаний о новокаменном веке контактной зоны Северной и Центральной Азии (Южная Сибирь) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (Проблемы интерпретации и сохранения). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 13–18.

Дроздов Н. И., Заика А. Л., Леонтьев В. П., Макулов В. И. Древнее искусство на памятниках зоны затопления Богучанской ГЭС // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III. М.: Институт археологии РАН, 2008. С. 15–20.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетей, 2005. 472 с.

Есин Ю. Н. Проблемы изучения Г-образных предметов Северной Азии // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всероссийского археологического съезда в Новосибирске. Т. II. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 291–293.

Заика А. Л. Личины в искусстве Нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 62–75.

Заика А. Л. Окуневские личины в петроглифах Шалаболинской писаницы // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии от первых скотоводов до появления государственных образований. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 66–69.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2002. 290 с.

Ковтун И. В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 11. С. 33–44.

Ковтун И. В. Начало традиции наскального искусства на Томи // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во Кузбасского регионального ИПКиПРО, 2021. С. 22–38.

Ковтун И. В., Русакова И. Д. Крашенные изображения Тутальской писаницы на реке Томи // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлета. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2019. С. 159–173. (Труды САИПИ; вып. XII).

Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии (История и культура Востока Азии). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1994. 263 с.

Лазаретов И. П. Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Т. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 59–64. (Труды САИПИ; вып. VIII).

Мартынов А. И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 17–24.

- Мартынов А. И., Ломтева А. А.* О хронологической и культурной принадлежности Новоромановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1993. С. 192–202.
- Мартынова Г. С., Покровская А. Ф.* Исследователи Томской писаницы. Кемерово, 2000. 68 с.
- Миклашевич Е. А.* Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 66–78.
- Миклашевич Е. А.* О сходстве древнейших наскальных изображений Южной Сибири и Центральной Азии и проблеме их атрибуции // Краткие сообщения института археологии. 2020. Вып. 261. С. 82–98.
- Молодин В. И., Зоткина Л. В., Кретэн К., Плиссон Х., Женест Ж.-М., Черемисин Д. В.* «Калгутинский стиль» в наскальном искусстве и его своеобразии // Древнее искусство в контексте культурно-исторических процессов Евразии: к 300-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово: Изд-во Кузбасского регионального ИПКиПРО, 2021. С. 201–206.
- Новоженев В. А.* Изобразительные коммуникации населения степей Центральной Азии в эпоху поздней бронзы // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 59–66.
- Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 321 с.
- Окладников А. П.* Проблема связи между племенами Западной Сибири и Прибайкалья (на материалах петроглифов) в раннем бронзовом веке // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск: Томский гос. ун-т, 1973. С. 20–25.
- Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 187 с.
- Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 151 с.
- Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972. 255 с.
- Окладников А. П., Молодин В. И.* Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бии) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 11–31.
- Пономарева И. А.* К вопросу о выделении ангарского стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 2 (44). С. 69–80.
- Пяткин Б. Н.* Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири. Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 11. Кемерово, 1980. С. 27–44.
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И.* Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 192 с.
- Русакова И. Д.* К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 214–218.
- Русакова И. Д.* Лодки Новоромановской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. № 11. С. 76–93.
- Савинов Д. Г.* О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 157–190.
- Савинов Д. Г.* Дерево и маска: архетип одного из образов окуневского искусства // Образ и архетип в традиции архаики. Ритуально-мифологический контекст и семантика. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2016. С. 50–60. (Теория и методология архаики; вып. 9).
- Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В.* Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2000. 66 с.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (По итогам работы петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999. С. 47–74.
- Студзицкая С. В.* Изображения лося в древней пластике Прибайкалья и «ангарский стиль» // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. Томск: Томский гос. ун-т, 2007. С. 286–297.
- Хлобыстин Л. П., Шер Я. А.* Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее // Краткие сообщения института археологии. 1966. Вып. 106. С. 51–54.
- Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

D. G. Savinov

Saint Petersburg, Russia

**MAYSKAYA ROCK ART SITE, ANGARA STYLE
AND LATITUDINAL ROCK ART COMMUNICATION**

This paper provides a detailed analysis of the images of the Mayskaya rock art site on the Aldan River, Yakutia. Based on this, two aspects of the study of petroglyphs are considered – semantic along with historical and cultural. From the same angle, a brief description of several other well-known rock art sites is given: petroglyphs of the Lower Angara (Second Kamenny Island), Shalabolinskaya rock art site on the Tuba River (east of the Minusinsk Basin), petroglyphs of Karatag (northwest of the Minusinsk Basin), and further, through the Kuznetsk Alatau, images of the Tomskaya rock art site on the Tom River. As a result of the comparative analysis, it is suggested that they are classified as a general – latitudinal – pictorial rock art communication, in which two main components are distinguished: images of the Angara style, which have eastern sources of origin, and images of the Okunev pictorial tradition in the northeastern region of its location.

Keywords: *rock art, composition, images, style, image, semantics, tradition, area*

Мугур-Саргол. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Вл. А. Семенов

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.265-268>

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

КРАШЕННЫЕ РИСУНКИ САЯНСКОГО КАНЬОНА ЕНИСЕЯ

Работа выполнена в рамках государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014)

В статье рассматриваются наскальные изображения личин окуневской археологической культуры, выполненные краской в так называемом джойском стиле, обнаруженные в правобережье р. Абакан, на обоих берегах Енисея, а также далее на восток до р. Кундусук. В 1976 г. автором статьи обнаружен памятник с личинами джойского типа недалеко от устья р. Кантегир. В настоящее время на р. Енисей эти писаницы затоплены водами Саяно-Шушенского водохранилища.

Ключевые слова: Енисей, Хакасия, Красноярский край, крашенные рисунки на скалах, личины, окуневская культура

В 1973, 1976 и 1977 гг. мне довелось работать на притоках Енисея – реках Джой, Кантегир и Сосновка Джойская. В этих живописных местах на скалах в то время еще сохранялись нанесенные красным пигментом наскальные изображения. Один из этих памятников, так называемый Джойский навес на левом берегу Енисея, был известен уже в 1907 г., когда экспедиция В. М. Родевича составляла лоцию Енисея. Один из сотрудников экспедиции А. И. Булгаков опубликовал схематические зарисовки личин близ Джойского порога, «принятые им за тюркские рунические надписи, а также рунические рисунки» [Дэвлет, 1996, с. 59]. До того времени о подобных памятниках никаких сведений не было. Спустя более 50 лет, в 1964 г., геологами В. Ковалевым и Ю. Калигановым открыта так называемая Кундусукская писаница. Они тоже приняли ее за неизвестную письменность, «признав также возможным видом петроглифов» [Ключников, Заика, 2020, с. 1].

Также на левом берегу Енисея, примерно в 4 км выше Джойского навеса, но немного ниже устья р. Кантегир, Н. В. Леонтьев обнаружил скалу с росписями, ныне известными только по публикации [Леонтьев, 1985]. Я видел их воочию, поскольку работал в этой части Саянского каньона Енисея, исследуя древние стоянки. Я. А. Шер в своем фундаментальном труде «Петроглифы Средней и Центральной Азии» сделал досадную ошибку, отнеся некоторые фигуры Кантегира к памятнику Коровий лог и разместив их в разделе «Минусинская котловина» [Шер, 1980, рис. 64]. Это могло произойти от того, что Н. В. Леонтьев в публикации «Наскальные рисунки Коровьего лога» наряду с росписями этого памятника представил и кантегирские изображения, а подпись под иллюстрацией не была конкретизирована: «Рис. 4. Антропоморфные изображения тас-хазинского типа на Среднем Енисее» [Леонтьев, 1976, с. 133].

Росписи Кантегира, Джоя и – на правом берегу – Сосновки Джойской были нанесены на гладкие поверхности скал, укрытых навесами; на них не попадала дождевая вода, поэтому они хорошо сохранились. При раскопках стоянок Усть-Кантегир и Сосновка-Джойская, содержащих материалы неолита – эпохи бронзы, был обнаружен источник красителя [Семенов, 2018, с. 278–286]. Это гематит, распространенный минерал подкласса простых окислов, который образуется в местонахождениях различных генетических типов и разнообразных горных породах в виде буровато-красных скрыто-кристаллических масс Fe_2O_3 [Толково-энциклопедический словарь, 2006, с. 405].

О Джойском навесе Я. А. Шер писал, что со стороны он походит на «гриб», к нему нельзя пристать на лодке и можно исследовать, только спустившись вниз с высокого утеса [Шер, 1980, с. 133–145]. На деле пристать к навесу было возможным, так же как и рассмотреть рисунки, что мне и удалось сделать. Навес выглядел, как кавказский дольмен, представляя собой четырехгранный куб, перекрытый большой плитой, которая с восточной стороны служила выступающим более чем на метр козырьком. И на вертикальных плоскостях внутри навеса, и на нижней стороне козырька были нанесены рисунки, которые и вызывали у сторонних людей самые причудливые толкования. Всего здесь насчитывалось около 30 личин. В 1973 г. Джойский навес был вполне пригоден для изучения, но через три года, в 1976 г., поверх всех рисунков красовалась надпись «Водоём Шушенского промхоза». Она была начертана красной краской метровыми буквами*.

К сожалению, этот памятник не был скопирован должным образом и полностью. В книге М. А. Дэвлет «Петроглифы Енисея» приведены рисунки, которые заметил В. И. Булгаков [Дэвлет, 1996, с. 61, рис. 14], опубликована и более полная копия, сделанная А. Н. Липским [Дэвлет, 1996, с. 62, рис. 15]. Откуда М. А. Дэвлет получила эту копию, она не упоминает**, но я хорошо помню, что ни сам навес, ни передняя стенка этого памятника не имели такой изогнутой плоскости.

Кроме Джоя есть еще три памятника, на которых зафиксированы росписи, выполненные в джойском стиле: это Малые Арбаты, Усть-Туба и Кундусук. По мнению Н. В. Леонтьева и Д. Г. Савинова, появление джойских иконостасов в горно-таежной области Хакасии и юга Красноярского края произошло в результате выдавливания окуневских племен пришедшими с севера «андроновцами» [Леонтьев и др., 2006, с. 20, 21; Савинов,

* *Прим. редколлегии:* в 1977 г. памятники с росписями, о которых идет речь в статье Вл. А. Семенова, посетила и М. А. Дэвлет. В сборнике публикуются снятые ею фотографии, в том числе и вид полузатопленного Джойского навеса с этой надписью (см. статью Е. А. Миклашевич).

** *Прим. редколлегии:* зарисовка навеса с личинами имеется в отчете А. Н. Липского за 1962 г. [Липский А. Н. Наскальные рисунки, выполненные охрой, в Саянах на Енисее / Архив ИА РАН. Р. 1. № 2553, рис. 10].

2006, с. 167]. Л. Р. Кызласов полагал, что джойская традиция в окуневском искусстве – самая ранняя [Кызласов, 1986, с. 168, 169]. «Третьей судьей» в этом разногласии стал И. П. Лазаретов. В 2009 г. при исследовании могильника Уйбат-Чарков им обнаружен каменный блок с сохранившейся личиной джойского типа, использованный в качестве строительного материала и установленный в погребении изображением вниз [Лазаретов, 2011, с. 60], что является, по мнению автора раскопок, неопровержимым доказательством большой древности джойских изображений. Вторая идея И. П. Лазаретова – что личины джойского типа являются маркерами древних путей сообщения [Лазаретов, 2011, с. 62, 63] – находит подтверждение в том, что такие памятники обнаружены в низовьях р. Малые Арбаты (Малоарбатская писаница), правого притока р. Абакан, берущего начало на хребте Джебаш или Джойском, с которого стекает также р. Джой (Джойский навес) – левый приток Енисея. Нет сомнения, что обе реки использовались как пути сообщения в горных отрогах Западного Саяна. То же самое можно сказать о противоположной цепочке связей: р. Туба (памятник Усть-Туба) и р. Кундусук (Кундусукская писаница) – правые притоки Енисея.

В 1976 г., осматривая левый берег Енисея от устья р. Кантегир до устья р. Джой, примерно в 1,5 км от местонахождения кантегирских рисунков, которые нашел Н. В. Леонтьев, я наткнулся на осыпи среди скальных обломков на массивную глыбу с личиной джойского типа (**фото**). Она сильно заросла лишайником. Поблизости были и другие обломки, на которых тоже когда-то были сделаны теперь уже неотчетливые рисунки, также покрытые лишайником. Для меня осталось загадкой – был ли этот так называемый иконостас создан наверху, на краю высокой террасы, и обрушился вниз в результате катаклизма, или его первоначально создали внизу, у воды, как это было с Джойским навесом. Дальнейшее обследование берега не привело к новым открытиям. В последний раз я мог созерцать свою находку в 1977 г., потому что впоследствии Саянский каньон Енисея в этой части был уже затоплен.

P. S. В конце статьи хотелось бы поделиться некоторыми воспоминаниями о Марианне Арташировне Дэвлет, с которой довелось много лет

Вл. А. Семенов и найденные им личины джойского типа в устье р. Кантегир, фото 1976 г.

работать «бок о бок» на берегах Енисея. В 1973 г. мне посчастливилось познакомиться с ней на базе Саяно-Тувинской экспедиции. Она тогда вернулась из Тоджи, где исследовала памятники на р. Тоора-Хем и оз. Азас. В Кызыле в тот год она изучала петроглифы в урочище Малый Баян-Кол недалеко от города и у пос. Старый Шевелиг. На следующий год я исследовал стоянку Хадынных в Саянском каньоне, а Марианна Арташировна базировалась на правом берегу Енисея, где обнаружила серию рогатых личин. Их она сопоставила с рисунками, найденными А. А. Формозовым в урочище, которое тот назвал Мугур-Сарыг-Хол, но правильное его название – Мугур-Саргол; так он и вошел в мировую литературу благодаря стараниям М. А. Дэвлет как самый уникальный комплекс эпохи бронзы в Центральной Азии. В тот год с ней работали две художницы – Н. В. Панова и М. Н. Спилюти. Этот сезон на Верхнем Енисее был недолгим, зато

на следующий, 1975 г., М. А. Дэвлет развернула свои работы на Мугур-Сарголе. У нее было уже значительное число работников, была и своя лодка с мотористом, которую она мне любезно предоставляла по мере необходимости. В 1976 и 1977 гг. я работал в зоне затопления в пределах Красноярского края и с Марианной Арташировной встречался либо в Москве, либо в Ленинграде. Многие годы я останавливался у нее, и мы вели содержательные и продолжительные беседы. Иногда мы предоставляли эту «услугу» и у себя в Ленинграде, где она подружилась с нашими родителями. Большую помощь М. А. Дэвлет оказала мне при подготовке кандидатской диссертации, в полной мере предоставив материалы, полученные ею на стоянках Азас и на берегу Тоора-Хема в Тодже. С 1978 г. я начал раскопки стоянки Тоора-Даш, всего в 7 км ниже р. Чинге и Мугур-Саргола, где стоял полевой лагерь М. А. Дэвлет, и она проводила широко-масштабные исследования на нескольких памятниках. Мы по-прежнему часто встречались и помогали друг другу, так как теперь лодка была у меня, и лодочник-моторист обслуживал оба отряда. Опять было много разговоров, она всегда с большим удовольствием показывала свои новые открытия, многое объясняла, а главное – научила ценить древнее наскальное искусство. Впоследствии наши отношения оставались всегда сердечными.

Библиография

- Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII – начало XX в.). М.: Институт археологии РАН, 1996. 249 с.
- Ключников Т. А., Заика А. Л.* Кундусукская писаница. Красноярск, 2020. 12 с.
- Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1986. 294 с.
- Лазаретов И. П.* Окуневские личины джойского типа – маркеры древних путей // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 59–64. (Труды САИПИ; вып. VIII).
- Леонтьев Н. В.* Наскальные рисунки Коровьего лога // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1976. № 11. Вып. 3. С. 128–136.

Леонтьев Н. В. Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения 1984 года. Новосибирск, 1985. С. 168–179.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. 236 с.

Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 157–190.

Семенов Вл. А. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2018. 340 с.

Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2006. 2141 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

VI. A. Semenov

*Institute for the History of Material Culture RAS,
Saint Petersburg, Russia*

THE ROCK PAINTINGS OF THE SAYAN CANYON OF THE YENISEI

This paper examines the images of face-masks of the Okunev archaeological culture, painted in the so-called Dzhoy style, discovered on the both banks of the Yenisei in the Sayan Canyon, as well as further east on the Kundusuk River. In 1976, the author discovered a site with Dzhoy-type face-masks near the mouth of the Kantegir River. These rock art sites on the Yenisei are currently flooded by the waters of the Sayano-Shushenskoye reservoir.

Keywords: *Yenisei, Khakasia, Krasnoyarsk Krai, rock art, paintings, face-masks, Okunev culture*

М. А. Дэвлет, Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская и Е. Г. Дэвлет.
Кемерово, Международная конференция по первобытному искусству. 1998 г.
Фото: Е. А. Миклашевич.

О. С. Советова, О. О. Шишкина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.269-282>

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ РИСУНКОВ НА КАМНЯХ ТАГАРСКИХ КУРГАНОВ (на примере Тепсейского археологического микрорайона)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974 <https://rscf.ru/project/23-28-00974/>

В статье рассматриваются основные проблемы документирования одной из разновидностей объектов наскального искусства – рисунков на конструкциях оград тагарских курганов – на примере материалов, полученных в результате многолетнего полевого опыта изучения рисунков на камнях могильника под горой Тепсей (Красноуральский район Красноярского края). М. А. Дэвлет уделяла большое внимание методу работы с наскальными изображениями, основываясь на личном опыте, полученном в ходе работ на памятниках наскального искусства Верхнего Енисея, попадавших в зону затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Выделяются проблемы документирования рисунков, подверженных антропогенному, природному и техногенному факторам деструкции. На конкретных примерах рассматриваются вопросы копирования петроглифов контактными и бесконтактными методами в соответствии с особенностями техники их исполнения: наряду с бесконтактной цифровой фотосъемкой оказывается вполне перспективным использование контактных методов копирования на различные сорта бумаги и прозрачные материалы, эстампирования рисунков. Наибольшие трудности при документировании вызывают изображения тесинской эпохи, выполненные едва заметной поверхностной выбивкой с последующим шлифованием. Затрагивается проблема изучения палимпсестов, расшифровка которых позволяет точнее датировать и интерпретировать отдельные изображения и одновременные композиции.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, тагарские курганы, Тепсей, Минусинская котловина, документирование

В своей научной деятельности Марианна Арташировна Дэвлет много внимания уделяла вопросам методики работы с наскальными рисунками. Ее многолетний труд был посвящен памятникам Верхнего Енисея, именно там путем проб и ошибок разрабатывались методические принципы

исследования памятников наскального искусства. Перед исследовательницей и ее отрядом стояла очень важная задача сохранения для потомков копий рисунков уникальных местонахождений, которые должно было поглотить искусственное море в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Для выполнения этой высокой миссии все средства были хороши, поэтому отряд был в постоянных поисках и совершенствовании методов документирования петроглифов. В ряде публикаций М. А. Дэвлет описаны разработанные отрядом методические принципы документирования наскальных рисунков, причем исследовательница вполне философски относилась к тому, что многие из них устаревали или не проходили испытаний. При этом поражает тщательность, с какой проводились поиски наиболее подходящих приемов.

Уже в одной из первых статей на эту тему Марианной Арташировой была приведена «унифицированная программа полевых исследований», аккумулировавшая достижения советской и отчасти зарубежной практики [Дэвлет, 1990]. В этой статье с большим знанием дела подробно описана последовательность проведения работ на памятниках наскального искусства, начиная с разведок. Программа включала в себя также проведение топографической съемки, копирование изображений, выполненных разными техническими приемами, на разнообразные материалы, фотографирование, описание и многое другое. Также попутно освещались многие спорные и сложные вопросы, такие как изучение палимпсестов, анализ орудий, оставивших следы на каменной поверхности, и т. д., т. е. все то, что в настоящее время прочно вошло в арсенал работы специалистов по наскальному искусству.

В ряде статей М. А. Дэвлет подробнейшим образом описаны контактные методы копирования рисунков, когда использовались различные сорта бумаги и прозрачные материалы – от белой, относительно плотной бумаги, промасленной кальки, целлофана и полиэтилена до бумаги рисовой и микалентной, а также использование гипса и пластиков, которые можно было тонировать для получения копий, максимально приближенных к реальности. Марианна Арташировна в своих описаниях стремилась не упустить ни одной мелочи, которая могла бы оказаться полезной для будущих исследователей: не забывались даже такие, казалось бы, несущественные детали, как закрепление бумаги на плоскости при помощи медицинского лейкопластыря или пластилина. Перечислялись все виды краски и вспомогательных средств, использовавшихся для проведения «натирки» изображений, а также особое внимание уделялось описаниям, сопровождающим все виды работ, причем опять же поражает их полнота, включающая характеристику особенностей плоскостей с рисунками, технику их выполнения и многое другое. Обращает на себя внимание и тот факт, что уже в поле контролировались выполненные копии, вплоть до проведения своеобразных «консилиумов» [Дэвлет, 2017, с. 5]. Отдельно охарактеризованы особенности фото- и видеосъемки. В таких подробных описаниях мельчайших деталей документирования памятника заключается глубинная суть исследовательницы – выполнение работы может быть проведено только с максимальной скрупулезностью; передаваемый опыт должен быть описан с исключительной полнотой.

Хочется отметить, что в одной из статей М. А. Дэвлет обратилась к такому понятию, как «археологический микрорайон», которым мы также оперируем применительно к Тепсейскому микрорайону, где проводятся наши многолетние исследования. Марианна Арташировна отмечала, что в отношении памятников наскального искусства понятие «микрорайон» специально не разрабатывалось. «Среди прочих, – писала она, – в настоящее время встречается понимание археологического микрорайона как определенной территории, в рамках которой по единой исследовательской программе ведется целенаправленное изучение местонахождений наскального искусства разных эпох. Представляется, что подобное понима-

ние применимо к нашему случаю, когда памятники, расположенные на определенной изолированной территории, являющейся экологической микрорайоном, изучались в силу обстоятельств – предстоящее затопление ложа водохранилища – максимально полно» [Дэвлет, 2011, с. 28]. Эти слова относились к памятникам, попадавшим в зону затопления Саяно-Шушенской ГЭС, но они актуальны и в нашем случае, а также и для многих других исследователей, занимающихся изучением памятников наскального искусства.

* * *

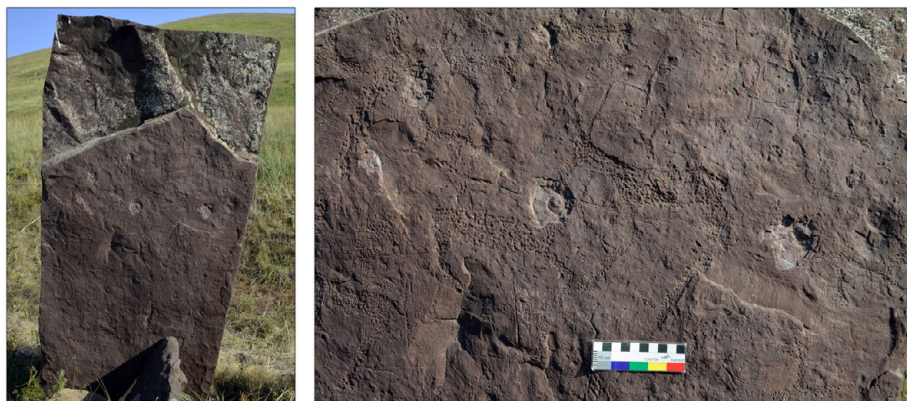
На протяжении более десяти лет Тепсейский отряд кафедры археологии Кемеровского государственного университета проводит сплошное документирование памятников наскального искусства Тепсейского археологического микрорайона на правом берегу Енисея (Красноярский район Красноярского края). Уже опубликованы результаты исследований юго-западного и северо-восточного склонов горы [Советова и др., 2021]. В сферу научных интересов Тепсейского отряда входит также исследование рисунков на камнях погребальных конструкций, расположенных на надпойменной террасе у подножия горы Тепсей. Этот могильник довольно полно раскопан Красноярской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии СССР под руководством М. П. Грязнова в 1960–1970-е годы [Грязнов и др., 1979]. Следует отметить, что курганы не только локализованы на этом участке, но рассеяны на протяжении нескольких километров до Малинового лога, где также сосредоточен могильник, на камнях курганных конструкций которого имеются рисунки.

К настоящему времени исследователи все чаще обращаются к анализу рисунков на могильниках, расположенных рядом с местонахождениями наскальных изображений (см., например: [Миклашевич, Бове, 2015; Мухарева, Рогова, 2019, 2020; Мухарева, 2021]), что не только значительно расширяет картину разнообразия репертуара наскального искусства, но и существенно дополняет наши знания о духовной жизни местного населения на протяжении сотен лет.

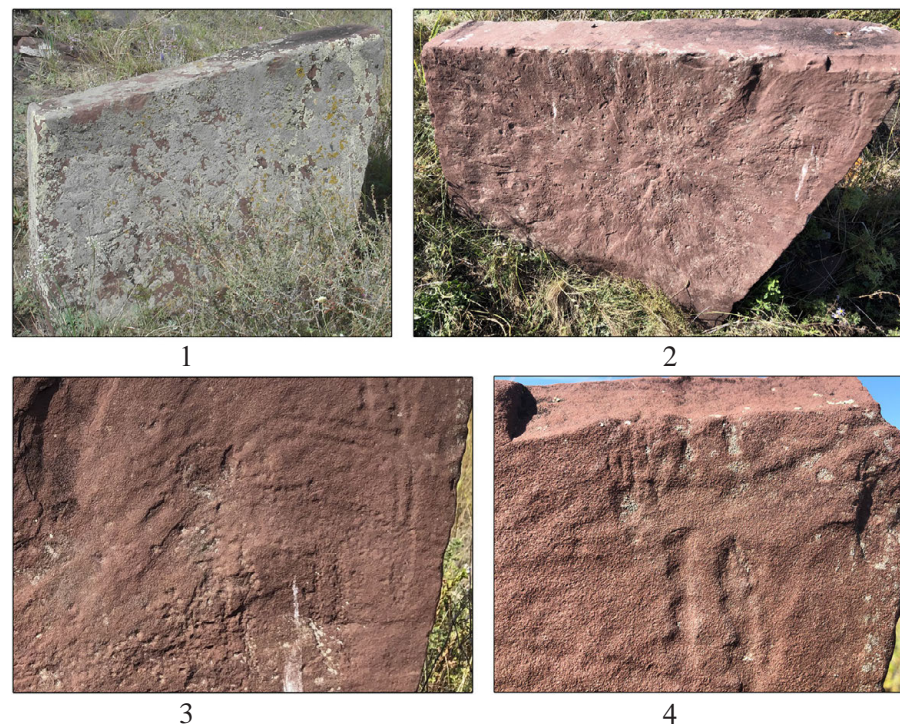
За десятилетний период изучения рисунков на камнях тагарских курганов под горой Тепсей выявлены многочисленные изображения разных

хронологических периодов [Советова, Шишкина, 2014]. Однако с каждым годом, во многом благодаря применению различных способов документирования, удается открывать новые рисунки и уточнять детали уже известных композиций. Расширяются и масштабы исследований: за последние годы, в частности, А. Н. Мухаревой проведены разведки и документирование рисунков на камнях могильника в Малиновом логу, археологические разведки Н. Н. Моор в 2020–2022 гг. позволили выявить ранее неизвестные курганы, расположенные в 1 км от основного могильника под горой Тепсей, на которых также имеются рисунки. Таким образом, многолетние полевые работы, проведенные в разные сезоны (весенний, летний, осенний), с применением разнообразных техник документирования петроглифов позволяют выделить ряд ключевых проблем, с которыми сталкивается специалист при выявлении изображений на камнях тагарских курганов.

Проблема сохранности граней с рисунками на курганных камнях в известной степени перекликается с такими же проблемами, затрагивающими другие разновидности наскального искусства, и напрямую связана с выбором стратегии документирования изображений. Основными факторами, затрудняющими работу с такого рода источниками, являются антропогенный, природный и техногенный, поскольку мы имеем дело с

Рис. 1. Малиновое лого. Повреждение пулями плоскости с рисунками.

Рис. 2. Могильник Тепсей VII (по М. П. Грязнову). Камень, покрытый лишайником. 1 – до расчистки; 2 – после расчистки; 3, 4 – увеличенные фрагменты грани, прошлифованные фигурки козла и птицы.

памятниками открытого типа. Большой урон рисункам наносит сам человек. Нами зафиксированы случаи, когда камни становились мишенями для стрельбищ охотников и туристов, что привело к разрушению ряда изображений (Малиновое лого) (**рис. 1**). Многие курганы распаханы либо разбиты дорогами, отчего камни, в том числе с рисунками, сдвинуты или перемещены с первоначальных мест (могильник в Широком логу), попадают на садовые участки без оформления обременения (дачный кооператив в Малиновом логу) и др. Любительские посещения этих объектов

Рис. 3. Могильник Тепсей XVI. Случай раскалывания плиты.

нередко заканчиваются своеобразными «художествами» – прочерчиванием острыми предметами поверхностей камней, повреждением их разбитым стеклом и др.

Имеют место также природные и техногенные факторы. Уже много написано о том, что после появления Красноярского моря началось активное обрастание поверхностей камней колониями лишайников, скрывающих и разрушающих изображения на камнях и соответственно вызывающих проблемы при их выявлении. Порой поверхности камней настолько «съедены» лишайником, что определить, какие именно фигуры были изображены, уже практически невозможно (рис. 2). Безусловно, как и

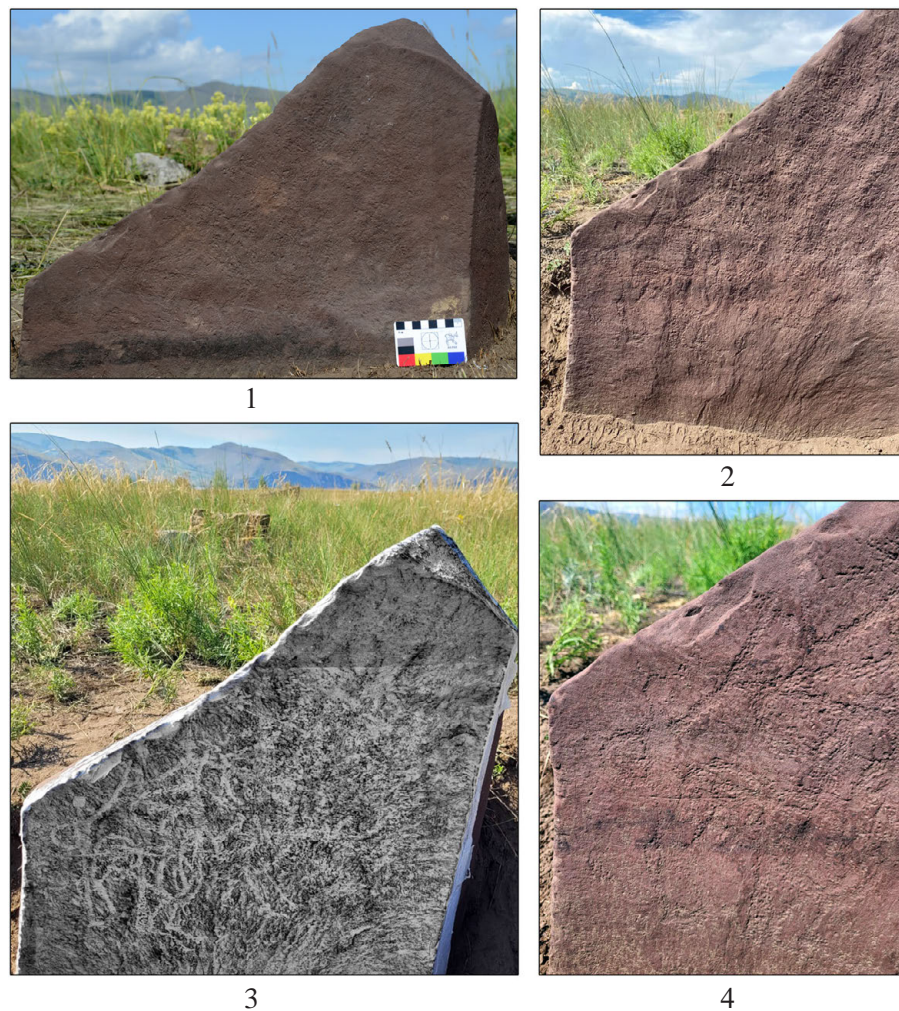

Рис. 4. Могильник Тепсей V. 1 – камень до расчистки; 2 – камень после расчистки; 3 – микалентная копия; 4 – фрагмент выявленного изображения «великана».

скальные поверхности, камни подвержены внешнему воздействию (осадки, ветер и т.д.), что приводит к их постепенному разрушению – растрескиванию, отслоению корки, выветриванию изображений и пр. Имеются случаи раскалывания плит (**рис. 3**). Кроме того, камни с течением времени задерновываются и рисунки частично «уходят под землю», для их выявления необходимо произвести подкапывание. Практика расчистки камней от земли остается обычной в арсенале исследователей. В общей сложности почти 20% камней были подкопаны для обнажения невидимых элементов композиций (**рис. 4**). Часть курганов когда-то располагалась и непосредственно у воды, в настоящее время на затопляемых участках, поэтому при низком уровне воды в водохранилище из-

1

2

Рис. 5. Камни с остатками выбивки, обнажающиеся при низком уровне воды в водохранилище.

Рис. 6. Обрушение береговой линии.

редка удается зафиксировать такие конструкции, или отдельные плиты, на которых иногда встречаются следы выбивки (**рис. 5**). После завершения раскопок Красноярской экспедицией рекультивация не проводилась, поскольку предполагалось, что в скором времени эта территория будет затоплена. В настоящее время на местах раскопок не всегда прослеживаются конструкции оград, поскольку многие плиты упали, другие оказались задернованными, часть из них разрушена из-за переработки береговой линии водами водохранилища (**рис. 6**). Наибольшему разрушению из сохранившихся к настоящему времени пунктов раскопок подвергается пункт Тепсей VII, часть которого находится на краю надпойменной террасы. Берег постоянно подвергается обрушению, увлекая за собой деревья, тонны земли, а также еще сохранившиеся на самом краю надпойменной террасы курганные камни. По этой причине сейчас невозможно назвать даже приблизительное количество имевшихся здесь курганов, как и рисунков на их плитах.

В целом, сравнивая современное состояние прибрежной зоны с архивными фотографиями 1970-х годов, приходится констатировать, что, очевидно, определенная часть плит с рисунками навсегда утрачена. Документирование рисунков на камнях курганов осложняется и тем, что многие из раскопанных Красноярской экспедицией сейчас трудно идентифицировать в соответствии с индексацией М. П. Грязнова, а также обилием травы и кустарников в летнее время (**рис. 7**).

Пожалуй, лучше всего сохранилась конструкция ограды тесинского кургана-склепа Тепсей XVI. В настоящее время место раскопок заросло травой и плотным кустарником, в образовавшейся западине выросли березы, многие плиты накренились, некоторые упали. Осмотр поэтому предпочтительней проводить весной, а лучше в зимнее время, поскольку в летний сезон многие плиты из сохранившейся ограды закрыты кустарником и травой. В целом и сегодня конструкция ограды кургана прослеживается неплохо. Разумеется, некоторые, особенно большие плиты северо-западной, северо-восточной и юго-восточной стен накренились, но тем не менее достаточно крепко удерживаются в конструкции. Иная картина в юго-западной части, где находился вход в ограду склепа: здесь первоначальная конструкция практически полностью нарушена, многие плиты упали, какие-то были задернованы. Помимо сохранившихся стенок кургана, видны многочисленные горизонтально лежащие или накренившиеся плиты. Рядом с оградой сосредоточено большое количество плитняка. Многие плитки с изображениями скрыты под каменными насыпями, задернованы, перевернуты. Неожиданные последствия для выявления невидимых из-за высокой травы и кустарников остатков курганных конструкций и отдельных граней камней имел пожар 2022 г., когда открылся весь могильник, что позволило детально проверить состояние камней с рисунками и получить общую картину расположения курганных камней (**рис. 8**). В результате выявлено несколько неучтенных камней с рисунками, при помощи дрона была снята конструкция тесинского кургана-склепа Тепсей XVI в его современном состоянии (**рис. 8, 4**).

Одна из основных проблем выявления рисунков связана с особенностями *техники их исполнения*. Под горой Тепсей встречаются изображе-

ния, выполненные различными техническими приемами: крупной глубокой выбивкой, мелкоточечным глубоким либо поверхностным пикетажем, пикетажем с элементами шлифовки, шлифовкой, техникой гравирования тонкими или резными линиями. Для разных техник применяются различные способы документирования – помимо тщательной цифровой фотосъемки каждой грани, используются и различные способы контактного копирования. Для глубоко выбитых и хорошо проработанных изображений применяется апробированное многолетними исследованиями копирование на микалентную бумагу и прозрачные материалы.

Труднее обстоят дела при фиксации рисунков, выполненных мелкой поверхностной выбивкой, шлифованных, а также представленных в смешанной технике. Например, так выполнена серия рисунков на нескольких курганных камнях и отдельно лежащей плите, вероятно, оказавшейся на поверхности земли во время раскопок в пункте Тепсей VII (по М. П. Грязнову) (**рис. 9**). После ее расчистки от лишайника на поверхности плиты проявились выполненные очень слабой поверхностной выбивкой и затем частично шлифованные антропоморфные фигуры с «султанами» на головах в сочетании с другими плохо выявляемыми изображениями. Попытки копирования на различные сорта бумаги не давали четкой картины расположения и особенностей фигур. Контактное копирование на микалентную бумагу тоже не дало ожидаемых результатов. Несколько лучше удалось зафиксировать отдельные фигуры при копировании на прозрачную флористическую пленку (**рис. 9, 2**). Для документирования этой плиты применялись и различные способы фотофиксации, включая ночную фотосъемку и фотограмметрию с последующим созданием 3D-модели, которая принесла некоторые положительные результаты – удалось выявить ранее не фиксируемые фигуры.

Неожиданный результат дало эстампирование этой плиты, что позволило максимально точно увидеть нанесенные мелким пикетажем фигуры. Аналогичная техника была использована и при создании фигур сражающихся воинов, зафиксированных на одном из камней тагарского кургана в пункте Тепсей V, расположенного примерно в 1 км от основного скопления курганов у подножия горы (**рис. 4**). На этом камне зафиксирован

1

2

3

4

Рис. 7. Современное состояние могильника под горой Тепсей.

1

2

3

4

Рис. 8. Вид могильного поля после пожара 2022 г. 1, 2 – могильник Тепсей VIII; 3, 4 – тесинский курган-склеп Тепсей XVI (фото с дрона).

сложный палимпсест: первоначально в центральной части камня были выбиты фигуры оленя и, вероятно, других копытных (от которых сохранились лишь отдельные фрагменты), а поверх них в верхней левой части камня нанесены фигуры сражающихся «великанов». Эти персонажи размерами напоминают фигуры, зафиксированные в Волчьем логоу и на местонахождении наскального искусства Тепсей V [Советова, 2005, рис. 28; Советова и др., 2021, кат. 477–481]. У левой фигуры правая рука расположена на поясе, а в левой – чекан, которым он замахивается на противника. Некрупными выбоинками у этого персонажа обозначены на голове рожки*. У противника рука согнута в локте и приподнята, в ней, вероятно, он держит булаву. Фигуры животных, выполненные в скифском стиле, с завитками и другими элементами, стали более-менее отчетливо видны только после того, как камень подкопали и очистили от земли.

Большой интерес представляют рисунки с одного из камней ограды четырехкаменного тагарского кургана (Тепсей VIII, по М. П. Грязнову). (рис. 10) Камень интересен своей формой, напоминающей гриб с наклонно расположенной «шляпкой». При детальном исследовании удалось выявить рисунки и следы выбивки на всех его пяти гранях, включая верхнюю. Все рисунки выполнены мелкой поверхностной выбивкой, некоторые детали проработаны гравированными линиями, часть фигур животных прошлифована. Рисунки на отдельных гранях различимы по-разному: лучше всего видны фигуры на северной грани камня (рис. 10, 3), их прорисовка опубликована Е. А. Миклашевич [2013, рис. 2, 2]. В верхней части сцены запечатлен перевернутый антропоморфный персонаж, другой по-казан с каким-то предметом в поднятой руке и в своеобразной позе. В центральной части – всадник с гравированным луком, и в нижней части грани изображены две фигурки безрогих косуль, пронзенных стрелами.

* Любопытно, что рожки обозначены и на голове у всадника, нанесенного на грань соседнего камня, но выполненного совсем в другой технике и другой изобразительной манере, а также у антропоморфных персонажей с камня могильника Тепсей VII, который был расчищен от лишайника. После тщательной расчистки плиты проявились антропоморфные персонажи, выполненные очень редкими поверхностными ударами.

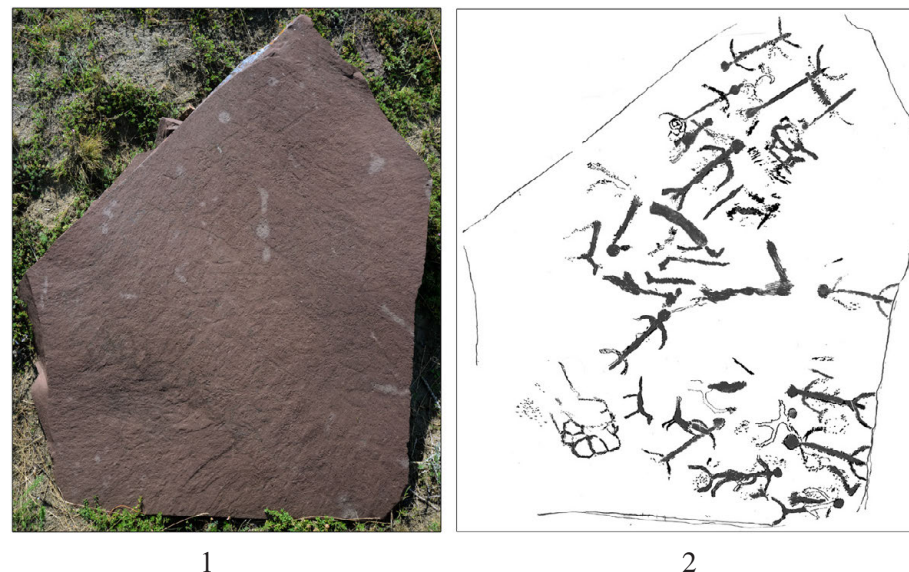

Рис. 9. Могильник Тепсей VII. Плита с тесинскими рисунками. 1 – фото; 2 – копия на флористическую пленку.

лами. На восточной фронтальной грани камня нанесена многофигурная композиция, выполненная неглубокой мелкой выбивкой, но вполне различимой при определенном освещении. В центральной части композиции изображена фигура оленухи, под животом у которой находится детеныш, в левой части – всадник на коне с маленьким гравированным луком и гравированными «перьями» (?) на головном уборе. Данную грань удалось документировать и выявить детали при лабораторной обработке цифровых фотографий (с применением ночной фотосъемки), по причине того, что фигуры правой части композиции выполнены очень поверхностной выбивкой, а в верхней части скрыты под своеобразным козырьком [Советова и др., 2021, рис. 90] (рис. 10, 2). Верхняя грань камня вообще казалась бесперспективной для выявления рисунков, поскольку, видимо, не была предварительно обработана и имеет шероховатую поверхность (рис. 10, 1). Кроме того, она была полностью скрыта лишайником. После

1

2

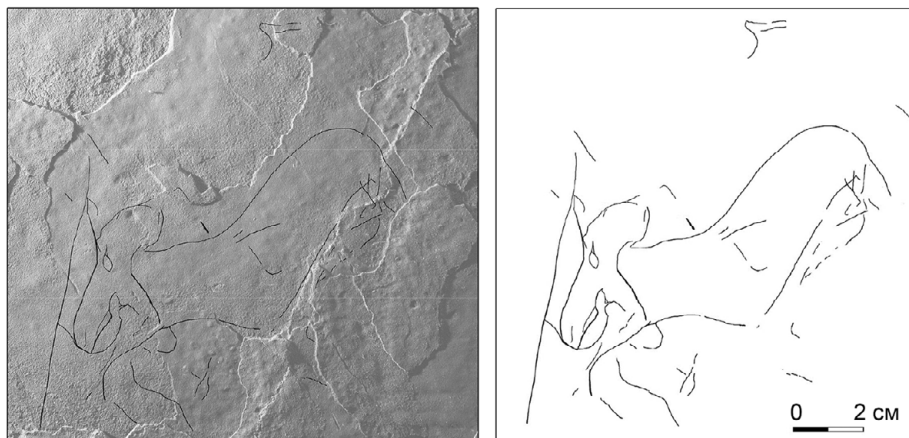
3

Рис. 10. Могильник Тепсей VIII. 1 – изображения на верхней грани; 2 – 3D-модель камня (выполнена Е. В. Романенко, Лаборатория RSSDA); 3 – изображения на северной грани.

расчистки стало понятно, что на ней тоже имеются какие-то фигуры, которые не без труда просматриваются на фотографии, а также на микалентной копии, что позволило получить представление о наборе персонажей. Рисунки этих композиций отнесены нами по ряду признаков к тесинской изобразительной традиции.

Среди выбитых рисунков на этой плоскости зафиксированы две фигуры – птицы и копытного, выполненные шлифовкой. В подобной технике выполнены фигуры козла и схематичной птицы на упомянутом камне в пункте Тепсей VII (рис. 2, 3, 4). Это одна из самых сложных для выявления техник нанесения рисунков, о чем уже неоднократно писали исследователи [Миклашевич, Бове, 2015, с. 60; Мухарева, Рогова, 2019, с. 47]. По нашим наблюдениям, такие рисунки на камнях курганов чаще всего расположены в угловых частях камней. Представляется, что необходим особо тщательный осмотр плит с рисунками на предмет выявления шлифованных фигур.

Помимо выбитых изображений на курганных камнях нередко встречаются едва заметные гравированные линии, которые при первоначальном осмотре чаще всего не складываются в какие-либо фигуративные изображения. Но некоторые из таких поверхностных линий нам удалось «расшифровать». Удачным оказалось применение искусственного света при их контактном копировании на прозрачные материалы. Так, в результате подобной работы на одном из камней со сценой погони хищника за копытными животными, с помощью искусственного света было обнаружено плохо сохранившееся изображение парящей птицы. А последующая лабораторная обработка фотографии этой грани позволила выявить еще одну фигуру копытного животного, не замеченную при контактном копировании [Советова и др., 2021, рис. 106]. При лабораторной обработке цифровых фотографий помимо хорошо различимой фигуры птицы на одной из плит тесинского склепа Тепсей XVI удалось прорисовать фигуру другого животного (коня?) (рис. 11). Тем не менее работа с гравированными рисунками остается наиболее сложной, требует дополнительных усилий и поиска оптимальных способов их документирования. Особенно сложными для прорисовки оказываются линии, нанесенные на лежащие

Рис. 11. Могильник Тепсей XVI, северо-западная стена. Гравированное изображение коня у коновязи (?). Прорисовка: И. В. Аболонкова.

плиты, поскольку они наиболее привлекательны для посетителей. Нередко камни полностью испещрены линиями, что затрудняет выявление древних гравировок.

Анализ и расшифровка палимпсестов – отдельная проблема, решение которой позволяет пролить свет на датировку многих наскальных изображений в целом. В первом приближении понятно лишь то, что верхняя фигура моложе нижней. Палимпсесты – нередкое явление на камнях тагарских курганов, поскольку они были доступны уже после сооружения курганов, и рисунки могли создаваться либо дополнять имеющиеся композиции в последующие периоды. Нередко первоначальные изображения настолько сильно «забиты» последующими художниками, что весьма затруднительно различить вообще какие-либо фигуры. Такой сложный палимпсест зафиксирован на плите из конструкции тесинского кургана-склепа Тепсей XVI, на которой выявлены изображения коней в «оглахтинской» манере (рис. 12). Фотография не позволила выявить некоторые фигуры, которые проявились только при эстампировании плоскости. Неопределенная выбивка «забила» переднюю часть коня, на кото-

Рис. 12. Могильник Тепсей XVI, юго-западная стена. Плита с изображениями коней в «оглахтинской» манере. 1 – 3D-модель плиты (выполнена Е. В. Романенко, Лаборатория RSSDA); 2 – фрагмент с палимпсестами, фото; 3 – фрагмент с палимпсестами, эстампаж.

ром восседает всадник, из-за чего это изображение невозможно было выявить.

Здесь было бы уместно сказать несколько слов о такой технике копирования изображений, как эстампирование. Оно вполне удачно зарекомендовало себя при работе с рисунками на камнях тагарских курганов, давая возможность получить довольно точное воспроизведение фигур. Во всяком случае, эстампаж позволил выявить всадника, о котором говорилось выше. Также интересен пример с одним из камней могильника Тепсей VIII, изображения на котором мы назвали «тесинской путаницей». Воспроизведенные на эстампаже фигуры дали нам ключ к пониманию того, что же здесь изображено. Наряду с довольно хорошо видимой фигурой человека проявилась другая антропоморфная фигура, запечатленная в позе лотоса (такие фигуры встречаются среди петроглифов тесинского времени), а рядом с ней, возможно, изображена змея (рис. 13). Так появилась возможность немного распутать эту «путаницу» и получить перспективу для новой трактовки сцены.

Таким образом, выявление и документирование рисунков на камнях тагарских курганов остаются сложной и кропотливой работой. Только тщательный осмотр каждой грани, сочетание различных способов контактного копирования и фотодокументирование позволяют наиболее точно зафиксировать рисунки на камнях. К настоящему времени нами выявлено более 60 камней с изображениями под горой Тепсей, относящихся к разным хронологическим периодам (тагарскому, тесинскому, таштыкскому, средневековью и новому времени).

На примере документирования рисунков на курганных камнях в очередной раз подтвердилась идея о необходимости сочетания традиционных контактных методов копирования рисунков с инновационными цифровыми способами их документирования. Неожиданно перспективным оказался метод эстампирования, в то время как не для всех граней с изображениями метод создания 3D-моделей нам показался оптимальным. До сих пор не определен алгоритм создания графических прорисовок рисунков на курганных камнях с большим количеством «посторонних» выбоин и линий, нанесенных позднее сооружения кургана и «забиваю-

1

2

Рис. 13. Могильник Тепсей VIII. Сцена с «путаницей». 1 – фото; 2 – эстампаж.

щих» основные изображения. Ну и известная исследователям проблема, когда после расчистки плиты довольно быстро вновь покрываются лишайниками. Вслед за Марианной Арташировой Дэвлет хочется отметить, что «методика полевых работ с таким сложным материалом, как наскальные изображения, не может быть разработана на все случаи жизни и быть одинаково применима к любым памятникам» [Дэвлет, 1990, с. 89].

Возможно, нами затронуты далеко не все проблемы, связанные с изображениями на камнях тагарских курганов как отдельной разновидности объектов наскального искусства. Решение множества вопросов не входит в нашу компетенцию, например, таких, как проблема их сохранения – это обязанность органов охраны памятников. Вместе с тем мы выявляем и передаем в соответствующие структуры случаи нарушения законов в отношении этих памятников археологии (такие, например, как установка

столбов для линий электропередач для местного дачного кооператива непосредственно в курганах, и др.). Вопрос дальнейшей судьбы этих камней также остается открытым. Среди композиций есть много выразительных, достойных музейного экспонирования. Но мы понимаем, что решение этого вопроса упирается в финансирование, и даже несмотря на то, что существует специализированный музей плит в с. Полтаково Аскизского р-на Республики Хакасия, он, к сожалению, переживает не лучшие времена, и не факт, что есть возможность перемещения туда с Тепсея хотя бы отдельных плит с наиболее выразительными композициями. Остается актуальной скорейшая публикация полного свода выявленных рисунков. И в данном случае следует равняться на М. А. Дэвлет – одну из немногих исследователей наскального искусства, своевременно монографически публиковавших полученные ею материалы, вводя их в научный оборот. Это, бесспорно, делает ей честь и показывает пример всем нам, занимающимся этим нелегким делом.

Библиография

- Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С.* Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
- Дэвлет М. А.* Вопросы хроностратиграфии петроглифов Саянского каньона Енисея (по материалам изображений личин-масок) // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы). Т. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 27–30. (Труды САИПИ; вып. VIII).
- Дэвлет М. А.* О методике полевого изучения наскальных изображений // Краткие сообщения Института археологии. М., Наука. 1990. Вып. 202. С. 83–89.
- Дэвлет М. А.* Из опыта копирования наскальных изображений (по материалам работы отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1). М., Кемерово: Кузбассвузиздат, 2017. С. 3–9. (Труды САИПИ; вып. XI).
- Миклашевич Е. А.* Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 255–259.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Исследование изображений на курганных плитах могильников под горой Бычиха (Минусинская котловина) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 1. № 3. С. 52–64.

Мухарева А. Н. Петроглифы на курганных плитах могильника под горой Большой Сибигур на Енисее // Творец культуры. Материальное и духовное пространство человека в свете археологии, истории, этнографии. Сб. научных статей, посв. 80-летию Д. Г. Савинова. СПб., 2021. С. 564–571. (Труды Института истории материальной культуры РАН; т. LVII).

Мухарева А. Н., Рогова И. Г. Петроглифы на курганных камнях могильников в окрестностях села Тесь Минусинского района Красноярского края (некоторые результаты полевых исследований 2018 года) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. Вып. 10. С. 43–52.

Мухарева А. Н., Рогова И. Г. Петроглифы на курганных камнях Новоселовского района Красноярского края (новые материалы и проблемы документирования) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. III. Самара: Самарский гос. социально-педагог. ун-т, 2020. С. 97–98.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Советова О. С., Шишкина О. О. Изображения на плитах оград тагарских курганов (Тепсейский археологический комплекс) // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 93–98.

Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina

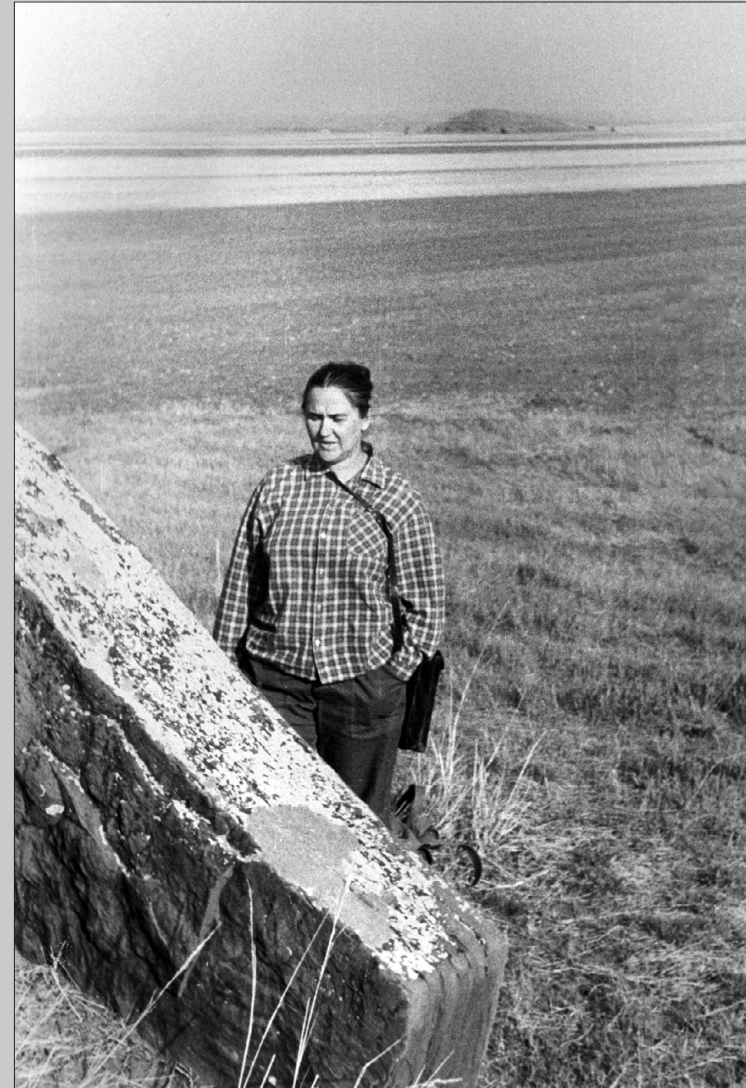
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**PROBLEMS OF DOCUMENTING IMAGES ON THE STONES
OF THE TAGAR CULTURE KURGANS**

(by the example of the Tepsey Archaeological Microdistrict)

The article deals with the main problems of documenting one of the varieties of rock art objects. These are images on the structures of the stones of the Tagar culture kurgans. The images are analyzed on the example of materials that were obtained as a result of many years of field experience studying the images on the stones of the kurgans at the foot of Mount Tepsey (Krasnoturansk district of the Krasnoyarsk Territory). M. A. Devlet in her research paid great attention to the methods of working with rock art. She based on personal experience gained in the course of work on the rock art sites of the Upper Yenisei, which fell into the flood zone of the Sayano-Shushenskaya hydroelectric power station. The authors indicate the problems of documenting rock art (anthropogenic, natural and technogenic factors of destruction). The issues of copying petroglyphs by contact and non-contact methods are considered in accordance with the peculiarities of the technique of their execution on specific examples. Today, it turns out to be promising to use contact methods of copying on various types of paper and transparent materials, stamping drawings along with contactless digital photography. The greatest difficulties in documenting are caused by images of the Tes' stage, made by barely noticeable surface pecking and grinding. The problem of studying palimpsests is touched upon. Their interpretation makes it possible to more accurately date and interpret individual images and compositions of different periods.

Keywords: rock art, petroglyphs, Tagar culture kurgans, Tepsey, Minusinsk Basin, documentation

На Салбыкском кургане. Хакасия, 1977/1978 г.
[архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л.196]

К. В. Чугунов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, ЧЕГО НЕТ (по следам бесед с М. А. Дэвлет)

В статье на фоне воспоминаний о М. А. Дэвлет рассматривается вопрос отсутствия в тувинской «долине царей» крупных местонахождений петроглифов. Высказывается предположение, что роль святыни, с которыми ассоциируются древние наскальные галереи, на этой территории выполняли «царские» погребально-поминальные комплексы.

Ключевые слова: М. А. Дэвлет, местонахождения петроглифов, тувинская «долина царей», святыни, погребально-поминальные комплексы

Мне довелось впервые увидеть Марианну Арташировну Дэвлет в Туве, в далеком 1980 г., когда наш небольшой отряд Саяно-Тувинской экспедиции ждал лодки для заброски в каньон Енисея в урочище Мугур-Саргол. Какого-то общения тогда не было, но я с интересом наблюдал, как эта красивая женщина легко прыгает от камня к камню с великолепными петроглифами, как взбегает на скалы, выбирая позицию для фотографирования и совершенно не обращая внимания на крутизну склона. Тогда фамилия, уже мне известная по прочитанным работам, обрела образ.

Следующее общение случилось заочно, в Москве, во время Всесоюзной студенческой конференции, когда студентка МГУ Катя позвала большую группу иногородних участников отметить ее окончание в квартире мамы, которая в тот момент отсутствовала. В этой квартире на юго-западе Москвы мне сразу бросились в глаза некоторые до боли знакомые детали интерьера, которые присутствуют, наверное, у каждого работавшего или посещавшего Туву: в вазе веточка акации-караганы с золотой корой, на полках затейливые агальматолитовые фигурки, на стенах фотографии горных пейзажей. В суете студенческого застолья я даже не спросил, в

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.283-286>

чьей квартире мы гуляем. А разгулялись мы тогда на славу! Поскольку стола, соответствующего по размеру присутствующей компании, в квартире не оказалось, в качестве него на пол был положен шкаф. Конечно же, его задняя стенка не смогла выдержать танцев «на столе», к которым через некоторое время перешли развеселившиеся студенты. Катя, выполнявшая роль хозяйки, была несколько обеспокоена, и мы даже пытались починить мебель, а потом вдруг поступило сообщение, что мама неожиданно возвращается. Была дана команда к эвакуации, и мы позорно бежали. Только сильно позже я узнал, что этот бедлам мы устроили в квартире М. А. Дэвлет, где мне впоследствии доведется многократно бывать и приятно проводить время в разговорах с гостеприимной хозяйкой. Студентка Катя из этой давней истории довольно быстро стала известным ученым Екатериной Георгиевной Дэвлет, с которой мы дружили вплоть до такого несправедливого и безвременного ее ухода. Проводы Кати в Институте археологии запомнились. Мы сидели рядом с Марианной Арташировой, и она, только что похоронившая единственную дочь, держалась необыкновенно мужественно, не позволяя себе расслабиться и дать волю чувствам на людях. Это чувство собственного достоинства, наверное, главная черта ее характера, которая в том числе отражалась и в научных трудах, и в беседах на разные темы, и в повседневной жизни.

Марианна Арташировна очень любила Туву, всегда интересовалась нашей работой там и ее результатами. Проездом в экспедицию или на обратном пути я звонил, и она всегда звала на чашку чая и рюмку вкуснейшей домашней наливки. Темы, которые мы обсуждали, были самые разные, в том числе, конечно, об археологии. Но здесь хочется вспомнить разговор, касающийся одной научной проблемы, которая до сих

пор не имеет решения. Однако нельзя ожидать ответов на вопросы, не задав их.

Общеизвестно, что основным направлением исследований М. А. Дэвлет в последние годы было наскальное искусство. Именно она ввела в научный оборот многочисленные галереи петроглифов Саянского каньона Енисея и на этом материале подготовила и защитила докторскую диссертацию. Неудивительно, что Марианна Арташировна живо интересовалась плитами с петроглифами, серию которых удалось обнаружить при раскопках Аржана-2. Еще до их издания в сборнике, посвященном ее юбилею [Чугунов, 2008], я показывал ей прорисовки и фотографии. В процессе обсуждения этих находок возник вопрос – почему в так называемой долине царей нет петроглифов на окружающих скалах? Тогда, в середине 2000-х годов, мог быть ответ – они еще не найдены. Сейчас такая формулировка не может быть принята безоговорочно, поскольку за 20 лет нашей работы там неоднократно проводились специальные разведки. Они показали, что, несмотря на наличие удобных плоскостей на скальных выходах, изображений на них нет. Опросы местного населения, которое охотится в близлежащей горной тайге, пока тоже не дали положительного результата, что снижает вероятность присутствия крупных скоплений петроглифов и на лесистых склонах окружающих хребтов.

В упомянутой статье с публикацией петроглифов Аржана-2 я предположил, что некоторые плиты были выломаны вместе с рисунками и принесены на курган из каменоломни, где первоначально находился останец с наскальными изображениями. Действительно, такое действие могло иметь место, и особенно это относится к петроглифам, выполненным в стилистике эпохи бронзы [Чугунов и др., 2006]. Но едва ли *все* наскальные рисунки в «долине царей» были перемещены в курганы. Раскопки погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I, где на настоящий момент исследована вся периферия наземного сооружения, опровергают такое предположение. Да и в Аржане-1 плиты с петроглифами не найдены.

При том, что на территории Тувы известно множество памятников наскального искусства, и к ранее исследованным и опубликованным М. А. Дэвлет усилиями М. Е. Килуновской, Л. Д. Чадамба и других архео-

логов почти каждый год добавляются вновь открытые, такая лакуна вызывает удивление. Отсутствие предмета изучения редко вызывает интерес исследователя, но попробуем проанализировать сведения, которые у нас имеются о тувинской «долине царей», и предложить вариант решения обозначенной проблемы.

Сейчас территория древних некрополей в этой части Турано-Уюкской котловины полностью картографирована. Усилиями ученых Томского государственного университета методом аэрофотограмметрии проведена съемка, общая площадь которой составила более 190 км². На ней выявлено значительное количество древних наземных сооружений и ряд объектов, которые могут быть памятниками археологии (**таблица**).

Если к этим данным, касающимся преимущественно погребальных и ритуальных сооружений, добавить открытые Н. А. Жоговой стоянки в отрогах Куртушибинского хребта, которых сейчас известно полтора десятка [Жогова и др., 2023, с. 37), то становится очевидной не просто посещаемость, а заселенность «долины царей» в древности.

Название, закрепившееся для этой части Турано-Уюкской котловины, не случайно, поскольку здесь давно известны памятники, резко выделяющиеся среди остальных своими размерами и чрезвычайно насыщенной периферийной зоной различных сооружений, ориентированной на курган в центре. Два таких погребально-поминальных комплекса (Аржан-1 и Аржан-2) исследованы, а еще на двух (Чинге-Тей I и Туннуг) раскопки проводятся в настоящий момент. Эти мемориалы сооружены для высшей элиты кочевого социума, и многие факты, полученные в результате исследований, указывают на их поэтапное возведение и постепенное формирование периферии вокруг них. Погребально-поминальные комплексы в тувинской «долине царей» относятся к первой половине I тыс. до н. э., но были «точками притяжения» не только в раннескифское время. В каждом таком памятнике или непосредственно рядом с ним обнаружены многочисленные захоронения и последующих эпох, не имеющие прямой генетической связи с населением, соорудившим эти грандиозные мемориалы. Вероятно, такие комплексы было престижно инкорпорировать в свою культурную среду, рассматривать их как «свои».

Обнаруженные объекты культурного наследия в «долине царей» в Туве
[по: Vavulin et al., 2021, p.11, tabl. 1]

	Контрольная территория		Новые объекты	Всего
	Известные объекты	Новые объекты		
Курганы с земляной и каменно-земляной насыпью	239	65	108	412
Маленькие курганы с каменной насыпью	26	28	88	151
Каменные круги	–	–	78	79
Каменные насыпи	–	–	57	57
Всего распознанных объектов археологии	265	93	331	699
Возможные курганы с земляной и каменно-земляной насыпью	–	43	59	102
Возможные курганы с каменной насыпью	–	47	78	125
Возможные каменные насыпи	–	6	37	43
Другие объекты	–	96	205	301
Возможные объекты археологии	–	96	205	301

Но вернемся к нашим беседам с М. А. Дэвлет. Марианна Арташирова, как и многие исследователи наскального искусства, считала большие местонахождения наскальных рисунков святилищами, где совершались обрядовые действия различного характера – инициации, мистерии, ритуалы, посвященные культу предков. Причину появления таких святилищ в каждом конкретном месте она рассматривала особо [Дэвлет, 1980, с. 257; 1998, с. 230–255). Как правило, все они имеют яркий пласт рисунков

эпохи бронзы, которые указывают на появление сакрального места именно в это время. Петроглифы в стилистике раннескифского времени и последующих эпох редко имеют доминирующее положение на скалах, хотя в ряде случаев и составляют отдельные яркие фризмы. Мы были солидарны во мнении, что значение культов, посвященных предкам, неизмеримо возросло с началом эпохи ранних кочевников. А раз так, то не исключено, что открытые скальные галереи в качестве святилищ отходят в ряде мест на второй план. В первую очередь это может касаться особых сакральных территорий, каковой и стала в начале I тыс. до н. э. часть Турано-Уюкской котловины. Местами поклонения предкам становятся в это время погребальные памятники, в которых, по сути, они захоронены. Особенно это относится к большим погребально-поминальным комплексам раннескифского времени, которые служили святилищами для всего племени или даже группы племен. Этим, вероятно, и объясняется отсутствие в тувинской «долине царей» святилищ в виде галерей наскального искусства.

Наиболее ранние из «царских» мемориалов, такие как Аржан-1, ярко демонстрируют доминирование в это время культа жертвоприношения лошадей, принесенного, возможно, из степей Монголии, где он складывался в культуре, оставившей комплексы типа Ушкийн-Увэр. Предположение о том, что Старший Аржан это своеобразный «храм» древних коневодов, было высказано еще при анализе климатической ситуации в тувинской «долине царей» [Дирксен, Чугунов, 2007, с. 160]. Чуть позже, в алды-бельской археологической культуре, к которой относится Аржан-2, ритуал жертвоприношения целой лошади трансформировался в приношение к кургану-святилищу конского снаряжения, предварительно сожженного в костре. Сейчас около погребально-поминального комплекса Чинге-Тей I обнаружена зона таких «кладов»-приношений. Именно в беседах с М. А. Дэвлет мной было высказано предположение о постепенном сооружении кольцевых оград с пережженными костями животных вокруг Аржана-2 в рамках ритуала поклонения предкам. Поскольку следы огня в самих кольцах не фиксируются, я допустил, что обряд сжигания ритуального мяса совершался номадами на стойбищах в каждом родовом

очаге, после чего кости собирались и, привезенные с дальних кочевий, высыпались в ограду около «царского» кургана. Эта, конечно, очень гипотетичная догадка была одобрена Марианной Арташировой и позднее опубликована [Чугунов, 2018, с. 32].

В заключение хочется сказать, что я совершенно убежден в необходимости и полезности для нашей науки не бояться высказывать самые фантастические гипотезы, которые приходят в голову при анализе археологического материала. Пусть дальнейшие исследования либо покажут их правоту, либо опровергнут. Этой простой максиме меня научило, в числе прочего, и общение с замечательной женщиной, дружбой с которой я горжусь, – Марианной Арташировой Дэвлет.

Библиография

- Дирксен В. Г., Чугунов К. В. Турано-Уюкская котловина Тувы: изменения природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2007. С. 139–164.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
- Жогова Н. А., Бусова В. С., Семенов А. В. История исследований и современный этап изучения стоянок эпохи бронзы – раннего железного века Тувы // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2023. С. 35–40.
- Чугунов К. В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 53–69 (Труды САИПИ; вып. IV).
- Чугунов К. В. Цари и боги азиатской Скифии (по материалам кургана Аржан-2) // Археологія і давня історія України. 2018. Випуск 2 (27). С. 25–34.
- Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 303–311.
- Vavulin M. V., Chugunov K. V., Zaitceva O. V., Vodyasov E. V., Pushkarev A. A. UAV-based photogrammetry: Assessing the application potential and effectiveness for archae

ological monitoring and surveying in the research on the ‘valley of the kings’ (Tuva, Russia) // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2021. Vol. 20. P. 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.daach.2021.e00172>

K. V. Chugunov

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

SOME THOUGHTS ABOUT WHAT DOESN'T EXIST (remembering conversations with M. A. Devlet)

This paper examines, against the background of memories of M. A. Devlet, the issue of the absence of major rock art sites in the Tuva “Valley of the Kings”. It is suggested that the role of the sanctuaries, with which ancient rock art galleries are associated, in this region was played by “royal” burial and memorial sites.

Keywords: *M. A. Devlet, rock art sites, sanctuaries, Tuva “Valley of the Kings”, burial and memorial sites*

В. Н. Широков

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.287-296>

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

ПШЁНСКАЯ ПИСАНИЦА В ДОЛИНЕ РЕКИ ТАГИЛ (СРЕДНИЙ УРАЛ)

Статья посвящена исследованию ранее не публиковавшихся материалов открытой в начале 2000-х годов Пшёнской писаницы. Скала с древними рисунками дислоцирована на левом берегу р. Тагил ниже впадения в нее р. Салда. Выделяются два участка с изобразительными мотивами. На участке 1 нанесен один антропоморфный мотив с ногами в позе «танцующих» персонажей, неудовлетворительной сохранности. Участок 2 содержит три сложносоставных антропоморфных мотива. Два из них интерпретированы как изображения предков или духов-предков шаманов, третий истолкован как образ роженицы, матери-прародительницы. Методом аналогий рисунки этого памятника отнесены к энеолиту или бронзовому веку. Изображения Пшёнской писаницы отличаются своеобразием на фоне всех известных памятников наскального искусства Урала. Их дешифровка стала возможной благодаря компьютерным технологиям.

Ключевые слова: *наскальное искусство, Средний Урал, р. Тагил, Пшёнская писаница, сложносоставные антропоморфные существа*

С Марианной Арташировой Дэвлет я познакомился в 1990 г., когда в Москве по ее инициативе проводилась первая всесоюзная научная конференция по наскальному искусству «Актуальные проблемы изучения наскальных изображений в СССР». На этой конференции во время обсуждения докладов она была одним из немногих специалистов, кто изменил скептическое отношение к верхнепалеолитическому возрасту изобразительного ансамбля Игнatieвской пещеры. В начале 1990-х годов Марианна Арташирова посетила недавно созданный в Екатеринбурге Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, где мы смогли познакомиться ближе. Несколько позже Марианна Арташирова поддержала мою заявку на грант РГНФ, который я получил в начале 2000-х годов. В этом она призналась во время нашей последней встречи в Москве

в 2005 г., на международном симпозиуме «Мир наскального искусства». В результате ее поддержки мне удалось осмотреть и скопировать большую часть уральских писаниц, «закольцевать» водными маршрутами область распространения древних рисунков. По итогам трехлетних экспедиций была опубликована серия небольших монографий «Уральские писаницы» [Широков и др., 2000, 2005; Широков, 2007, 2009]. С огромной признательностью и уважением вспоминаю Марианну Арташирову, содействие которой на этапе моего становления как специалиста позволяет продолжать изучение наскального искусства Урала и поныне.

Светлая память...

Введение

Наскальное искусство Урала упоминается в письменных источниках с конца XVII в. [Чернецов, 1971]. К настоящему времени в регионе насчитывается около 90 изученных писаниц [Широков, 2009; Широков, Чаиркин, 2011]. Общий список этих памятников время от времени пополняется новыми данными. Так, на хорошо изученной территории долины р. Тагил в первой половине 2000-х годов руководитель турклуба из г. Нижняя Салда В. Мацалов нашел неизвестный ранее пункт с древними изображениями. Этой писанице автор открытия дал название «Пшёнская» – по впадению непосредственно выше скалы небольшой речушки (безымянной), которую он ошибочно принял за речку Пшёнка. На самом деле Пшёнка впадает возле бывшей д. Новожилово, близ которой также известны древние рисунки – Новожиловская писаница. Однако название «Пшёнская» уже вошло в обиход, поэтому оставляю его неизменным.

Документирование писаницы осуществлялось несколько раз. В 2008 г. во время сплава по Тагилу С.Е. Чаиркину и мне удалось снять одну часть писаницы и обнаружить неизвестный ранее рисунок. В 2014 г. со-

вместно с Е. В. Вилисовым также во время сплава выполнены удачные фотографии. 28 февраля 2022 г. осуществлена еще одна поездка к этой писанице. Большую помощь в работе оказал житель д. Медведево А. Ярополкин. На своем снегоходе он довез меня и альпиниста А. Степанова к скале с писаницей. На следующий день мы проделали маршрут от устья Салды до Соколыньских утесов (я снимал наскальные рисунки для подготовки фотовыставки в г. Нижний Тагил). Фотографирование древних изображений осуществлялось в разные годы на фотокамеры Canon EOS 6D и Canon EOS 5DS с объективом Canon EF 16-35mm f/4L IS USM. В качестве масштаба при фотографировании использовались 10-сантиметровые масштабы САИПИ и IFRAO. Цвет изображений определялся по цифровому справочнику [Geological..., 2009]. В камеральных условиях для цветовой фильтрации рисунков на фотографиях применялся плагин DStretch© программы ImageJ© (Harman, 2005) с постобработкой в программе Photoshop©.

Описание памятника

Писаница находится на территории «Городской округ Нижняя Салда», на левом берегу р. Тагил, в 3,4 км вниз по течению от устья р. Салда, примерно в 1 км выше писаницы Новожиловская (рис. 1). Скала с изображениями сложена зеленокаменной породой, ее высота – около 30 м, протяженность вдоль реки – около 60 м. Фасадная часть обращена к юго-востоку.

Рисунки расположены в двух местах. Участок 1 находится в самом начале скалы, верхнем по течению реки, участок 2 – в середине скального обнажения (рис. 2). В этом месте от участка скальной стены к воде спускается крутая, около 75°, осыпь. Фигуры находятся на блоке коренной породы, размерами около 1,5 × 1,6 м, на высоте около 1,8 м над небольшой площадкой осыпи. Левая от зрителя часть блока примыкает к скальной стене (рис. 3). Изображения нанесены на светлый белесоватый натек, с воды они не видны.

На участке 1 изображена антропоморфная фигура неудовлетворительной сохранности. Хорошо видны лишь согнутые в коленях ноги с направленными в разные стороны ступнями. Между ног прямой вертикальной

Рис. 1. Место дислокации Пшёнской писаницы на картах «Яндекс».

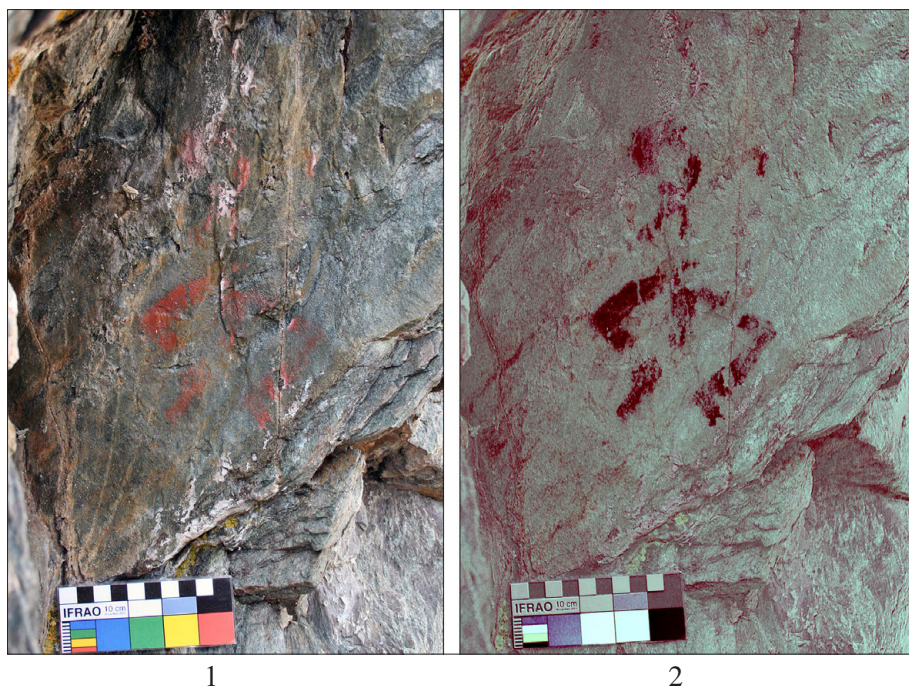

Рис. 2. Скала с древними рисунками Пшёнской писаницы. Вид с юго-востока. Места расположения участков с изображениями указаны стрелками.

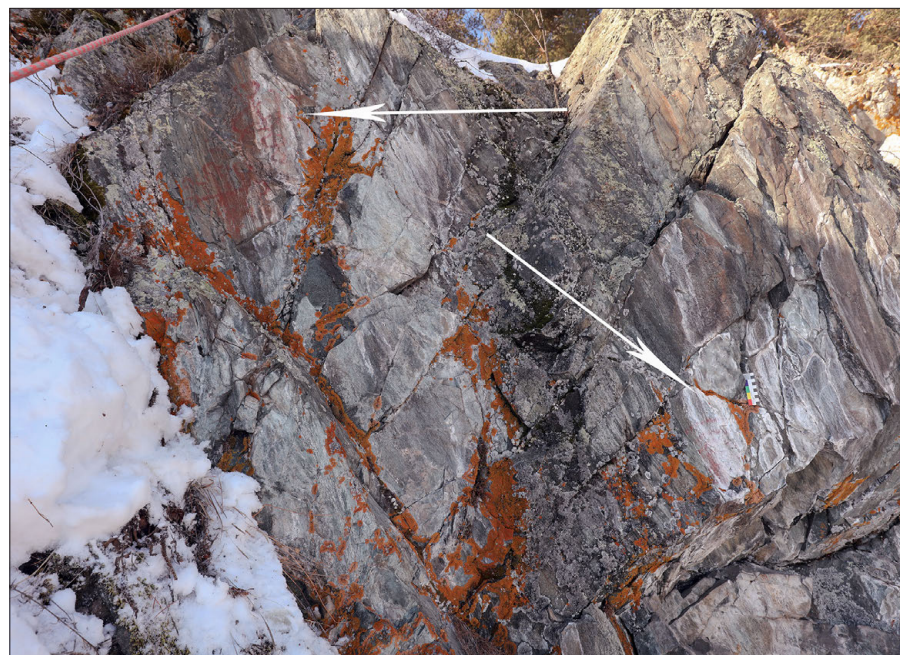

линией показан фаллос или хвост. Верхняя часть мотива сохранилась хуже. С помощью компьютерной обработки проявилась левая (от зрителя) рука персонажа. Она плавно изогнута в локте и примыкает к туловищу выше пояса с выделенной ладонью. Вероятно, и вторая рука была изображена похожим способом, на что намекают небольшие фрагменты краски. Голова по форме напоминает близкую к треугольнику фигуру. Антропоморф нанесен в небольшой нише на высоте около 1,7 м, его размеры – около 30 × 12 см (рис. 3).

В центральной части скалы рисунки видны в двух местах: слева вверху на высоте около 2 м над полкой и в 0,8 м ниже и справа (рис. 4). Вверху

Рис. 3. Пшёнская писаница, антропоморфное существо на участке 1. 1 – полевой снимок; 2 – мотив после обработки плагином DStretch© программы ImageJ© (Harman, 2005), цвет изменен.

Рис. 4. Пшёнская писаница, участок 2. Места с рисунками показаны стрелками.

зафиксировано несколько изобразительных мотивов, подсчет которых непросто. Их дешифровка чрезвычайно затруднена, настолько они необычны. Предлагаю здесь несколько возможных интерпретаций. Площадь, занятая рисунками, – около 55 × 50 см.

1. Мотив в виде антропоморфного существа в палкообразном стиле со сложным «головным убором». Этот рисунок был дешифрован с помощью применения плагина DStretch© программы ImageJ© (Harman, 2005). До использования данной программы мотив выглядел, предположительно, как схематичный рисунок лодки с условно-антропоморфными существами, под которой виднелись потеки краски (рис. 5, 1). Правда, ее форштевень и ахтерштевень нехарактерны для рисунков лодок в наскальном искусстве (ср., например, с рис. 7, 4). Размеры антропоморфно-

го существа – 20 × 12 см, «головного убора» – 13 × 35 см. Антропоморф показан с фертообразным расположением рук, одна его нога согнута в колене с выделенной ступней, другая прямая, вытянута в сторону, голова округлая, тонированная. «Головной убор» выполнен горизонтальной линией, соприкасающейся с головой антропоморфа, на концах линии слева и справа изображены кольцеобразные фигуры. Такими же «кольцами» увенчаны пять вертикальных отрезков, отходящих от горизонтальной линии вверх. Центральный отрезок самый высокий, он является продолжением туловища и головы антропоморфа, образуя с ними вертикальную ось (рис. 5, 2-1).

2. Антропоморфный персонаж в палкообразном стиле с фертообразным положением рук, согнутыми в коленях ногами с выделенными ступнями. Размеры существа – 17 × 11 см. От его линейной головы вверх идет линия туловища другого антропоморфного существа с головой в виде контурного сегмента, достаточно близкого по форме к контурным фигурам «головного убора» антропоморфа 1 и существа на участке 1. На небольшом расстоянии от головы начинаются руки, которые, плавно изгибаясь, смыкаются в верхней части головы антропоморфа 2. Размеры верхнего фертообразного антропоморфа – 20 × 20 см. Его руки пересекает по горизонтали неfigurативный мотив, напоминающий циссоиду Диоклеса, или две смежных перевернутых параболы. Правая (от зрителя) дугообразная часть этого мотива осложнена двумя наклонными отрезками с тупыми углами-развилками в верхних концах. Размеры всего мотива – 18 × 46 см. Возможно, это неfigurативное изображение является ногами верхнего антропоморфа, и в таком случае перед нами находится рисунок роженицы (ср. с рис. 6, 4, 5). Еще один вариант дешифровки заключается в том, что оба антропоморфных существа представляют собой единый изобразительный мотив в виде ярусных человекообразных фигур, верхняя из которых пересечена неfigurативным мотивом. Однако обычно такие мотивы трехъярусные и симметричные относительно центральной оси [Долговесова, 2005]. Данные признаки отсутствуют на Пшёнской писанице, и в таком случае все три мотива «складываются» в образ роженицы (рис. 5, 2-2).

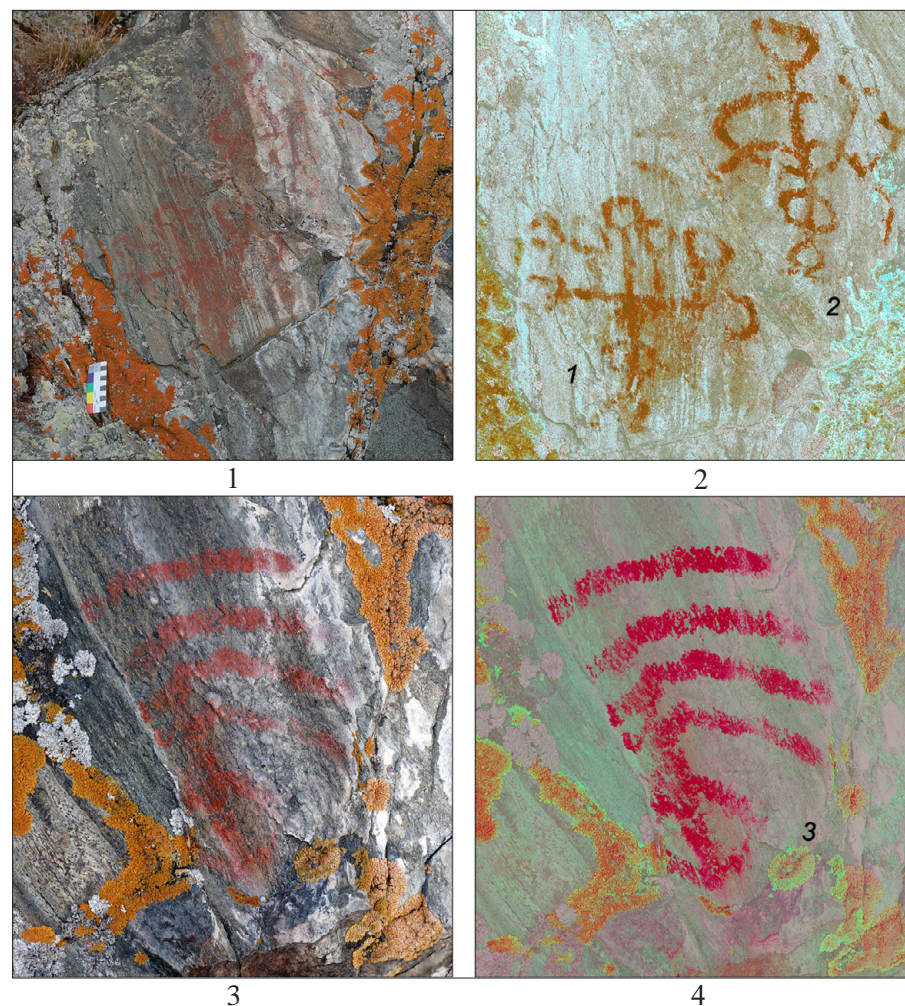

Рис. 5. Пшёнская писаница, изображения на участке 2. 1 – верхний левый сектор, полевой снимок; 2 – мотивы 1 и 2 после обработки плагином DStretch© программы ImageJ© (Harman, 2005), цвет изменен; 3 – мотив 3, полевой снимок; 4 – мотив 3 после обработки плагином DStretch© программы ImageJ© (Harman, 2005).

В 60 см ниже и в 120 см справа зафиксирован еще один сложносоставной мотив. Вверху он имеет вид четырех concentрических дуг, ориентированных вертикально, одна под другой, размерами 22 × 15 см. Размеры дуг уменьшаются сверху вниз. Ниже изображен антропоморфный персонаж в палкообразном стиле с фертообразным положением рук. Ноги у него отсутствуют, скорее всего, из-за скола на скальной поверхности. Линейная голова соприкасается с нижней дугой, так что вполне вероятно

прочтение этого мотива как антропоморфного существа со сложным головным убором, показанным дугами (рис. 5, 4-3).

Всего на участке 2 зафиксировано три сложносоставных мотива: два антропоморфных с «головными уборами» и один мотив роженицы.

Цвет всех рисунков близок промежуточному между 5R 6/6 LightRed и 5R 4/6 ModerateRed. На копиях, обработанных на компьютере, цвет изменен. Интенсивность краски на всех мотивах не везде равномерна.

Изобразительные мотивы Пшёнской писаницы

Участок	Элемент рельефа скальной поверхности	Ориентировка	Мотив	Сохранность	Техника, цвет	Размеры, ширина линии, см	Высота над дневной поверхностью, м	Примечания
1	Вертикальная плоскость под навесом	Запад	1. Антропоморф	Неудовл.	Рисунок линейный с контурной головой, по форме близкой к треугольнику, цвет между 5R 6/6 Light Red и 5R 4/6 Moderate Red	~ 30x12, от ~ 1 до 1,7	~ 1,7	Плоскости покрыты беловатым натеком, в небольшой нише. Рисунки нанесены по натеку. Ноги существа изображены в позе «танцующих» персонажей
2	Слабоотрицательная плоскость	Юго-восток	1. Сложносоставной антропоморфный мотив	Неудовл.	Рисунок линейный в сочетании с контурным стилем, цвет между 5R 6/6 Light Red и 5R 4/6 Moderate Red	~ 33x35, ~ 1,5	~ 2	Плоскости покрыты беловатым натеком. Скорее всего, изображение предка или духа-предка шамана
			2. Сложносоставной антропоморфный мотив	Удовл.	Рисунок линейный с контурным стилем, цвет между 5R 6/6 Light Red и 5R 4/6 Moderate Red	~ 37x46, ~ 1,5	~ 1,4	Плоскости покрыты беловатым натеком. Скорее всего, воспроизводит образ роженицы
			3. Сложносоставной антропоморфный мотив	Удовл.	Рисунок линейный, цвет между 5R 6/6 Light Red и 5R 4/6 Moderate Red	~ 15x25, ~ 1,5		Плоскости покрыты беловатым натеком. Скорее всего, изображение предка или духа-предка шамана

Обсуждение

Среди уральских писаниц антропоморфные и условно-антропоморфные изображения, как правило, не имеют «головных уборов». Их головы обычно показаны прямым отрезком, округлым пятном или контуром, а также в виде развилки. Есть всего несколько рисунков с оригинальными

«головными уборами». Наиболее близкий по сложности зафиксирован у антропоморфного персонажа на писанице Старичная в долине р. Нейва. Антропоморфный мотив характеризуется силуэтным туловищем и наличием двух гребневидных или зубчатых знаков над головой. Руки этого персонажа не сохранились, ноги слегка согнуты в коленях. Эти гребне-

видные фигуры напоминают стилизованные схематичные рисунки лодок. Вероятно, позднее мотив был подновлен, но верхний гребневидный знак не ретушировался (рис. 6, 2). Антропоморфный персонаж с гребневидным головным убором был нанесен в композиции с водоплавающей птицей и антропоморфным существом в скелетном стиле близ человеческого погребения или жертвоприношения, разрушенного при прокладке грунтовой дороги у скалы. Ранее нами это изображение было охарактеризовано как некий «чудесный» персонаж божественной природы, связанный с верхним миром, поскольку гребневидные знаки в орнаментальной традиции обских угров (с большой степенью вероятности потомков создателей уральских писаниц, см.: [Чернецов 1964, с. 18–32; 1971, с. 83–94]) имеют название «тучи неба» [Широков и др., 2000].

На Усть-Катавской 2 писанице на р. Юрюзань есть рисунок антропоморфа с дугой над головой (рис. 6, 1). Мотив в виде горизонтальной линии над антропоморфом известен на Старичном Гребне (рис. 6, 3), вместе с рисунками водоплавающих птиц и погребением у скальной стены [Широков 2009, с. 38–41]. Мною эти фигуры также были интерпретированы как существа, ассоциированные с небесной символикой. Из отдаленных аналогий можно упомянуть человеческую фигуру с кольцеобразной головой и «ореолом» на писанице Уиттамонсалми (Uittamonsalmi) на территории Финляндии [Lahelma, 2008, p. 24, fig. 10] и изображение шамана с бубном, колотушкой и дугообразным «головным убором» на писанице у д. Прихольмье (Средний Енисей) [Миклашевич, 2013, рис. 1, 3] (рис. 7, 3).

Что касается центральной антропоморфной фигуры с контурной кольцевидной головой неправильной формы, то ее, как уже говорилось выше, с большой степенью вероятности следует рассматривать как рисунок женщины-роженицы: пересекающий ее руки горизонтальный волнообразный мотив может воспроизводить широко расставленные ноги, между ними находится небольшая антропоморфная фигура, голову которой как будто обхватывают ее руки. Эта фигура может символизировать образ матери-родоначальницы, женщины-прародительницы.

Аналогии рисункам роженицы с выходящим из чрева антропоморфным существом есть, например, на камне 200 «алтарного» комплекса

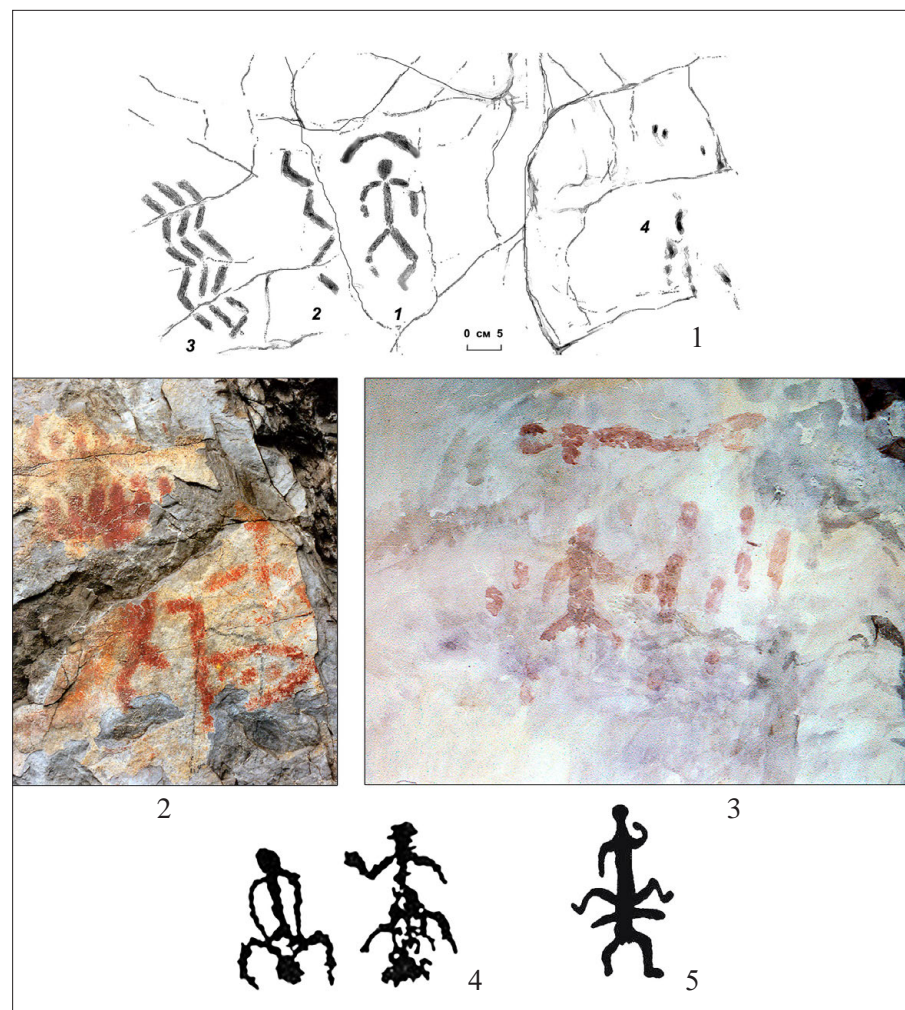
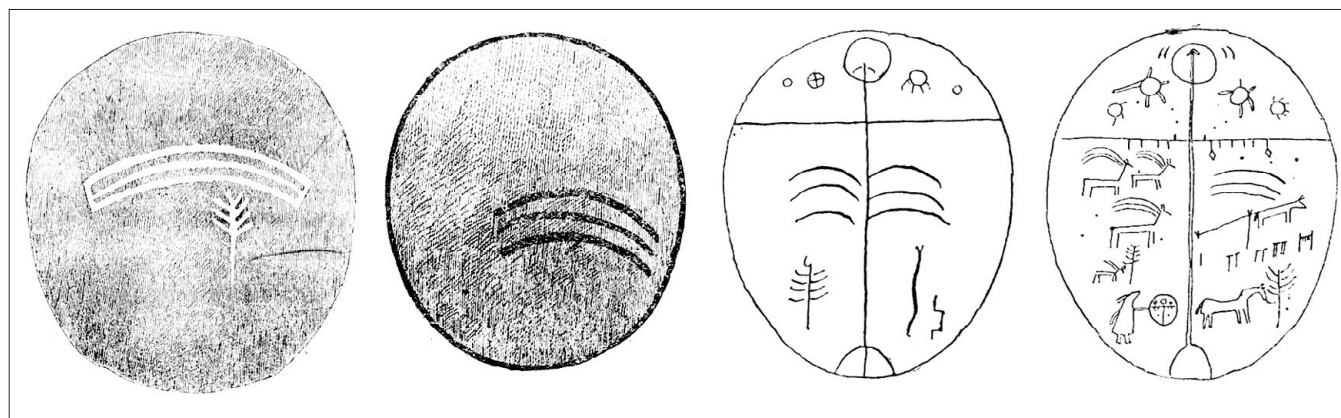
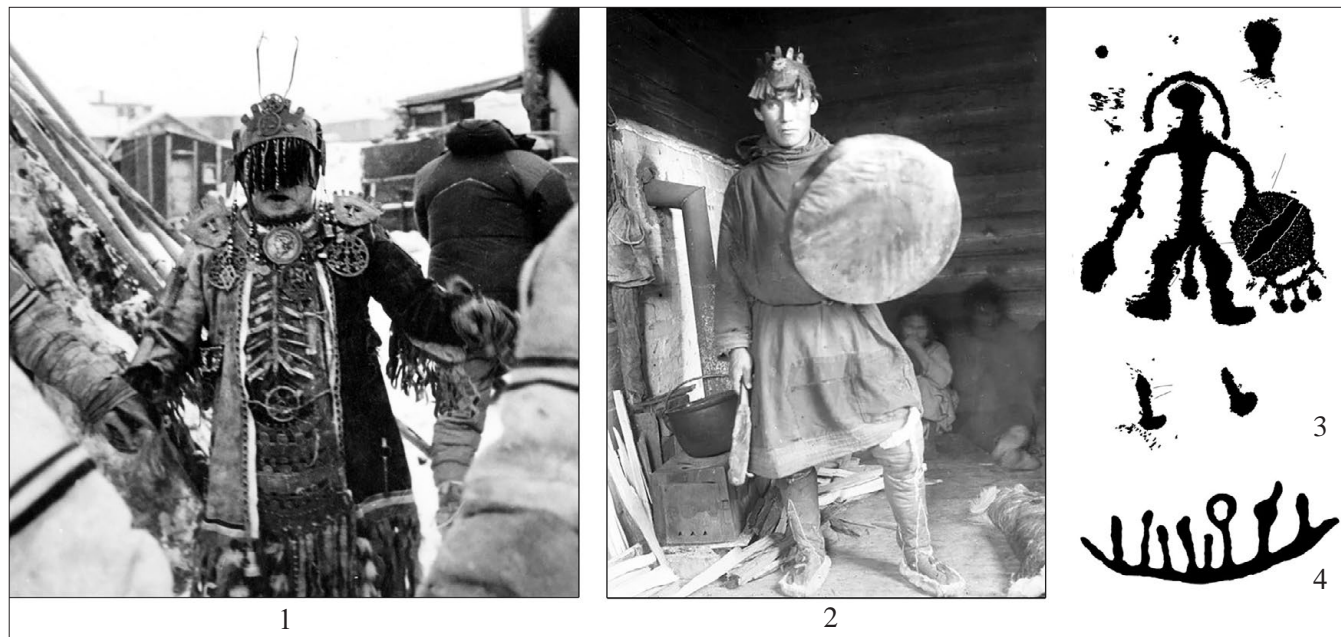

Рис. 6. 1 – участок с рисунками писаницы Усть-Катавской 2; 2 – Старичная писаница, р. Нейва; 3 – участок с рисунками Навесного (Старичного) Гребня; 4 – Оглахты, Хакасия (по: [Советова, Миклашевич, 1999]); 5 – Мугур-Саргол, Тува (по: [Дэвлет, 2012]).

Рис. 7. 1 – Шаман Тубяку Костеркин. Нганасаны, пос. Усть-Авам, Таймыр, 1988 г. Фото с сайта «Магаданский обозреватель» (История и этнография Сибири и Дальнего Востока, природа и изобразительное искусство. Фотографии «Шаманы разных народов»); 2 – кочующий шаман юраков. Ненцы, Сибирский край, 1926 г. Фото с сайта «Магаданский обозреватель»; 3 – наскальное изображение шамана, Прихольмье, Средний Енисей (по: [Миклашевич, 2013]); 4 – изображение лодки, Шалаболино, Средний Енисей (по: [Пяткин, Мартынов, 1985]).

Рис. 8. Шаманский ровдужный венец с антропоморфными ликами. Нганасаны (по: [Прокофьева, 1971]).

Рис. 9. Бубны шаманов алтайцев с мотивом «радуга» (по: [Анохин, 1924]).

святилища Мугур-Саргол. По мнению М. А. Дэвлет, данная фигура матери-прародительницы сопоставима со многими аналогичными изображениями, в частности, в искусстве окуневской археологической культуры на Среднем Енисее [Дэвлет, 2012, с. 4] (рис. 6, 5). В горах Оглахты в Хакасии имеются две близкие фигуры позднебронзового времени [Советова, Миклашевич, 1999, табл. IV] (рис. 6, 4). К энеолиту относят фигуры рожениц на святилище Чулуут в Монголии Э. А. Новгородова [1984, с. 29]. По приведенным аналогиям Пшёнская писаница может быть датирована энеолитом или бронзовым веком. Позднее, в металлическом литье Западной Сибири также присутствуют схожие образы [Косарев, 2003, с. 194, рис. 39, 42].

Для двух других сложносоставных фигур возможна интерпретация с позиций ритуальных практик шаманов. На такое «прочтение» рисунков наталкивают «головные уборы» персонажей, для которых находятся весьма убедительные аналогии. Дуги над головой антропоморфа на участке 2 вполне сопоставимы с таковыми на шаманских бубнах алтайцев. В переводе А. В. Анохина они называются «радуги» и украшают как внутреннюю, так и внешнюю стороны этого инструмента. Их может быть три, четыре или пять; они могут наноситься самостоятельно или симметрично относительно центральной антропоморфной фигуры с символикой «хозяина», умершего шамана, воспроизводя его ребра [Анохин, 1924, с. 56, 57] (рис. 9). Таким образом, эти знаки ассоциированы с верхним миром и шаманскими ритуалами. В. Н. Чернецов также интерпретировал дуги с отрезками в качестве небулярных знаков на основании сопоставления их с обско-угорскими орнаментами [Чернецов, 1964, с. 22, 23], а вслед за ним – и я, в том числе дуги без отрезков. Согласно Л. П. Потапову, небесная сфера, по представлениям алтайских шаманов, делится на слои в вертикальном плане и в каждом слое обитает то или иное божество [Потапов, 1997, с. 34], что как раз и могут символизировать четыре дуги над головой упомянутого антропоморфа.

«Головной убор» антропоморфа 1 на участке 2 также сопоставим с головным убором шамана – шаманским венцом, или короной. Головной убор шамана у нганасан, например, «представлял собой мягкий ровдуж-

ный венец, вышитый подшейным волосом оленя. Налобная часть венца украшалась железной пластинкой с изображениями нескольких голов. С боков головного убора свисали кольца с трубчатыми подвесками» [Прокофьева, 1971, с. 16] (рис. 8). Антропоморфные головы, или лики, воспроизводили помощников шамана. На основании представленных аналогий с большой степенью вероятности можно предположить, что мы имеем дело с рисунками шаманов и их ритуальными практиками. Этнографические материалы показывают, что предки, духи предков, в том числе и шаманов, не только почитались, но и изображались на некоторых предметах. Возможно, именно их и воспроизвели на писанице Пшёнская, рядом с «роженицей», мифологическим образом матери-прародительницы.

Что касается человекообразного существа на участке 1, то его ноги показаны аналогично многим рисункам не только на уральских писаницах, но и на памятниках наскального искусства других территорий. Таких персонажей называют танцующими. А вот изображение изогнутой руки, опущенной на пояс и с выделенной ладонью, не зафиксировано на Урале более нигде. Немного напоминают эту фигуру с выделенной ладонью, но не соприкасающейся с поясом рукой, антропоморфы на Тагильском Писаном Камне.

Заключение

Писаница Пшёнская, обнаруженная в начале 2000-х годов, была документирована в разные годы: 2008, 2014 и 2022. Рисунки центральной части этой писаницы чрезвычайно оригинальны на фоне не только памятников наскального искусства по р. Тагил, но и всех других наскальных изображений Урала. На скальных плоскостях представлены исключительно антропоморфные существа, три из которых в центральной части скалы – сложносоставные. Одно из них интерпретировано как образ женщины-прародительницы, два других – как изображения предков или духов-предков шаманов. Интерпретация одиночного антропоморфного существа на участке 1 затруднена. Он может быть истолкован как рисунок духа-хозяина этого места, но может воспроизводить какое-то существо с иной символикой. Методом аналогий создание писаницы отнесено к энеолиту или бронзовому веку.

Благодарности. Я глубоко признателен С. Е. Чаиркину, Е. В. Вилисову, А. Степанову и А. Г. Ярополкину за помощь в документировании Пшёнской писаницы, а также моей жене Наталии Широковой за большую помощь в подготовке статьи. Искренняя благодарность – Владимиру Мацалову за сообщение об открытии этого памятника.

Библиография

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Л., 1924. 248 с.

Долговесова Е. Б. К вопросу об интерпретации «тройных» антропоморфных изображений Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 67–71.

Дэвлет М. А. Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна Верхнего Енисея) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 3–34. (Труды САИПИ; вып. IX).

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 255–259.

Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.

Потапов Л. П. Шаманский бубен – уникальный памятник духовной культуры тюркских народов Алтая // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 25–39.

Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1971. С. 5–100. (Сборник Музея антропологии и этнографии; т. 27).

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. 192 с.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического

отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1999. С. 47–74.

Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1964. 52 с. (Свод археологических источников; вып. В4-12 (1)).

Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 120 с. (Свод археологических источников; вып. В4-12 (2)).

Широков В. Н. Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 77 с.

Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург: Изд-во «АМБ», 2009. 128 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург, 2011. 184 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Чемякин Ю. П. Уральские писаницы. Река Нейва. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. 50 с.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Широкова Н. А. Уральские писаницы. Река Тагил. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005. 110 с.

Geological rock-color chart with genuine Munsell® color chips: 2009 Year Revised. Sample only [Electronic resource]: <http://munsellstore.com/files/CIPA00011/C599.pdf>

Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008. 278 p. (Iskos; vol. 15).

V. N. Shirokov

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch RAS,
Yekaterinburg, Russia*

**PSHENSKAYA ROCK ART SITE
IN THE TAGIL RIVER VALLEY (MIDDLE URALS)**

This paper is devoted to the study of previously unpublished materials of the discovered in the early 2000s Pshenskaya rock art site (pisanitsa). The rock with ancient drawings is located on the left bank of the Tagil River below the confluence of the Salda River. Two areas with pictorial motifs stand out. In area 1 there is one anthropomorphic motif with legs in the pose of “dancing” characters, in unsatisfactory state. Area 2 contains three composite anthropomorphic motifs. Two of them are interpreted as images of ancestors or ancestral spirits of shamans, the third is interpreted as an image of a woman in labor, a mother-ancestor. The drawings of this site are attributed by the method of analogies to the Eneolithic or Bronze Age. The images of the Pshenskaya rock art site are distinguished by their originality against the backdrop of all the known Ural rock art sites. Their decryption became possible thanks to computer technologies.

Keywords: *rock art, Middle Urals, Tagil River, Pshenskaya rock art site, composite anthropomorphic creatures*

Правый берег Чинге. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Левый берег Чинге. Тува. Фото: М. А. Дәвлет.

«Дорога Чингисхана» в Саянском каньоне Енисея. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

В. Я. Шумкин

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.299-310>

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ ДЭВЛЕТ

Воспоминания о Е. Г. и М. А. Дэвлет

*Дело не в дороге, которую мы выбираем,
а в том, что внутри нас заставляет выбирать дорогу.*

О. Генри

Соблюдая хронологическую последовательность, начну со знакомства с младшим представителем этой знаменитой фамилии, произошедшего в далеком 1991 году. Тогда к 100-летию Гетебергского университета шведом Ярлом Нордبلادом была организована небольшая (40 человек), но очень знаковая конференция по наскальному искусству в Тануме с его знаменитыми петроглифами бронзового века. Из российских специалистов были приглашены А. Д. Столяр (Ленинградский государственный университет), В. Я. Шумкин (Ленинградское отделение Института археологии), Ю. А. Саватеев (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра) и Е. Г. Дэвлет (тогда аспирант Института археологии). Думаю, приглашению, по крайней мере нас с Катей, на такое важное церемониальное событие с крупнейшими специалистами по наскальному искусству Фенноскандии, в немалой степени поспособствовал норвежский археолог Кнут Хельског. Если меня он уже достаточно хорошо знал по совместным работам в Норвегии и нескольким эстонским конференциям в Тарту и Пярну, то про Катю слышал, конечно, от ее мамы Марианны Арташировны, с которой познакомился на конференции по наскальному искусству на Кубе в 1985 г., а в 1990 г. встречался уже в ее квартире в Москве, куда его пригласили на дружеский ужин, где также присутствовал В. Ф. Старков, специалист по археологии Арктики. Насчет Кати Кнут имел и еще один дальний «прицел». Языком общения на конференции являлся исключительно английский. Зная, что не будет

никаких переводчиков и что Столяр и Саватеев английским абсолютно не владеют, а я со своей *simplified speech* буду не очень-то им полезен в переводе, сообразив, что дочь М. А. Дэвлет, мало того, что археолог, занимающаяся древним искусством (правда южноамериканским), еще и основательно овладела этим иностранным языком, пригласил ее в помощь профессорам, правда, без доклада. По признанию самой Кати, это была ее первая заграничная конференция.

Все мы вчетвером встретились на Финляндском вокзале перед посадкой в поезд до Хельсинки, и тут случился первый казус, а их, как потом выяснилось, было немало в этой поездке. У нас паспорта и визы были на руках, а Юрий Александрович отправил свои документы в Москву буквально в последние дни для оформления визы, а для убыстрения ее получения дал обратный адрес ЛОИА и указал, с моего согласия, мою фамилию. Несколько раз проверив институтскую почту, но так и не получив документы из Москвы, я, углубившись в английский перевод своего доклада, уже за неимением времени попросил своего друга Володю Назаренко в последние оставшиеся дни проверять всю корреспонденцию, и при получении пакета на мое имя, взять его и привезти на вокзал. Что он добросовестно и сделал, получил в последнее утро, тут же пришел на вокзал. Увидев нас, поздоровался со всеми и передал мне пакет, а я вручил его уже начинающему волноваться Саватееву. Он его вскрыл, посмотрел паспорт, но в нем визовых отметок не было. Более того, вложенные бланки заявки оказались девственно чисты, а на отдельном бланке с печатями и подписями сообщалось о невозможности выдачи визы, поскольку нет для этого соответствующих данных. Юрий Александрович сразу же впал в панику и стал говорить: «Как же так, я поручил все оформить

секретарше, я же директор института, а она вот ничего не сделала». На наши объяснения, что бланки заполняются собственноручно, он все повторял: «я же директор, поручил... и вот теперь... что делать, все пропало, надо билет сдавать». Абрам Давидович стал его горячо убеждать, что не все потеряно. Российской погранслужбу в Выборге он берет на себя, а преодолеть финскую в Вайниккала поможет Катя со своим знанием языка. Как-то его уговорили и поехали все вместе. Катя сразу же приступила к своим неформальным обязанностям. Быстро выяснив, что я как-то справляюсь с английским, отметила приличный словарный запас и неплохую возможность изъясняться на археологические темы, посетовав на произношение и слабое знание глагольных форм (тексты по специальности я читал довольно бегло и понимал неплохо, особенно, если было не «скороговоркой», а вот своя устная речь была бедновата), она переключилась на профессорский состав. Со Столяром пошло все быстро и успешно, а Саватеев был весь в думах о предстоящем пересечении границы и не включался в «кликбез». Через пару часов я собрался в тамбур перекурить, и Катя решила меня сопроводить. Там она сказала, что не знала, что Абрам Давидович такой «спринтер-полиглот», который знает по одному-два выражения на почти всех европейских языках. Я же добавил, что обучая африканцев, он усвоил такой же объем и по их многочисленным языкам, особенно полюбив суахили, и этим пользуется, даже ставя в тупик иностранцев, прибегая к этому для выхода из пикантного положения, что не раз сам лично наблюдал. Катя сказала, что сделает все возможное, а главное, постарается быть всегда рядом с патриархами, когда с ними будут стараться беседовать коллеги. «Ну, а ты и сам справишься, но если будут осложнения, тоже обращайся».

В Выборге Абрам Давидович был в ударе. Он закатил пограничникам такую речь, что они сдались и поставили в паспорте Саватеева, как и в наши, какую-то отметку, предупредив, что финские коллеги все равно не пропустят. Переехали границу, появились финские ребята. Войдя в купе, бегло осмотрев вещи, сразу обратили внимание на съездившегося Юрия Александровича и потребовали в первую очередь его паспорт. Посмотрев в него, удивились и стали совещаться. Тут наш Столяр, окрылен-

ный недавней победой, решил им выложить весь свой запас английского языка, из которого получалось, что мы вместе и у нас у всех так. Тут уж финны, не став смотреть даже документы остальных и не слушая Катю, пытавшуюся дезавуировать пламенную речь профессора, стали выдворять нас всех из купе, так активно показывая жестами, куда нам идти, что было ясно и без слов. Слава богу, наше купе было далеко от входа в вагон, да и мы не торопились, а Катя во время этого позорного дефиле умолила посмотреть три наших паспорта. Убедившись, что у остальных все в порядке, они смягчились, и тогда Катя, со всеми нашими паспортами и приглашениями, взяла под ручку Абрама Давидовича, шепнула, что ему нужно еще раз произнести свою выборгскую речь, а она переведет, и они отправились к начальству. Пробыв в конторе не менее получаса (даже поезд финны задержали на это время), Катя и Столяр гордо вышли из здания, торжествующе держа в руках паспорта (я это нервно наблюдал с подножки вагона). В купе они рассказали, что пришлось заплатить небольшой штраф. Конечно, мы тут же вытащили бутылку водки, предназначенную для коллег, нехитрую дорожную снедь и поздравили друг друга с необыкновенным исходом. Абрам Давидович произнес тост, в котором славил искусство и дипломатичность Кати, не забыв и свой вклад. Но во всем поезде не было никого счастливее Юрия Александровича, который долго не мог прийти в себя от всей этой фантазмагии, то и дело вытаскивал паспорт, любуясь визой и отметками. Мне даже показалось, что он боялся, что они вдруг исчезнут.

Во время заседаний мы всегда располагались в один ряд: я слева от Столяра, а Катя между старейшинами, чтобы обоим был слышен ее перевод доклада выступающего, вопросы, ответы и комментарии. Она же переводила синхронно и наши выступления, даже мое сообщение, что сама предложила, посоветовав, что так будет лучше, по крайней мере, доходчивей, так что мой титанический переводческий труд не пригодился. Со мной и с Абрамом Давидовичем ей было просто. Правда, Катя сразу предупредила Столяра, что ее перевод не столь красочен, как его речь на русском, поскольку это вообще вряд ли возможно сделать. На это он ответил, что у Саши Козинцева получается. Тогда Катя сослалась, что

у нее в этом отношении мало еще практики, но гарантировала точную передачу смыслового содержания. С Юрием Александровичем было сложнее. Вначале он, сказав половину предложения, ждал перевода, на что Катя сообщила докладчику, что не сможет переводить, не зная окончания начатого, а лучше говорить подряд две-три фразы, тогда будет понятнее для нее и слушателей. Вообще Саватеев очень волновался. В своем выступлении «Общие и особенные черты карельских и скандинавских петроглифов» он успел охарактеризовать только карельские наскальные изображения, завершив фразой, что остальное требует большего времени. К тому же он забыл показать слайды, но нам удалось потом эти слайды продемонстрировать некоторым коллегам, раздобыв проектор и пригласив их вместе с Саватеевым в наш номер (у нас с Абрамом Давидовичем был на двоих роскошный большой номер, а у него маленький, зато одиночный, как и у Кати).

Памятно мне и одно необычное событие. Все шло своим чередом: докладчики сменяли друг друга, я почти все понимал, Катя переводила старшим коллегам, пока на трибуну не поднялся английский археолог Кристофер Ральф Чиппиндейл. Через 5 минут я осознал, что ничего не понимаю, даже смысла не улавливаю. Взглянув на Екатерину, увидел, что она, как-то даже подавшись вперед, что было необычно при ее всегда великолепной осанке, рта не открывает. Выждав еще пару минут, спрашиваю тихо, что он говорит. Она, опять же необычно, несколько раздраженно ответила: «Володя, не мешай». И тут я обратил внимание, что и другие слушатели ерзают и крутят головами, вроде как ища поддержку. Через пару минут Катя сообщила, что может перевести только отдельные слова, которые весь смысл выступления не раскрывают, и дело не в сложности темы, а в ее подаче. Между тем докладчик, закончив, сообщил, уже доступными нам фразами, что, мол, вы прослушали доклад на чистом английском языке, а все до этого выступавшие использовали какой-то Pigeon English. Поскольку запланировано издание материалов конференции, то, будучи уверен, что и все рукописи будут на таком же филологическом уровне изложения, он как редактор журнала *Antiquity* берет за себя преобразовать наши статьи в подобающий английский вид, выделив для

этого целый номер. При этом добавил, что именно так можно достойно отметить 100-летний юбилей Гетеборгского университета, что никаких финансовых поборов для этого не потребуется, и пригласил сдавать рукописи прямо ему. Все дружно зааплодировали и согласились на столь любезное и заманчивое предложение. Сдали все, но вот уже минуло 32 года, а материалы до сих пор не опубликованы. Правда, мы со Столяром давно разуверившись в исполнении обещанного, как, думаю, и остальные, опубликовали эти статьи в других местах. Между собой мы предположили в шуточной форме, что перевод с нашего английского на оригинальный оказался коварно невыполним.

Конференция была задумана широко, условия королевские, помимо докладов были и роскошные двухчасовые церемониальные ужины, многочисленные экскурсии на разные объекты наскального искусства, во время которых происходили знакомства и обмен мнениями. Мы с Абрамом Давидовичем активно во всем участвовали, Катя не только помогала, но и сама успевала налаживать отношения с теми, кто ей был близок по интересам. Саватеева это все как-то тяготило, обычное его заключение буквально по каждому памятнику было таким: «как это не похоже на карельские, совсем не наше», что было, однако, очевидно и до поездки. Оживлялся он только, когда мы посещали музейчики при той или иной группе петроглифов, и всегда просил Катю или меня спросить у музейных сотрудников, какое у них есть оборудование и сколько они получают. Первый вопрос мы передавали и сообщали ему ответ, который он записывал в блокнотик. Второй же не задавали, объясняя, что в этом мире такой вопрос неуместен и даже бестактен. И спрашивали его, зачем это ему знать? На что он без тени смущения отвечал: «Как же, как же, я ведь директор...» И все же в чувстве корпоративности ему не откажешь. Когда как-то вечером, в дождь, объявили, что предполагается пешая экскурсия напрямую через поля и какие-то проволочные ограждения на особую группу петроглифов, которая еще не подкрашена, содержится в «природной чистоте», но фигуры видны только после обильного смачивания водой, ночью, при косом освещении с помощью мощного фонаря. Забавно было видеть людей в гражданской одежде, модных штиблетах, после

изысканного ужина под дождем во мраке бредущих по размокшей пашне, чтобы увидеть и эту группу изображений бронзового века. Были среди них и мы с Катей и Абрамом Давидовичем. И очень удивились, узрев, что в этой вылазке оказался и Юрий Александрович.

За несколько дней до окончания конференции Саватеев спросил, куда мы употребили привезенную водку. Столяр ответил, что оставшуюся после поезда частично понемногу выпили со знакомыми коллегами, частично раздали. Тогда он признался, что положенный к провозу литр у него цел, а дарить такое он не умеет, да и считает это не по статусу. Столяр тут же нашелся, включил свое богатое воображение, вспомнив, что у него припасен шмат сала, несколько огурцов и буханка черного хлеба (блокадник... на черный день), предложил пригласить к нам в номер человек десять коллег на фуршет «полномочного представителя карельской академической науки в Швеции» Юрия Саватеева. Тут же позвали на помощь Катю. И мы с ней быстро соорудили из этих нехитрых компонентов гору маленьких «птифуров», состоявших из квадратного кусочка хлеба, на котором уместили пластинки сала, покрытого сверху долькой огурца. Затем мы с ней обежали номера тех, кого совместно решили пригласить, оповестили, что сбор в номере Столяра через 15 минут, да к тому же заинтриговав тем, что прибыть необходимо со своими стаканами. Пришли все. Узнав повод, учтиво приветствовали Юрия Александровича и поздравляли. Видели бы вы, как эти избалованные местными деликатесами мужчины и женщины, забыв о диетах, уплетали «шедевры» русской смекалки, медленно пригубливая из стаканов сэкономленную водку. До поздней ночи пели песни, конечно, «Катюшу», «Калинку», Столяр подбил на студенческие песни, дошло дело даже до совместного исполнения *Gaudeamus igitur*. Удивительно, что несмотря на позднее время, никто не пришел жаловаться на шум, возможно звукоизоляция стен была очень внушительна, но утром было немало разговоров про ночной «русский прием». Это был звездный час директора Саватеева в Тануме.

Но особенно он приободрился, когда мы уже на обратном пути миновали Выборг, вдруг заявив, что одну бутылочку следовало бы и прибе-

речь. Вот она бы сейчас пригодилась, чтобы отметить окончание этого фантастического путешествия. И надо же, Господь видимо услышал его слова, или нам по-прежнему сказочно везло. Абрам Давидович, выйдя в тамбур, увидел своего ученика, а потом и сослуживца, главного художника Эрмитажа Виктора Павлова, оформившего своими рисунками популярную книгу А. Д. Столяра и Я. В. Доманского «По бесовым следам» 1962 г. с предисловием А. П. Окладникова. Виктор обнял любимого учителя, заглянул в наше купе, представился, моментально оценил обстановку, понял, что все свои, тут же нырнул в свое купе, появился снова у нас уже со всеми вещами и больше не уходил. Оказывается, он был в Выборге в командировке, для дома купил пару бутылок красного сухого бордо, но встретив Абрама Давидовича, решил с нами одну из них распить ради такого случая. И закуска у него нашлась в виде коробки конфет. Все пошло в дело.

С тех пор мы не забывали друг о друге. Были и просто дружеские встречи на разных конференциях, семинарах, полевых экскурсиях, как, например, поездка на канозерские петроглифы в 2007 г., где Катя, уже признанный специалист по наскальному искусству, не только знакомилась с новыми для нее образцами древнего творчества, но и охотно давала комментарии, сравнения, находя параллели с азиатскими петроглифами, которые она знала лучше, чем окружавшие ее там «северяне».

Были и крупные археологические конгрессы, где Катя, уже Екатерина Георгиевна, возглавляла секции по наскальному искусству или даже сама была организатором. На них она тоже вела себя так же просто, приветливо, непринужденно, невзирая на прошедшие годы и изменившиеся статусы. Когда я бывал в Москве по служебным делам в Институте археологии, она всегда радушно приглашала к себе в кабинет, угощала кофе, заинтересованно расспрашивала об экспедиционных новостях и личных успехах, откровенно им радовалась, сама рассказывала о себе, своих делах, планах. Так, от нее я узнавал, что она защитила кандидатскую диссертацию в 1995 г., что вскоре выпустила на основе этого исследования отличную и редкую по тематике книгу «Художественные изделия из камня индейцев Центральной Америки». В этой теме я ничем ей помочь не

Е. Г. и М. А. Дэвлет
в квартире
Марианны
Арташировны.
1990 г.
Фото: К. Нельског.

Экскурсия на наскальные изображения Южной Швеции во время проведения международной конференции в Тануме. 1991 г. Фото: В. Я. Шумкин.

Мурманск. 2007 г. Знакомство с программой Канозерского семинара. К. Хельског, Н. В. Лобанова, Е. Г. Дэвлет. Фото: Д. Е. Жалнин.

В отделе древней истории Мурманского краеведческого музея. 2007 г. Фото: Е. Ю. Гиря.

Начало заседания на Канозерском семинаре в Кировске. Модератор Е. Г. Дэвлет. 2007 г. Фото: Д. Е. Жалнин.

Выступление Е. Г. Дэвлет на Канозерском семинаре в Кировске. 2007 г. Фото: Д. Е. Жалнин.

Только что приземлились в поле около быв. д. Канозеро. 2007 г. Фото: Е. Ю. Гиря.

Плывем к острову Каменный, где находится самая крупная группа петроглифов. На заднем плане – быв. д. Канозеро. 2007 г. Фото: Д. Е. Жалнин.

Первый подход к группе Каменный 7, где самая большая концентрация древних изображений. 2007 г. Фото: Д. Е. Жалнин.

мог, а вот уже для докторской диссертации «Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование» я, зная эту тему, послал ряд фотографий с петроглифами Кольского полуострова и Карелии, которые потом вошли и в монументальную книгу «Мифы в камне. Мир наскального искусства России», написанную вместе с М. А. Дэвлет и изданную в 2005 г. За нее соавторов в 2012 г. заслуженно наградили престижной Забелинской премией Президиума РАН. Впрочем, мы всегда бескорыстно, для общего дела, делились друг с другом статьями, книгами, фотографиями. Я радовался не только научному росту Екатерины, но и служебному, когда в 1997 г. она стала ученым секретарем Диссертацион-

ного совета ИА РАН, а в 2001 г. – ученым секретарем Института, и особенно когда она создала и возглавила Центр палеоискусства, сделав его достойным подразделением прославленного Института археологии.

Очень запомнился мне один визит в 2010 г., когда счастливая молодая мама Екатерина Дэвлет вместе с мужем Эдуардом и маленьким сыном в весенний солнечный день приехали ко мне в гости в квартиру на Ленинском проспекте. По счастливой случайности в тот момент у меня был А. Д. Столяр. Открыл дверь. Вошла Катя, изящно держа в поднятой руке большую гроздь крупного темного винограда. Увидев кроме меня еще и Абрама Давидовича, лучезарно улыбнулась, сказала: «Вот как славненько я выбрала время для встречи», и протянула гроздь профессору. За ней вошли сын и Эдуард, который тут же выложил на стол из сумки и остальные фрукты. Мы пили чай, разговаривали, конечно, ностальгически вспоминали и Танум 1991 года, когда мы были моложе, беззаботнее и все только начиналось (по крайней мере, у меня и у Кати).

Последняя наша длительная встреча пришлось в 2015 г., когда нас, российских археологов – москвичку Екатерину Дэвлет, ее аспиранта из Хабаровска Артура Ласкина, питерцев Владимира Шумкина и Евгения Колпакова – пригласили в норвежскую Альту на конференцию по наскальному искусству, организованную на базе расположенного там крупнейшего в Северной Европе петроглифического центра, находящегося под эгидой ЮНЕСКО. Конференция была посвящена юбилею нашего друга профессора Университета Тромсо Кнута Хельскога. Екатерина, несмотря на недомогание (уже была заметна ее болезнь), внешне выражавшееся в быстрой утомляемости и избегании солнечных лучей (и это досталось ей, вечно неутомомно-активной, обожавшей солнце и самой такой лучезарной...), явно преодолевая себя, внимательно, уже не в первый раз (а оказалось, в последний) рассматривала замысловатые композиции, запечатленные охотниками каменного века на скалах Альты. Активно участвуя в заседаниях юбилейной конференции, не забывала Катя и о других важных делах. Так, она познакомила нас со своим аспирантом Артуром Ласкиным, сказав, что его диссертация по петроглифам Амура практически закончена. А потом уже в приватной беседе попросила меня

Е. Г. Дэвлет на международной конференции ACRA 3 (Perspectives on differences in Rock Art) в Альте (Норвегия). Экскурсия на петроглифы. 2015 г. Фото: А. Р. Ласкин.

посмотреть «свежим глазом» его кандидатскую диссертацию «Петроглифы Сикачи-Аляна: историко-культурный контекст и состояние сохранности», и, если сочту работу приемлемой, то написать на нее отзыв. Так я и сделал, а в следующем году Артур успешно защитился и стал кандидатом исторических наук. В этом была вся Екатерина, при внешней строгости и напористости очень тактичная, доброжелательная и заботливая.

По рассказам Марианны Арташировны, а особенно ее давней близкой приятельницы Маргариты Николаевны Пшеницыной, знавшей Катю с раннего детства (молодые тогда мамы, помимо дружеских отношений,

Последняя длительная встреча на международной конференции ACRA 3 (Perspectives on differences in Rock Art) в Альте (Норвегия). Е. Г. Дэвлет, В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков. 2015 г. Фото: А. Р. Ласкин.

делились и обменивались детскими вещами, с приобретением которых было сложно в то время), маленькая Катя была очень активным очаровательным «многоцелевым» ребенком. Чем только она ни увлекалась: танцами, театром, горными лыжами, парапланеризмом, – и, уверен, в каждом из них могла бы достичь хороших результатов. Но пересилило все научное дело мамы и, конечно, «вращение» среди самых известных археологов России. Она выбрала археологическую стезю и, как и мама, занялась изучением древних форм искусства, оставаясь всю жизнь верной этому научному направлению. Не растеряв навыков своих детско-юно-

Выступление Е. Г. Дэвлет на международной конференции ACRA 3 (Perspectives on differences in Rock Art) в Альте (Норвегия). 2015 г. Фото: А. Р. Ласкин.

шеских увлечений, проявив силу воли, целеустремленность, талант и самостоятельность, добилась очень высоких достижений. Причем широта направленности занятий тоже сохранилась в характере Екатерины. Среди главных нагрузок, помимо защит и забот ученого секретарства, она вела курсы «Археология», «Первобытное искусство», «История и культура доколумбовой Америки» для историков и искусствоведов в Мезоамериканском центре имени Ю. В. Кнорозова при РГУ, за что в 2007 г. удостоилась звания профессора истории и теории исторической науки, руководила студенческой практикой и работой аспирантов в родном институте.

Е. Г. Дэвлет на международной конференции ACRA 3 (Perspectives on differences in Rock Art) в Альте (Норвегия). Морская прогулка. 2015 г. Фото: А. Р. Ласкин.

Она была членом редколлегии в пяти крупных археологических журналах, являлась членом Международного комитета по наскальному искусству ИКОМОС, совета при Президенте Республики Башкортостан по сохранению пещеры Шульган-Таш (Каповой), активным участником дискуссии о включении памятников наскального искусства России в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, вице-президентом и президентом (в 2005–2008 гг.) Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Активно участвовала в организации и проведении археологических съездов и конгрессов, многочисленных выставок по древнему

Международная конференция «Мир наскального искусства». Презентация книги Е. Г. и М. А. Дэвлет «Мифы в камне. Мир наскального искусства России». Москва, 2005 г. Фото: И. Ю. Георгиевский.

Фото на с. 308.

Международная конференция «Мир наскального искусства». Москва, 2005 г. Фото: И. Ю. Георгиевский.

Слева вверху: Открытие конференции. Е. Г. Дэвлет, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко.

Справа вверху: М. А. Дэвлет, А. П. Деревянко, Н. Д. Праслов, Д. Г. Савинов.

Слева внизу: К. Хельског и М. А. Дэвлет.

В центре внизу: М. А. Дэвлет и Д. Г. Савинов.

Справа внизу: На выставке. М. А. Дэвлет и Е. А. Миклашевич.

искусству у нас в стране и за рубежом, инициировала и руководила созданием электронно-информационных интернет-ресурсов «Петроглифы Северной Евразии» и «Петроглифы Пеггымеля». Не забывала и про сугубо научную сторону своей деятельности, опубликовав более 300 статей и 7 монографий, немало количество из которых написаны на английском языке, или переведены на другие языки мира (испанский, корейский, китайский).

Это очень солидный научный вклад даже для ученого-долгожителя, а ведь Екатерине Георгиевне судьбой было отпущено менее 30 лет активной творческой жизни. Она ушла от нас в вечность на самом пике яркой научной деятельности. Конечно, ее книги и статьи будут читать и перечитывать нынешние коллеги и будущие поколения не только специалистов, но и тех, кто интересуется историей, искусством. Очень многое ею сделано и по документации, инвентаризации, сохранению памятников наскального искусства. Особо надо отметить созданный ею Центр палеоискусства, для успешной прорывной работы которого ей удалось создать основательную техническую оснащенность и с помощью приглашенных специалистов – археологов, трасологов, химиков, физиков – осуществлять междисциплинарный подход в изучении наскального искусства. Это научное подразделение Института археологии РАН, единственное по сконцентрированным целям и задачам во всей структуре отечественных гуманитарных учреждений Академии наук, успешно продолжает и по сей день свою деятельность.

С Марианной Арташировой я познакомился позднее, по-моему, в первый раз на конференции в Москве. Конечно, не только из рассказов Кнута Хельскога, А. Д. Столяра и Екатерины знал о таком крупном исследователе наскального искусства. Читал ее некоторые статьи, книги, но поскольку почти все они были по сибирской тематике, а там все заслоняла фундаментальная фигура А. П. Окладникова с его огромным количеством публикаций, а я более тяготел к изучению европейских памятников, то более внимательно вчитывался в написанное по наскальному искусству другими авторами, помимо зарубежных, например, В. И. Равдоникасом, А. М. Линевским, А. А. Формозовым, Ю. А. Саватеевым, А. Д. Сто-

ляром и др. Катя любезно познакомила нас на одном из заседаний с мамой, М. А. Дэвлет, и я убедился, что радушие, уважительное отношение и участливость – это семейные традиции. Потом и на других научных мероприятиях я еще более утвердился в этом первом впечатлении. После моего доклада Марианна Арташировна отвела меня подальше от участников и без менторского тона, дружелюбно, но строго академически, указала на мои неточности и посоветовала не высказывать всего, что я знаю («не растекаться мыслью по древу»), а говорить только по заявленной теме. При каждой встрече она, видимо, под влиянием рассказов Екатерины о нашей совместной поездке в шведский Танум, подходила, участливо расспрашивала о новых полевых и иных исследованиях, успехах и проблемах, дарила свои книги и статьи, иногда пересылала их с М. Н. Пшеницыной, с которой мы жили по соседству (даже это обстоятельство учитывала). Я старался по мере сил отвечать ей и Кате тем же.

Как-то раз во время конференции в Эрмитаже, увидев меня, сидевшего во время перерыва на какой-то мраморной лавочке, расположенной у стенки в зале (это было лет 10 тому назад, когда я уже имел проблемы с ногой и ходил с тростью), она подошла, я, конечно, встал, поздоровался. Завязалась приятная интересная (для меня, по крайней мере) беседа. Вдруг Марианна Арташировна через несколько минут, всплеснув как-то по-девичьи руками, полувскрикнула: «Ну что же я такая бестолковая, Вы ведь конечно никогда не присядете в присутствии стоящей дамы». И тут же села на лавочку, приказав мне поступить так же. Только великодушный человек, относящийся без особого почитания к своей личности, но глубоко участливый к другим, мог произнести такую фразу и продолжить ее делом. В процессе разговора я спросил, почему Кати нет среди участников. Она тут же рассмеялась молодым звонким смехом и ответила шутливо: «двум Дэвлетам на одной площадке тесно, неужели вам всем меня мало...» Потом посмотрела на меня и добавила: «Конечно, шучу. У Катюши дел накопилось по заботам ученого секретаря и ее новому Отделу. Разгребают там, в Институте. Но Вам от нее большой привет». Объяснение шутки было излишне, так как сам многократно наблюдал их вместе на различных конференциях, и про нагрузки Екатерины Геор-

гиевны был хорошо осведомлен, поражаясь тому, как это она умудряется все это совмещать и достойно выполнять.

Ученица Сергея Владимировича Киселева, Марианна Арташировна Дэвлет, без сомнения выдающийся исследователь древней культуры и искусства Центральной Азии и Южной Сибири, имевшая более 300 публикаций, в том числе 17 монографий, прожившая долгую, полную и радостных событий, и утрат, жизнь, оставившая после себя немало учеников и последователей, осуществила еще одну важную миссию на этой земле, родив и воспитав такую замечательную, талантливую дочь. Прославленная археологическая семья Дэвлет оставила о себе добрую память, которую будут хранить все знавшие Марианну Арташировну и Екатерину Георгиевну или читавшие / читающие их труды.

Работа выполнена в рамках ФНИ ГАН Отдела палеолита ИИМК РАН
«Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012)

V. Ya. Shumkin

Institute of the History of Material Culture, RAS St. Petersburg, Russia

ARCHEOLOGICAL FAMILY OF THE DEVLETS

Прощайте, М. А. ... М. А. ...

М. А. Марианна Арташировна. Прекрасное имя. Отчество – загадка. И в кажущейся простоте – совсем непростой характер, многие черты которого унаследовала ее дочь, незабвенная Екатерина Дэвлет.

Знакомство наше длилось практически четверть века. Были времена, когда мы всей семьей наведывались на ее званные обеды. Младшенькая лежала поперек дивана, старшая порывалась поиграть с граненой зеленоватой рюмкой и во все глаза смотрела на бесчисленное количество книг, хотя и в нашем доме их всегда было предостаточно. От хозяйки исходила бесконечная доброта, прекрасно сочетавшаяся с чудесной врожденной ироничностью. Причем и в последующие годы на вопрос: «Марианна Арташировна, как дела, как Вы?», ответ был неизменный: «Да жива пока...» Как же сейчас не хватает этого голоса, этой иронии, этой фразы, этого безмерного интереса к жизни дорогой моему сердцу Марианны Арташировны Дэвлет.

Вечно загруженная Катя часто говорила: «Ты звони почаще, а то некому провести ей политинформацию...» С каким интересом она слушала про все на свете: выпущенные сборники, юбилеи, наши работы на Енисее, про кафедру, про каждого, о ком заходила речь. И о книгах... Стоило мне обмолвиться, что я хочу собрать хорошую библиотечку на кафедре для наших магистрантов-археологов, как она приложила максимум усилий для того, чтобы каким-то образом передать коробки с книгами в Кемерово. Уже закрылась наша магистерская программа, но язык не поворачивался сказать ей, что уже это не так остро и актуально...

Пришла на память одна удивительная фраза, приоткрывшая одну из тайн этого удивительного характера. Вышел в свет прекрасный, хоть и по печальному поводу изданный сборник, посвященный памяти Екатерины Георгиевны, в который вошли многие неизвестные мне фотографии, очень интересные воспоминания тех, кто ее знал. К слову, в последние несколько лет жизни этот сборник был настольной книгой у МА.

Каждый звонок начинался с благодарности за него, что получился он «блестящим», и рассказами о том, что она его опять перечитывала и перечитывала. В этом сборнике есть прекрасная статья Алены Левановой о путешествии Екатерины Георгиевны в Мексику. И много раз Марианна Арташировна пересказывала истории про Катины подвиги, про то, как Катя со сломанной рукой...

И вот, памятуя о том, что еще в 1980-х годах, когда я позванивала МА и передавала Кате приветы, часто слышала в ответ: «Да нет ее сейчас. Катается на лыжах где-то (и следовало название гор и стран)». А, между прочим, даже не знаю, было ли девочке тогда хоть лет двадцать. Это сейчас детсадовские карапузы катаются на лыжах и сноубордах, а тогда... И вот я задаю сакраментальный вопрос: «Марианна Арташировна! И как же Вы – мать, отпускали Катю в такие дали? То в Мексику, то в горы черт-те куда?» В душе я надеялась услышать солидарный материнский ответ: «Олечка, ну что было делать. Можно ли этот вихрь удержать?» Нет! В ответ я услышала: «А что такого?!» И, как говорится: все мне ясно стало теперь...

Спасибо, дорогая Марианна Арташировна, за уроки, за Вашу жизненную стойкость, за Вашу дружбу, за все тепло, которое я получила от Вас, и, конечно же, Ваш жизненный пример. А о Вашем служении науке уже сказано и написано немало. Низкий Вам поклон.

Когда стало известно, что больше нет нашей МА, стало так пронзительно больно. Это случилось летом, хотя уже весной после восторженных моих рассказов про наши открытия на дне Красноярского водохранилища, ее многозначительное «М-даа...» прозвучало совсем не как обычно... Не хочется говорить избитых фраз про то, что уходит целая эпоха – так было, есть и будет, но ушел особый для многих человек – наша «Петроглифическая Мать», наша МА. МАМА.

О. С. Советова

Раскопки в Тодже. Тува, 1970 г.

Тоджа, Азас. Тува, 1971 г.

Тоджа. Тува, 1970 г.

Ак-Тал. Тува, 1973 г.

Экспедиционный транспорт. Саянский каньон Енисея. Тува.

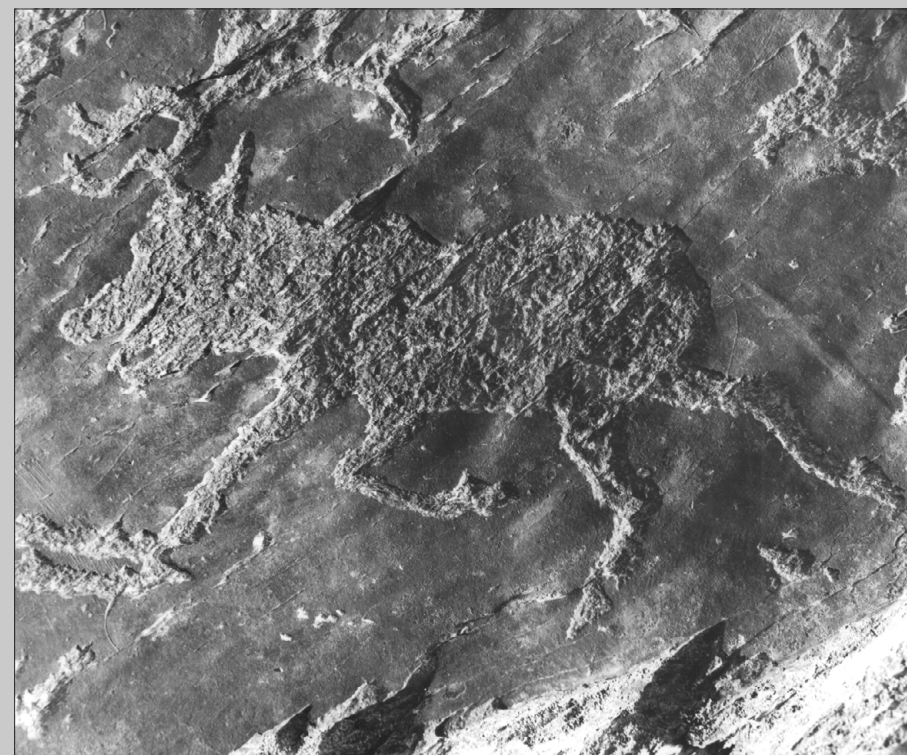
Сборы лагеря экспедиции на берегу Енисея. Тува, 1977 г.

Стеларий музея в Кызыле. Тува, 1975 г. В центре – Д. Д. Васильев.

Мугур-Саргол. Енисей. Тува, 1975 г.

Человек издавна пытался осмыслить свое место в мироздании, объяснить причину извечного цикла умирания и возрождения природы, рождения и смерти, борьбы света и тьмы, смены дня и ночи. Композиция у подножия горы Алды-Мозага исключительно интересна с точки зрения представлений древних жителей Верхнего Енисея о мире, о смене дня и ночи, о прошлом и будущем, о круговороте жизни и смерти.

М. А. Дэвлет. Три наскальные композиции из Тувы // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995.

Алды-Мозага. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5	Леванова Е. С., Свойский Ю. М., Романенко Е. В., Бове Л. Л., Зиганшина А. А., Павлов Д. М. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПЕГТЫМЕЛЬ: ИТОГИ ПЕРВЫХ ПОЛЕВЫХ СЕЗОНОВ (2021–2022 гг.)	171
Король Г. Г. ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. А. ДЭВЛЕТ И ВОЗМОЖНОСТИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ	15	Медникова М. Б., Сапрыкина И. А., Тарасова А. А., Яковчик М. С., Чечеткина О. Ю., Леванова Е. С. ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРЕПА С ГОЛОВНЫМ УБОРОМ ИЗ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА АЗАС 1 В ТУВЕ	182
Леванова Е. С. ПЕТРОГЛИФЫ НА ДНЕ САЯНСКОГО МОРЯ. ХРОНИКА СОБЫТИЙ ПО ОТЧЕТАМ М. А. ДЭВЛЕТ	26	Монгуш К. М. КУРГАНЫ РАННЕГО ЭТАПА УЮКСКО-САГЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА У ГОРЫ БОШ-ДАГ В ТУВЕ (материалы раскопок М. Х. Маннай-оола 1964 г.)	191
Миклашевич Е. А. ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ МАРИАННОЙ АРТАШИРОВОЙ ДЭВЛЕТ	65	Пономарева И. А. ИЗОБРАЖЕНИЯ ШАМАНОВ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ	205
Заика А. Л. М. А. ДЭВЛЕТ О МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ	99	Привалихин В. И., Дроздов Н. И. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ	217
Миклашевич Е. А. КОММЕНТАРИИ К ПУБЛИКАЦИИ РУКОПИСИ М. А. ДЭВЛЕТ О ПАМЯТНИКАХ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ЕНИСЕЯ	105	Русакова И. Д. КУЛЬТОВОЕ МЕСТО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА БОЯРСКОМ ХРЕБТЕ В ХАКАСИИ	226
Дэвлет М. А. ПАМЯТНИКИ ЕНИСЕЯ. ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО	106	Савинов Д. Г. МАЙСКАЯ ПИСАНИЦА, АНГАРСКИЙ СТИЛЬ И ШИРОТНАЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПЕТРОГЛИФОВ	251
Вдовин А. С., Макаров Н. П. А. В. АДРИАНОВ И КРАСНОЯРСКИЙ ПОДОТДЕЛ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	126	Семенов Вл. А. КРАШЕННЫЕ РИСУНКИ САЯНСКОГО КАНЬОНА ЕНИСЕЯ	265
Зоткина Л. В. «МИНУСИНСКИЙ» СТИЛЬ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ И ИХ АТРИБУЦИИ	137	Советова О. С., Шишкина О. О. ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ РИСУНКОВ НА КАМНЯХ ТАГАРСКИХ КУРГАНОВ (на примере Тепсейского археологического микрорайона)	269
Килуновская М. Е. РИТУАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТУВЕ	144		
Ковалев А. А. ВСЕМОГУЩЕСТВО ТОПОРА: ЧЕМУРЧЕКСКИЕ АНТРОПОМОРФЫ И КЕРНОСОВСКИЙ ИДОЛ	154		

Чугунов К. В. НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, ЧЕГО НЕТ (по следам бесед с М. А. Дэвлет)	283
Широков В. Н. ПШЁНСКАЯ ПИСАНИЦА В ДОЛИНЕ РЕКИ ТАГИЛ (СРЕДНИЙ УРАЛ)	287
Шумкин В. Я. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ ДЭВЛЕТ	299
Советова О. С. Прощайте, М. А. ... М. А.	311
Содержание	316

The Path of Millennia. In Memory of M. A. Devlet / Edited by G. G. Korol & E. A. Miklashevich. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2023. 320 p. *Occasional Publications of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers. Vol. XIII.*

ISBN 978-5-94375-430-2

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2

The collection of scholarly papers is dedicated to the memory of Marianna Devlet, an outstanding Russian researcher in various fields ranging from rock art and archaeology of South Siberia and Central Asia to museography and history of archaeology. The book contains papers about M. A. Devlet and on various aspects of her scholarly activity, as well those on topical problems in ancient art and material culture, and on the history of archaeology. The edition features numerous photographs and other materials from M. A. Devlet's archive. The chronological coverage of the materials published ranges from the Neolithic to the Middle Ages, while geographical scope of sites and on objects under discussion includes various regions of Central and North Asia. The publication is intended for archaeologists, historians, art historians, museum workers and all those interested in ancient art.

CONTENTS

<i>Foreword</i>	5
Korol G. G. SPIRITUAL ASPECT OF PREHISTORIC ART IN THE STUDIES OF M. A. DEVLET AND THE CAPABILITIES OF FOLKLORE SOURCES	15
Levanova E. S. PETROGLYPHS AT THE BOTTOM OF THE SAYAN SEA: TIMELINE OF EVENTS BASED ON M. A. DEVLET'S REPORTS	26
Miklashevich E. A. INVESTIGATION OF ROCK ART SITES IN THE MINUSINSK BASIN BY MARIANNA A. DEVLET	65

Zaika A. L. M. A. DEVLET ON THE TECHNIQUES FOR FIELD INVESTIGATIONS OF PETROGLYPHS	99	Ponomareva I. A. DEPICTIONS OF SHAMANS IN THE ROCK ART OF TRANS-BAIKAL: NEW MATERIALS	205
Miklashevich E. A. COMMENTS ON THE PUBLICATION OF THE MANUSCRIPT ON THE ROCK ART SITES OF THE YENISEI BY M. A. DEVLET	105	Privalikhin V. I., Drozdov N. I. NEW MATERIALS CONCERNING THE EARLY IRON AGE FROM THE NORTHERN TERRITORIES OF KRASNOYARSK KRAI	217
Devlet M. A. ROCK ART SITES OF THE YENISEI. UNPUBLISHED MATERIALS	106	Rusakova I. D. THE LATE BRONZE AGE CULT PLACE ON THE BOYAR RIDGE IN KHAKASSIA	226
Vdovin A. S., Makarov N. P. A. V. ADRIANOV AND THE KRASNOYARSK SUBDIVISION OF THE RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY	126	Savinov D. G. MAYSKAYA ROCK ART SITE, ANGARA STYLE AND LATITUDINAL ROCK ART COMMUNICATION	251
Zotkina L. V. "MINUSINSK" STYLE IN ROCK ART OF THE MINUSINSK BASIN: IMAGE CONSTRUCTION METHOD AND ATTRIBUTION	137	Semenov V. I. A. THE ROCK PAINTINGS OF THE SAYAN CANYON OF THE YENISEI	265
Kilunovskaya M. E. RITUAL SITES OF THE BRONZE AGE IN TUVA	144	Sovetova O. S., Shishkina O. O. PROBLEMS OF DOCUMENTING IMAGES ON THE STONES OF THE TAGAR CULTURE KURGANS (by the example of the Tepsey Archaeological Microdistrict)	269
Kovalev A. A. OMNIPOTENCE OF THE AXE: CHEMURCHEK ANTHROPOMORPHS AND THE KERNOSOVO STELE ...	154	Chugunov K. V. SOME THOUGHTS ABOUT WHAT DOESN'T EXIST (remembering conversations with M. A. Devlet)	283
Levanova E. S., Svoyskiy Yu. M., Romanenko E. V., Bove L. L., Ziganshina A. A., Pavlov D. M. RETURN TO PEGTYMEL: RESULTS OF THE FIRST FIELD SEASONS (2021–2022)	171	Shirokov V. N. PSHENSKAYA ROCK ART SITE IN THE TAGIL RIVER VALLEY (MIDDLE URALS)	287
Mednikova M. B., Saprykina I. A., Tarasova A. A., Yakovchik M. S., Chechetkina O. Yu., Levanova E. S. EXPERIENCE OF COMPREHENSIVE INTERDISCIPLINARY STUDY OF A SKULL WITH HEADDRESS FROM EXCAVATIONS OF THE AZAS I BURIAL IN TUVA	182	Shumkin V. Ya. ARCHEOLOGICAL FAMILY OF THE DEVLETS	299
Mongush K. M. KURGANS OF THE EARLY UYUK-SAGLY CULTURE FROM BOSH-DAG CEMETERY IN CENTRAL TUVA (on the materials from excavations by M. Kh. Mannai-ool in 1964)	191	Sovetova O. S. Goodbye forever, M. A. ... M. A.	311
		Contents	317

Научное издание

Тропою тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет

Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XIII

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Технический редактор: А. В. Меньшиков

Макет: Е. А. Миклашевич

Подписано к печати 06.12.2023. Заказ № 3239. Тираж 300.
Формат 60×90 $\frac{1}{8}$. Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. п. л. 40,0. Уч.-изд. л. 37,3.
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН.
Отпечатано ООО «Принт». 426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

ISBN 978-5-94375-430-2

Издания СИБИРСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

- **Международная конференция по первобытному искусству.** Тезисы. Кемерово, 1998.
- **Вестник САИПИ. SAPAR Bulletin.** Вып. 1. 1998.
- **Международная конференция по первобытному искусству.** Труды. Том I. Кемерово, 1999.
- **Международная конференция по первобытному искусству.** Труды. Том II. Кемерово, 2000.
- **Вестник САИПИ. SAPAR Bulletin.** Вып. 2. 2000.
- **Вестник САИПИ. SAPAR Bulletin.** Вып. 3. 2000.
- **Вестник САИПИ. SAPAR Bulletin.** Вып. 4. 2001.
- **Вестник САИПИ. SAPAR Bulletin.** Вып. 5. 2002.
- **Руссо А. Глоссарий палеолитического искусства.** *Перевод с франц.* Кемерово, 2003.
- **Вестник САИПИ. SAPAR Bulletin.** Вып. 6–7. 2003–2004.
- **Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения).** Кемерово, 2004. (Труды САИПИ. Вып. I).
- **Пегтымельская тетрадь / The Pegtymel working papers.** *На англ. и рус. яз.* М., 2006.
- **Миклашевич Е. А. Rock Art Research in North and Central Asia 1995–1999 / Исследования наскального искусства Северной и Центральной Азии в 1995–1999 гг.** *На англ. и рус. яз.* Кемерово, 2007. Труды САИПИ. Вып. II.
- **Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии.** Мат-лы конф. Барнаул, 2007. Труды САИПИ. Вып. III.
- **Тропой тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет.** Сб. науч. ст. Кемерово, 2008. Труды САИПИ. Вып. IV.
- **Рисунки на скалах / Art on the rocks.** Календарь на 2009 г. Кемерово, 2008.
- **Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки.** М.; Кемерово, 2008. Труды САИПИ. Вып. V.
- **Рисунки на скалах / Art on the rocks.** Календарь на 2010 г. Кемерово, 2009.
- **Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии.** Сб. науч. ст. Барнаул, 2010. Труды САИПИ. Вып. VI.
- **Древняя и средневековая торевтика Алтая / Ancient & Medieval Toreutics of the Altai.** Календарь на 2011 г. Кемерово, 2010.
- **Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова.** Сб. науч. ст. Кемерово, 2011. Труды САИПИ. Вып. VII.
- **Древнее искусство Сибири / Ancient Art of Siberia.** Календарь на 2012 г. Кемерово, 2011.
- **Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы.** Мат-лы между. науч. конф. В 2-х томах. Кемерово, 2011. Труды САИПИ. Вып. VIII.
- **Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии.** Сб. науч. ст. М.; Кемерово, 2012. Труды САИПИ. Вып. IX.
- **Оленные камни Монголии / Deer stones of Mongolia.** Календарь на 2013 г. Кемерово, 2012.
- **Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лынищенская. Улазы III. Сосниха.** Сб. науч. ст. Кемерово, 2012. Труды САИПИ. Вып. X.
- **Наскальное искусство Алтая / Rock art of the Altai.** Календарь на 2014 г. Кемерово, 2013.
- **Марианна Арташировна Дэвлет. Библиография.** Кемерово, 2014.
- **Монументальное искусство кочевников средневековья / Monumental art of the Medieval nomads.** Календарь на 2015 г. Кемерово, 2014.
- **Шаманы в наскальном искусстве Сибири / Shamans in rock art of Siberia.** Календарь на 2016 г. Кемерово, 2015.
- **Затонувшие шедевры / Flooded masterpieces.** Календарь на 2017 г. Кемерово, 2016.
- **Древнее искусство Алтая / Ancient art of the Altai.** Календарь на 2018 г. Кемерово, 2017.
- **Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1).** Сб. науч. ст. М.; Кемерово, 2017. Труды САИПИ. Вып. XI.
- **Лошади в наскальном искусстве Евразии / Horses in the rock art of Eurasia.** Календарь на 2019 г. Кемерово, 2018.
- **Древнейшее искусство России / The oldest art of Russia.** Календарь на 2020 г. Кемерово, 2019.
- **Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2).** Сб. науч. ст. М.; Кемерово, 2019. Труды САИПИ. Вып. XII.
- **Наскальное искусство Кузбасса / Rock art of the Kuzbass.** Календарь на 2021 г. Кемерово, 2020.
- **Наскальное искусство Чукотки / Rock art of Chukotka.** Календарь на 2022 г. Кемерово; Москва, 2021.
- **Тропой тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет.** Сб. науч. ст. М., 2023. Труды САИПИ. Вып. XIII.

Адрес для контактов: SiberianAssociation@yandex.ru